

ВЕСТНИК
МОСКОВСКОГО
УНИВЕРСИТЕТА

MOSCOW
UNIVERSITY
BULLETIN

Moscow University Bulletin

JOURNAL

founded in November 1946
by Moscow University Press

Series 9

PHILOLOGY

NUMBER FIVE

SEPTEMBER – OCTOBER

Published in 6 issues per year
on behalf of the Faculty of Philology
by Moscow University Press

Moscow University Press • 2020

Вестник Московского университета

НАУЧНЫЙ ЖУРНАЛ

Основан в ноябре 1946 г.

Серия 9

ФИЛОЛОГИЯ

№ 5

СЕНТЯБРЬ – ОКТЯБРЬ

Выходит один раз в два месяца

Издательство Московского университета • 2020

РЕДАКЦИОННАЯ КОЛЛЕГИЯ:

Главный редактор — д. ф. н., проф. **М.Л. Ремнёва**

Зам. главного редактора по лингвистике — д. ф. н., проф. **И.М. Кобозева**

Зам. главного редактора по литературоведению — д. ф. н., проф. **В.М. Толмачёв**

Отв. секретарь по лингвистике — д. ф. н., проф. **С.В. Князев**

Отв. секретарь по литературоведению — д. ф. н., проф. **Г.В. Зыкова**

Оргсекретарь — к. п. н., доц. **И.Э. Стрелец**

Выпускающий редактор англ. версии — к. ф. н., доц. **Д.С. Мухортов**

Члены редколлегии:

д. ф. н., проф. **О.В. Александрова**; к. ф. н., доц. **А.Е. Беликов**; д. ф. н., проф. **Т.Д. Венедиктова**; д. ф. н., проф. **Д.П. Ивинский**; д. ф. н., проф. **А.И. Изотов**; д. ф. н., проф. **С.И. Кормилов**; д. ф. н., проф. **Н.Т. Пахсарьян**; д. ф. н., проф. **Е.В. Петрухина**; д. ф. н., проф. **А.И. Солопов**; д. ф. н., проф. **С.Г. Татевосов**; д. ф. н., ст. науч. сотр. **О.Е. Фролова**

ЧЛЕНЫ МЕЖДУНАРОДНОГО РЕДАКЦИОННОГО СОВЕТА:

АМАТУЦЦИ Антонелла (Antonella AmatuZZi), PhD, профессор (Италия, Туринский ун-т); БЁМИГ Михаэла (Michaela Bohmig), PhD, профессор (Италия, Неаполитанский ун-т); БЕНТЦИНГЕР Рудольф (Rudolf Bentzinger), PhD, профессор, академик (Германия, Берлин-Бранденбургская академия наук); ВАВЖИНЬЧИК Ян (Jan Wawrzyńczyk), PhD, профессор (Польша, Варшавский ун-т); ВЕРЛИНСКИЙ Александр Леонардович, д.ф.н., профессор (Россия, СПбГУ); ВОЛЬФ Юрген (Jurgen Wolf), PhD, профессор (Германия, Марбургский ун-т); ГУГНИН Александр Александрович, д.ф.н., профессор (Беларусь, Полоцкий гос. ун-т); ДЕ ЛАНДШИР Кристл (Christl De Landtsheer), PhD, профессор (Бельгия, Антверпенский ун-т); ДЕМЬЯНКОВ Валерий Закиевич, д.ф.н., профессор (Россия, ИЯ РАН); ДЁЙЧ-КОРНБЛАТТ Джудит (Judith Deutsch Kornblatt), PhD, профессор (США, ун-т Висконсина); ДЫБО Анна Владимировна, д.ф.н., профессор, член-корреспондент РАН (Россия, ИЯ РАН); ЗАБОТКИНА Вера Ивановна, д.ф.н., профессор (Россия, РГГУ); ЗОЛотова Татьяна Аркадьевна, д.ф.н., профессор (Россия, Марийский гос. ун-т); ИНЬКОВА-МАНЗОТТИ Ольга Юрьевна (Olga Inkova-Manzotti), д.ф.н., профессор (Швейцария, Женевский ун-т); ЙОВАНОВИЧ Томислав (Томислав Јовановић), PhD, профессор (Сербия, Белградский ун-т); ЛАШРЕ-ДЮЖУР Анн (Anne Lacheret-Dujour), PhD, профессор (Франция, ун-т Западный Париж — Нантер); ЛЕЙТИ Марли Куадрус (Marli Quadros Leite), PhD, профессор (Бразилия, ун-т Сан-Паулу); МЕДВЕДЕВА Галина Витальевна, д.ф.н., профессор (Россия, Иркутский гос. ун-т); МИРЧЕВСКА-БОШЕВА Биляна (Билјана Мирчевска-Бошева / Biljana Mirčevska-Boševa / Biljana Mirchevska-Boševa), PhD, профессор (Македония, ун-т Свв. Кирилл и Методия); МОТТИРОНИ Эжени (Eugénie Mottironi), PhD, профессор (Швейцария, Женевский ун-т); МУСТАЙОКИ Арто (Arto Samuel Mustajoki), PhD, профессор (Финляндия, Хельсинский ун-т); НЕМЕЦ-ИГНАШЕВА Диана Осиповна (Diane O. Nemes-Ignashev), PhD, профессор (США, Карлтон Колледж); НЕССЕЛЬБАТ Хайнц-Гюнтер (Heinz-Günther Nesselrath), PhD, профессор, академик (Германия, Геттингенский ун-т); НИВА Жорж (Georges Nivat), PhD, профессор (Франция, Европейская академия); КАВАЛЬЕРЕ Арлете Орландо (Arlete Orlando Cavaliere), PhD, профессор (Бразилия, ун-т Сан-Паулу); ПАЛМЕР Найджел Фентон (Nigel Fenton Palmer), PhD, профессор (Великобритания, Оксфордский ун-т); ПОЛОНСКИЙ Вадим Владимирович, д.ф.н., профессор (Россия, ИМЛИ РАН); РАСКИНИ Элиза (Elisa Raschini), PhD, профессор (Франция, Эколь Нормаль); РОБЕРТС Джейн (Jane Roberts), PhD, профессор (Великобритания, ун-т Лондона); САРАНЦАЦРАЛ Цэрэнчимэдийн (TSérénchimediiin Sarantsatsral), д.ф.н., профессор (Монголия, Монгольский гос. ун-т); УХЛИК Младен (Mladen Uhlik), PhD, доцент (Словения, ун-т Любляны)

Редактор *И.В. Луканина*

СОДЕРЖАНИЕ

К 75-летию Великой Победы

<i>Пауткин А.А.</i> Один день войны в повести В. Астафьева «Пастух и пастушка» (события, источники, образ)	9
---	---

Падуанская школа славистики

<i>Дерганц А., Руволетто Л.</i> Славистический центр в Падуанском университете	19
<i>Бенаккьо Р., Славкова С.</i> Видовременные формы глагола в инструктивном дискурсе в русском и болгарском языках: кулинарные рецепты	28
<i>Биазио М.</i> Заметки о видовременных свойствах глаголов купли-продажи в русском и сербохорватском языках	46

Статьи

<i>Волошина О.А.</i> Пратьяхары и анубандхи как метаязык грамматики Панини ..	60
<i>Онуфриева Е.С., Тресорукова И.В.</i> Формирование фразеологизмов-конструкций на основе прецедентных высказываний (на примере новогреческой конструкции <i>θα ρ, αλλα θα ειναι σαν να μην ρ / ρ'</i>)	71
<i>Тихонова О.В., Шакунова Л.А.</i> Датировка на алхамиадо в документах архива толедских мосарабов	84
<i>Меищерякова Е.А.</i> О некоторых переводческих установках в церковнославянских переводах «Церковных анналов» Цезаря Барония конца XVII – середины XVIII в. (на материале перевода синонимичной и многозначной лексики)	96
<i>Ковригина Е.А.</i> Об архаических элементах в семантике приставочных дериватов глагола <i>болеть</i> в пространстве диалекта	108
<i>Чаплик В.А.</i> К вопросу о статусе паронимических неологизмов	116
<i>Красносельская Ю.И.</i> Война как выборы, выборы как война: модели представительства в «Войне и мире» и «Анне Карениной» Л.Н. Толстого	125
<i>Потницева Т.Н.</i> «Как много дум наводит он...» (Загадки стихотворения Э. По «Колокола»)	141
<i>Сюз Чэнь.</i> Голод как образ и социофакт («Солнце мёртвых» И. Шмелёва и «Голод как фактор» П. Сорокина)	152
<i>Фролкина Д.И.</i> Понятие зрелости в хронотопических представлениях северян (повесть Тэки Одулока «Жизнь Имтеургина-Старшего»)	160
<i>Асадов И.С.</i> Характер и судьба героини в романе А. Моравиа «Чочара»	168
<i>Пападопуло М.М.</i> Концепция истинной любви в сборнике новелл Жанны Флор	176
<i>Багаева А.Ф.</i> Восточный вопрос на страницах «Отечественных записок» Н.А. Некрасова	184

Приглашаем к дискуссии

<i>Оболенская Ю.Л.</i> Филологическое образование в новом социокультурном и технологическом контексте	195
---	-----

Из архива

<i>Соболев Л.И.</i> Из переписки П.А. Вяземского с П.И. Бартевым	206
--	-----

Рецензии

<i>Белова Т.Н.</i> Л и в е р г а н т А. Я. Вирджиния Вулф: «Моменты бытия». М.: АСТ, 2018	215
---	-----

Научная жизнь

<i>Назарова А.В.</i> VI Международная научная конференция «Русская литература XX–XXI вв. как литературный процесс (проблемы теории и методологии изучения)»	219
<i>Сырысева Д.Ю.</i> Круглый стол «Поколение 1899 года (А.П. Платонов, Ю.К. Олеша и др.)», филологический ф-т МГУ, 10 декабря 2019 г.	224

Юбилей

<i>Белова М.Н.</i> Елена Васильевна Тимонина	229
--	-----

Памяти...

<i>Михайлова М.В., Руденко М.С.</i> Сергей Иванович Кормилов	233
<i>Ананьева Н.Е., Тыртова Г.П.</i> Владимир Павлович Гудков	236

CONTENTS

Celebrating 75th Victory Day

- Pautkin A.* One Day of War in V. Astafiev's Story "The Shepherd and the Shepherdess" (Events, Sources, Imagery) 9

Slavic Studies at the University of Padua

- Derganc A., Ruvoletto L.* Center for Slavic Studies at the University of Padua 19
- Benacchio R., Slavkova S.* Temporal and Aspectual Verbal Forms in the Instructional Discourse of Russian and Bulgarian Recipes 28
- Biasio M.* Some Remarks on the Temporal-aspectual Characteristics of Sale-Purchase Verbs in Russian and Serbo-Croatian 46

Articles

- Voloshina O.* Pratyahara and Anubandha as a Metalanguage of Panini Grammar 60
- Onufrieva E., Tresorukova I.* The Formation of Constructional Phrases from Precedent Utterances: A Case Study of the Modern Greek Construction *ΘΑ P, ΑΑΑΑ ΘΑ ΕΙΝΑΙ ΣΑΝ ΝΑ ΜΗΝ P / P'* 71
- Tikhonova O., Shakunova L.* The Indication of Dates in Alhamiado in Documents from Toledo Mozarabs Archives 84
- Meshcheryakova E.* Translations of Synonymic and Polysemous Words in Cesare Baronio's Late 17th – Early 18th Century *Annales Ecclesiastici* 98
- Kovrigina E.* Archaic Elements in the Semantics of Prefix Derivatives of the Verb *Bolet'* in Arkhangelsk Dialect 108
- Chaplik V.* The Status of Paronymic Neologisms 116
- Krasnoselskaya Yu.* War as Elections, Elections as War: Public Representation in Leo Tolstoy's *War and Peace* and *Anna Karenina* 125
- Potnitseva T.* "How Many a Tale Their Music Tells...": The Mysterious in E. Poe's 'The Bells' 141
- Xue Chen.* Hunger as an Image and a Social Fact ('The Sun of The Dead' by I. Shmelev and 'Hunger as a Factor' by P. Sorokin) 152
- Frolkina D.* Maturity in the Context of Chronotopic Representations of Northerners: The Case Study of Teki Odulok's 'Zhizn Imteurgina-Starshego' 160
- Asadov I.* Nature and Destiny of the Protagonist in A. Moravia's Novel 'La Ciocara' 168
- Papadopulo M.* The Concept of 'Vray Amour' in Jeanne Flore's 'Comptes Amoureux' 176
- Bagaeva A.* The Eastern Question on the Pages of N.A. Nekrasov's Magazine 'Otechestvennye Zapiski' 184

Communications

- Obolenskaya Yu.* Philology-centred Education in a New Social Cultural and Technological Context 183

From Archives

- Sobolev L.* From Correspondence between P.A. Vyazemsky and P.I. Bartenev 206

Reviews

<i>Belova T. L i v e r g a n t A. Ya. Virginia Woolf: “Moments Of Being”. M.: AST Publishing House, 2018</i>	215
--	-----

Scientific Life

<i>Nazarova A. VI International Scientific Conference “20-21 Century Russian Literature as a Literary Process: Problems of Theory and Method”</i>	219
<i>Syryseva D. The Round table ‘The Generation of Writers of 1899 (Andrey Platonov, Yury Olesha and others)’</i>	224

Anniversaries

<i>Belova M. 70th Anniversary of Dr. Elena Timonina</i>	229
---	-----

In Memoriam

<i>Mikhailova M., Rudenko M. Sergei Kormilov</i>	233
<i>Ananyeva N., Tyrtova G. Vladimir Gudkov</i>	236

К 75-ЛЕТИЮ ВЕЛИКОЙ ПОБЕДЫ

А.А. Пауткин

ОДИН ДЕНЬ ВОЙНЫ В ПОВЕСТИ В. АСТАФЬЕВА «ПАСТУХ И ПАСТУШКА» (СОБЫТИЯ, ИСТОЧНИКИ, ОБРАЗ)

*Федеральное государственное бюджетное образовательное учреждение
высшего образования*

*«Московский государственный университет имени М.В. Ломоносова»
119991, Москва, Ленинские горы, 1*

Повесть В.П. Астафьева «Пастух и пастушка» не содержит указаний на точную хронологическую приуроченность ее сюжета к конкретному периоду Великой Отечественной войны. Таков замысел «современной пасторали». Тем не менее, ряд знаковых деталей позволяет реконструировать исторические обстоятельства, легшие в основу начальных эпизодов повести. В статье определяются время и место описываемого сражения (17 февраля 1944 г., Корсунь-Шевченковская операция), а также устанавливаются прототипы некоторых персонажей. На основе рассмотрения различных иконографических материалов (фотодокументы, картины, графика военного времени), а также мемуаров (Г.К. Жукова, И.С. Конева, Э. фон Манштейна) и очерков фронтовых корреспондентов (С.С. Смирнова, Б.Н. Полевого, А. Верта) определяется круг возможных источников, которыми воспользовался писатель при изображении решающих событий по разгрому вражеской группировки. Важнейшим из них стала документальная повесть С.С. Смирнова «Сталинград на Днепре» – книга, объединившая тексты военного времени. При переиздании своих произведений В.П. Астафьев вносил в них существенные изменения. Поэтому можно говорить о возникновении своеобразных авторских редакций. Рассматриваемая в статье повесть впервые была опубликована в 1971 г. в журнале «Наш современник», а окончательная ее редакция относится уже к 1989 г. В статье прослеживаются различия журнальной и дефинитивной редакций в изображении финальных эпизодов Корсунь-Шевченковского сражения, в котором участвует герой повести взводный Борис Костяев. Не все вносимые автором правки могут быть однозначно объяснены сменой социокультурной обстановки. В заключение отмечается изменение роли военной прозы, созданной ушедшим поколением писателей-фронтовиков, ставшей художественным документом эпохи.

Ключевые слова: В.П. Астафьев; «Пастух и пастушка»; Корсунь-Шевченковская операция; военная проза; источники; С.С. Смирнов; прототипы; авторская редакция.

Пауткин Алексей Аркадьевич – доктор филологических наук, профессор, профессор кафедры истории русской литературы филологического факультета МГУ имени М.В. Ломоносова (e-mail: apautkin@yandex.ru).

События, разворачивающиеся в начале повести В.П. Астафьева «Пастух и пастушка», на первый взгляд, не имеют строго определенной пространственной и временной привязки. Это видение рядового пехотинца, которому неведомы оперативные карты и замыслы войсковых начальников. В отличие от романа Ю. Бондарева «Горячий снег» (1970), повествующего о важнейшем этапе Сталинградской битвы (отражение атак войск Манштейна, стремившегося спасти окруженную 6-ю армию Паулюса), авторский замысел «современной пасторали» как будто не подразумевает подобной конкретики. Взвод Бориса Костяева участвует в окончательном разгроме противника, пытавшегося метельной ночью вырваться из окружения. В первой части («Бой») дается лишь краткое пояснение: «Советские войска добивали почти уже задушенную группировку немецких войск, командование которой отказалось принять ультиматум о безоговорочной капитуляции и сейчас вот, вечером, в ночи сделало последнюю свехотчаянную попытку вырваться из окружения» [Астафьев, 2004: 9].

И тем не менее, по многочисленным деталям внимательный читатель может безошибочно определить не только историческую канву, но и дату событий, легших в основу отдельных эпизодов повести. Перед нами финал Корсунь-Шевченковской битвы, разворачивавшейся на правом берегу Украины с 24 января по 17 февраля 1944 г. В середине прошлого века, когда утверждалась формула о так называемых «десяти Сталинских ударах», данную операцию официально включали в рамки второго из этих ударов. Именно в ночь на 17 февраля оказавшимися в котле немецкими войсками была предпринята яростная попытка прорыва из района Шендеровки. Вот как события этого дня видятся с высот маршальских мемуаров. Г.К. Жуков писал: «Ночью 16 февраля разыгралась снежная пурга. Видимость сократилась до 10–20 метров. У немцев вновь мелькнула надежда проскочить в Лисянку на соединение с группой Хубе... Все утро 17 февраля шло ожесточенное сражение по уничтожению прорывавшихся колонн немецких войск, которые в основном были уничтожены и пленены. Лишь части танков и бронетранспортеров с генералами, офицерами и эсесовцами удалось вырваться из окружения» [Жуков, 1970: 540]. Жуков оценивал численность пленных в 18 000 человек.

И.С. Конев, непосредственно руководивший операцией, называл ту же цифру пленных, добавляя: «По официальным данным в ходе боев противник потерял 55 000 солдат и офицеров только убитыми» [Конев, 2000: 111]. Каждая из сторон по-разному оценивала последствия катастрофического поражения. Немецкие генералы делали акцент на том, что части окруженных все-таки удалось вырваться и трагедия Сталинграда не повторилась. Так, фельдмаршал Э. фон Ман-

штейн приводил явно завышенную цифру вышедших: «...Из котла вышло 30 000–32 000 человек... Огромную боль нам причиняло то, что большую часть тяжело раненных выходившие из окружения не могли взять с собой» [Манштейн, 1999: 599].

Еще 12 февраля И.В. Сталин обеспокоенно звонил представителю Ставки Жукову и командующему 2-м Украинским фронтом Коневу, опасаясь намечавшегося прорыва вражеских частей. Действительно, несмотря на ужасающие потери (особенно при форсировании в зимних условиях бегущими немцами не замерзшей в силу погодных условий реки Гнилой Тикич), к середине дня 17 февраля проскочить через наши порядки удалось некоторым формированиям 5-й танковой дивизии СС «Викинг», состоявшей в основном из скандинавских добровольцев, и части приданной ей штурмовой бригады СС «Валлония», в которой служило и некоторое количество этнических русских, получивших в свое время бельгийское гражданство. Валлонскими добровольцами командовал Л. Дегрель, лидер бельгийских фашистов (после войны скрывался в Испании). Эти подразделения не были окончательно деморализованы и имели веские причины не сдаваться в плен.

Существует немало фотодокументов, запечатлевших ужасающие последствия корсунского разгрома. Фронтовые репортеры снимали нагромождение разбитой и брошенной техники, заснеженные трупы, густо усеявшие степное пространство. Известный советский художник – баталист П.А. Кривоногов (1911–1967), побывав на месте событий, создал целый ряд графических и живописных произведений. Наиболее известные из них – картины «Корсунь-Шевченковское побоище» (1944) и «17 февраля в районе Корсуни» (1944). Карандашные наброски художник делал в нескольких деревнях, в том числе и в большом селе Шендеровка, ставшем эпицентром финального этапа сражения. На фронтовых зарисовках можно также видеть лица чудом уцелевших крестьян – жителей этого села, избежавших печальной участи стариков пастуха и пастушки из астафьевской повести. Б. Полевой в беседе с английским журналистом А. Вертом говорил: «Буюсь, что во время него <т.е. побоища. – А.П.> погибли и некоторые из наших – жители этих деревень» [Верт, 2001: 107].

Обратимся еще к одному эпизоду. Борису Костяеву и некоторым уцелевшим бойцам его взвода пришлось стать свидетелями обнаружения тела генерала, возглавлявшего вражескую группировку. Здесь же оказывается и командующий советскими войсками. Два генерала – победитель и побежденный, живой и мертвый – вызывают неподдельный интерес столпившихся людей. Это и только что пережившие смертельную опасность окопники, и тыловые франты адъютантского ранга.

Командующий изображен писателем с явной симпатией. В этом уставшем от бремени ответственности, чуждом помпезности человеке нетрудно узнать командующего 2-м Украинским фронтом генерала армии Конева. На следующий день, 18 февраля, ему будет присвоено маршальское звание. Несмотря на чрезвычайно жесткие характеристики методов командования Красной армией, тогдашних порядков и первых лиц, не раз звучавшие из уст писателя, Астафьев высоко ценил Конева. Так, в 1991 г. в интервью с показательным (особенно для того времени) названием «Сначала снаряды, потом люди...», где развенчивалась официальная правда о войне, писатель отмечал: «У солдат любимцем, я думаю, был Рокоссовский. Он посидел в тюрьме, пострадал, он был красивый, обаятельный... Что касается меня лично, то я все-таки Коневу Ивану Степановичу предпочту любому другому» [Астафьев, 1991: 55].

Безымянный мертвец тоже не выдуман создателем повести. У него есть вполне реальный прототип. Это генерал артиллерии Вильгельм Штеммерман (1888-1944), который в отличие от Паулюса предпочел смерть на поле боя. Эта сцена во многом запоминается благодаря яркому образу плачущего старика-ординарца, униженно хлопочущего вокруг мертвого командира. Он умоляет победителей проявить уважение к покойнику. Старый солдат в «пилотке, какую носил еще Швейк» [Астафьев, 2004:66], судя по всему, начинал служить в Первую мировую. И немцы, и русский генерал были молоды в годы той войны.

Откуда же появился в повести целый ряд деталей, на которые не поспешил автор? В воспоминаниях Конева этому происшествию уделено лишь несколько строк: «Командарм Трофименко утром 17 февраля доложил мне по ВЧ, что при выходе из окружения немецко-фашистских войск в ночь на 17 февраля 1944 года генерал Штеммерман был убит, его труп обнаружен на поле боя около села Джурженцы. Документами подтверждается личность генерала Штеммермана. Я разрешил немецким военнопленным похоронить своего генерала с надлежащими почестями по законам военного времени» [Конев, 2000: 211]¹.

Красноармеец Астафьев служил в это время в 92 бригаде 17 артиллерийской дивизии резерва главного командования (РГК). В Корсунской операции дивизия была придана 27 общевойсковой армии генерал-лейтенанта С.Г. Трофименко [Смирнов, 2019: 45–49]. Именно на ее боевые порядки пришелся главный удар немцев, стремившихся

¹ Заметим, что в разных источниках упоминаются разные подтверждающие личность документы, обнаруженные вместе с семейным фото: в одном случае это водительские права, в другом – разрешение на охотничье оружие, в третьем – лицензия на охоту в заповеднике.

прорваться в Лысянку, находившуюся уже в руках немцев. По мнению Конева, армия Трофименко была ослаблена в тяжелых предшествующих боях. На финальной стадии операции Сталин переподчинил ряд соединений 1-го Украинского фронта (командующий Н.Ф. Ватутин) Коневу, командовавшему войсками 2-го Украинского фронта. В их числе оказалась и 27 армия. В мемуарах маршалов Жукова и Конева дается противоположная трактовка данного решения Верховного командования. Жуков утверждал, что это было сделано по просьбе самого Конева [Жуков, 1970: 537], а Конев, напротив, писал о своем несогласии с подобным шагом Ставки [Конев, 2000: 196], организационно осложнявшем управление войсками и принижавшем заслуги Ватутина².

Этот элемент оперативной обстановки середины февраля 1944 г. интересен потому, что именно в газете 27 армии «Мужество» спецкором был С.С. Смирнов, впоследствии автор знаменитой книги «Брестская крепость». Журналист армейской газеты побывал на местах боев, видел свершившееся своими глазами и просто обязан был фиксировать все по долгу службы. Присутствовал он и на месте гибели Штеммермана. Личные же впечатления двадцатилетнего рядового-артиллериста были, конечно, иными. Писателю Астафьеву спустя годы потребовались источники. Думается, главным таким источником, своеобразным протографом, при создании эпизода с убитым генералом стал именно репортаж Смирнова, позднее вошедший в его документальную книгу «Сталинград на Днестре» (1958). Сравнение с событиями годичной давности получило широкое распространение. Сам Верховный Главнокомандующий, несмотря на неполную аналогию событий и свое первоначальное раздражение по поводу частично вырвавшегося из окружения противника, назвал Корсунь-Шевченковскую операцию «вторым Сталинградом». Английский журналист А. Верт писал о «маленьком Сталинграде».

С.С. Смирнов славился своими журналистскими поисками, стремлением вскрыть неизвестные эпизоды войны и судьбы рядовых ее участников. Поэтому обращение к его материалам представляется вполне логичным. Вспомним, например, что к информации о героях Брестской крепости, собранной Смирновым, прибегал в начале 1970-х годов Б. Васильев, работавший тогда над повестью «В списках не значился» (1974). Вообще, мера доверия к слову Смирнова была высока.

Свидетелем разгрома оказался и фронтовой корреспондент Б. Кампов (Б. Полевой). Его обработанные впоследствии репортажи изданы в книге «Эти четыре года» (1974), где в том числе воспро-

² Через 12 дней, 29 февраля 1944 г., Н.Ф. Ватутин был смертельно ранен украинскими националистами, и, несмотря на усилия медиков, 15 апреля скончался.

изведен и эпизод с обнаружением тела Штеммермана. С версией Полевого Астафьев мог ознакомиться только по старым газетным публикациям. Правда, имеется еще один вариант рассказа, также исходящий от Полевого. Единственным представителем западной прессы, побывавшим в первые месяцы 1944 г. на 2-м Украинском фронте, был Александр Верт. Он прибыл туда в середине марта, когда Корсунская битва уже завершилась. Поэтому, близко общаясь с Полевым (англичанин называет его только майором Камповым), Верт использовал его информацию в своей послевоенной книге *“Russia at War 1941–1945”*, вышедшей в 1964 г. (русский перевод 1967 г.). Пересказ слов Полевого здесь имеет отличия от текста, написанного самим автором «Повести о настоящем человеке». Так, западный читатель узнал, что тело Штеммермана нашли только на третий день. Кроме того, англичанин не мог себе представить поверженного предводителя врага без орденов и в русских валенках, как это было на самом деле. Существует несколько фотографий убитого генерала, лежащего в снегу. Скорее всего, их сделал фоторепортер «Правды» Я.С. Рюмкин. Общим для вышеназванных текстов было только то, что тело найдено возле какого-то сарая и похоронено как подобает по удивившему многих приказу Конева³.

Сходство отдельных деталей, художественно переосмысленных Астафьевым, указывает на использование 17 главы «Сталинграда на Днепре». Приведем с купюрами описание происшествия, предложенное Смирновым: «...Его нашли в снегу на окраине села возле большого каменного сарая, наполовину разрушенного нашими снарядами. В сарае стоял стол с несколькими телефонами на нем, мягкое кресло, видимо, принесенное сюда из города, на полу был расстелен ковер. Судя по всему, тут помещался какой-то командный пункт» [Смирнов, 1967: 543-544]. Сравним аналогичное описание у Астафьева: «В углу клуни на опрокинутой веялке, накрытой ковром, стояли телефоны, походный термос, маленькая рация с наушниками. К веялке придвинуто глубокое кресло с просевшими пружинами, и на нем скомканный клетчатый плед, похожий на русскую бабью шаль» [Астафьев, 2004: 66].

Литературный портрет мертвого генерала имеет мало общего с реальным человеком, запечатленным на фотографии 1944 г. Появились очки, «седая щетка усов», «вставная челюсть». У Смирнова читаем: «Человек в генеральском мундире лежал навзничь в снежном сугробе <именно так на исторических фото – А.П.>. У него было худое лицо

³ Известно, что в погребении Штеммермана участвовал генерал В. фон Зейдлиц-Курцбах, плененный в Сталинграде и возглавивший созданный в 1943 г. в Красногорске «Союз германских офицеров». Во время Корсунской операции он обращался к окруженным в листовках и по радио с призывом о сдаче.

с резкими чертами» [Смирнов, 1967: 543-544]. У Астафьева – «генерал был худ...», «у него угловатый череп с глубокими залысинами». И хотя Смирнов отмечал, что «было трудно решить, как настигла смерть генерала», оба автора склоняются к пропагандистскому варианту самоубийства: «Рядом валялся наполовину разряженный парабеллум» (Смирнов); «В разжавшейся уже синей руке генерала на скрюченном пальце висел пистолет. И не пистолет, этакая дамская штучка» (Астафьев). Правда, анатомия рокового выстрела тоже различна. Про ординарца в смирновском очерке просто сообщается, что штабные офицеры «привезли с собой ординарца Штеммермана, захваченного в плен прошлой ночью. Он сразу же опознал своего бывшего начальника» [Смирнов, 1967: 544]. В реальном контексте событий, как и в повести, присутствует грузовик. Только Конев случайно сталкивается в заторе на раскисшей дороге с машиной, везущей тело немецкого командующего: «Он подошел к борту грузовика и заглянул в кузов. Потом, обернувшись к офицерам, строго сказал: «Положите его лучше и накройте как следует. Это генерал, павший на поле боя. И передайте мое приказание – похоронить его, как подобает хоронить генерала» [Смирнов, 1967: 544].

Как известно, Астафьев нередко вносил определенные изменения в свои произведения уже после их первой публикации. Эти авторские дополнения, подчас значительные, позволяют говорить даже о возникновении новых редакций, представленных в переизданиях разных лет. Повесть «Пастух и пастушка» впервые вышла в свет в журнале «Наш современник» (1971, № 8), и впоследствии эта ее журнальная редакция печаталась в сборниках повестей и рассказов писателя. Новая и конечная редакция датируется 1989 г. Именно она читается в последующих собраниях сочинений.

В недавнее время появились работы Е.Л. Гречаниковой [Гречаникова, 2015: 99–105] и Е.М. Гордеевой [Гордеева, 2015: 77–87], по-разному затрагивающие вопросы трансформации исходного текста повести. Белорусская исследовательница Гречаникова проводит скрупулезное текстологическое сопоставление двух авторских редакций, делая акцент на цензурных препонах, с которыми должен был считаться писатель на рубеже 1960–1970-х годов. Дефинитивная же редакция перестроенного времени, появившаяся в иных условиях, обогащенная пронзительными подробностями и нюансами смыслов, по ее мнению, несет на себе печать явной дегероизации описываемых событий. Сопоставительная таблица текстовых различий не содержит подробных сведений об интересующем нас эпизоде [Гречаникова, 2015: 104].

Чем же дополнена сцена, знаменующая торжество победителей в окончательной редакции повести? По прошествии двадцати лет

появились новые детали, диалоги, а также иначе представлялись читателю некоторые эпизодические персонажи. В новой редакции у сцены появилось своеобразное звуковое сопровождение. Старик-ординарец заводит патефон. Звучит, конечно, музыка Вагнера, кажущаяся всем присутствующим, кроме верного слуги, назойливой и неуместной. Здесь старый солдат предстает в ином качестве. Оберегая тело и достоинство своего командира, он ведет себя более активно, чем прежде: осмеливается даже затравленно бросаться на штабного майора, вступает в разговор с молоденькой переводчицей. Это транслитерированный диалог расширяет рамки эпизода.

Отмеченные изменения, в отличие от беспощадно натуралистического описания мародерства старшины Мохнакова или появившихся слов командующего фронтом о Боге в душе, трудно однозначно объяснить иным характером социокультурных обстоятельств. Это правка, внесенная человеком из другого времени, изменившимся вместе с ним. Объективности ради заметим, что интересующая нас сцена утратила в окончательной редакции свой обжигающий лаконизм и фотографическую точность, приобретя избыточную литературность.

Военная история, имеющая свою хронологию, дала в руки писателя факт, отраженный с различной степенью достоверности в ряде источников. Проследить или реконструировать путь от уникального события до его художественного обобщения – увлекательная задача. В заключение заметим: сегодня, когда Отечественная война отдалась почти на восемь десятилетий, ее события становятся уже материалом исторической романистики. Мы свидетели преодоления своеобразного «звукового барьера». С уходом всех писателей фронтового поколения, творивших еще в рамках литературоцентричной культуры, значение их произведений возрастает. Их тексты обретают новое качество, становясь литературными документами эпохи.

Список литературы

1. Астафьев В. Пастух и пастушка: Повести. М., 2004.
2. Астафьев В.П. Сначала снаряды, потом люди... // Родина. 1991. № 6–7. С. 52–56.
3. Верт А. Россия в войне 1941–1945. М., 2001.
4. Гордеева Е.М. «Современная пастораль» В.П. Астафьева: от повести «Пастух и пастушка» к киносценарию «Помню тебя» // Вестн. Пермск. гос. гум.-пед. ун-та. 2015. Вып. 3 (31). С. 77–87.
5. Гречаникова Е.Л. Военная проза 1980-х гг. в условиях новой социокультурной ситуации: к вопросу о цензуре в советской литературе (на примере двух вариантов повести В. Астафьева «Пастух и пастушка» // Известия Гомельского государственного университета им. Ф. Скорины. Гомель. 2015. № 4 (91). С. 99–105.
6. Жуков Г.К. Воспоминания и размышления. М., 1970.
7. Конев И.С. Записки командующего фронтом. М., 2000.
8. Маништейн Эрих фон. Утерянные победы. Ростов-н/Д., 1999.

9. Смирнов А. «Мы пред нашим комбатом, как пред господом богом чисты» // Родина. 2019. № 2. С. 45–49.
10. Смирнов С.С. Сталинград на Днепре // Смирнов С.С. Страницы народного подвига. М., 1967. С. 543–544.

Alexey Pautkin

**ONE DAY OF WAR IN V. ASTAFIEV'S STORY
'THE SHEPHERD AND THE SHEPHERDESS'
(EVENTS, SOURCES, IMAGERY)**

*Lomonosov Moscow State University
1 Leninskie Gory, Moscow, 119991*

The story “Pastukh i Pastushka” (“The Shepherd and the Shepherdess”) by Viktor Astafiev does not associate its plot with any specific period of the Second World War. This is the idea of “modern pastoral”. Nevertheless, several significant details enable us to reconstruct the historical circumstances that formed the basis of the initial episodes of the story. The article identifies the time and place of the described battle (February 17, 1944, Korsun-Shevchenkivskyi operation), as well as prototypes of some characters. Research into iconographic materials (photos, paintings, wartime graphics), memoirs by G.K. Zhukov, I.S. Konev, and E. von Manstein, and essays by front-line correspondents S.S. Smirnov, B.N. Polevoy, and A. Vert enabled identification of a range of potential sources used by Astafiev in depicting the decisive events of the defeat of the enemy, the most important of them being the documentary story “Stalingrad on the Dnieper” by S.S. Smirnov, a work that united the texts of wartime. When the works were reissued, Astafiev made significant changes to them. Therefore, we can talk about the emergence of the original author's versions of the text. “The Shepherd and the Shepherdess” was first published in 1971 in the magazine *Nash Sovremennik*, and its final version appeared in 1989. The article traces the differences between the magazine and definitive editions in the image of the final episodes of the Korsun-Shevchenkivskyi strategic offensive operation, where the protagonist Boris Kostyaev fights. Not all corrections made by the author can be clearly explained by changes in the socio-cultural environment. The paper pinpoints a change in the role of military prose created by the generation of front-line writers. It becomes an artistic document of the epoch.

Key words: V.P. Astafiev; “The Shepherd and the Shepherdess”; Korsun-Shevchenkivskyi operation; military prose; sources; S.S. Smirnov; prototypes; author's version.

About the author: Alexey Pautkin – Prof. Dr., Department of the History of Russian Literature, Faculty of Philology, Lomonosov Moscow State University (e-mail: apautkin@yandex.ru).

References

1. Astaf'ev Viktor. Pastukh i pastushka: Povesti [The Shepherd and the Shepherdess: Stories]. Moscow, Eksmo Publ., 2004. 752 p.

2. Astaf'ev V.P. Snachala snarjady, potom ljudi... [First the shells, then the people...]. Rodina [Rodina], 1991, № 6–7, pp. 52–56.
3. Vert. A. Rossija v vojne 1941–1945. [Russia at War 1941 – 1945]. Moscow, Voenizdat Publ., 2001, 774 p.
4. Gordeeva Elena M. “Sovremennaja pastoral” V.P. Astaf'eva: ot povesti “Pastuh i pastushka” k kinoscenariju “Pomnju tebjja” [The modern pastoral by Viktor Astafyev from the story “The Shepherd and the Shepherdess” to the screenplay “I remember You”]. *Vestnik Permskogo gosudarstvennogo gumanitarno-pedagogicheskogo universiteta*, 2015, vyp. 3 (31), pp. 77–87. (In Russ.)
5. Grechanikova E.L. Voennaja proza 1980-h gg. v uslovijah novoj socio-kul'turnoj situacii: k voprosu o cenzure v sovetskoj literature (na primere dvuh variantov povesti V. Astaf'eva “Pastuh i pastushka” [Military prose of the 1980s in the new socio-cultural situation^ the issue of censorship in the soivet literature (on the example of two versions of the story by V. Astafyev “Shepherd and Shepherdess”]. *Izvestija Gomel'skogo gosudarstvennogo universiteta im. F. Skoriny*. [Proceedings of Francisk Scorina Gomel State University], 2015, № 4 (91), pp. 99–105.
6. Zhukov G.K. *Vospominanija i razmyshlenija* [Memories and Reflections]. Moscow, Izdatelstvo APN, 1970, 736 p.
7. Konev I.S. *Zapiski komandujushhego frontom* [Notes of the Front Commander]. Moscow, Golos Publ., 2000, 528 p.
8. Manshtejn Jerih fon. *Uterjamnye pobedy* [Lost Victories]. Rostov-na-Donu, Fenix Publ. 1999, 640 p.
9. Smirnov A. “My pred nashim kombatom, kak pred gospodom bogom chisty”. Rodina [Rodina], 2019, № 2, pp. 45–49.
10. Smirnov S.S. *Stalingrad na Dnepre* [Stalingrad on Dnepr]. Smirnov S.S. Stranicy narodnogo podviga [Pages of the national feat]. Moscow, Sovetskyj pisatel Publ., 1967, 704 p.

ПАДУАНСКАЯ ШКОЛА СЛАВИСТИКИ

А. Дерганц, Л. Руволетто

СЛАВИСТИЧЕСКИЙ ЦЕНТР В ПАДУАНСКОМ УНИВЕРСИТЕТЕ

Люблянский университет

1000 Любляна, Конгрессная площадь 12, Словения

Венецианский университет Ка Фоскари

30123 Венеция, Дорсодуро 3246, Италия

В статье представлен анализ научной деятельности славистического центра при Падуанском университете, который в течение 20 лет возглавляла проф. Розанна Бенакьо. Центр работает по трем направлениям: 1) описание островного резьянского диалекта словенского языка в северо-восточной Италии; 2) диахронические исследования русского и других славянских языков (изучение дипломатических посланий русских царей, хранящихся в Государственном архиве в Венеции; исследования по исторической лексикологии хорватского языка); 3) изучение славянского глагольного вида в синхронии и диахронии, а также в сопоставительном и типологическом плане. Последнее направление рассматривается наиболее подробно.

Ключевые слова: Падуанский университет; славистика; резьянский диалект; глагольный вид; славянские языки.

Мы представляем один из самых известных и старейших (сложился при Падуанском университете в начале XX в.) славистических центров в Италии, которым около 20 лет руководила проф. Розанна Бенакьо. В Падуанском университете, с которым филологический факультет МГУ связывает активное сотрудничество, изучают и исследуют русский, старославянский, словенский, чешский, польский, сербский, хорватский и другие славянские языки, а также славянские литературы и культуры. Среди лингвистических исследований выделяются три основных направления.

Первое – это изучение резьянского диалекта, островного диалекта словенского языка в северо-восточной Италии, на границе со Слове-

Дерганц Александра – профессор отделения славистики философского факультета Люблянского университета (Словения) (e-mail: aleksandra.derganc@guest.arnes.si).

Руволетто Луиза – доцент отделения славистики Департамента лингвистических и компаративных культурных исследований Венецианского университета Ка Фоскари (Италия) (e-mail: luisa.ruvoletto@unive.it).

нией (во Фриули), считающегося очень важным для реконструкции общей картины славянских диалектов. Этим занимается исследовательская группа в составе Р. Бенаккьо, Х. Стэнвейка, М. Пилы (теперь работающей в научной группе В. Броя в Констанце). Особенно подробно исследуется глагольная, в частности аспектологическая система [Бенаккьо, Стэнвейк, 2017; Брой, Пила, Шольце, 2017; Pila, 2017; Бенаккьо, 2018; Пила, 2018; Бенаккьо, 2019].

Второе направление связано с историей славянских языков. Это прежде всего исследования по исторической лексикологии хорватского языка [Benacchio, Steenwijk, Jožić, Vajs Vinja, 2012; Benacchio, Steenwijk, 2019] и подготовка электронного издания рукописи словаря, составленного в конце XVII в. Иваном Танцлингером в Задаре [Vocabolario, 2008]. В Падуанском университете изучаются также дипломатические послания русских царей (начиная с Алексея Михайловича) к правителям Венецианской Республики, хранящиеся в Государственном архиве в Венеции (участвуют Р. Бенаккьо и Л. Руволетто из Венецианского университета «Ка Фоскари»). В течение пяти лет (примерно с 2010) в ряде дипломных и кандидатских работ, написанных под руководством проф. Р. Бенаккьо, все сохранившиеся послания расшифровывались и были затранскрибированы [Milani, 2012; Rosa, 2013 и др.]. Следующий этап проекта – создание электронной базы данных, доступной онлайн, которую можно будет использовать для изучения истории русского языка, в частности приказного языка XVII и XVIII вв.

Особенно активно развивается третье, аспектологическое, направление. С 2010 г. при Падуанском университете работает группа исследователей-аспектологов (ASP – “Slavic verbal aspect in a diachronic, comparative and typological perspective”), изучающая категорию глагольного вида в славянских языках как в синхронии, так и в диахронии, а также в сопоставительном плане (до января 2020 г. под руководством проф. Р. Бенаккьо). Представлен также типологический подход, рассматривающий вопросы, связанные с категорией аспектуальности в неславянских языках. В рамках данного направления были проведены две крупные международные конференции: *Глагольный вид: грамматическое значение и контекст* (III Конференция Комиссии по аспектологии Международного комитета славистов, 30 сентября – 4 октября 2011 г.); *Роль префиксов в процессах формирования аспектуальности. Вопросы грамматикализации* (28–29 сентября 2015 г.). Программу и тезисы конференций см.: URL: <http://www.maldura.unipd.it/glagvid/callforpapers.html>; URL: <https://sites.google.com/site/aspectprefixes/home>.

На конференции 2011 г. обсуждалось влияние различных факторов контекста на выбор видовой граммемы и реализацию ее частных значений, прежде всего в славянских языках. Объектом исследования были также и другие, неславянские, языки, располагающие различными способами выражения аспекта. На основе докладов был опубликован объемный международный сборник [Benacchio, 2015]. Доклады второй конференции составили основу следующего сборника, посвященного типологическому многообразию славянских и неславянских видовых систем, в которых в качестве перфективаторов используются префиксы, и анализу путей грамматикализации и лексикализации видовых морфем [Benacchio, Muro, Slavkova, 2017] (текст сборника см.: URL: https://www.fupress.com/archivio/pdf/3565_15189.pdf).

Важнейшим направлением деятельности исследовательской группы ASP (падуанской аспектологической группы) стали научные семинары, которые проводились ежемесячно с 2011 г. Они были посвящены анализу разнообразных проблем современной аспектологии и изучению известных и авторитетных публикаций в области аспектологии. Главным моментом семинаров было обсуждение исследовательских работ студентов и аспирантов (некоторые из них указаны в списке литературы). Большое место в научно-исследовательской работе группы ASP принадлежит вопросам русской аспектологии в диахронии, рассматриваемым в дипломных работах [Biasio, 2017], диссертациях [Ruvoletto, 2010; Sacchini, 2014], статьях [Biasio, 2019; Руволетто, 2015, 2017, 2018; Саккини, 2015, 2016] и книгах [Ruvoletto, 2016]. Важным аспектом в работе (ASP) является также сопоставление видовых систем славянских языков. Хотелось бы прежде всего отметить монографию Р. Бенаккьо *«Вид и категория вежливости в славянском императиве. Сравнительный анализ»* [Бенаккьо, 2010], в которой на обширном материале нескольких славянских языков по-новому, с привлечением теории вежливости и языковой прагматики, представлено всестороннее изучение и объяснение употребления видов в императиве. В других работах сравниваются видовые системы русского и словенского языков [Pila, 2013; Бенаккьо, Пила, 2015], а также русского и сербохорватского языков [Grbić, 2012]. Над сопоставлением категории вида в русском и сербохорватском языках работает в настоящий момент аспирант Марко Биазлио, разрабатывая конкретную тему «Видовременные свойства славянских перформативов в сопоставительном аспекте» (его статья о глаголах купли-продажи в русском и сербохорватском языках публикуется в этом номере). Падуанская аспектологическая группа ASP сотру-

ничают с другими славистическими центрами Италии, с университетами Рима, Флоренции, Венеции, Болоньи и др. Сотрудничество с университетом г. Болоньи, а именно со С. Славковой, оказалось особенно плодотворным и дало возможность включить болгарский язык в сферу сопоставительных исследований ASP [Славкова, 2015, 2017, 2018; Muro, 2017]. Отметим, что совместная статья Р. Бенаккьо и С. Славковой, которая печатается в этом номере, является результатом такого сотрудничества.

Список литературы

1. Бенаккьо Р. Вид и категория вежливости в славянском императиве. Сравнительный анализ. München, 2010.
2. Бенаккьо Р. (под ред.) Глагольный вид: грамматическое значение и контекст [глагольный аспект: грамматическое значение и контекст]. Мюнхен; Берлин; Вашингтон/Вашингтон, 2015.
3. Бенаккьо Р. Интеграция заимствованных глаголов в славянскую видовую систему: резьянский диалект // Славистика. 2018. № XXII/1. С. 9–20.
4. Бенаккьо Р. Резьянский диалект и грамматикализация славянского глагольного вида // Rajko Nahtigal in 100 let slavistike na Univerzi v Ljubljani / Ur. P. Stankovska, A. Derganc, A. Šivic-Dular. Ljubljana, 2019. С. 271–283.
5. Бенаккьо Р., Пила М. Выражение вида в контекстах неограниченной кратности в словенском языке (в сопоставлении с русским языком) // Глагольный вид: грамматическое значение и контекст / Verbal Aspect: Grammatical Meaning and Context / Под ред. Р. Бенаккьо. München, Berlin, Washington/D.C., 2015. С. 79–91.
6. Бенаккьо Р., Стэнвейк Х. Грамматикализация глагольного вида в резьянском диалекте: исконно-славянская и романская лексика // The role of prefixes in the formation of aspectuality. Issues of grammaticalization / Ed. by R. Benacchio, A. Muro, S. Slavkova. Firenze, 2017. С. 23–39.
7. Брой В., Пила М., Шольце Л. Видовые приставки в языковом контакте: на материале молиско-славянского, резьянского и верхнелужицкого микроязыков // The role of prefixes in the formation of aspectuality. Issues of grammaticalization / Ed. by R. Benacchio, A. Muro, S. Slavkova. Firenze, 2017. С. 59–84.
8. Пила М. Вид глагола в резьянском микроязыке в северо-восточной Италии // Deutsche Beiträge zum Internationalen Slavistenkongress Belgrad 2018 / Hrsg. Sebastian Kempgen et al. Wiesbaden, 2018. С. 247–256.
9. Руволетто Л. Префиксация глаголов в «Повести временных лет». Переходность, предельность и результативность // Глагольный вид: грамматическое значение и контекст [Verbal Aspect: Grammatical Meaning and Context] / Под ред. Р. Бенаккьо. München, Berlin, Washington/D.C., 2015. С. 79–91.
10. Руволетто Л. Префиксация глаголов неопределенного движения в русском языке // The role of prefixes in the formation of aspectuality. Issues of grammaticalization / Ed. by R. Benacchio, A. Muro, S. Slavkova. Firenze, 2017. С. 183–195.
11. Саккини М. Приставка в(ъ)з-: семантика и аспектuality (на материале Задонщины) // Вестник самарского государственного университета. Самара, 2015. № 1. С. 39–48.
12. Славкова С. Перформативное употребление глаголов просить/попросить и моля/помоля в русском и болгарском языках: прагматическая роль вида и времени // Scandoslavica. 2014. № 60. С. 231–252.

13. Славкова С. Актуализация аспектуальных значений в высказывании. На материале русского и болгарского языков // Глагольный вид: грамматическое значение и контекст [Verbal Aspect: Grammatical Meaning and Context] / Под ред. Р. Бенаккьо. München, Berlin, Washington/D.C., 2015. С. 467–480.
14. Славкова С. Супралексический префикс по- в русском и болгарском языках // The role of prefixes in the formation of aspectuality. Issues of grammaticalization / Ed. by R. Benacchio, A. Muro, S. Slavkova. Firenze, 2017. С. 197–21.
15. Славкова С. Независимые да-формы в вопросительных предложениях в болгарском языке (в сопоставлении с русским) // Slavistična revija. 2018. № 66/4. С. 441–457.
16. Benacchio R., Muro A., Slavkova S. (eds.) The role of prefixes in the formation of aspectuality. Issues of grammaticalization. Firenze, 2017.
17. Benacchio R., Steenwijk H., Jožić Z., Vajs Vinja N. Digitalna obrada rukopisnoga rječnika Vocabolario di tre nobilissimi linguaggi, italiano, illirico e latino Ivana Tanzlinghera Zanottija (1651–1732) // Filologija. 2012. № 58. С. 19–38.
18. Benacchio R., Steenwijk H. La Crusca come fonte lessicografica in area dalmato-croata: la copia padovana del Vocabolario dei tre nobilissimi linguaggi di G. Tanzlingher-Zanotti (1651–1732) // Il mondo slavo e l'Europa. A c. di C. Bragone, M. Bidovec. Firenze, 2019. С. 25–34.
19. Biasio M. The Etiquette of Aspect. How and Why prositi Stopped Worrying and Entered a Pair // Lingue e Linguaggi 2019 (31) / Special Issue. Doing Things with Words across Time. Snapshots of Communicative Practices in and from the Past / Ed. by S. Gesuato, M. Dossena, D. Cesiri. С. 191–218.
20. Biasio M. Sullo sviluppo del sistema tempo-aspettuale in russo antico: l'evoluzione della semantica futurale [On the development of the aspectual-temporal system in Old Russian: the evolution of futurity], MA thesis (supervisor: R. Benacchio). Padova, 2017. (In It.)
21. Grbić B. La categoria dell'aspetto verbale in russo e serbo: usi e significati a confronto. Магистерская диссертация. Научный руководитель Р. Бенаккьо. 2012.
22. Milani M. Lettere diplomatiche di Pietro il Grande alla Serenissima [Дипломатические письма Петра Великого к Серениссиме] (1710–1725). Магистерская диссертация. Научный руководитель Р. Бенаккьо. 2012.
23. Muro A. Preverb stacking across languages, with special reference to Bulgarian // The role of prefixes in the formation of aspectuality. Issues of grammaticalization / Ed. by R. Benacchio, A. Muro, S. Slavkova. Firenze, 2017. С. 137–152.
24. Pila M. La categoria dell'aspetto verbale nel modo indicativo in russo e sloveno: usi e significati a confronto [Категория глагольного вида в индикативе в русском и словенском языках: сравнительный анализ]. [Кандидатская диссертация. Научный руководитель Р. Бенаккьо]. 2012.
25. Pila M. Die Verwendung der perfektiven Präsensformen im Russischen, Slovenischen und heutigen Resianischen // Bavarian Working Papers in Linguistics. 2017. № 6. С. 81–94.
26. Rosa S. Le lettere dei principi della Moscovia alla Serenissima conservate presso l'Archivio di Stato di Venezia: trascrizione, traduzione, commento storico e linguistico. [Кандидатская диссертация. Научный руководитель Р. Бенаккьо]. 2013.
27. Ruvoletto L. I preverbi e l'aspetto verbale nella Povešt' vremennych let, 2010. [Кандидатская диссертация. Научный руководитель Р. Бенаккьо]. 2010.
28. Ruvoletto L. I prefissi verbali nella "Povešt' vremennych let": per un'analisi del processo di formazione dell'aspetto verbale in russo [Глагольные приставки в «По-

- вести временных лет»: к анализу процесса образования категории вида в русском языке]. Firenze, 2016.
29. *Sacchini M. Protocoppie aspettuali nella Zadonščina* [Прототипические видовые пары в Задонщине] [Кандидатская диссертация. Научный руководитель Р. Бенаккьо]. 2014.

Aleksandra Derganc, Luisa Ruvoletto

CENTER FOR SLAVIC STUDIES AT THE UNIVERSITY OF PADUA

University of Ljubljana
1000 Ljubljana, Congress Square 12, Slovenia
Ca' Foscari University of Venice
30123 Venezia, Dorsoduro 3246, Italy

The article analyzes scientific and research activities at the Center for Slavic Studies at the University of Padua that has been headed by Professor Rosanna Benacchio for 20 years. The Center works in three main directions: 1) description of the insular Resian dialect of the Slovene language in North East Italy; 2) diachronic research into Russian and other Slavic languages (studies of diplomatic communication of Russian tsars, kept in the State Archives in Venice; research into historic lexicology of the Croatian language; 3) research into Slavic verbal aspect in synchrony and diachrony. The latter is described in detail.

Key words: University of Padua; Slavic studies; Resian dialect; verbal aspect; Slavic languages.

About the authors: *Aleksandra Derganc* – Professor, Faculty of Arts, University of Ljubljana, Slovenia (e-mail: aleksandra.derganc@guest.arnes.si); *Luisa Ruvoletto* – PhD, Associate Professor, Department of Linguistics and Comparative Cultural Studies, Ca' Foscari University of Venice, Italy (e-mail: luisa.ruvoletto@unive.it).

References

1. Benacchio R. *Vid i kategorija vezhlivosti v slavyanskom imperative. Sravnitel'nyi analiz*. [Aspect and the category of politeness in the Slavic imperative. A comparative analysis]. München, Verlag Otto Sagner, 2010. (In Russ.)
2. Benacchio R. (pod red.) *Glagol'nyi vid: grammaticheskoe znachenie i kontekst [Verbal Aspect: Grammatical Meaning and Context]*. München, Berlin, Washington/D.C., Verlag Otto Sagner, 2015. (In Russ.)
3. Benacchio R. Integratsiya zaimstvovannykh glagolov v slavyanskuyu vidovuyu sistemu: rez'yanskii dialekt [The incorporation of loan verbs into the Slavic aspectual system: the case of Resian dialect] // *Slavistika*, 2018, XXII/1, pp. 9–20. DOI: <https://doi.org/10.18485/slavistika.2018.22.1.1>. (In Russ.)
4. Benacchio R. Rez'yanskii dialekt i grammatikalizatsiya slavyanskogo glagol'nogo vida [The Resian dialect and the grammaticalization of Slavic verbal aspect] // *Rajko Nahtigal in 100 let slavistike na Univerzi v Ljubljani* [Rajko Nahtigal and the centen-

- nial of Slavic studies at the University of Ljubljana] / P. Stankovska, A. Derganc, A. Šivic-Dular (ur.). Ljubljana, E-KNJIGE, Znanstvena založba Filozofske Fakultete, Univerze v Ljubljani, 2019, pp. 271–283. (In Russ.)
5. Benacchio R., Pila M. Vyrashenie vida v kontekstakh neogranichennoi kratnosti v slovenskom yazyke (v sopostavlenii s russkim yazykom) [The expression of aspect in the contexts of unlimited repetition in Slovenian (in comparison with Russian)] // *Glagol'nyi vid: grammaticheskoe znachenie i kontekst* [Verbal Aspect: Grammatical Meaning and Context] / Benacchio R. (pod red.) München, Berlin, Washington/D.C., Verlag Otto Sagner, 2015, pp. 79–91. (In Russ.)
 6. Benacchio R., Steenwijk H. Grammatikalizatsiya glagol'nogo vida v rez'yanskom dialekte: iskonno-slavyanskaya i romanskaya leksika [The grammaticalization of verbal aspect in Resian: originally Slavic and Romance lexicon] // *The role of prefixes in the formation of aspectuality. Issues of grammaticalization* / Benacchio R., Muro A., Slavkova S. (eds.). Firenze, Firenze University Press, 2017, pp. 23–39. (In Russ.)
 7. Breu W., Pila M., Scholze L. Vidovye pristavki v yazykovom kontakte: na materiale molizsko-slavyanskogo, rez'yanskogo i verkhneluzhitskogo mikroyazykov [Aspectual prefixes in language contact: on the material of Molise Slavic, Resian, and Upper Sorbian microlanguages] // *The role of prefixes in the formation of aspectuality. Issues of grammaticalization* / Benacchio R., Muro A., Slavkova S. (eds.). Firenze, Firenze University Press, 2017, pp. 59–84. (In Russ.)
 8. Pila M. Vid glagola v rez'yanskom mikroyazyke v severo-vostochnoi Italii [Verbal aspect in the north-eastern Italian microlanguage of Resian] // *German contributions to the International Slavist Congress Belgrade 2018* / Kempgen S. et al. (Hrsg.). Wiesbaden, Harrassowitz Verlag 2018, pp. 247–256. (In Russ.)
 9. Ruvoletto L. Prefiksatsiya glagolov v "Povesti vremennykh let". Perekhodnost', predel'nost' i rezul'tativnost' [Verbal prefixation in the "Tale of Bygone Years". Transitivity, boundedness, and resultativity] // *Glagol'nyi vid: grammaticheskoe znachenie i kontekst* [Verbal Aspect: Grammatical Meaning and Context] / R. Benacchio (red.). München, Berlin; Washington/D.C., Verlag Otto Sagner, 2015, pp. 79–91. (In Russ.)
 10. Ruvoletto L. Prefiksatsiya glagolov neopredelennogo dvizheniya v russkom yazyke [The prefixation of multidirectional verbs of motion in Russian] // *The role of prefixes in the formation of aspectuality. Issues of grammaticalization* / Benacchio R., Muro A., Slavkova S. (eds.). Firenze, Firenze University Press, 2017, pp. 183–195. (In Russ.)
 11. Sacchini M. Pristavka v(")z-: semantika i aspektual'nost' (na materiale Zadonshchiny) [The prefix v(")z-: its semantics and aspectuality (on the material of Zadonshchina)] // *Vestnik Samarskogo gosudarstvennogo universiteta. Istoriya, pedagogika, filologiya* [Bulletin of Samara University. History, pedagogics, philology], 2015, 1, pp. 39–48. (In Russ.)
 12. Slavkova S. Performativnoe upotreblenie glagolov prosit'/poprosit' i molya/pomolya v russkom i bolgarskom yazykakh: pragmaticheskaya rol' vida i vremeni [The performative use of the verbs prosit'/poprosit' and molya/pomolya in Russian and Bulgarian: the pragmatic role of aspect and tense] // *Scando-Slavica*, 2014, 60, pp. 231–252. DOI: <https://doi.org/10.1080/00806765.2014.984464>. (In Russ.)
 13. Slavkova S. Aktualizatsiya aspektual'nykh znachenii v vyskazyvanii. Na materiale russkogo i bolgarskogo yazykov [The actualization of aspectual meanings in the utterance. Russian and Bulgarian material] // *Glagol'nyi vid: grammaticheskoe znachenie i kontekst* [Verbal Aspect: Grammatical Meaning and Context] / Benacchio R. (red.). München, Berlin, Washington/D.C., Verlag Otto Sagner, 2015, pp. 467–480. (In Russ.)
 14. Slavkova S. Supraleksicheskie prefiks po- v russkom i bolgarskom yazykakh [The supralexical prefix po- in Russian and Bulgarian] // *The role of prefixes in the forma-*

- tion of aspectuality. Issues of grammaticalization* / (ed. by) Benacchio R., Muro A., Slavkova S. Firenze, Firenze University Press, 2017, pp. 197–21. (In Russ.)
15. Slavkova S. Nezavisimye da-formy v voprositel'nykh predlozheniyakh v bolgarskom yazyke (v sopostavlenii s russkim) [Independent da-forms in Bulgarian interrogative clauses (in comparison with Russian)] // *Slavistična Revija*, 2018, 66/4, pp. 441–457. (In Russ.)
 16. Benacchio R., Muro A., Slavkova S. (ed. by / eds.) *The role of prefixes in the formation of aspectuality. Issues of grammaticalization*. Firenze, Firenze University Press, 2017.
 17. Benacchio R., Steenwijk H., Jožić Z., Vajs Vinja N. Digitalna obrada rukopisnoga rječnika Vocabolario di tre nobilissimi linguaggi, italiano, illirico e latino Ivana Tanzlinghera Zanottija (1651–1732) [The digitization of Ivan Tanzlingher Zanotti's (1651–1732) manuscript vocabulary Vocabolario di tre nobilissimi linguaggi, italiano, illirico e latino (Vocabulary of the three illustrious languages: Italian, Illiric, and Latin)] // *Filologija*, 58, 2012, pp. 19–38. (In Cr.)
 18. Benacchio R., Steenwijk H. La Crusca come fonte lessicografica in area dalmato-croata: la copia padovana del Vocabolario dei tre nobilissimi linguaggi di G. Tanzlingher-Zanotti (1651–1732) [The Crusca vocabulary as a lexicographic source in the Dalmatian area. The Paduan copy of G. Tanzlingher-Zanotti's (1651–1732) Vocabolario dei tre nobilissimi linguaggi (Vocabulary of the three illustrious languages)] // *Il mondo slavo e l'Europa*, Bragone C., Bidovec M. (a c. di). Firenze, Firenze University Press, 2019, pp. 25–34. (In It.)
 19. Biasio M. Sullo sviluppo del sistema tempo-aspettuale in russo antico: l'evoluzione della semantica futurale [On the development of the aspectual-temporal system in Old Russian: the evolution of futurity], MA thesis (supervisor: R. Benacchio). Padova, 2017. (In It.)
 20. Biasio M. The Etiquette of Aspect. How and Why prositi Stopped Worrying and Entered a Pair // *Lingue e Linguaggi*, 2019 (31) / Special Issue. Doing Things with Words across Time. Snapshots of Communicative Practices in and from the Past. Ed. by Gesuato S., Dossena M., Cesiri D., pp. 191–218. DOI: <http://doi.org/10.1285/i22390359v31p191> (In Eng.).
 21. Grbić B. La categoria dell'aspetto verbale in russo e serbo: usi e significati a confronto [The category of verbal aspect in Russian and Serbian: a comparative analysis], MA thesis (supervisor: R. Benacchio). Padova, 2012. (In It.)
 22. Milani M. Lettere diplomatiche di Pietro il Grande alla Serenissima (1710-1725) [Diplomatic correspondence between Peter the Great and the Republic of Venice (1710–1725)], MA thesis (supervisor: R. Benacchio). Padova, 2012. (In It.)
 23. Muro A. Preverb stacking across languages, with special reference to Bulgarian // *The role of prefixes in the formation of aspectuality. Issues of grammaticalization grammaticalization* / Benacchio R., Muro A., Slavkova S. (eds.). Firenze, Firenze University Press, 2017, pp. 137–152. (In Eng.)
 24. Pila M. La categoria dell'aspetto verbale nel modo indicativo in russo e sloveno: usi e significati a confronto [The category of verbal aspect in the indicative mood in Russian and Slovene: a comparative analysis], PhD dissertation (supervisor: R. Benacchio). Padova, 2012. (In It.)
 25. Pila M. The use of perfect present forms in Russian, Slovenian and Resian // *Bavarian Working Papers in Linguistics*, 2017, 6, pp. 81–94. (In Eng.)
 26. Rosa S. Le lettere dei principi della Moscovia alla Serenissima conservate presso l'Archivio di Stato di Venezia: trascrizione, traduzione, commento storico e linguistico [Muscovy princes' letters to the Republic of Venice (from the State Archives of Veni-

- ce). Translation, historical, and linguistic commentary], PhD dissertation (supervisor: R. Benacchio). Padova, 2013. (In It.)
27. Ruvoletto L. I preverbi e l'aspetto verbale nella *Povest' vremennykh let* [Prefixes and verbal aspect in the *Tale of Bygone Years*], PhD dissertation (supervisor: R. Benacchio). Padova, 2010. (In It.)
28. Ruvoletto L. *I prefissi verbali nella "Povest' vremennykh let": per un'analisi del processo di formazione dell'aspetto verbale in russo* [Verbal prefixes in the "Tale of Bygone Years": towards an analysis of the development of verbal aspect in Russian], Firenze, Firenze University Press, 2016. (In It.)
29. Sacchini M. *Protocoppie aspettuiali nella Zadonščina* [Aspectual proto-pairs in the Zadonshchina], PhD dissertation (supervisor: R. Benacchio). Padova, 2014. (In It.)

Р. Бенаккьо, С. Славкова

**ВИДОВРЕМЕННЫЕ ФОРМЫ ГЛАГОЛА
В ИНСТРУКТИВНОМ ДИСКУРСЕ
В РУССКОМ И БОЛГАРСКОМ ЯЗЫКАХ:
КУЛИНАРНЫЕ РЕЦЕПТЫ¹**

Падуанский университет,

Италия, Падуа, ул. VIII февраля, 2

Болонский университет, Кампус Форли,

Италия, Форли, Корсо дела Република, 136

В настоящей работе рассматривается употребление видовременных форм в инструктивном дискурсе, в частности в кулинарных рецептах в русском и в болгарском языках. Предписывающий характер рассмотренных текстов обуславливает использование в них различных средств выражения побудительности, как, например, императива, инфинитива и других менее распространенных форм – таких, как безличный возвратный пассив в болгарском ('глагол НСВ + се'). Для каждого из вышеназванных средств выявляются, помимо стандартных значений вида, также случаи отступления от нормы, связанные с особенностями рассматриваемого типа дискурса. Статья состоит из Введения, двух параграфов и Заключения. Первый параграф посвящен употреблению вида в кулинарных рецептах на русском языке (в частности, в формах инфинитива и императива), а второй – видовременным формам глагола в болгарских кулинарных рецептах (т.е. безличному возвратному пассиву и императиву). Источником материала для анализа были печатные издания КР разных лет, электронные издания, форумы, блоги. Для анализа русских примеров использовался также Национальный корпус русского языка. На основании проведенного анализа мы заключили, что в рассмотренных русских и болгарских кулинарных рецептах с императивом, а также в русских рецептах с инфинитивом преобладают глаголы СВ, называющие цепочку последовательных законченных действий. Тем не менее в обоих языках наблюдаются отступления от нормы, в первую очередь касающиеся глаголов НСВ. В некоторых случаях эти отступления только кажущиеся, так как за ними скрывается или семантика приступа к действию, типичная для имперфективов в побудительных высказываниях, или одно из частных значений

Бенаккьо Розанна Джузепповна – ординарный профессор Падуанского университета (e-mail: rosanna.benacchio@unipd.it).

Славкова Светлана Богомиловна – доцент кафедры русского языка Департамента устного и письменного перевода Болонского университета (e-mail: svetlana.slavkova@unibo.it).

¹ Настоящая статья – результат совместной работы двух авторов. Первый раздел был написан Р. Бенаккьо, второй – С. Славковой. Введение и Заключение формулировались совместно.

НСВ, а именно общефактическое. В других они связаны с такими особенностями инструктивного дискурса, как наличие у адресанта и адресата общих знаний о мире – позволяющие, в частности, использовать НСВ без ясного указания на длительность действия, которая на самом деле подразумевается.

Ключевые слова: глагольный вид; инструктивный дискурс; кулинарные рецепты; русский язык; болгарский язык.

0. Введение. В настоящей работе мы будем отталкиваться от следующего определения дискурса: «связный текст в совокупности с экстралингвистическими факторами – прагматическими, социокультурными психологическими и др. факторами» [Арутюнова, 1990: 136–137], а также от соображения, что каждому дискурсу соответствуют определенные типовые ситуации. Примером дискурса, отражающего такую типовую ситуацию, являются кулинарные рецепты (далее – КР).

Традиционно КР относят к инструктивным текстам [Буркова, 2004; Кантурова, 2011; Кирова, Васева, 1995; Китайгородская, Розанова, 2012; Фонтаньский, 1990]. Их коммуникативная цель имеет двойственную природу: сообщить некие сведения и предписать способ совершения конкретных действий. Согласно определению в работе [Володин, Храковский, 1986] инструкции реализуются в письменных текстах и представляют собой правила, соблюдение которых позволяет добиться оптимальных результатов в определенной ситуации (139). Тем не менее сегодня они могут существовать и в письменной (печатной или электронной), и в устной форме (видеопрезентации на телевидении и в Интернете).

Как правило, текст КР предлагается лицом, которое позиционирует себя как специалист или, по крайней мере, как лицо, имеющее определенный опыт в описываемом действии. Адресат при этом обобщенный, удаленный и, в некотором смысле, абстрактный и неопределенный. Сам КР представляет собой связный текст, в котором в определенной последовательности перечисляются нужные самому адресату действия с тем, чтобы адресат смог произвести новый предмет действительности (конкретное блюдо). Именно поэтому порождение дискурса КР связано с директивностью, а в используемых глагольных формах, по нашему мнению, с особой силой должна проявляться результативная составляющая.

Другая особенность КР состоит в том, что создатель рецепта (адресант) ориентируется на правила общего характера, которые относятся к множеству потенциальных пользователей (адресатов), т.е. он описывает некое стандартное (абстрактное) действие, в некоторых случаях, как мы далее увидим, рассчитывая на соучастие адресата. Реципиент (адресат), наоборот, совершает конкретное действие здесь

и сейчас, интерпретируя указания (инструкции) в конкретный момент совершения действия (и поэтому, как мы увидим далее, появляющиеся «аномальные» конструкции не нарушают процесса коммуникации, т.е. передачи и принятия предписания).

В нашей работе мы сосредоточимся на употреблении видовременных форм глагола в КР в русском и болгарском языках. Присущий КР предписывающий, инструктивный характер обуславливает использование в них самых разнообразных средств выражения побудительности, как, например, императива, инфинитива в русском и безличного возвратного пассива в болгарском (глагол НСВ + се). Наше внимание будет сосредоточено на особенностях проявления видовых и видовременных характеристик употребляемых глагольных форм. Для каждого из названных средств мы постараемся определить, каким образом проявляются традиционно выделяемые значения вида, а также проявляются ли в них какие-нибудь отступления, т.е. особые случаи употребления вида, обусловленные этим типом дискурса.

В качестве материала для анализа мы использовали печатные издания КР разных лет, электронные издания, форумы, блоги. Для анализа русских примеров использовался также Национальный корпус русского языка.

1. Кулинарные рецепты на русском языке. В печатной кулинарной литературе, адресованной широкому кругу читателей (начиная с классической «Книги о вкусной и здоровой пище», изданной впервые в 1939 г.), мы обнаружили прежде всего использование инфинитива. Инфинитив также продолжает применяться и в различных онлайн-публикациях.

Кроме того, в современных текстах имеется немалое количество КР, использующих императив в основном в форме 2 л. мн. ч.

Исключение представляют некоторые публикации рецептов, предназначенные для узкого круга специалистов (поваров и инженеров-технологов предприятий общественного питания [Фатов, Холодков, 1985]). Прескриптивная функция в них выражается посредством неопределенно-личных форм глагола наст. времени индикатива.

Для более современных устных видеотекстов, показывающих вживую сам процесс приготовления конкретного блюда с одновременным его описанием, характерны формы инклюзивного 1 л. мн. ч. наст. времени индикатива. Кроме того, в последнее время под их влиянием появляются письменные тексты с таким же употреблением форм индикатива и в сети (в форумах, блогах и на специализированных открытых сайтах, где каждый может предложить свой вариант

рецепта). Это глагольные формы, которые как бы вовлекают адресата в сам процесс приготовления пищи. Тем не менее для анализа употребления вида они нерелевантны и не представляют интереса для нашего исследования.

Таким образом, из всех выявленных нами форм релевантными для нашего анализа будут формы инфинитива и императива (поскольку именно в этих формах проявляется видовая оппозиция).

Как известно, в побудительных высказываниях СВ употребляется в тех случаях, когда иллокутивная сила сосредоточена на конечном моменте однократного действия, т.е. на результате, что соответствует его основному видовому значению. Использование НСВ, помимо многократного значения, предполагает внимание не на конечном моменте единичного действия, а на предшествующих ему фазах, выражая, например, процесс или приступ к действию [см., например: Бенаккьо, 2010: 23–30]. Как будет показано, эти же значения встречаются и в рассмотренных нами КР.

1.1. Кулинарные рецепты, оформленные при помощи инфинитива. Как правило, КР с инфинитивом формулируются с использованием предикатов СВ:

(1) Из мяса и костей *сварить*^{СВ} бульон, *добавить*^{СВ} коренья, пряности и замоченный в воде горох. Когда бульон сварится, мясо *вынуть*^{СВ}, бульон *процедить*^{СВ}, горох и коренья *протереть*^{СВ} и вновь *соединить*^{СВ} с бульоном. Муку *пассеровать*^{СВ}, *разбавить*^{СВ} бульоном и *вести*^{СВ} в суп.

Как видим, все названные действия в примере (1) представляют собой конкретные указания и следуют одно за другим, образуя цепочку последовательных действий (событий)². При этом каждое из них является предпосылкой для следующего за ним действия. Биаспектив *пассеровать* интерпретируется как СВ, поскольку входит в цепочку событий, выраженных глаголами СВ.

То же самое можно сказать и по поводу примера (2) за одним исключением: единственный глагол НСВ в нем называет предельный процесс и сопровождается перечислением обстоятельств его осуществления, в том числе касающихся времени приготовления.

(2) *Ототбрать*^{СВ} для гарнира мелкие шляпки свежих белых грибов или шампиньонов и *припустить*^{СВ} в бульоне. Остальные грибы *почистить*^{СВ}, *промыть*^{СВ}, *пропустить*^{СВ} через мясорубку. Измельченные грибы *положить*^{СВ} в сотейник, *добавить*^{СВ} сливочное

² О характерном для русского перфектива признаке «секвентная связь» см. [Барентсен, 1998].

масло и на небольшом огне *тушить*^{НСВ} 20–30 мин. Тушеные грибы соединить^{СВ} с белым соусом и *варить*^{НСВ} 20–25 мин.

Возможны также примеры, где НСВ глагола не сопровождается обстоятельством времени, а присутствуют только общие условия приготовления блюда (3):

(3) Ножки *очистить*^{СВ}, *опалить*^{СВ}, *поскоблить*^{СВ}, тщательно *промыть*^{СВ}, *разрубить*^{СВ} на части. [...] После этого ножки еще раз *промыть*^{СВ}, *переложить*^{СВ} в неширокую кастрюлю и *залить*^{СВ} водой, чтобы ее уровень на 15–20 см был выше ножек. *Варить*^{НСВ} хаш без соли на слабом огне.

1.2. Кулинарные рецепты, оформленные при помощи императива. Рассмотрим несколько примеров с императивом. В них так же, как и в примерах с инфинитивом, отдельные последовательные и образующие связный текст действия, выражены глаголами СВ – пример (4).

(4) *Вскипятите*^{СВ} молоко с кокосовой стружкой и *дайте*^{СВ} ему постоять в течение часа. Финики *залейте*^{СВ} ликером, чтобы настоялись. [...] *Поварите*^{СВ} массу на слабом огне, постоянно помешивая. *Охладите*^{СВ} и *добавьте*^{СВ} 220 г нарезанных кусочками фиников. *Украсьте*^{СВ} готовый крем целыми финиками и *подайте*^{СВ} на стол.

Случаи использования НСВ ограничены указанием на процесс, который должен длиться до момента достижения правой границы ситуации, выраженного посредством *пока не* в (5) *до готовности* в (6) и *до размягчения* в (7):

(5) Половину мякоти кокоса *измельчите*^{СВ} и *выжмите*^{СВ} из нее как можно больше сока. Другую половину *нарежьте*^{СВ} кубиками и слегка *поджарьте*^{СВ} в духовке. Кокосовое молоко и отжатый сок *соедините*^{СВ} с равным количеством куриного бульона, *добавьте*^{СВ} немного измельченного на терке мускатного ореха [...] и *варите*^{НСВ}, пока кубики не размягчатся.

(6) *Промойте* тщательно крупу проточной водой, *замочите*^{СВ} на 2–3 часа. В кастрюлю *переложите*^{СВ} подготовленную крупу, *налейте*^{СВ} воду исходя из пропорций 1:3 и *варите*^{НСВ} до готовности.

(7) Свеклу *вымойте*^{СВ}, *очистите*^{СВ}, *нарежьте*^{СВ} соломкой, *добавьте*^{СВ} немного уксуса, бульона и жира и *тушите*^{НСВ} до размягчения.

1.3. Отступления от нормы. В русском языке наблюдаются также случаи нестандартных употреблений вида как в инфинитиве, так и в императиве, чаще всего в современных, в том числе в онлайн-текстах. В частности, в примере (8) можно отметить, что в самом конце ряда последовательных действий, выраженных СВ инфинитива

и представляющих собой секвентную связь, появляется форма НСВ *варить*.

(8) Чтобы подцветить бульон, надо 1 луковицу вместе с шелухой *обтереть*^{CB}, *разрезать*^{CB} надвое и *поджарить*^{CB} ее кругом, на горячей плите, но смотреть, чтобы не подгорела. Тогда *опустить*^{CB} ее в бульон и *варить*^{НСВ}.

Эту форму можно было бы трактовать как процесс, но этому препятствует отсутствие ожидаемого обстоятельства длительности, а также такого правого контекста, который бы предполагал длительный процесс. Более того, учитывая тот факт, что действию ‘варить’ предшествует несколько целостных, законченных действий, каждое из которых предполагает следующее за ним действие, в значении глагола НСВ *варить* можно скорее увидеть инцептивную составляющую, что сближает его с семантикой значения *приступ к действию*, характерной для побудительных высказываний с глаголами НСВ [Бенакьо, 2010: 29–30].

И в рецептах, оформленных при помощи императива, наблюдаются случаи, похожие на отступления от нормы, – такие, как в примерах (9) и (10), где формы НСВ *варите* и *тушите* неожиданно образом появляются в контекстах последовательных событий, где предполагается использование глагола СВ.

(9) Сначала *варите*^{НСВ} ветчину, когда поймете, что она готова, *вытащите*^{CB} ее и *отложите*^{CB} в другую кастрюльку. В бульон *засыпьте*^{CB} горох [...].

(10) *Подготовьте*^{CB} и *нарежьте*^{CB} овощи. На дно сотейника *налейте*^{CB} масло. Сначала *тушите*^{НСВ} нарезанный репчатый лук. Далее *добавьте*^{CB} болгарский перец [...].

Однако анализ примеров (9) и (10) позволяет также предположить, что в этих случаях речь идет о настоящем времени глагола НСВ³. Чтобы проверить это предположение, был проведен небольшой эксперимент, в котором мы попросили нескольких респондентов (носителей русского языка) расставить ударения в примерах (9) и (10). Результаты получились неоднозначные: как и следовало ожидать, обнаружились варианты в формах *варите*, *тушите* (в нескольких случаях ударение было поставлено на первый слог, т.е. предполагался вариант с настоящим временем: *Сначала вАрите ветчину*; *Сначала тУшите*).

В нашем материале нашлись также и другие примеры, в которых может подразумеваться настоящее время, в особенности в тех случаях, когда предполагается происходящее на наших глазах действие.

³ Употребление индикатива в побудительной функции было отмечено в работе [Храковский, Володин, 1986: 202–205].

Нужно, однако, отметить, что при прочтении вслух после предложений, содержащих формы *варите* или *тушите*, ощущается пауза, после которой автор рецепта переходит (или возвращается) к самой инструкции, употребляя в соответствии с характеристиками жанра рецепта императивные формы СВ. После паузы возможен союз или наречие, которые маркируют этот переход.

Что касается интерпретации этих форм (*сначала варите*; *сначала тушите*) как императивных, можно сказать, что мы имеем дело с такой разновидностью процессного значения, в которой обстоятельство длительности подразумевается (поскольку длительность известна адресату из его общих знаний о мире)⁴.

1.4. Формулы с глаголами подавать – подать. Особо хотим отметить употребление видовой пары *подавать/подать*. Эти глаголы встречаются в концовке КР как в СВ, так и в НСВ (см. пример (11) с инфинитивом и (12) с императивом). Как уже было сказано, в соответствии с типичным аспектуальным оформлением КР, все предикаты, предшествующие данным глаголам, выступают в виде цепочки глаголов СВ:

(11) а. *Подать*^{СВ} форель горячей. Отдельно *подать*^{СВ} лимон или зерна граната.

б. *Подавать*^{НСВ} уху с кусками рыбы, картофелем, луком и зеленью.

(12) а. *Подайте*^{СВ} хорошо охлажденным в высоких бокалах.

б. *Подавайте*^{НСВ} охлажденным, украсив петрушкой и дольками помидоров.

В приведенных примерах, по-видимому, можно говорить о конкуренции видов (надо, однако, сказать, что преобладает НСВ, его в четыре раза больше, чем СВ). Причины можно увидеть в том, что особую роль в этом контексте играет семантика приступа к действию – «приготовили, теперь уже можно подавать». Иными словами, все условия соблюдены, конечный продукт соответствует нужным характеристикам, поэтому можно приступать к следующему этапу, т.е. к принятию пищи.

Кроме того, важно заметить, что эти формы (инфинитива и императива НСВ), которые часто сопровождаются указанием на характеристику самого блюда (*горячим*, *охлажденным*), собственно говоря, не

⁴ Возможно, на наш взгляд, и другое толкование НСВ в контекстах примеров (9) и (10), а именно как случай выражения общефактического значения (см. похожие случаи в болгарском языке – примеры (22) и (23)).

являются частью рецепта, а представляют собой формулу, связанную с некими профессиональными правилами подачи кулинарных блюд.

2. Кулинарные рецепты на болгарском языке. В кулинарной литературе на болгарском языке по сравнению с русским наблюдается несколько иное распределение времен и наклонений, что не в последнюю очередь связано со структурными особенностями болгарского языка, в том числе с отсутствием инфинитива. Тем не менее и в болгарском языке мы обнаружили разные варианты оформления КР – как в более старых, так и в публикациях последних лет.

Как и в русском языке, кроме императивных форм используются также некоторые формы индикатива. В частности, в КР, воспроизводящих устную речь, встречаются формы инклюзивного первого лица множественного числа и даже первого лица единственного числа настоящего времени.

Характерной особенностью болгарских КР является использование в них безличных возвратно-пассивных конструкций 'глагол НСВ + се', которым обычно в русском соответствуют неопределенно-личные предложения. Для болгарских КР, в отличие от русского, неопределенно-личные предложения не характерны [Кирова, Васева, 1995: 220, 229]. Конструкции глагол 'НСВ + се' в болгарских КР интересны тем, что в них употребляются преимущественно вторично имперфективированные глаголы, чья основа сохраняет семантику мотивирующего приставочного глагола СВ. Тем не менее в некоторых контекстах устойчиво употребляются простые глаголы НСВ, в известном смысле «нарушающие» стройную картину из последовательных целостных действий, осуществление каждого из которых предполагает следующее за ним действие.

2.1. Кулинарные рецепты, оформленные при помощи индикатива (глагол НСВ + се). Как правило, в болгарской возвратно-пассивной конструкции используются глаголы НСВ, в семантике которых тесно переплетаются модальная и видовременная составляющие. Конструкции, оформленные таким образом, имеют ярко выраженный прескриптивный характер, т.е. им присуща семантика предписания: 'как надо делать, как положено делать'⁵.

⁵ Некоторые исследователи относят такие формы к модальному пассиву. Например, [Ницолова, 2008: 241] пишет: «В изречението с модален пассив действието заедно със засегнатия обект в ролята на подлог се представя като възможно или необходимо, позволено или забранено». В нашей работе мы используем термин, принятый в работе [Кирова, Васева, 1995], где они определяются как безличные возвратно-пассивные формы глаголов НСВ.

В болгарских рецептах активно используются формы пассива в настоящем времени, имеющие ярко выраженный прескриптивный характер. Форма с частицей *се* на самом деле сообщает, как надо поступить в определенной ситуации, какие конкретные действия надо совершить потенциальному адресату, чтобы достичь желаемого результата. Иными словами, если мы говорим *напълва се, сварява се, изпържва се, изпича се*, мы имеем в виду, что то или иное действие надо совершить определенным образом, т.е. *трябва да се напълни, да се сvari, да се изпържи, да се изпече* и т.д.⁶

Рассмотрим несколько примеров. Во всех рецептах, оформленных при помощи пассивной конструкции, преобладают префигированные вторично имперфективированные глаголы, а некоторые рецепты построены целиком на этих формах, как пример (13). Это связано с тем, что в приставочных глаголах НСВ ясно ощущается результативная составляющая, выраженная префиксом (*нарязвам, обелвам*). Излишне напоминать, что использование вторичных имперфективов от приставочных глаголов обусловлено почти полным отсутствием ограничений на их образование, с сохранением при этом тождества лексического значения парных глаголов [Маслов, 1955: 41 и след.].⁷

(13) Пиперките *се опичат*^{НСВ}, *обелват*^{НСВ} *се* и *се изчистват*^{НСВ} *от семето, след което се нарязват*^{НСВ} *на малки квадратчета и се смесват*^{НСВ} *с отцеденото мляко. Прибавят*^{НСВ} *се* растителното масло и ситно нарязаните орехови ядки и магданоз. Сместа *се посолява*^{НСВ},

⁶ Такие формы в русском языке тоже есть: они «могут использоваться для обозначения деагентивных процессов, в которых роль человека может сводиться к их инициированию» [Князев, 2007: 285]. Тем не менее в русском кулинарном дискурсе они встречаются весьма редко: «Туец *нарезается*^{НСВ} не большими кубиками, *добавляется*^{НСВ} лук-шалот. [...] Далее все *заправляется*^{НСВ} соусом понзу и *украшается*^{НСВ} муссом из авокадо». Возможно, такое употребление связано с тем, что по сравнению с болгарским языком они имеют менее ярко выраженный прескриптивный характер. Более того, для выражения этого модального значения болгарских возвратно-пассивных конструкций в русском языке имеется набор специализированных средств, в частности, это инфинитивные конструкции, которые отсутствуют в болгарском языке, а также неопределенно-личные формы глагола, которые в болгарском языке хотя и используются, но не обладают прескриптивной функцией [Кирова, Васева, 1995]. Более подробный сопоставительный анализ способов выражения функции прескриптивности в КР в обоих языках может стать предметом отдельного исследования.

⁷ О вторичных имперфективах в болгарском языке см.: [Иванчев, 1971; Петрухина, 2000; Dickey, 2012; Аркадьев, 2015]. В отношении русского языка этот вопрос стал рассматриваться не так давно [Петрухина, 2000; Татевосов, 2010; Зализняк, Микаэлян, 2010; Зельдович, 2014; Аркадьев, 2015]. В частности, отмечалось, что для вторичных имперфективов характерно сохранение событийного результативного значения: «единожды возникнув, результирующее состояние остается в семантическом представлении навсегда, что бы дальше ни происходило с предикатом» [Татевосов, 2010: 304].

разбърква^{НСВ} се добре и се *изсипва*^{НСВ} в подходяща чиния [Перец *испекается* в духовке, *очищается* от кожицы, семена удаляются, после чего перец *нарезается* маленькими кубиками и *смешивается* с отцеженным йогуртом. *Добавляется* растительное масло и мелко порезанные орехи и петрушка. Смесь *посоляется*, *перемешивается* и *перекладывается* в подходящее блюдо]⁸.

Тем не менее в болгарских рецептах есть случаи, в которых глаголы НСВ используются в своей простой непрефигированной форме НСВ (simplex verb): наряду с *напълва се*, *сварява се*, *изпържва се* и другими подобными глаголами в некоторых специфических контекстах встречаются и *пълни се*, *вари се*, *пържи се*, *пече се*.

Как правило, в таких случаях речь идет об эксплицитно выраженных контекстах длительности (14), или же внимание акцентируется на условиях и способе совершения действия (15):

(14) Грисът *се задушавя*^{НСВ} в мазнината до златисто оцветяване, след което при непрекъснато бъркане *се залива*^{НСВ} с 5–6 чаши гореща вода и *се оставя*^{НСВ} да заври. *Прибавят*^{НСВ} се картофите, нарязани на кубчета, и сол на вкус. Супата *се вари*^{НСВ} още 10–15 минути. *Поднася*^{НСВ} се с настъргания кашкавал и малко черен пипер [Манная крупа *обжаривается* в масле до золотистого цвета, после чего, при постоянном помешивании, *заливается* 5–6 стаканами кипятка и *оставляется*, чтобы закипела (доводится до кипения). *Добавляется* картофель, нарезанный кубиками, и соль по вкусу. Суп *варится* еще 10–15 минут. *Подается* с тертым сыром и черным перцем].

(15) Месото *се нарязва*^{НСВ} на парчета, *залива*^{НСВ} се със 7 чаени чаши вода и *се слага*^{НСВ} на огъня. *Посолява се*^{НСВ}, след като кипне, и *се вари*^{НСВ} на тих огън. *Поднася*^{НСВ} се топла [Мясо *нарезается* на кусочки, *заливается* 7 стаканами воды и *ставится* на огонь. *Посоливается*, после того как закипит, и *варится* на слабом огне. *Подается* горячим].

Однако есть случаи, когда конкретный тип кулинарного действия только называется без указания на длительность или на условия его совершения, что сближает такое употребление с общефактическим значением НСВ. В этих случаях использования простых глаголов НСВ можно предположить, что акцентируется не значение процесса, а подчеркивается тип совершаемого действия – чаще всего это тип термической обработки: ‘печь’, а не ‘варить’, как в (16).

⁸ Здесь и далее предложен буквальный, максимально приближенный к болгарскому оригиналу перевод примеров на русский язык; сохраняется также видовременная форма глаголов, несмотря на то, что в некоторых случаях это приводит к неграмматичности русского текста.

(16) Доматите *се пълнят*^{НСВ}, *захлупват*^{НСВ} *се* с капачетата и *се нареждат*^{НСВ} в тавичка. *Заливат*^{НСВ} *се* с малко вода и масло и *се пека*^{НСВ} [Томаты *фаршируются*, *накрываются* верхушечками и *укладываются* в противень. *Заливаются* небольшим количеством воды и *пекутся*].

Все обнаруженные нами примеры глаголов настоящего времени используются в форме НСВ. Напомним, что СВ в настоящем времени возможен только с частицей *да*. Тем не менее *да*-формы в независимом употреблении нам не встретились (хотя они являются функциональным соответствием русского инфинитива). Это может быть связано с тем, что в повествовательных утвердительных предложениях они не употребляются, а в побудительном значении в рецептах они неуместны, так как выражают, как правило, действие, не всегда соответствующее желаниям адресата, и автоматически превращают иллокутивный акт совета в приказ.

2.2. Кулинарные рецепты, оформленные при помощи императива. Как в печатных изданиях, так и в мультимедийных текстах имеется немалое количество КР, использующих императив, в основном в форме второго лица множественного числа. Здесь мы опять, как и в русском языке, видим, что СВ употребляется в тех случаях, когда иллокутивная сила сосредоточена на конечном моменте однократного действия (т.е. на его результате). Этот результат становится предпосылкой для следующего действия в цепочке однородных действий, а получение конечного продукта обеспечивается выполнением конкретных законченных действий в строго определенной последовательности – ср. примеры (17) и (18):

(17) *Разбийте*^{СВ} маслото заедно с меда до получаването на пухкава светла маса. Тогава *прибавете*^{СВ} яйцето и ваниловия екстракт, *разбъркайте*^{СВ} старателно [Взбейте сливочное масло с медом до получения светлой пышной массы. Прибавьте яйцо и ванильный экстракт, *размешайте* старателно].

(18) *Накъсайте*^{СВ} броколите на розички и ги *сварете*^{СВ} в солена вода [Нарвите (разделите на соцветия) брокколи и *сварите* их в соленой воде].

Глаголы НСВ появляются в типичных контекстах длительности, как в примере (19), способа совершения действия в (20), а также при эксплицитном выражении правого (конечного) предела действия (21):

(19) *Затворете*^{СВ} добре с алуминиево фолио и *печете*^{НСВ} в предварително загрята фурна на 200 градуса 45 минути [Закройте плотно фольгой и *пеките* в разогретой духовке 45 минут при температуре 200 градусов].

(20) *Извадете*^{CB} чесъна и *добавете*^{CB} брашното, изсипвайки тънка струя от него, и *бъркайте*^{HCB} непрекъснато [*Выньте* чеснок и прибавьте муку, засыпая ее тонкой струйкой, и *мешайте* постоянно].

(21) *Варете*^{HCB} на тих огън до пълна готовност [*Варите* на слабом огне до полной готовности].

Помимо предложенных выше стандартных употреблений глагольного вида в болгарском императиве наблюдаются так же, как и в русском, случаи отступления от нормы.

2.3. Отступления от нормы. Рассмотрим примеры (22) и (23), в которых нет дополнительных указаний на длительность, привычность или другие аспектуальные значения HCB и тем не менее глаголы HCB употребляются в цепочке последовательных законченных действий CB:

(22) За соса *почистете*^{CB} лука, *наситнете*^{CB} го и го *пържете*^{HCB} в малко растително олио [Для приготовления соуса *почистите* лук, *измельчите* его и *жарьте* его в небольшом количестве растительного масла].

(23) [С]лед като омесите тестото, го *оформете*^{CB} направо в тавичката и *оставете*^{CB} питката на топло да втаса, тогава я *намажете*^{CB} с жълтъка и я *печете*^{HCB} [После того как замешаете тесто, *оформите* лепешку прямо на противне и *оставьте* ее, чтобы она поднялась, после чего *намажьте* ее желтком и *пеките* ее].

Можно сказать, что глаголы *пържете* и *печете*, соответственно, в примерах (22) и (23) употребляются вместо результативных глаголов СВ *изпържете* и *изпечете*, эксплицитно выражающих достижение внутреннего предела действия. Тем не менее глаголы HCB обозначают в таких контекстах единичное действие и представляют собой основной, часто заключительный этап приготовления блюда (а также сопровождаются прямым конкретным объектом действия *го, я*). Поэтому можно предположить, что в приведенных выше примерах речь идет об общефактическом употреблении императива⁹, поскольку

⁹ Как известно, термин *общефактическое значение* HCB используется преимущественно в отношении глагольных форм прошедшего времени. Тем не менее некоторые исследователи указывают на схожесть употребления глаголов HCB в индикативе и в императиве, в частности, на возможность называть единичное, целостное событие. В этом смысле интересно утверждение С. Алвестад о том, что использование HCB в императиве “is in fact the same phenomenon that is referred to as general-factual IPF when declaratives and interrogatives are involved. In other words, in many of these cases, IPF refers to a single, complete event” [Alvestad, 2013: 11]. В настоящей статье мы не будем обсуждать вопрос об уместности термина общефактическое значение в отношении императива. Отметим только, что мы используем этот термин чисто условно, подразумевая, что речь идет о глаголах HCB,

в них действие только называется, в частности, указывается на тип термической обработки (кроме *печете* и *пържете* встречается также *варете*).

В болгарских КР мы обнаружили еще одно нестандартное употребление глагольного вида. Оно выражается в том, что в типичных для СВ контекстах (а именно с обстоятельством ограниченного времени с предлогом 'за') наряду с глаголами СВ могут использоваться глаголы НСВ, как в примере (24):

(24) *Печете*^{НСВ} го на 175 градуса за 30–40 минути, до суха клечка [*Пеките* его при температуре 175 градусов за 30–30 минут, до сухой шпажки].

Здесь при наличии нескольких обстоятельственных пояснений, по-видимому, выбор вида определяется самым «сильным» из них – в нашем случае эксплицитным указанием на момент достижения правой границы длительного действия (*до суха клечка*). В результате появляется возможность использовать инклюзивное обстоятельство времени (*за 30–40 минути*), хотя с глаголами НСВ (помимо случаев их употребления в итеративных контекстах) такие обстоятельства, как правило, не употребляются.

Еще более интересными являются примеры (25) и (26), где помимо инклюзивного обстоятельства времени нет никаких других обстоятельственных пояснений и тем не менее используется глагол НСВ.

(25) *Сложете*^{СВ} лещата в малко вода и *варете*^{НСВ} за около 10-тина минути [*Положете* чечевицу в небольшое количество воды и *варите* минут за 10].

(26) *Запържете*^{СВ} лука в тиган с огнеупорна дръжка, *посолете*^{СВ} го и го *пържете*^{НСВ} за 3–4 минути [*Обжарьте* лук в сковороде, *посолите* его и *жарьте* его за 3–4 минуты].

На наш взгляд, такое «аномальное» (хотя и достаточно распространенное) употребление простых глаголов НСВ с инклюзивными обстоятельствами времени (как в примерах (25) и (26)) возможно по той причине, что в данном дискурсе процессная семантика простых глаголов НСВ не исключает достижение предела действия на последнем, завершающем этапе процесса приготовления блюда¹⁰. В этом случае мы имеем дело с определенным «сжатием» информации, характерным для дискурса КР, в котором устраняются избыточные

обозначающих единичное, целостное событие, *мыслимое* как факт, который может иметь место *после* момента речи.

¹⁰ Сочетание с инклюзивными обстоятельствами мы обнаружили у простых глаголов НСВ только в болгарских примерах. В русском языке такие случаи нам не встретились. Изучение причин развития таких конструкций в болгарском языке и их семантическая аномальность в русском требует дальнейшего, более углубленного исследования.

(дублирующиеся) показатели аспектуальной характеристики высказывания.

3. Заключение. В рассмотренных русских и болгарских КР с императивом преобладают глаголы СВ, называющие цепочку последовательных законченных действий. Тем не менее в обоих языках наблюдаются отступления от нормы, как в отношении использования СВ, так и касающиеся глаголов НСВ. Первое отступление связано с контекстами включения простых глаголов НСВ в цепочку глаголов СВ, называющих события, особенно если это последний из серии глаголов. В русском языке такое употребление встречается в основном с инфинитивом: по нашему мнению, наличие в инфинитиве НСВ инцептивной составляющей способствует выражению семантики приступа к действию (см. *и варить*). То же самое можно сказать и о формулах с глаголом *подавать* в инфинитиве и в императиве (приготовили, теперь уже можно подавать).

В болгарском языке такие конструкции встречаются с императивом глаголов НСВ (см. *и го печете*). Эти случаи можно интерпретировать скорее как проявление общефактического значения НСВ, который выступает в позиции возможного СВ (т.е. называется единичное действие). Очень похожая ситуация наблюдается и в выборе глагольной формы в индикативе, где на фоне вторично имперфективированных приставочных глаголов, преобладающих в кулинарных рецептах, оформленных при помощи возвратного пассива с частицей *се*, также выделяются простые глаголы НСВ (simplex), не акцентирующие внимание на результате действия, а только называющие тип действия.

Другой интересный случай использования глаголов НСВ в цепочке глаголов СВ, который касается только русского языка, представляют собой такие примеры как *сначала варите, сначала тушите*. Мы рассматриваем их как проявление процессного значения глагола НСВ в ситуации, в которой обстоятельство длительности подразумевается (поскольку длительность известна адресату из его общих знаний о мире).

Только в болгарском языке мы нашли еще один случай отступления от нормы. Речь идет об использовании глаголов НСВ в контексте, где обычно требуется СВ и где при наличии обстоятельства ограниченного времени (*за около 10-тина минути*) употребляется простой имперфектив *варете* (при этом итеративная интерпретация исключается). Такие случаи, можно объяснить общей тенденцией к сжатию информации, характерной для дискурса КР, что приводит к тому, что необходимое указание на временные границы выполнения действия может оказаться достаточным для аспектуальной характеристики высказывания и привести к избыточности указания на вид глагола.

Список литературы

1. *Аркадьев П.М.* Ареальная типология префиксального перфектива (на материале языков Европы и Кавказа). М., 2015.
2. *Арутюнова Н.Д.* Дискурс // Лингвистический энциклопедический словарь / Гл. ред. В.Н. Ярцева. М., 1990. С. 136–37.
3. *Барентсен А.* Признак «секвентная связь» и видовое противопоставление в русском языке // Типология вида. Проблемы, поиски, решения / Отв. ред. М.Ю. Черткова. М., 1998. С. 43–58.
4. *Бенакьо Р.* Вид и категория вежливости в славянском императиве. Сравнительный анализ. München [Slavistische Beiträge, 472], 2010.
5. *Буркова П.П.* Кулинарный рецепт как особый тип текста (на материале русского и немецкого языков): Дисс. ... канд. филол. наук. Ставрополь, 2004. URL: <https://dlib.rsl.ru/viewer/01002743523#?page=1>
6. *Володин И.С., Храковский А.П.* Семантика и типология императива. Русский императив. М., 1986.
7. *Зализняк Анна А., Микаэляна И.Л.* О месте видовых троек в аспектуальной системе русского языка // Труды Международной конференции «Диалог 2010». М., 2010. С. 130–136.
8. *Зельдович Г.М.* Видовые тройки: вторичный имперфектив как показатель высокой индивидуализированности ситуаций // Русский язык в научном освещении. 2014. Вып. 2. С. 9–58.
9. *Иванчев Св.* Проблеми на аспектиалността в славянските езици. София, 1971.
10. *Кантурова М.А.* Деривационный процесс модификации в системе речевых жанров (на примере речевого жанра кулинарного рецепта) // Вестн. Томск. гос. ун-та. 2012. № 354. С. 16–18.
11. *Кантурова М.А.* Структурные особенности жанра кулинарного рецепта // Очерки гуманитарных исследований: сб. науч. трудов / Под ред. проф. Е.В. Лукашевич. Барнаул, 2010. Вып. 8. С. 43–52.
12. *Кантурова М.А.* Образование вторичного речевого жанра как деривационный процесс (на примере речевого жанра кулинарного рецепта) // Сибирский филологический журнал. 2011. № 2. С. 222–226.
13. *Кирова Т., Васева И.* Изразяване на подбудителност в руски и български език // Годишник на Софийския университет. Факултет по славянски филологии. Кн. I. Т. 88. 1995. С. 155–288.
14. *Китайгородская М.В., Розанова Н.Н.* Кулинарный рецепт как жанр устной речи // Русский язык сегодня. X Шмелевские чтения сборник докладов. Институт русского языка им. В.В. Виноградова РАН. М., 2012. С. 202–210.
15. *Князев Ю.П.* Грамматическая семантика: Русский язык в типологической перспективе. М., 2007.
16. *Маслов Ю.С.* О своеобразии морфологической системы глагольного вида в современном болгарском языке // Институт славяноведения: Краткие сообщения (отв. ред. С.Б. Бернштейн). Вып. 15. М., 1955. С. 28–48.
17. *Ницолова Р.* Българска граматика. Морфология. София, 2008.
18. *Петрухина Е.В.* Аспектуальные категории глагола в русском языке в сопоставлении с чешским, словацким, польским и болгарским языками. М., 2000.
19. *Татевосов С.Г.* Первичное и вторичное в структуре имперфективов // Acta Linguistica Petropolitana. Т. VI. Ч. 2. СПб., 2010. С. 299–321.

20. Фонтанский Г. Лингвистическая характеристика одного жанра: русский кулинарный рецепт // *Linguistica Silesiana*. 1990. Vol. 11. С. 99–114.
21. Alvestad S. S. Event token and event type anaphora in Slavic imperatives // Zybatow G., Biskup P., Guhl M., Hurtig C., Mueller-Reichau O. et al. (ed.) *Slavic Grammar from a Formal Perspective. The 10th Anniversary FDSL Conference, Leipzig 2013*. Peter Lang Publishing Group, 2015. P. 11–27.
22. Dickey S.M. Orphan prefixes and the grammaticalization of aspect in South Slavic // *Jezikoslovlje*. T. 13 (2012). No. 1. P. 71–105.

Rosanna Benacchio, Svetlana Slavkova

**TEMPORAL AND ASPECTUAL VERBAL FORMS
IN THE INSTRUCTIONAL DISCOURSE OF RUSSIAN
AND BULGARIAN RECIPES**

University of Padua,

Italy, Padua, st. VIII February, 2

University of Bologna, Forlì Campus,

Italy, Forlì, Corso della Repubblica, 136

The present paper deals with the use of temporal and aspectual verbal forms in instructional discourse, specifically, in Russian and Bulgarian recipes. Due to their prescriptive nature, the texts examined manifest various means to indicate illocutionary force, such as imperative, infinitive, and other less common forms (e.g. indefinite personal present in Russian and impersonal reciprocal passive in Bulgarian (imperfective verb + *se*). For each of the abovementioned forms, in addition to the standard values associated with perfective and imperfective aspect, several cases of deviation related to the peculiarities of the prescriptive discourse were attested. The paper discusses the use of the verbal aspect in recipes written in Russian (infinitive and imperative forms in particular) and the temporal-aspectual verbal forms in Bulgarian (i.e. impersonal reciprocal passive and infinitive). The material for the analysis was sourced from recipes published in forums or blogs at various times. Some of the Russian examples were drawn from the National Corpus of the Russian Language. The analysis shows that in Russian and Bulgarian recipes with imperative, as well as in Russian recipes with infinitive forms, the perfective verbs denoting a chain of consecutive completed actions are predominant. However, in both languages there are deviations from the norm, primarily concerning the imperfective verbs. In some cases, the deviations are only apparent, since they express either the semantics of the beginning of the action (typical of imperfective forms in directive utterances), or the “general factual” meaning. In others, they relate to features of instructional discourse such as the presence of a shared world knowledge between the addresser and the addressee, which allows for the use of imperfective forms without indication of the duration of action.

Key words: instructional discourse; recipes; verbal aspect; Russian language; Bulgarian language.

About the authors: *Rosanna Benacchio* – Full Professor of Slavic Philology and Russian Linguistics, Department of Linguistic and Literary Studies, University of Padua, Italy (e-mail: rosanna.benacchio@unipd.it); *Svetlana Slavkova* – Associate Professor of Russian Language, Department of Interpreting and Translation, Alma Mater Studiorum – University of Bologna, Campus Forlì, Italy (e-mail: svetlana.slavkova@unibo.it).

References

1. Arkadijev P.M. Areal'naja tipologija prefiksāl'nogo perfektiva (na materiale jazykov Evropy i Kavkaza) [Areal Typology of Prefixal Perfective in the Languages of Europe and the Caucasus]. Moscow: *Jazyki slavjanskoi kul'tury Publ.*, 2015.
2. Arutjunova N.D. Discurs. Lingvističeskij enciklopedičeskij slovar' [Linguistic Encyclopedic Dictionary]. Moscow, *Sovetskaja Enciklopedija Publ.*, 1990, pp. 136–137.
3. Barentsen A. Priznak "sekventnaja svjaz'" i vidovoe protivopostavlenie v russkom jazyke [The feature "sequential connection" and aspectual opposition in the Russian language]. In: Čertkova, M.Ju. (ed.) *Tipologija vida: problemy, poiski, rešenija*. Moscow: *Jazyki russoj kul'tury Publ.*, 1998, pp. 43–58.
4. Benacchio R. Vid i kategorija vežljivosti v slavjanskom imperative. Sravnitel'nyj analiz [Aspect and category of politeness in the Slavic imperative. A comparative analysis]. München, [Slavistische Beiträge, 472]: Otto Sagner, 2010.
5. Burkova P.P. Kulinar'nyj recept kak osobyj tip teksta (na materiale russkogo i nemetskogo jazykov) – dissertacija na soiskanie učenoy stepeni kandidata filologičeskich nauk [Recipe as a special type of text (on the Russian and German examples) – PhD dissertation]. Stavropol', 2004. URL: <https://dlib.rsl.ru/viewer/01002743523#?page=1>
6. Volodin A.P., Chraikovskij V.S. Semantika i tipologija imperativa. Russkij imperativ [Semantics and typology of the imperative. The Russian imperative] Leningrad: *Nauka Publ.*, 1986.
7. Zaliznjak Anna A., Mikaeljan I.L. O meste vidovyh troek v aspektual'noi sisteme russkogo jazyka. [Aspectual triplets in contemporary Russian aspectual system] Komp'juternaja lingvistika i intellektual'nye tehnologii: Po materialam ežegodnoj Meždunarodnoj konferencii "Dialog" (Bekasovo, 26–30 maja 2010 g.). Vyp. 9 (16), Moscow: *Izd-vo RGGU Publ.*, 2010, pp. 130–136.
8. Zel'dovič G.M. Vidovye trojki: vtoričnyj imperfektiv kak pokazatel' vysokoj individualizirovannosti situacij [Aspectual triplets: a secondary imperfective as a mark of the individualization of situations]. Russkij jazyk v naučnom osveščanii. Moscow: *Institut russkogo jazyka im. V.V. Vinogradova RAN Publ.*, 2014, vyp. 2, pp. 9–58.
9. Ivančev S. Problemi na aspektualnostta v slavyanskite ezici [Issues in the Aspectuality of Slavic Languages]. Sofia, *Izdatelstvo na BAN Publ.*, 1971.
10. Kanturova M.A. Obrazovanie vtoričnogo rečevogo žanra kak derivacionnyj process (na primere rečevogo žanra kulinar'nogo recepta) [Formation of the Secondary Speech Genre as the Derivative Process (by the example of the recipe speech genre)]. *Sibirskij filologičeskij žurnal*, 2011. № 2. C. 222–226.
11. Kirova, T. Vaseva, I. Izrazjavane na podbuditelnost v ruski i bālgarski ezik [Means of expressing the imperative in Russian and Bulgarian]. Godišnik na Sofijskija universitet. Fakultet po slavjanski filologii. Ezikoznanie, vol. 88, kn.1. Sofia, *Universitetsko izdatelstvo "Sv. Kliment Ochridski" Publ.*, 1995, c. 155–221.
12. Kitajgorodskaja M.V., Rozanova N.N. Kulinar'nyj recept kak žanr ustnoj reči [Recipes as a kind of oral language]. Russkij jazyk segodnja. X Šmel'evskie čtenija. Sbornik dokladov. Moskva, *Institut russkogo jazyka im. V.V. Vinogradova RAN Publ.*, 2012, pp. 202–210.

13. Knjazev Ju.P. Grammatičeskaja semantika: Russkij jazyk v tipologičeskoj perspektive [Grammatical semantics: Russian in the typological perspective]. Moscow: *Jazyki Slavjanskoj Kul'tury Publ.*, 2007.
14. Maslov Ju.S. O svoeobrazii morfologičeskoj sistemy glagol'nogo vida v sovremennom bolgarskom jazyke [On the distinctive features of the morphological system of the verbal aspect in the modern Bulgarian language]. *Kratkie soobščeniya Instituta slavyanovedeniya AN SSSR*, no. 15, Moscow, *Izdatel'stvo AN SSSR Publ.*, 1955, pp. 28–47.
15. Nicolova R. Bălgarska gramatika. Morfologija. [Bulgarian Grammar. Morphology] Sofia, *Universitetsko izdatelstvo Sv. Kliment Ochridski Publ.*, 2008.
16. Petruchina E.V. Aspektual'nye kategorii glagola v russkom jazyke v sopostavlenii s češskim, slovackim, pol'skim i bolgarskim [Aspectual categories of the verb in Russian versus Czech, Slovak, Polish and Bulgarian]. Moscow, *Moscow State University Publ.*, 2000.
17. Tatevosov S.G. Pervičnoe i vtoričnoe v strukture imperfektivov. [The primary and the secondary in the structure of imperfectives]. *Acta linguistica Petropolitana. Trudy Instituta lingvističeskich issledovanij RAN*, Vol. VI, Part 2, Saint Petersburg, 2010, pp. 300–322.
18. Fontańsky. H. Lingvističeskaja charakteristika odnogo žanra: russkij kulinarńyj recept [Linguistic characteristic of one genre: Russian recipe]. *Linguistica Silesiana*. Sosnowiec, 1990, vol. 11, pp. 99–114.
19. Dickey S.M. Orphan prefixes and the grammaticalization of aspect in South Slavic. *Jezikoslovlje*. T. 13 (2012), No. 1, pp. 71–105.

М. Биазио

ЗАМЕТКИ О ВИДОВРЕМЕННЫХ СВОЙСТВАХ ГЛАГОЛОВ КУПЛИ-ПРОДАЖИ В РУССКОМ И СЕРБОХОРВАТСКОМ ЯЗЫКАХ

*Падуанский университет / Новисадский университет
35137, Падуя, ул. Беато Пеллегрини, 28 / 21000,
Нови-Сад, ул. Др. Зорана Дожинджича, 1*

Глаголы купли-продажи сближаются с семантикой перформативов в особом прагматическом контексте (т.е. когда они употребляются в качестве главных предикатов в комиссивных речевых актах). В славянских языках морфосинтаксическая реализация этих квазиперформативов устроена по-разному. В русском языке, например, доминирующей формой является настоящее-будущее (НБ, типа *куплю, продам*), употребление настоящего несовершенного вида (Н^{НСВ}, типа *покупаю, продаю*) гораздо менее частотно. В сербохорватском языке, с другой стороны, можно употребить только презенс несовершенного вида (типа *kupijet, prodajet*). На основе примеров, взятых из национальных корпусов (*Национальный корпус русского языка, Korpus savremenog srpskog jezika, Hrvatski nacionalni korpus*), при объяснении сходств и различий между контекстами употребления глаголов купли-продажи в этих языках используются три аргумента. Что касается сходств, во-первых, с чисто семантической точки зрения большое значение имеет нелокализованность во времени русских НБ и Н^{НСВ} и сербохорватского През^{НСВ}. Во-вторых, на прагматическом уровне, совпадение говорящего (автора высказывания) с агенсом-субъектом (исполнителем действия) передает отчетливый оттенок намерения, которое в разных славянских языках может выражаться по-разному (с разными видовременными формами). Наконец, что касается различий на когнитивном уровне надо учесть эпистемическую оценку говорящего, определяемую как когнитивную осведомленность говорящего о внутренней структуре события. Хотя полная (когнитивная) узнаваемость события ассоциируется, как правило, с СВ (что объяснило бы большую частотность НБ в русском языке), семантика события отображается в разных морфосинтаксических конфигурациях, в зависимости от грамматических ограничений, найденных в данном языке.

Ключевые слова: глагольный вид; глаголы купли-продажи; перформативные глаголы; модальность; эпистемическая оценка.

Биазио Марко – аспирант Отделения лингвистических и литературных исследований в Падуанском университете (Università degli Studi di Padova) и Отделения славистики на Философском факультете в Новисадском университете (e-mail: marco.biasio.1@phd.unipd.it).

1. **Введение.** Глаголы купли-продажи¹ (далее – ГКП), употребленные в качестве главных предикатов в комиссивных речевых актах², обладают некоторыми общими семантическими свойствами, которые сближают их с типичными комиссивными перформативами (например, *обещать*, *отказывать*)³. Речь идет о таких контекстах:

(1) **Куплю** акустическую гитару. / **Продам** холодильник – пишите в личку.

(2) **Kupujem** lovački karabin. / **Prodajem** metalni čamac.

‘Куплю (букв. ‘покупаю’) карабин для охоты’ / ‘Продам (букв. ‘продаю’) стальную лодку’

В частности, в одном и том же прагматическом контексте в обоих классах предикатов сосуществуют компонент однократности (относящийся к прагматическому уровню высказывания) и компонент длительности (относящийся к семантическому представлению события, концептуализированного предикатом), как это уже было отмечено Ю.Д. Апресяном [Апресян, 1995а: 214–217; Апресян, 1995b]. Иными словами, это значит, что осуществление двух отдельных событий ‘купли’ и ‘обещания’, отличающихся в соответствующих высказываниях моментальностью, все-таки занимает некоторый промежуток времени.

Важно отметить, что ГКП при этом, однако, не являются перформативами в узком смысле. Во-первых, при произнесении высказываний не осуществляется совпадение речи с действием, которое является отличительной чертой настоящих перформативных высказываний. Во-вторых, ГКП тяготеют к лексической самостоятельности. В-третьих, высказывания, в которых ГКП употреблены как главные предикаты, не ссылаются на положение дел, ими самими созданное (т.е. не владеют автореференциальностью).

Многослойная семантическая конфигурация ГКП в значительной степени воздействует на их реализацию на уровне глагольного вида. Кроме того, в каждом славянском языке взаимодействие лексической семантики глагольного предиката и его видовременных свойств (т.е.

¹ ГКП образуют особый семантический подкласс в системе транзакционных глаголов (“transaction verbs”) или, по [Апресян, Богуславский, Иомдин, Санников, 2010: 319–323], относятся к глаголам обмена ценностями. Они, в свою очередь, считаются близкими к глаголам, обозначающим так называемые семиотические акты, т.е. акты, мыслимые как мгновенные, которые в действительности все-таки занимают определенное время (термин «семиотический акт» взят из [Зализняк, Микаэлян, Шмелев, 2015: 69]).

² Комиссивным речевым актом говорящий обязуется выполнить действие, появляющееся в синтаксической структуре в качестве прямого дополнения самого перформатива (например, [*что я скоро вернусь*] в предложении *Обещаю, что я скоро вернусь*). Определение взято из таксономии [Searle, 1976].

³ Для словенского языка на это не раз обращала внимание А. Дерганц [Дерганц, 2012: 234–235].

поверхностная морфосинтаксическая реализация глагольных категорий вида и времени) проявляется по-разному.

В данной статье мы сосредоточимся на видовременных свойствах пары ГКП, употребленных в комиссивных речевых актах (в письменном, т.е. в объявлениях и плакатах, и в устном виде) в квазиперформативной функции на данных русского (*покупать/купить, продавать/продать*) и сербохорватского (*kupovati/kupiti, prodavati/prodati*) языков.

Поясним принятый в статье терминологический аппарат. По отношению к рассматриваемым русским видовременным формам глаголов совершенного вида (далее – СВ) мы будем употреблять термин *настоящее-будущее* (далее – НБ) [Виноградов, 2001⁴: 466–471]. Для соответствующих форм глаголов несовершенного вида (далее – НСВ) мы используем термин *настоящее несовершенного вида* (далее – Н^{НСВ}) [Бондарко, 1971: 64–79].

В случае сербохорватских видовременных форм ситуация является несколько иной. Надо учесть, что актуальная для этого исследования морфологическая оппозиция в глагольной парадигме сербохорватского континуума включает как формы презенса НСВ, так и формы грамматикализованного футурума (СВ), т.е. двухсторонняя видовременная оппозиция в сербохорватском языке действует на ином (в сравнении с русским языком) морфологическом уровне. В связи с этим считаем нужным ввести другие термины для обозначения сербохорватских форм, а именно термины, общепринятые в сербских и хорватских лингвистических исследованиях, т.е. *презенс несовершенного вида* (далее – През^{НСВ}) и *футурум совершенного вида* (далее – Фут^{СВ}), а также *презенс совершенного вида* (далее – През^{СВ}) для видового партнера През^{НСВ} [Пипер, Клајн, 2014²: 167–168, 173–177, 387–391, 394–404]).

Статья состоит из пяти частей. Раздел 2 содержит анализ русских примеров, взятых из *Национального корпуса русского языка* (далее – НКРЯ). В разделе 3 рассмотрены данные сербохорватского языка⁴,

⁴ Напомним, что под «сербохорватским языком» подразумеваются разные варианты южнославянского языка, на которых в настоящее время говорят в преобладающем большинстве республик, возникших после распада социалистической Югославии (в том числе в Хорватии, Сербии, Боснии и Герцеговине и Черногории). Автор признает справедливость позиций, недавно принятых в «Декларации об общем языке» (*Deklaracija o zajedničkom jeziku*). Декларация доступна по ссылке. URL: <http://jezicinacionalizmi.com/deklaracija/> (дата обращения: 27.02.2020). Уточним также, что мы решили привести примеры из основных национальных корпусов двух более распространенных языковых вариантов сербохорватского континуума (т.е. сербский и хорватский, литературная норма которых к тому же основывается на одном и том же наречии, а именно на штокавском наречии) исключительно в целях большей репрезентативности материала.

взятые из основных национальных корпусов (*Korpus savremenog srpskog jezika*, далее – SrpKor, и *Hrvatski nacionalni korpus*, далее – HNK). В следующем разделе иллюстрируются сходства и различия между этими славянскими языками, которые можно объяснить на семантическом (см. неактуальность события, выраженного предикатом) и прагматическом (см. компонент намерения, выраженный агенсом-субъектом) уровнях, а также на когнитивном уровне, с особым учетом пропозициональной модальности (см. потенциальность действия, эпистемическую оценку говорящего). Наконец, в разделе 5 подведены итоги исследования.

2. ГКП в русском языке. В русском языке при выражении речевого акта купли доминирующей формой является НБ, как показывают следующие примеры:

(3) По всему городу висели объявления: **куплю... куплю...** «**Куплю** килограмм еды» — не мяса, не сыра, а любой еды. [Светлана Алексиевич. *Время second-hand* // «Дружба народов», 2013]

(4) Только на узком прилавке сбоку от окошечка скромно прилегла картонка, на которой от руки написано: «**Куплю** предметы старины, значки, монеты, книги, фарфор». [Ирина Павская. «Джон-конда» Мценского уезда (2006)]

Интересно заметить, что форма НБ *куплю* является грамматически приемлемой и при прибавлении наречия времени (обобщенного типа) как, например, *срочно*. Этой особенностью ГКП резко отличаются от прототипических комиссивных перформативов, которые не допускают употребления таких сирконстантов (предложения вроде **срочно обещаю* являются семантически аномальными)⁵:

(5) Колокол корабельный или что-то похожее на него **куплю срочно**. [Объявления (1997) // «Столица», 1997.03.18]

Данные, взятые из корпуса, показывают, что в одном и том же прагматическом контексте допускается, хотя и в значительно меньшей мере, чередование НБ с соответствующей формой Н^{НСВ}. На

⁵ Анонимный рецензент данной статьи отметил, что несовместимость наречия *срочно* с глаголом *(по)обещать* по всей видимости носит более общий (семантический) характер, как свидетельствует неестественность таких предложений, как **Вася срочно (по)обещал Маше, что поужинает с ней в ресторане*. Вопрос заслуживает отдельного внимания, потому что, на наш взгляд, по крайней мере, в некоторых неперформативных контекстах такая совместимость допускается, например, в *Его сильно раскритиковали, и он срочно пообещал, что в будущем будет более внимательным* (автор благодарит В.Ю. Трубникову за этот пример). Следует также заметить, что, с другой стороны, наречия времени (обобщенного типа) в общем не сочетаются ни с одним комиссивным перформативом, см. общую неприемлемость **срочно клянусь*, **срочно предлагаю*, **срочно спорю <на эту тему>* и очень ограниченную (и не всеми информантами принятую) приемлемость **срочно отказываюсь*.

выбор вида не влияют обязательно ни определенность, ни квантификация прямого дополнения, которое может употребляться в единственном или множественном числе. При наличии объекта в единственном числе возможны оба прочтения, а именно квазиперформативное (см. прим. (6)) и узуальное (см. прим. (7)). При наличии объекта во множественном числе, однако, преобладающим является узуальное значение, которое естественно ассоциируется с формами H^{HCB} (см. прим. (8)).

(6) Срочно **покупаю** полулитражку⁶.

(7) **Покупаю** «Форд Экспорт» 1978 года выпуска⁷.

(8) Там он приторговывал собственноручно изготовленными плексигласовыми безделушками. И всегда выставлял на рабочем месте плакатик «**Покупаю** частушки». [А. Никонов. «Столица», 1997.05.27]

Что касается выражения речевого акта продажи, то и в этом случае доминирующей формой является НБ:

(9) И когда его показали на экране видеокуба арены, Евгений развернул большой лист бумаги с надписью «**Продам** гараж» и номером телефона. [К. Беляков. Советский спорт, 2012.04.09]

Здесь, однако, видовая оппозиция оказывается теснее связана с определенностью и квантификацией внутреннего объекта⁸, как показывает противопоставление в (10), где H^{HCB} , как правило, ассоциируется с неопределенным объектом, т.е. *крокодилов*, а НБ с квантифицированными и определенными объектами, т.е. *детеныша леопарда* и *малайского медвежонка-бируанга*:

(10) В Интернете глаза разбегаются от предложений. «**Продаю** крокодилов. Миролюбивые, идеально подходят для домашнего террариума». «**Продам** детеныша леопарда и малайского медвежонка-бируанга. Цена договорная». [А. Велигжанина. Комсомольская правда, 2014.07.17]

3. ГКП в сербохорватском языке. Хорошо известно, что в литературной норме сербохорватского языка, основанной на штокавском диалекте (экавского или екавского варианта)⁹, презенс совершенного

⁶ Это объявление автор прочитал в апреле 2016 г., поблизости от Царицына.

⁷ За этот пример автор выражает свою благодарность анонимному рецензенту.

⁸ Возможная гипотеза для этой асимметрии выдвигается в разделе 4. Заметим, что наличие H^{HCB} не исключается в единичных актах продажи, хотя в таких случаях объект предпочтительно (но не всегда) интерпретируется неопределенно, см. *Продаю детеныша леопарда и малайского медвежонка-бируанга*.

⁹ Наиболее раздробленной является диалектная картина, с особым учетом хорватских изоглосс кайкавского диалекта, которые ведут себя аналогично словенскому языку и поэтому требуют отдельного исследования [Dickey, 2000: 199–201].

вида в общем невозможно употреблять самостоятельно в главных предложениях (Танасић, 1996)¹⁰. Сербохорватская языковая система налагает это ограничение, чтобы преодолеть то, что в литературе называют “present perfective paradox”, т.е. (типологически) ограниченная совместимость категорий «настоящего времени» и «перфектива» для выражения события, протекающего в момент высказывания [De Wit, 2017]. Ограничение объясняется, по крайней мере, двумя факторами. Во-первых, форма является временно неопределенной (т.е. невозможно ее употребить в актуальных контекстах). Во-вторых, как отмечено С. Дики [Dickey, 2000: 25–27], прототипическое значение сербохорватского перфектива включает как семантический компонент «целостности» (типичным для «западной» славянской группы, т.е. для чешского, словацкого, словенского, верхне- и нижнелужицкого языков), так и компонент «темпоральной определенности» (типичным для «восточной» славянской группы, т.е. для русского, украинского, белорусского и болгарского языков).

В квазиперформативном контексте только През^{НСВ} приемлем для ГКП (*kupujem, prodajem*), в то время как формы През^{СВ} в общем являются неграмматичными (**kupim, *prodam*):

(11) Kad smo nazvali nekoliko osoba iz oglasa tipa „**Kupujem (*Kupim)** Ž. М.” saznali, da su neki spremni platiti taj iznos, kako bi živjeli upravo u tom prestižnom domu [HNK, doc#112311]

‘Когда мы позвонили лицам, опубликовавшим объявления типа «Куплю (букв. ‘покупаю’) Ж. М.», мы узнали, что некоторые люди склонны заплатить такую сумму, лишь бы жить в том престижном доме’

(12) Ako u novinama uskoro osvane oglas “**Prodajem (*Prodam)** 400 punih pansiona u Niškoj Banji”, lako se može pretpostaviti da je “prodavac” – inž. Mladen [SrpKor, Politika (30.05.2001), poli010530.txt]

‘Если в газетах скоро появится объявление «Продам (букв. ‘продаю’) 400 полных пансионеров в Нишской Бане», легко предположить, что продавец – это инженер Младен’

През^{НСВ}, как русское НБ (ср. (5)), свободно сочетается с наречиями времени обобщенного типа (например, *hitno* ‘срочно’). Это свидетельствует о том, что и в сербохорватском языке ГКП не являются настоящими перформативами:

¹⁰ Вскользь подчеркнем, однако, что През^{СВ} иногда обнаруживается самостоятельно и в главных предложениях, но только в ограниченных контекстах, например при присутствии модального (адвербиального) оператора *možda* (‘может быть’). Интересно, в тех же контекстах През^{СВ} можно заменить и формами футурума I и футурума II (предикаты всегда употребляются в СВ), см. *Možda kupim^{ПрезСВ} (ću kupiti^{ФутI}, budem kupio/-la^{ФутII})/prodam^{ПрезСВ} (ću prodati^{ФутI}, budem prodao/-la^{ФутII}) kući na moru* ‘Может быть, куплю/продам дом на море’ (подробнее об этом см. [Гудков, 2006: 62; Ковачевић, 2008; Војводић, 2018: 64–66]).

(13) Svetao, prostran, lepo namešten stan, *hitno prodajem* [SrpKor, Politika (03.12.2010), poli101203.txt]

‘Срочно продам (букв. ‘продаю’) светлую, просторную и хорошо меблированную квартиру’

В сербохорватской глагольной системе, наряду с През^{CB}, другим функциональным эквивалентом русского НБ является *футурум* совершенного вида (*futur prvi*, далее – Фут^{CB})¹¹. Стоит отметить, однако, что замена През^{HCB} соответствующими формами Фут^{CB}, хотя в принципе грамматически и возможна, но вызывает прагматические аномалии: такие формы невозможно употребить в атемпоральных контекстах, допустимы они только в тех случаях, когда субъект-говорящий реферирует к своему конкретному намерению, которое он собирается осуществить либо в момент высказывания, либо в неопределенном будущем ((14) ниже прагматически не полностью приемлем). Не будет излишним уточнить, что конкретное намерение говорящего осуществить отображенное в предложении действие, конечно, проявляется во всех здесь обсужденных примерах. Однако в то время как при употреблении През^{HCB} такое намерение остается неопределенным (нелокализованным) на временной оси (см. дальше), при употреблении Фут^{CB} такое намерение явно отсылается к плану будущего (т.е. речь идет о будущем, а не о настоящем или временно отвлеченном намерении). Иными словами, Фут^{CB}, в отличие от През^{CB}, не владеет атемпоральностью и служит проспективной (ближким будущим) или чисто футуральной формой (см. (15)) в зависимости от контекста:

(14) Ako u novinama uskoro osvane oglas **“Prodaću** 400 punih pansiona u Niškoj Banji”...

(15) **“Prodaću** kasetu sa lekcijama engleskog jezika i **kupiću** jednog velikog psa”, šali se pekinški taksista Vang [SrpKor, Politika (12.07.2001), poli010712.txt]

‘«Продам кассету с уроками английского языка и куплю большую собаку», шутит пекинский таксист Ванг’

Итак, картина сербохорватских ГКП такова: През^{CB} в данных контекстах неприемлем из-за грамматических ограничений, Фут^{CB} – из-за прагматических ограничений, а През^{HCB}, который отличается атемпоральностью (т.е. действие нелокализовано на временной оси), остается единственной приемлемой видовременной формой.

¹¹ Точнее говоря, През^{CB} сближается с русским НБ как на формальном (обе формы диахронически считают неактуальными настоящими), так и на функциональном уровне (обе формы отличаются общей семантической чертой атемпоральности и употребляются в атемпоральных контекстах), в то время как Фут^{CB} делит с русским НБ (в частности, с его прототипическими, т.е. вторичными, употреблениями) одни и те же темпоральные (футуральные) свойства.

4. *Сходства и различия в употреблении ГКП в русском и сербохорватском языках.* Семиотические акты ‘купли’ и ‘продажи’, как не раз подчеркивалось в литературе, семантически многослойны. Они состоят из многочисленных подсобытий и предполагают присутствие некоторых актантов, которые, в свою очередь, могут взаимодействовать друг с другом в разной степени (см. когнитивный анализ, проведенный в [Croft, Taoka, Wood, 2001]). Помимо того, транзакционные акты, по-видимому, общепризнаны и общеприняты на мировом уровне как основа человеческих взаимоотношений. Они, как правило, кодифицированы в формальных (т.е. синтаксических) структурах, которые со временем приобрели некую устойчивость.

Однако внелингвистическое представление событий ‘купли’ и ‘продажи’, разумеется, не является единственным фактором, объединяющим проанализированные нами языки. Контексты употребления ГКП как схожи, так и различаются еще во многом. Сначала сосредоточимся на *сходствах* между контекстами, в которых употребляются разные видовременные реализации ГКП в русском и сербохорватском языках.

Во-первых, все проанализированные нами языковые обозначения актов купли и продажи имеют общий компонент *темпоральной неактуальности* (нелокализованности во времени), т.е. они дейктически не привязаны к темпоральной оси. Это свойство не зависит от того, что с точки зрения их семантической декомпозиции события ‘купли’ и ‘продажи’ по своей сути различны, т.е. концептуализируются по-разному. Скорее всего, вариативность в отношении между реализацией вида ГКП и определенности прямого дополнения (как в русском примере (10)) и большую «гибкость» в распределении разных видовременных форм (ср. НБ и Н^{НБ} в русских примерах (9)–(10)) можно объяснить тем, что акт продажи, в отличие от акта купли, легче представить себе как действие, протяженное во времени.

В русских и сербохорватских примерах события, выраженные предикатом, не разворачиваются в самый момент высказывания, но могут осуществиться в какой-нибудь другой момент (и могут не осуществляться вообще). Об этой «обобщенной» темпоральности форм свидетельствуют, с одной стороны, возможность прибавления сирконстантов обобщенной темпоральности (ср. *срочно* в (5) и *hitno* в (13)), а с другой – невозможность в сербохорватском языке сохранить одно и то же толкование события при замене одной видовременной формы (атемпоральный През^{НБ}) другой («чистым» Фут^{НБ}).

Во-вторых, на прагматическом уровне высказывания, как уже отмечено Ф. Эсваном по поводу видовременных свойств чешских

ГКП [Esvan, 2011: 143–146], совпадение говорящего с субъектом-агентом передает отчетливый компонент *намерения*, готовности к выполнению действия, выраженного предикатом (т.е. в русском языке *куплю/продам* в смысле *собираюсь купить/продать*). Такие скрытые модальные значения¹² в русском языке ассоциируются прежде всего с формами НБ¹³. Напротив, в сербохорватском языке, где употребление През^{CB} в главных предложениях значительно затруднено, отображение намерения как бы «передвинулось» из През^{CB} в другую видовременную форму, т.е. През^{HCB}¹⁴.

Переходя к *различиям* контекстов с ГКП в русском и сербохорватском языках, мы должны сказать о важном параметре, относящемся к когнитивному уровню. Речь пойдет о понятии, которое мы будем называть *эпистемической оценкой говорящего*. Перейдем теперь к обсуждению этого расхождения.

Понятие оценки говорящего относится прежде всего к когнитивной осведомленности говорящего о внутренней структуре события (ср. аналогичное понятие «конструирование», присущее когнитивной лингвистике). Иными словами, говорящий оценивает событие на основе того, насколько оно является когнитивно допустимым («узнаваемым»).

Высокую встречаемость НБ для ГКП в русском языке можно объяснить тем, что полная узнаваемость события, как правило, ассоциируется с СВ. В квазиперформативном контексте употребления ГКП говорящий употребляет СВ, чтобы просигнализировать, что событие вполне допустимо на когнитивном уровне. Это общее свойство естественно вытекает из прототипического семантического компонента, характеризующего СВ в восточнославянских языках, т.е., как мы уже видели, темпоральная определенность [Dickey, 2018: 81–102]. Вариативность в выборе вида ГКП зависит в первую очередь от ассоциации между морфологической формой и ее семантическим содержанием [De Wit, Brisard, Meeuwis, 2018: 247–249]. Иными словами, если верно, что употребление СВ в общем ассоциируется с большей узнаваемостью внутренней структуры события (что объ-

¹² Намерение, воля, внутренняя возможность и способность (интеллектуального или физического типа) считаются частными значениями функционального поля динамической модальности (по знаменитой таксономии в [Palmer, 2001²]).

¹³ Уже отмечено, однако, модальное приращение и в семантике Н^{HCB}, особенно при отрицании [Падучева, 2017].

¹⁴ Остается открытым вопрос о роли Фут^{CB} в обозначении модальных функций в данном контексте, особенно если учитывать, что модель его образования – перифрастический оборот с (почти) грамматикализованной клитикой, происходящей от праславянского глагола **chъtĕti* ‘хотеть’.

ясняет полную приемлемость и бóльшую частотность НБ в русском), надо еще обосновать ограничение в употреблении функционально равнозначных форм През^{CB} в сербохорватском языке.

Это ограничение можно объяснить только при допущении, что в любом языке (в том числе и в сербохорватском) грамматическая структура всегда имеет приоритет перед когнитивным представлением событий. Говорящий может дальше оценивать (и потом «конструировать») событие на основе своего знания до тех пор, пока оно не вступает в противоречие с грамматической структурой определенного языка.

5. Заключение. В настоящей статье мы сравнили главные видовременные свойства ГКП, употребленные в (квази)перформативных) комиссивных речевых актах в русском и сербохорватском языках. На наш взгляд, тот факт, что ГКП в каждом из двух языков проявляются в разных видовременных конфигурациях (т.е. НБ и Н^{NCB} в русском, През^{NCB} в сербохорватском) можно объяснить на основе трех аргументов, включающих сходства и различия между контекстами употребления ГКП. Контексты объединяет, с одной стороны, присутствие общего признака атемпоральности (нелокализованности события во времени), который в русском передается как НБ, так и (хотя с меньшей частотностью) Н^{NCB}, а в сербохорватском только През^{NCB}. С другой стороны, прагматическая актуализация модального компонента намерения в русском ассоциируется чаще всего с НБ, а в сербохорватском с Н^{NCB}.

Что касается различий, чтобы объяснить тяготение русских ГКП к СВ, можно опираться на понятие оценки говорящего и, в частности, на ассоциацию между полной узнаваемостью события и его видо-вым конструированием. В то же время невозможность употребления сербохорватского През^{CB} в одном и том же контексте, объясняется ограничениями, наложенными грамматической структурой языка, которая превосходит релевантностью оценку говорящего.

Точный языковой статус оценки говорящего требует более подробного рассмотрения на фоне широкого круга (славянских и неславянских) языков и большего количества транзакционных глаголов¹⁵. В данном контексте также необходимо было бы выяснить роль глагольного времени в отображении модальных значений. Однако эти вопросы выходят за рамки настоящего исследования.

¹⁵ Насколько нам известно, одна и та же закономерность наблюдается также для других глаголов, выступающих в похожих речевых актах, как, например, *сдавать/сдать*, *снимать/снять* и др. Обсуждение этого вопроса требует отдельного исследования.

Список литературы

1. Апресян Ю.Д. Перформативы в грамматике и в словаре // Избранные труды. Том II – Интегральное описание языка и системная лексикография, М., 1995а. С. 199–218.
2. Апресян Ю.Д. Глаголы моментального действия и перформативы в русском языке // Избранные труды. Т. II – Интегральное описание языка и системная лексикография, М., 1995b. С. 219–241.
3. Апресян Ю.Д., Богуславский И.М., Иомдин Л.Л., Санников В.З. Теоретические проблемы русского синтаксиса. Взаимодействие грамматики и словаря, М., 2010.
4. Бондарко А.В. Вид и время русского глагола (значение и употребление). Пособие для студентов, М., 1971.
5. Виноградов В.В. Русский язык (грамматическое учение о слове), М., 2001⁴.
6. Војводић Д. Футуралност у савременом руском, польском и српском језику [Електронски извор], Нови Сад, 2018. (Едиција Е-дисертација; књ. 15). URL: <http://digitalna.ff.uns.ac.rs/sadrzaj/2018/978-86-6065-449-8>.
7. Гудков В.П. Презенс глаголов совершенного вида в значении будущего времени в сербскохорватском (сербском и хорватском) языке // Славистички студии. 2006. № 12 (На проф. Р.П. Усикова по повод нејзината 70-годишнина). С. 61–63.
8. Дерганџ А. Перформативные глаголы в словенском языке // Вестн. Моск. ун-та. Сер. 9. Филология. 2012. № 6. С. 228–236.
9. Зализняк А.А., Микаэлян И.Л., Шмелев А.Д. Русская аспектология: в защиту видовой пары, М., 2015.
10. Ковачевић М. Конкурентност двају футура и перфективног презента у савременом српском језику // Зборник Матице српске за славистику. 2008. № 73. С. 195–211.
11. Падушева Е.В. Модальное приращение в семантике отрицательного имперфектива // Международная научная конференция «Русский глагол» (к 50-летию выхода в свет книги А.В. Бондарко и Л.Л. Буланина). Тезисы докладов. СПб., 2017. С. 107–108.
12. Пипер П., Клајн И. Нормативна граматика српског језика, Нови Сад, 2014².
13. Танасић С. Презент у савременом српском језику. Београд, 1996.
14. Croft W., Taoka C., Wood E.J. Argument Linking and the Commercial Transaction Frame in English, Russian and Japanese // Language Sciences. 2001. № 23(4–5). С. 579–602.
15. De Wit A. The Present Perfective Paradox across Languages. Oxford, 2017.
16. De Wit A., Brisard F., Meeuwis M. The Epistemic Import of Aspectual Constructions: The Case of Performatives // Language and Cognition. 2018. № 10(2). С. 234–265.
17. Dickey S.M. Parameters of Slavic Aspect: A Cognitive Approach. Stanford, 2000.
18. Dickey S.M. Thoughts on the ‘Typology of Slavic Aspect’ // Russian Linguistics. 2018. № 42(1). С. 69–103.
19. Esvan F. K některým lexikosémantickým zvláštnostem transakčních sloves // Korpusová lingvistika Praha – 2: Výzkum a výstavba korpusů, Praha, 2011. С. 142–149.
20. Palmer F.R. Mood and Modality, Cambridge, 2001².
21. Searle J. A Classification of Illocutionary Acts // Language in Society. 1976. № 5 (1). С. 1–23.

Электронные корпуса

1. Национальный корпус русского языка (НКРЯ): <http://www.ruscorpora.ru/new/> (последний просмотр: 29.02.2020)
2. Korpus savremenog srpskog jezika (KSS): <http://www.korpus.matf.bg.ac.rs> (последний просмотр: 29.02.2020)

3. Hrvatski nacionalni korpus (HNK): http://filip.ffzg.hr/cgi-bin/run.cgi/first_form (последний просмотр: 29.02.2020)

Marco Biasio

SOME REMARKS ON THE TEMPO-ASPECTUAL CHARACTERISTICS OF SALE-PURCHASE VERBS IN RUSSIAN AND SERBO-CROATIAN

University of Padova / University of Novi Sad

28 Beato Pellegrino street, Padua, 35137 / 1 Dr. Zoran Djindjic street, Novi Sad, 21000

Sale-purchase verbs share some interesting properties with performative verbs when used as the main predicates of commissive speech acts (i.e. promises, refusals, and the like). Their morphosyntactic realization differs between Slavic languages. In Russian, for instance, the highly preferred choice is the perfective present-future (PresF: *куплю, продам*), although in the same context the imperfective present (Pres^{IPF}: *покупаю, продаю*) can also be found. In Serbo-Croatian, on the other hand, only the imperfective present (Pres^{IPF}: *kupujem, prodajem*) is available, for the perfective present (Pres^{PF}: *kupim, prodam*) is generally blocked in main clause contexts and the second closest functional equivalent to Russian PresF, the perfective future (Fut^{PF}: *kupi(t)ću, proda(t)ću*), does not hold atemporal readings. The difference in the morphosyntactic coding of sale-purchase verbs in Russian and Serbo-Croatian can be led back to (and explained through) the detection of similarities and differences in their contexts of usage. Three main claims are put forward. The semantic feature of atemporality plays a major role in determining the aspectual properties of the forms: it may explain the alternation of PresF and Pres^{IPF} in Russian (both forms allow for atemporal readings) and the sole acceptability of Pres^{IPF} in Serbo-Croatian. Secondly, there is a common modal overtone of intentionality, which is associated with different morphosyntactic structures in every Slavic language. Lastly, the way the speaker believes they have (cognitive) access to the event (the so-called *epistemic evaluation*) affects the morphosyntax of sale-purchase verbs. Although full accessibility to the event tends to be associated with PF, the speaker's epistemic evaluation is effective as long as it does not violate the grammatical structure of the single language (which would explain why Serbo-Croatian Pres^{PF} is still ungrammatical in the given context).

Key words: verbal aspect; sale-purchase verbs; performative verbs; modality; epistemic evaluation.

About the author: *Marco Biasio* – PhD Student in Slavistics at the University of Padua, Italy (Università degli Studi di Padova) and the University of Novi Sad, Republic of Serbia (Univerzitet u Novom Sadu) (e-mail: marco.biasio.1@phd.unipd.it).

References

1. Apresjan Ju.D. *Performativny v grammatike i v slovare* [Performative verbs in grammar and the vocabulary] // *Izbrannyye trudy. Tom II – Integral'noe opisaniye jazyka i sistemnaya leksikografija* [Selected Works. Volume II – A complete description of the language and systematic lexicography]. Moscow, Jazyki slavyanskoy kul'tury, 1995a, pp. 199-218. 769 pp. (In Russ.)

2. Apresjan Ju.D. *Glagoly momental'nogo dejstvija i performativy v ruskom jazyke* [Verbs of instantaneous action and performatives in Russian] // *Izbrannye trudy*. Tom II – Integral'noe opisanie jazyka i sistemnaja leksikografija [Selected Works. Volume II – A complete description of the language and systematic lexicography]. Moscow, Jazyki slavjanskoj kul'tury, 1995b, pp. 219–241. 769 pp. (In Russ.)
3. Apresjan Ju.D., Boguslavskij Ju.D., Iomdin L.L., Sannikov V.Z. *Teoretičeskie problemy russkogo sintaksisa. Vzaimodejstvie grammatiki i slovarja* [Theoretical problems of Russian syntax. The interaction between grammar and the vocabulary]. Moscow, Jazyki slavjanskich kul'tur, 2010. 409 pp.
4. Bondarko A.V. *Vid i vremja russkogo glagola (značenie i upotreblenie). Posobie dlja studentov* [Aspect and tense of the Russian verb (meaning and usage). A manual for students]. Moscow, Prosveščenie, 1971. 240 pp.
5. Vinogradov V.V. *Russkij jazyk (grammatičeskoe učenie o slove)* [The Russian verb (A grammatical study of the word)]. Moscow, Russkij jazyk, 2001⁴. 719 pp.
6. Vojvodić D. *Futuralnost u savremenom ruskom, poljskom i srpskom jeziku* [Futurity in contemporary Russian, Polish, and Serbian language], ESB, Novi Sad, 2018. 479 pp. URL: <http://digitalna.ff.uns.ac.rs/sadrzaj/2018/978-86-6065-449-8> (last access: 29/02/2020).
7. Gudkov V.P. Prezens glagolov soveršennogo vida v značenii budućegogo vremena v serbskocorvatskom (serbskom i corvatskom) jazyke [The present of perfective verbs with future meaning in Serbo-Croatian (Serbian and Croatian)]. *Slavistički studii* [Slavistic studies]. 2006, № 12 (Na prof. R.P. Usikova po povod nejzinata 70-godišnjina), pp. 61–63. (In Russ.)
8. Derganc A. Performativnye glagoly v slovenskom jazyke [Performative verbs in Slovenian]. *Vestnik MGU. Serija 9. Filologija* [Moscow State University Bulletin. Series 9. Philology]. 2012, № 6, pp. 228–236. (In Russ.)
9. Zaliznjak A.A., Mikaeljan I.L., Šmelev A.D. *Russkaja aspektologija: v zaščitu vidovoj pary* [Russian aspectology: in defense of the aspectual pair]. Moscow, Jazyki slavjanskich kul'tur, 2015. 392 pp.
10. Kovačević M. Konkurentnost dvaju futura i perfektivnog prezenta u savremenom srpskom jeziku [The opposition of the two futures and the perfective present in contemporary Serbian] // *Zbornik Matice srpske za slavistiku* [Matica Srpska-Journal of Slavic Studies]. 2008, № 73, pp. 195–211.
11. Padučeva E.V. *Modal'noe priraščenie v semantike otricatel'nogo imperfektiva* [Modal increment in the semantics of the negative imperfective] // *Meždunarodnaja naučnaja konferencija «Russkij glagol» (k 50-letiju vychoda v svet knigi A.V. Bondarko i L.L. Bulanina). Tezisy dokladov* [International scientific conference “The Russian verb” (celebrating 50 years of the publication of A.V. Bondarko and L.L. Bulanin's book). Handouts]. Saint-Petersburg, Nestor-Istorija, 2017, pp. 107–108. 188 pp. (In Russ.)
12. Piper P., Klajn I. *Normativna gramatika srpskog jezika* [A normative grammar of Serbian]. Novi Sad, Matica Srpska, 2014². 584 pp.
13. Tanasić S. *Prezent u savremenom srpskom jeziku* [The present in contemporary Serbian]. Belgrade, Institut za srpski jezik SANU, 1996. 190 pp.
14. Croft W., Taoka C., Wood E.J. Argument Linking and the Commercial Transaction Frame in English, Russian and Japanese // *Language Sciences*, 2001, № 23(4-5), pp. 579–602. doi: [https://doi.org/10.1016/S0388-0001\(00\)00037-1](https://doi.org/10.1016/S0388-0001(00)00037-1).
15. De Wit A. *The Present Perfective Paradox across Languages*. Oxford, Oxford University Press, 2017. 240 pp.
16. De Wit A., Brisard F., Meeuwis M. The Epistemic Import of Aspectual Constructions: The Case of Performatives // *Language and Cognition*, 2018, № 10(2), pp. 234–265. doi: <https://doi.org/10.1017/langcog.2017.26>.

17. Dickey S.M. *Parameters of Slavic Aspect: A Cognitive Approach*. Stanford, CSLI Publications, 2000. 316 pp.
18. Dickey S.M. Thoughts on the 'Typology of Slavic Aspect' // *Russian Linguistics*, 2018, № 42(1), pp. 69-103. doi: <https://doi.org/10.1007/s11185-017-9189-x>.
19. Esvan F. *K některým lexikosemantickým zvláštnostem transakčních sloves* [On some lexicosemantic peculiarities of transaction verbs] // *Korpusová lingvistika Praha – 2: Výzkum a výstavba korpusů* [Prague Corpus Linguistics – 2: Research and corpora construction]. Prague, Nakladatelství Lidové Noviny-Ústav českého národního korpusu, 2011, pp. 142–149.
20. Palmer F.R. *Mood and Modality*. Cambridge, Cambridge University Press, 2001². 254 pp.
21. Searle J. A Classification of Illocutionary Acts // *Language in Society*, 1976, № 5(1), pp. 1–23. doi: <https://doi.org/10.1017/S0047404500006837>.

Electronic corpora

1. Nacional'nyj korpus russkogo jazyka (NKRJa): <http://www.ruscorpora.ru/new/> (last access: 29/02/2020)
2. Korpus savremenog srpskog jezika (SrpKor): <http://www.korpus.matf.bg.ac.rs> (last access: 29/02/2020)
3. Hrvatski nacionalni korpus (HNK): http://filip.ffzg.hr/cgi-bin/run.cgi/first_form (last access: 29/02/2020)

СТАТЬИ

О.А. Волошина

*Федеральное государственное бюджетное образовательное учреждение
высшего образования*

«Московский государственный университет имени М.В. Ломоносова»

119991, Москва, Ленинские горы, 1

ПРАТЬЯХАРЫ И АНУБАНДХИ КАК МЕТАЯЗЫК ГРАММАТИКИ ПАНИНИ

В статье рассматриваются пратьяхары и анубандхи как особые элементы метаязыкового описания в древнеиндийской грамматике Панини. Автор анализирует механизм пратьяхары как сокращенного обозначения класса элементов, иллюстрирует примеры использования пратьяхар в Шива-сутрах и при обозначении совокупности глагольных и именных флексий. Также исследуется роль анубандхи как специального маркера грамматических и просодических характеристик единиц в системе метаязыка Аштадхьяи.

Ключевые слова: метаязык грамматики Панини; пратьяхара; анубандха.

Знаменитая древнеиндийская грамматика Панини Аштадхьяи (V в. до н.э.) привлекает внимание ученых не только уникальной методикой лингвистического анализа, но и тщательно разработанным метаязыком научного описания. Грамматика санскрита была написана не на санскрите, а на искусственно созданном формализованном языке, состоящем из лингвистической терминологии, специальных технических обозначений, различных типов правил и т.п. Особый метаязык металингвистического описания, элементы которого напоминают математические символы, закодировал и без того сложный текст Аштадхьяи, породил многовековую комментаторскую литературу, ведь каждая сутра грамматики нуждалась в подробном комментарии.

Метаязык Аштадхьяи представляет собой сложную, иерархически устроенную систему формализации научного описания. Главной составляющей метаязыка является лингвистическая терминология, систематизация которой в виде словаря-тезауруса позволяет воссоздать систему научных понятий, сложившуюся в рамках научного направления. В частности, термины Аштадхьяи являются основой реконструкции метода лингвистического анализа, реализованного в древнеиндийских научных трактатах [Волошина, 2012: 82–94].

Волошина Оксана Анатольевна – кандидат филологических наук, доцент кафедры общего и сравнительно-исторического языкознания филологического факультета МГУ имени М.В. Ломоносова (e-mail: oxanav2005@mail.ru).

Помимо терминологии важным механизмом построения древнеиндийского научного текста является использование разнообразных правил-сутр. «Различные типы сутр, определяющие лингвистические термины и предписывающие определенные действия при порождении словоформы, выполняют метаязыковую функцию в тексте грамматики» [Волошина, 2019: 177]. В этом смысле особые способы организации текста: правила, структурирующие текст (заглавные правила), указатели последовательности сутр (правила анувритти) и др. выступают как метаязыковой механизм представления научного объекта.

Метаязыковую функцию в Аштадхьяи выполняют также специальные технические маркеры, формирующие особый стиль научного описания, а именно пратьяхары и анубандхи. В статье предпринимается попытка описать типы пратьяхар и анубандх в грамматике Панини и определить роль этих технических показателей в структуре научного описания.

Разработанные для функционирования в устном научном дискурсе, пратьяхары представляют собой сокращенное обозначение списка единиц, а анубандхи – особые маркеры, делимитативные или грамматические, указывающие на просодические или морфологические характеристики единиц.

Пратьяхара (*pratyāhāra* букв. *стяжение, компрессия, сжатие*) – особый вид сокращенного лингвистического обозначения целого списка единиц, при котором специальным термином обозначается начало и конец ряда элементов. В тексте грамматики Панини определяет пратьяхару как *ādir antyena saheTā* (1.1.71), *начало вместе с концом [который есть] показатель*, т.е. *сочетание начального элемента и конечного показателя класса единиц*.

Показатель конца класса единиц (особый пограничный звук) в грамматике Панини обозначается термином *iT*¹ (для удобства в нашем тексте показатель обозначен заглавной буквой). Этот технический маркер исчезает, подвергается элизии в процессе создания словоформ, когда грамматист оперирует конкретными единицами (звуками и морфемами). Специальным правилом Панини предписывает элизию технического показателя: *tasya lopaḥ*, т.е. *его [показателя] исчезновение* (1.3.9). Сутра поясняет, что показатель не входит в состав самой лингвистической единицы, этот «приставной» элемент лишь указывает на границу класса элементов. В позднейшей комментаторской литературе такой пограничный показатель получил название анубандха (*anubandha*² – *индикатор, показатель, ограничитель*).

¹ В первой книге Аштадхьяи Панини перечисляет анубандхи *iT* (1.3.2-8).

² Анубандха (букв. *привязь, привязанное ритуальное животное*) – термин, заимствованный из ритуала.

В некотором смысле можно сказать, что пратьяхара представляет собой своеобразную аббревиатуру – начальный и конечный элемент некоторого множества обозначают последовательность всех расположенных между ними элементов. «Метод компрессионного извлечения и отображения подмножеств фонологических или морфологических единиц в древнеиндийской лингвистической традиции носит название *sandañça-nyāya* (“метод шипцов”))» [Военец, 2006: 67].

Важно заметить, что пратьяхара может быть составлена только из списка единиц, порядок которых строго фиксирован, единицы в таких списках нельзя менять местами, нельзя произвольно вставлять или убирать единицу из списка. То есть базой (основой) составления пратьяхары будет четко структурированный список звуков или морфем. Например, перечень падежных флексий, порядок которых строго закреплён в индийской традиции, служит основой для образования пратьяхары и т.п. Очевидно, индийские грамматисты придавали большое значение порядку расположения единиц, тщательно разрабатывали классификации звуков и морфем.

Способность оперировать техническими обозначениями фиксированных списков единиц была важной особенностью древнеиндийских лингвистических трактатов. Пратьяхара не была единственным техническим обозначением подобного рода, ведь пратьяхара использовалась для сокращённого обозначения рядов звуков и словоизменяемых морфем – единиц, наиболее четко расклассифицированных и структурированных в индийской грамматике. Словообразовательные же аффиксы, глагольные корни и списки слов не оформлялись посредством пратьяхары. В этом случае грамматист ссылался на фиксированный список морфем или слов, называя отдельное слово в списке и сопровождая его словом *ādi* – *начиная с*. Так обозначался класс элементов с названного слова до конца списка. Например, *bhū-ādi* (*bhavādi*) – техническое обозначение первого класса корней, начинающегося с корня *bhū* *быть*, в списке корней Дхату-патха. Очевидно, что классификация элементов для индийской грамматики была задачей особенной важности (подобно ряду натуральных чисел в математике), не случайно приемы описания языка в древней Индии напоминали математические символы (достаточно вспомнить понятие *lopa*³ – ноль, значимое отсутствие элемента в цепочке морфем при порождении словоформы).

Механизм пратьяхар как сокращённого обозначения элементов не был изобретен Панини, ведь в древнейших фонетических трактатах, на которые опирается автор Аштадхьяи, уже использовались

³ *ādarṣanam lopaḥ* (1.1.60) – *lopa* есть «невывраженное», то есть значимое отсутствие означаемого.

пратьяхары, созданные на базе классификации звуков санскрита – варна-самамная.

Разнообразные пратьяхары составлялись на базе традиционной классификации смычных согласных по месту образования:

k, kh, g, gh, ṅ
c, ch, j, jh, ñ
ṭ, ṭh, ḍ, ḍh, ṇ
t, th, d, dh, n
p, ph, b, bh, m.

Например, символ kU обозначал группу велярных согласных: k, kh, g, gh, ṅ, начиная с k, а показателем конца цепочки являлась анубандха U. Аналогично были образованы символы cU, ṭU, tU и pU, представляющие, соответственно, ряды палатальных, ретрофлексных, зубных и губных согласных. Такие пратьяхары – краткие технические обозначения групп согласных, расклассифицированных по месту образования, иногда встречаются в сутрах грамматики Панини⁴. Однако чаще автор Аштадхьяи использует пратьяхары, образованные на базе списка звуков Шива-сутры. Этот список, созданный самим автором Аштадхьяи, называется еще пратьяхара-сутры (ведь этот список является базой для формирования пратьяхар – технических обозначений важнейших для санскритской грамматики классов звуков).

Рассмотрим технику образования пратьяхар на примере списка Шива-сутры.

Шива сутры

1.	a	i	u	Ṇ
2.	ṛ	ṛ̣		Ḳ
3.	e	o		Ṇ̄
4.	ai	au		Ḷ
5.	h	y	v	ṭ
6.	l			Ṇ̄
7.	ñ	m	ṇ	Ṇ̄
8.	jh	bh		Ṇ̄
9.	gh	ḍh	dh	Ṇ̄
10.	j	b	g	Ḍ
11.	kh	ph	ch	ṭh
12.	k	p		Ṇ̄
13.	ç	ṣ	s	Ṇ̄
14.	h			Ṇ̄

⁴ Например, сутра соḥ kuḥ (8.2.30) гласит, что палатальные звуки пратьяхары cU меняются на велярные kU, когда cU конечные или за ними следуют согласные пратьяхары jhaL. Например, va (c > k) + ṭṛ (C) + sU > vaktā.

Шива-сутры составлены таким образом, что ряды звуков позволяют Панини составлять особые пратьяхары, удобные для описания чередований звуков в морфемах. Звуки разбиты на 14 классов и каждую сутру (строчку) замыкает конечный маркер, обозначенный в нашем списке заглавными буквами.

Например, пратьяхара $e\dot{N}$ обозначает гласные дифтонгического происхождения (e, o), представленные третьей сутрой в списке Шива сур, причем $\dot{N}$ является техническим показателем конца класса – анубандхой. Пратьяхара aiC представляет класс дифтонгов в Шива сутрах – ai, au , где C – анубандха.

Пратьяхары, образованные на базе Шива сур, используются в тексте грамматики при описании морфонологических чередований, сопровождающих процесс синтеза словоформ санскрита. Например, пратьяхара $e\dot{N}$ и пратьяхара aiC используются при формулировке правил чередования гласных в ступенях *guṇa* и *vṛddhi*, а трехступенчатая система чередования гласных санскрита была описана и терминологически оформлена в Аштадхьи Панини.

Пратьяхары в тексте Аштадхьи часто оформляются падежными флексиями, то есть ведут себя как самостоятельные слова. Рассмотрим падежные флексии пратьяхар в сутре, описывающей условия чередования *saṁprasāraṇa*: $iKo ya\dot{N} aCi$, что значит гласные i и r (iK) в положении перед гласным звуком (aC) заменяются на полугласные $y v r l$ ($ya\dot{N}$) (6.1.77). Пратьяхара iK в данном случае маркирована формой Genetiv`a ( $iKaḥ$ ), так как обозначает заменяемые звуки, пратьяхара  $ya\dot{N}$  – формой Nominativ`a, так как обозначает заменяющие звуки, а пратьяхара aC выступает в форме Locativ`a (aCi), так как обозначает звуки, перед которыми происходит изменение.

Каждый из 14 классов-сур заканчивается техническим показателем конца класса – анубандхой. В отдельной сутре грамматики Панини сообщает, что конечный согласный элемент есть анубандха iT : *haL antyam* (1.3.3).

Очевидно, что сложный закодированный язык грамматики содержит специальные символы для обозначения классов элементов, а также указатели последовательности действий при порождении словоформ санскрита. Список Шива-сур оказывается своеобразным ключом, помогающим «расшифровывать» пратьяхары и анубандхи – важные элементы сложного для прочтения и понимания текста Восьмикнижия.

Однако пратьяхары используются для обозначения классов не только звуков, но и морфем, если порядок единиц в списке фиксирован. Например, пратьяхары $ti\dot{N}$ и suP обозначают личные окончания глаголов и падежные флексии имен существительных.

Весь список личных глагольных окончаний настоящего времени двух залогов *parasmaipada* и *ātmanepada* обозначается пратьяхарой

tiṆ – первый член парадигмы спряжения *-ti* (окончание третьего лица единственного числа *parasmaipada*) и анубандха *Ṇ* (показатель последнего члена парадигмы *ātmanepada*- 1 лица множественного числа).

parasmaipada

	singulāris (eka)	duālis (dvi)	plūrālis (bahu)
3 л. (prāthama)	tiP	tas	jhi
2 л. (madhyama)	siP	thas	tha
1 л. (uttama)	miP	vas	mas

ātmanepada

	singulāris (eka)	duālis (dvi)	plūrālis (bahu)
3 л. (prāthama)	ta	ātām	jha
2 л. (madhyama)	thās	āthām	dhvam
1 л. (uttama)	iṬ	vahi	mahiṆ

Важно заметить, что некоторые из перечисленных аффиксов меняются в процессе порождения глагольной словоформы, в таблице представлены не реальные реализации аффиксов, их «прототипы».

Пратьяхара может обозначать не все окончания, а их часть. Так, пратьяхара *taṆ* обозначает окончания залога *ātmanepada*.

Такая же модель пратьяхары используется для обозначения системы падежных флексий существительных. Сутра 1.4.103 вводит термин *sUP* – пратьяхару, составленную из первого окончания в фиксированном списке флексий и анубандхи последнего окончания. Сутра 4.1.2 перечисляет все падежные окончания, обозначенные пратьяхарой *suP*: *su*, *au*, *jas*, *am*, *auṭ*, *ṣaṣ*, *ṭā*, *bhyām*, *bhis*, *ṇe*, *bhyām*, *bhyas*, *ṇasi*, *bhyām*, *bhyas*, *ṇas*, *os*, *ām*, *ṇi*, *os*, *sup*. Это список из 21 флексии, включающий формы семи падежей санскрита в единственном, двойственном и множественном числах.

	singulāris	duālis	plūrālis
prathamā (номинатив)	sU	au	Jas
dviṭīyā (аккузатив)	am	auṬ	Ṣas
ṭṭīyā (инструменталис)	Ṭā	bhyām	bhis
caturthī (датив)	Ṇe	bhyām	bhyas
pañcamī (аблатив)	Ṇasi	bhyām	bhyas
ṣaṣṭhī (генетив)	Ṇas	os	ām
saptamī (локатив)	Ṇi	os	suP

Понятно, что пратьяхара может служить кратким обозначением любого класса элементов из списка, поэтому начальным элементом пратьяхары может быть любой элемент (не обязательно первый). Формы окончаний косвенных падежей можно включить в пратьяхару āṚ (окончание инструменталиса единственного числа и анубандха местного падежа множественного числа Ṛ). А пратьяхара suṬ обозначает флексии sarvaṇāmasthāna: sU, au, Jas, am, auṬ (1.1.43).

Таким образом, пратьяхара в системе технических обозначений Панини использовалась как сокращенное выражение не только различных классов звуков, но и списка аффиксальных морфем.

Формализованный метаязык Аштадхьяи, в состав которого входят пратьяхары и анубандхи, позволяет не только сокращенно назвать список элементов, но и давать им просодические или грамматические характеристики. Функцию такого показателя часто выполняет анубандха.

Формат устного слитного произнесения требовал указания на границы слова, тем более искусственного термина – технического обозначения. Чтобы в потоке речи конечный звук пратьяхары не подвергался изменениям сандхи, необходимо было выбрать показатель, который бы отчетливо выделялся в потоке звучащей речи. Поэтому формальные показатели технического термина, отдельного аффикса или звука, фонетически контрастируют с маркируемым звуком или морфемой (например, глухой согласный звук в качестве анубандхи маркирует гласные звуки *aT*, *aiC*). Причем анубандхами чаще являются согласные, которые в меньшей степени подвержены фонетическим изменениям. «В качестве анубандх чаще используются фонемы, которые либо редко встречаются, либо никогда не встречаются в соответствующих конечных или начальных позициях (например, носовой /ñ/ не встречается в начале или конце ни в одном санскритском слове), что не означает, что их нельзя произнести в данных позициях. Сделано это, вероятно, для того, чтобы при восприятии уже на слух данные «маркеры» воспринимались как «чужеродный», искусственный элемент, для более легкого запоминания» [Тавастшерна, 2009: 151].

Анубандхи часто выступают не просто показателями конца класса, своеобразными сопровождающими элементами, но маркерами грамматического значения, акцентуации и т.п., то есть являются важной частью метаязыка грамматики. Например, анубандха может маркировать активный или медиальный тип спряжения, тип аориста, наличие или отсутствие тематической гласной *i* при присоединении ряда суффиксов и т.п.

Например, анубандха Ṭ при кратком *a* сигнализирует о том, что речь идет об аугменте, который предшествует основе (4.4.71).

В частности, Панини вводит термин *La* (*laḥ parasmaipadam*) (1.4.99) для обозначения грамматических категорий времен и наклонений санскритского глагола системы *parasmaipada* (и выражающих эти значения флексии). Б.А. Захарьин предлагает рассматривать *La* как общее название «множества грамем наиболее существенных для глагола категорий времени и модальности. С функционально-семантических позиций эти последние можно было бы объединить в суперкатегорию предикативности» [Захарьин, 2007: 177]. Этот термин с общим предикативным значением объединяет технические обозначения отдельных времен и наклонений, причем термины, называющие эти грамматические категории, имеют общий элемент – начальный показатель *L*.

1.	<i>Laṭ</i>	презенс	<i>varttamāne laṭ</i>	3.2.123
2.	<i>Luṅ</i>	аорист	<i>luṅ</i>	3.2.110
3.	<i>Liṭ</i>	перфект	<i>parokṣe liṭ</i>	3.2.115
4.	<i>Laṅ</i>	имперфект	<i>anadyatane laṅ</i>	3.2.111
5.	<i>Luṭ</i>	перифрастический футурум	<i>syatāsī lṛluṭoḥ</i>	3.1.33
6.	<i>Lṛṭ</i>	простой футурум	<i>kṣipravacane lṛṭ</i>	3.3.133
7.	<i>Loṭ</i>	императив	<i>loṭ ca</i>	3.3.162
8.	<i>Lṛṅ</i>	кондиционалис	<i>liṅnimitte lṛṅ kriyātipattau</i>	3.3.139
9.	<i>Liṅ</i>	оптатив	<i>açaṃsāvacane liḥ</i>	3.3.134
10.	<i>Leṭ</i>	ведийский субъюнктив	<i>liṅarthe leṭ</i>	3.4.7

Все эти технические обозначения использовались в тексте грамматики для указания на глагольные грамматические категории и их флексии. Например, сутра об образовании формы перфекта сообщает: *liṭi dhātor anabhyāsasya*, что значит *корень удваивается (подвергается редупликации), если за ним следует окончание перфекта* (6.1.8). В этой сутре термин *Liṭ* обозначает перфект. Здесь опять следует обратить внимание на падежное оформление терминов: *dhātor* (Gen.) – элемент, который подлежит замене или преобразованию, оформляется Genetiv`ом, а *liṭi* (Loc.) – условия изменения (позиция), то есть в форме Locativ`а выступает элемент, перед которым происходит изменение (в данном примере это символическое обозначение окончаний перфекта – *Liṭi*). Таким образом, сутра сообщает о том, что корень удваивается перед окончанием перфекта.

Анубандхи как специальные показатели при технических терминах выполняют роль грамматических маркеров. В частности, анубандха $\dot{N}$ в терминах $La\dot{N}$, $Lu\dot{N}$, $Li\dot{N}$, $Lr\dot{N}$ указывает на то, что формы аориста, имперфекта, опатива и кондиционалиса образуются при помощи вторичных окончаний, т.е. окончаний прошедшего времени (об этом свидетельствует анубандха $\dot{N}$). Формы, маркированные анубандхой $\dot{T}$ ($La\dot{T}$, $Li\dot{T}$, $Lu\dot{T}$, $Lr\dot{T}$, $Lo\dot{T}$ и $Le\dot{T}$) образуются при помощи первичных окончаний (флексии индикатива).

Итак, символические обозначения в грамматике Панини не только позволяют назвать целый класс единиц, кратко сформулировать грамматические операции по синтезу словоформ, представленные в сутрах Восьмикнижия, но и дать грамматическую и просодическую характеристику языковым единицам. Пратяхары и анубандхи используются в грамматике как элементы метаязыка, но у Панини элементарная аббревиатура – механизм компрессии – становится не просто техническим термином, позволяющим двумя знаками представить целый перечень элементов, а превращается в фундамент, на котором строится все здание грамматики. «Очень интересно наблюдать, как заурядный лингвистический феномен превращается в технический прием высокого уровня» [Bhate, 2002: 28].

Зашифрованность содержания, тщательно разработанный механизм представления материала в грамматике Панини становится не только приемом научного описания, но элементом метаязыка, приобретающим в контексте древнеиндийской грамматической традиции особую значимость. «Восьмикнижие является одним из самых ранних и совершенных образцов разработанного и иногда приобретающего почти самостоятельную значимость метаязыка в одной из областей знания» [Димри, 1973: 103].

Тщательно разработанная грамматистами система терминов и технических обозначений, среди которых особую роль играют пратяхары и анубандхи, составляет сложно организованный метаязык древнеиндийской грамматики.

Список литературы

1. Военец К.В. Древнеиндийская традиция (грамматика Панини) и современное индоевропейское языкознание: Дисс. ... канд. филол. наук. СПб., 2006. С. 209.
2. Волошина О.А. Некоторые особенности лингвистической терминологии в грамматике Панини // Вестн. Моск. ун-та. Сер. 9. Филология. 2012. № 1. С. 82–94.
3. Волошина О.А. Типы правил-сутр в грамматике Панини // Индоевропейское языкознание и классическая филология – XXIII: Материалы чтений, посвященных памяти проф. И.М. Тронского. ИЛИ РАН. СПб., 2019. С. 170–177.

4. Волошина О.А. Шива сутры как важнейший элемент метаязыка грамматики Панини // *Acta linguistica Petropolitana – Труды Института лингвистических исследований* / Отв. ред. Н.Н. Казанский. № 12. Т. 3. СПб., 2017. С. 479–503.
5. Димри Дж. Панини и его «Восьмикнижие» // *Народы Азии и Африки*. М., 1973. № 6. С. 96–103.
6. Захарьин Б.А. Санскритская грамматика Варадараджи. Varadarāja laghusid-dhāntakaumudī, или Облегченное освещение положений [санскритской грамматики]. М., 2007. 512 с.
7. Тавастшерна С.С. Становление и развитие лингвистической традиции в Древней Индии: Дисс. ... канд. филол. наук. СПб., 2009. С. 193.
8. Bhate S. Pāṇini. Sahitya Akademi. New Delhi, 2002. С. 205.
9. Sharma R.N. Aṣṭādhyāyī of Pāṇini. New Delhi, 2000, Vol. 1–2. С. 557.

Oxana Voloshina

PRATYAHARA AND ANUBANDHA AS A METALANGUAGE OF PANINI GRAMMAR

*Lomonosov Moscow State University
1 Leninskie Gory, Moscow, 119991*

The article considers pratyaharas and anubandhas as special elements of the metalanguage description in the ancient Indian grammar of Panini. It analyzes the mechanism of pratyahara as an abbreviated designation of the class of elements, illustrates examples of the use of pratyahara in the Shiva Sutras and in the designation of a combination of verbal and nominal inflections. The role of anubandha as a special marker of the grammatical and prosodic characteristics of units in the Ashtadhyaya metalanguage system is also investigated.

Key words: metalanguage of the grammar of Panini; pratyahara; anubandha.

About the author: *Oxana Voloshina* – PhD, Associate Professor, Department of General and Comparative Historical Linguistics, Faculty of Philology, Lomonosov Moscow State University (e-mail: oxanav2005@mail.ru).

References

1. Voenec K.V. Drevneindijskaya tradiciya (grammatika Panini) i sovremennoe indoevropskoe yazykoznanie [Ancient Indian tradition (Panini grammar) and modern Indo-European linguistics]. *Dissertatsiya na soiskanie uch. stepeni kand. filol. nauk*. Saint-Petersburg, 2006, 209 p. (In Russ.)
2. Voloshina O.A. Nekotorye osobennosti lingvisticheskoy terminologii v grammatike Panini [Some Features of Linguistic Terminology in Panini Grammar] // *Vestnik Moskovskogo universiteta. Seriya 9: Filologiya*, 2012, № 1, pp. 82–94. (In Russ.)
3. Voloshina O.A. Tipy pravil-sutr v grammatike Panini [Types of Sutra Rules in the Grammar of Panini] // *Indoevropskoe yazykoznanie i klassicheskaya filologiya – XXIII. Materialy chtenij, posvyashchennyh pamyati prof. I.M. Tronskogo*. ILI RAN. Sankt-Peterburg, 2019, pp. 170–177. (In Russ.)
4. Voloshina O.A. Shiva sutry kak vazhnejshij element metayazyka grammatiki Panini [Shiva sutras as the most important element of Panini grammar metalanguage] // *Acta*

- linguistica Petropolitana – Trudy Instituta lingvisticheskikh issledovanij*. Otv. red. N.N. Kazanskij. SPb, № 12, t. 3, 2017, pp. 479–503. (In Russ.)
5. *Dimri Dzh.* Panini i ego “Vos’miknizhie” [Panini and his Eight Books] // *Narody Azii i Afriki*. M., 1973, № 6, pp. 96–103. (In Russ.)
 6. *Zahar’in B.A.* Sanskritskaya grammatika Varadaradzhi. Varadarāja laghusiddhāntakaumudī, ili Oblegchennoe osveshchenie polozhenij [sanskritskoj grammatiki]. [Sanskrit grammar of Varadaraja. Varadarāja laghusiddhāntakaumudī, or Lightened Position Lighting [Sanskrit Grammar]], M., 2007, p. 512. (In Russ.)
 7. *Tavastsherna S.S.* Stanovlenie i razvitie lingvisticheskoi tradicii v Drevnej Indii [The formation and development of linguistic tradition in ancient India]. *Dis. kand. filol. nauk*. Sankt-Peterburg, 2009, p. 193. (In Russ.)
 8. *Bhate S.* Pāṇini. Sahitya Akademi. New Delhi, 2002, p. 205.
 9. *Sharma R.N.* Aṣṭādhyāyī of Pāṇini. New Delhi, 2000, Vol. 1–2, p. 557.

Е.С. Онуфриева, И.В. Тресорукова

**ФОРМИРОВАНИЕ ФРАЗЕОЛОГИЗМОВ-
КОНСТРУКЦИЙ НА ОСНОВЕ ПРЕЦЕДЕНТНЫХ
ВЫСКАЗЫВАНИЙ**

(НА ПРИМЕРЕ НОВОГРЕЧЕСКОЙ КОНСТРУКЦИИ

ΘΑ Ρ, ΑΛΛΑ ΘΑ ΕΙΝΑΙ ΣΑΝ ΝΑ ΜΗΝ Ρ / Ρ')

*Федеральное государственное бюджетное образовательное учреждение
высшего образования*

«Московский государственный университет имени М.В. Ломоносова»

119991, Москва, Ленинские горы, 1

В статье рассматривается случай формирования в новогреческом языке фразеологизма-конструкции *Θα Ρ, αλλά / και θα (εί)ναι σα(ν) (να) μην(ν) Ρ / Ρ'* ‘будет Р, но / а будет, будто не Р / Р’ на основе precedentного высказывания *Θα έχετε κυβέρνηση, αλλά θα είναι σαν να μην έχετε* (букв. ‘вы будете иметь правительство, но будет, будто не имеете’). Фразеологизмы-конструкции (ФК), представляющие собой частично заполненные синтаксические схемы, шаблоны с открытыми слотами, которые заполняются в зависимости от контекста и намерения говорящего, были включены во фразеологическую классификацию А.Н. Барановым и Д.О. Добровольским сравнительно недавно и в аспекте связи с precedentными феноменами практически не описаны. На основе анализа обширного материала социальной сети Twitter (более 7 тыс. случаев употребления анализируемой конструкции в 2010–2019 гг.) показано, что формирование ФК на основе precedentного высказывания достигается за счет увеличения частотности употребления precedentного высказывания, трансформированного по определенному типу, в результате чего одна часть лексем закрепляется в виде фиксированного компонента ФК, а другая становится вариативным компонентом, а также за счет увеличения разнообразия заполнения вариативного компонента ФК. Показано, что признаками фразеологизации в случае с ФК, образованным на основе precedentного высказывания, являются ослабление связи с precedentным высказыванием, изменение стилистических характеристик конструкции за счет разнообразия лексем переменных компонентов и игрового употребления атрибутивных ссылок, а также появление у конструкции обобщенного значения, усиление оценочности и изменение ее прагматической функции.

Онуфриева Елизавета Сергеевна – аспирант кафедры византийской и новогреческой филологии филологического факультета МГУ имени М.В. Ломоносова (e-mail: lisa.onufrieva@gmail.com).

Тресорукова Ирина Витальевна – кандидат филологических наук, доцент кафедры византийской и новогреческой филологии филологического факультета МГУ имени М.В. Ломоносова (e-mail: itresir@mail.ru).

Ключевые слова: фразеологизмы-конструкции; прецедентные высказывания; трансформация прецедентного высказывания; формирование конструкции; фразеологизация; греческий язык.

Введение. Фразеологические единицы и прецедентные высказывания имеют между собой много общего, что неоднократно отмечалось в научной литературе [Телия, 2005: 20–21; Захаренко, 2000: 46; и др.]. Прецедентное высказывание, как и фразеологизм, представляет собой «сложный знак, сумма значений компонентов которого не равна его смыслу» [Красных, 1999: 259], и «обязательно неоднократно воспроизводится в речи, и в этом заключается его специфика и отличие от других прецедентных феноменов» [Красных, 1999: 299]. В качестве свойств, объединяющих прецедентные высказывания и фразеологизмы, обычно выделяются: 1) известность; 2) познавательная, эмоциональная и культурно маркированная значимость; 3) воспроизводимость в дискурсивных практиках «общего» языка [Телия, 2005: 20–21].

Помимо общих черт у фразеологизмов и прецедентных высказываний есть и принципиальные различия. Одним из основных критериев, позволяющих теоретически провести разделение между фразеологизмами и прецедентными высказываниями, называют наличие или отсутствие прецедентности [Телия, 2005: 21]. Употребление прецедентного высказывания в речи предполагает отсылку к прецедентному тексту или прецедентной ситуации, в том смысле, что без этой отсылки «либо не будет понят смысл высказывания, либо не “прочитаются” связанные с прецедентным феноменом коннотации» [Захаренко, 2000: 50]. Являясь цитатой, прецедентное высказывание сохраняет связь с текстовым источником и воспринимается на фоне этого источника, тогда как фразеологизм уже утратил в языковом сознании носителей языка «такого рода источник и воспринимается как безымянный (даже в случаях, когда этот источник имел автора или вышел из прецедентного текста» [Телия, 2005: 21]. А.Н. Баранов и Д.О. Добровольский, говоря о крылатых словах, отмечают, что «когда источник полузабыт – часто это связано с высокой частотой употребления соответствующего крылатого слова, – оно воспринимается, скорее, как обычный (т.е. “анонимный”) фразеологизм» [Баранов, Добровольский, 2016: 95].

Утрата прецедентности является основным условием перехода прецедентного высказывания в разряд фразеологизмов. В то же время прецедентность фразеологизма, вышедшего из прецедентного феномена, «может продолжать осознаваться носителями языка, это зависит от степени знания коммуникантами того или иного прецедентного феномена» [Захаренко, 2000: 48].

Переходу прецедентного высказывания в разряд фразеологизмов может также способствовать совпадение его структуры, исходной или трансформированной, с тем или иным типом фразеологических единиц. На важность структурного совпадения прецедентного высказывания с каким-либо типом фразеологизмов указывал С.И. Ожегов, говоря о крылатых словах: «При совпадении же по форме со структурными типами фразеологии языка они еще легче освобождаются от “авторских” ассоциаций и входят в ряды “безымянных” фразеологических единиц языка» [Ожегов, 1957: 128].

Структура фразеологических единиц в целом в разных языках неоднократно описывалась различными исследователями, и многие из них (ср., напр., [Архангельский, 1964; Шанский, 2015; Чернышева, 1970]) делят фразеологизмы по структурному признаку на 1) предикативные (по типу соответствующие предложению) и 2) непредикативные (по типу соответствующие словосочетанию). Многие непредикативные фразеологизмы, представляющие собой по сути «бинарную структурно-замкнутую синтаксическую единицу, образующуюся в результате семантического и грамматического объединения не менее чем двух полнозначных слов» [Филичева, 1969: 39], этимологически связаны с прецедентными феноменами, ср., например, фразеологизм-словосочетание *τα ἐξ αἰμάξης* (букв. ‘из колесницы’) ‘нецензурная брань, ругань’¹, обязанная своим происхождением ритуалам древнегреческих мистерий. Точно так же связаны с прецедентными феноменами и предикативные фразеологизмы, ср. напр., фраза *μαζί τα φάγαμε* (букв. ‘мы вместе это съели’), появившаяся как окказионализм эпохи греческого кризиса и сразу ставшая прецедентным высказыванием.

Фразеологизмы-конструкции (ФК), выделяемые в качестве особого класса фразеологизмов А.Н. Барановым и Д.О. Добровольским [Баранов, Добровольский 2016: 86], принадлежат к пограничной области между фразеологией и синтаксисом. ФК представляют собой частично заполненные синтаксические схемы, «шаблоны с “пустыми местами”, которые заполняются в зависимости от контекста или коммуникативного намерения автора» [Баранов, Добровольский, 2016: 86], т.е. состоят из постоянного (фиксированного) и переменного (лексически свободного) компонентов.

Для образования ФК из прецедентного высказывания должна произойти не только цитация этого прецедентного высказывания и утрата им прецедентности, но и его лексико-синтаксическая трансформация, в результате которой одна часть лексем закрепится в виде

¹ Здесь и далее переводы выполнены авторами статьи.

фиксированного компонента конструкции, а другая станет переменным компонентом.

Цитация, в том числе с трансформированием текста, описана Е.А. Земской, М.В. Китайгородской, Н.Н. Розановой [Русская разговорная речь, 1983: 204], В.З. Санниковым [Санников, 2002], О.Ю. Коноваловой [Коновалова, 2008] и др. в работах, посвященных языковой игре². Различные типы лексико-синтаксической трансформации прецедентных высказываний подробно описывает Р. Галлиссон [Gallisson 1993]³. Однако выявления единичных случаев трансформации какого-либо прецедентного высказывания в процессе языковой игры недостаточно для того, чтобы считать эти случаи образованием фразеологизированной конструкции. Определяющую роль в этом вопросе играет частотность подобных случаев.

В данной статье рассматривается трансформация прецедентного высказывания *Θα έχετε κυβέρνηση, αλλά θα είναι σαν να μην έχετε* (букв. ‘вы будете иметь правительство, но будет, будто не имеете’) как процесс формирования нового ФК в новогреческом языке.

Прецедентное высказывание *Θα έχετε κυβέρνηση και θα είναι σαν να μην έχετε*, его трансформация и распространение в новогреческом языке. В 2011 г. в греческих интернет-блогах и социальных сетях начинает распространяться представленная как пророчество фраза *Θα έχετε κυβέρνηση και θα είναι σαν να μην έχετε* (букв. ‘вы будете иметь правительство, а будет, будто не имеете’). Авторство фразы приписывается интернет-ресурсами и пользователями социальных сетей разным лицам (например, Косме Этолийскому или некоему «анонимному старцу»), однако наиболее часто в качестве автора пророчества (реального или фиктивного) указывается афонский старец Паисий (1924–1994).

В первые три года своего использования в интернете (2011–2013) высказывание имеет сравнительно невысокую частотность (не превышающую, согласно проведенному анализу, 100 употреблений в год) и практически всегда цитируется в неизменном виде для критики недостаточной, по мнению говорящего, эффективности или самостоятельности греческого правительства при проведении внутренней и внешней политики Греции, ср., напр.: *Θα έχετε κυβέρνηση και θα είναι σαν να μην έχετε... Με γνώμονα τον λαϊκισμό και τα πολιτικά κόλλα,*

² Так, примеры трансформированных пословиц вошли в словарь «Антипословицы русского народа» Х. Вальтера и В.М. Мокиенко [Вальтер, Мокиенко, 2005].

³ Трансформированные фразеологизмы и прецедентные высказывания Р. Галлисон называет *palimpsestes verbaux* ‘вербальные палимпсесты’ по аналогии с рукописными палимпсестами на пергамене.

με συνεχή ψέματα αλλά χωρίς κανέναν ηθικό φραγμό, έχουν κηρύξει τον πόλεμο στους Έλληνες... **‘Вы будете иметь правительство, а будет, будто не имеете...** Руководствуясь популизмом и политическими трюками, постоянно прибегая ко лжи и не имея никакого морального барьера, они объявили войну грекам...’⁴ или *Προδότες της χώρας μου! Γιουσιουφάκια της Νέας Τάξης Πραγμάτων! Όπως είπε και ο γέροντας Παΐσιος “θα έχετε κυβέρνηση και θα είναι σα να μην έχετε..”* ‘Предатели моей страны! Шестерки нового мирового порядка! Как сказал и старец Паисий, **«вы будете иметь правительство, а будет, будто не имеете...»**’⁵

В 2011–2012 гг. фраза *θα έχετε κυβέρνηση και θα είναι σαν να μην έχετε* несколько раз размещается на первой полосе некоторых греческих газет (14.02.2011, 28.05.2011, 07.05.2012 – «Элефтери Ора»; 10.11.2011 – «Стохос»⁶).

Несмотря на то, что с 2011 по 2013 г. преобладают случаи точного воспроизведения цитаты, уже в этот период появляются первые случаи ее игровой трансформации, хотя и весьма немногочисленные, ср., напр.: *θα έχετε ομάδα και θα είναι σα να μην έχετε* ‘**Вы будете иметь команду, а будет, будто не имеете...**’⁷, или *Το είχε πει ο μεγάλος μας γέροντας Παΐσιος θα ψηφίσετε και θα είναι σαν να μην ψηφίσατε* ‘Об этом говорил наш великий старец Паисий – **вы проголосуете, а будет, будто не проголосовали**’⁸.

С 2014 г. число подобных случаев трансформации резко возрастает. Можно говорить о том, что на основе прецедентного высказывания *θα έχετε κυβέρνηση και θα είναι σαν να μην έχετε* (букв. ‘вы будете иметь правительство, а будет, будто не имеете’) образуется устойчивая синтаксическая конструкция, обладающая фиксированным и переменным компонентами, которую мы можем схематически обозначить следующим образом:

Θα Ρ, αλλά / και θα (εί)ναι σα(ν) (να) μη(ν) Ρ / Ρ’
‘Будет Р, но / а будет, будто не Р / Р’

⁴ URL: https://kostasxan.blogspot.com/2011/09/blog-post_3671.html (дата обращения: 31.12.2019).

⁵ URL: http://www.doxastemeeimaiego.blogspot.com/2011/12/blog-post_06.html (дата обращения: 31.12.2019).

⁶ Согласно данным сайта Союза собственников ежедневных газет г. Афин, тираж газеты «Элефтери Ора» в 2011 г. составлял в среднем 2 тыс. экз. в день. URL: <https://www.eihea.com.gr> (дата обращения: 31.12.2019). Данных о тираже газеты «Стохос» в открытом доступе нет.

⁷ URL: <https://twitter.com/AgriosGerontas/status/216269682905325568> (дата обращения: 31.12.2019).

⁸ URL: <https://twitter.com/allhlegios/status/198598477519929344> (дата обращения: 31.12.2019).

Проведя вручную подсчет общего количества употреблений указанной синтаксической конструкции в социальной сети Twitter⁹ с помощью поиска по ключевым словам (в качестве ключевых слов указывалась наиболее устойчивая часть конструкции *θα (εί)ναι σα(ν)* ‘будет, будто’) и дальнейшей вычитки каждого контекста для исключения синтаксических омонимов с момента первого использования конструкции в 2011 г. в виде *Θα έχετε κυβέρνηση και θα είναι σαν να μην έχετε* по декабрь 2019 г. включительно, мы получили следующие данные (табл. 1):

Таблица 1

Частота употребления конструкции *Θα P, αλλά / και θα (εί)ναι σα(ν) (να) μην(ν)* P/P’ в Twitter в 2010–2019 гг.

Год	Общее количество употреблений, раз	Из них количество употреблений			
		трансформированной цитаты,		точной цитаты,	
		раз	%	раз	%
2010	0	0	–	0	–
2011	79	1	1,27	78	98,73
2012	97	5	5,15	92	94,85
2013	30	2	6,67	28	93,33
2014	512	495	96,68	17	3,32
2015	1 812	1 679	92,66	133	7,34
2016	1 298	1 288	99,23	10	0,77
2017	950	947	99,68	3	0,32
2018	1 299	1 282	98,69	17	1,31
2019	1 199	1 181	98,50	18	1,50
Всего	7 276	6 880	94,56	396	5,44

С 2011 по 2019 г. общая частотность употребления конструкции возрастает более, чем в 15 раз, однако обусловлено это только ростом частотности употребления трансформированных, а не прямых цитирований. Если в 2011 г. соотношение количества прямой и трансформированных цитат было 78 / 1, то в 2019 г. это соотношение составляет 18 / 1181.

⁹ Мы выбрали для нашего исследования Twitter, чтобы получить максимально полное представление о динамике употребления исследуемой конструкции за последние годы, включая период 2014–2019 гг. В случае с использованием корпусов текстов это было бы невозможно: так, в корпус текстов *elntenten14* (1,6 млрд слов) не включены данные позднее августа 2014 г., а Национальный корпус греческого языка (ΕΘΕΓ) по состоянию на текущий момент ограничен по объему (52 млн слов). Кроме того, эти корпуса не дают возможности распределения результатов по годам.

Пик частотности приходится на 2015 г., что, вероятно, связано с возрастанием актуальности цитаты в свете очередных парламентских выборов в Греции.

Сравнительная динамика употребления трансформированной и точной цитат представлена на рисунке.

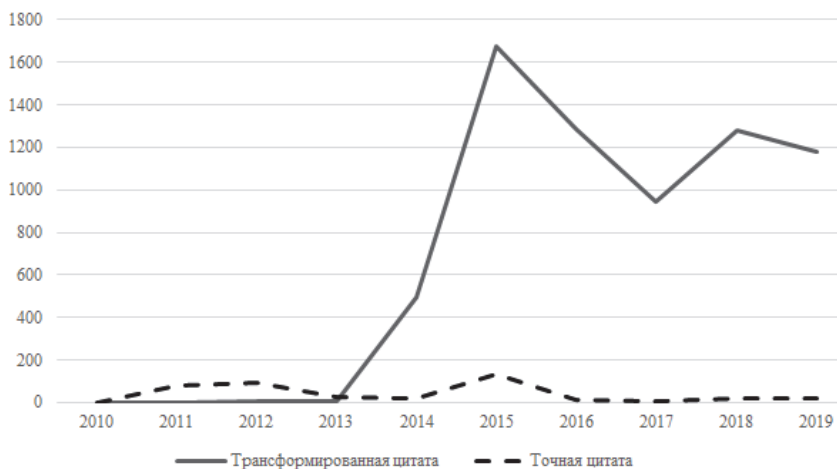

Рисунок. Сравнительная динамика употребления трансформированной и точной цитат в Twitter в 2010–2019 гг.

Также были проанализированы количество и характер ссылок, сопровождающих конструкцию, на основе выборки ее употреблений в Twitter в 2018 г.

В 2018 г. в 250 из 1299 случаев употребления конструкции (19,24%) в анализируемом контексте (в том же сообщении или той же ветке сообщений) содержится имя и / или фотография старца Паисия. Конструкция может сопровождаться такими словосочетаниями, как: *Άγιος / Όσιος / Γέροντας Παΐσιος* ‘святой / преподобный / старец Паисий’, *όπως είπε / θα έλεγε ο Παΐσιος* ‘как сказал (бы) Паисий’, *θυμίζει προφητεία του πατέρα Παΐσιου* ‘напоминает пророчество отца Паисия’ и т.д. Также могут использоваться слова *προφητεία* ‘пророчество’, *χρησμός* ‘прорицание’, *θρύλος* ‘легенда’ и т.д., ср., напр., *Θα σας πλένουν τα πιάτα οι άντρες και θα είναι σαν να μην έχουν πλυνθεί. Το έχει πει αυτό ο γέροντας Παΐσιος;* ‘Мужья будут мыть вам посуду, а будет, будто она не помыта. Это сказал старец Паисий?’ или *Και θα βάζετε 20 ευρώ βενζίνη και θάναι σαν να μην βάλате. Σελτός Παΐσιος 317 μ.χ.* ‘И будете вы заливать бензин на 20 евро, а будет, будто не залили. Досточтимый Паисий, 317 г. по Р.Х.’

В 285 случаях (21,94%) указывается ложный «автор» (как правило, известное лицо, имеющее отношение к содержанию высказывания),

причем его имя и / или фамилия могут быть переименованы – обычно путем добавления характерного окончания *-ιος / ίσιος* ‘-иос / исиос’ (подобно имени *Παῖσιος* ‘Паисиос’) и / или слов(а) *Ἅγιος / Ὁσιος / Γέροντας* ‘святой / преподобный / старец’ и т.д., напр., *Γέρων Τσιπρίσιος* ‘старец Циприсииос’ (имеется в виду бывший премьер-министр Греции А. Ципрас), *Ἅγιος Μακρόνιος* ‘святой Макроний’ (президент Франции Э. Макрон) и т.п., ср., напр.: **Θα βγαίνει πρόεδρος των ΗΠΑ και θα είναι σαν να μην τον έχουν ψηφίσει. Γέρων Τραμπίσιος** ‘Он будет побеждать на президентских выборах в США, а будет, будто за него не проголосовали. Старец Трамписииос’. Иногда в качестве имени собственного используется какое-либо окказиональное имя, образованное от того или иного явления или предмета, связанного с конкретным высказыванием: *Γέρων Φουτμπολίσιος* ‘старец Футболисиос’ (< football ‘футбол’), *Πάτερ Διαίτιος* ‘отец Диетиос’ (< *δίαιτα* ‘диета’) и т.д., ср., напр., **Θα τρώς γιαούρτι και θα είναι σα να μην έχεις φάει τίποτα. Πάτερ Διαίτιος** ‘Ты будешь есть йогурт, а будет, будто ты не ел ничего. Отец Диетиос’; **Θα είναι σαν να έχετε Ίντερνετ αλλά θα κόβεται 50 φορές την μέρα. Γέρων Κόσμοτισίου** ‘Будет, будто вы имеете интернет, но он будет отключаться 50 раз в день. Старец COSMOTEисиос’¹⁰.

Прецедентные высказывания не требуют обязательной атрибуции и, как правило, не сопровождаются ссылками на источник или автора [Караулов, 2010: 230; Красных, 1999: 329], так как предполагается их известность участникам дискурса, при этом «если же ссылка все-таки имеет место, то она выполняет не столько “информирующую”, сколько “эстетическую” функцию, поскольку предполагается, что реципиент знает то, что автор специально проговаривает, следовательно, создается эффект иронии» [Красных, 1999: 329]. Приведенные выше примеры также ярко демонстрируют стилиобразующую, а не информирующую роль атрибуции фразы, более того, в 53% всех отсылок намеренно указывается ложный автор.

Для определения семантики новообразованной конструкции стоит рассмотреть несколько примеров ее употребления, объединенных одним и тем же информационным поводом. В конце 2018 г. Салоники посетил А. Ципрас, на тот момент являвшийся премьер-министром Греции, для проведения церемонии торжественного открытия станции метро *Συντριβάνι* ‘Фонтан’. Это событие вызвало бурное обсуждение в социальных сетях, так как церемония состоялась за два года до планируемого ввода метро в эксплуатацию, и на момент открытия станции не было движения поездов и не работали эскалаторы.

¹⁰ COSMOTE – компания сотовой связи Греции.

По этому поводу в Twitter появились следующие записи: *Το είχε προφητεύσει ο Παΐσιος: Θα έχετε μετρό αλλά θα είναι σαν να μην έχετε* ‘Паисий пророчествовал об этом: **Вы будете иметь метро, но будет, будто не имеете**’, или *Θα υπάρχει #Μετρο_Θεσσαλονικης και θα είναι σαν να μην υπάρχει* ‘Будет существовать #Метро_в_Салониках, а будет, будто оно не существует’, или *Θα είναι σαν να έχετε μετρό αλλά δεν θα έχετε* ‘Будет, будто у вас есть метро, но у вас его не будет’, или *Θα είναι σα να έχετε μετρό... αλλά δε θα έχετε τρένα* ‘Будет, будто вы имеете метро... но вы не будете иметь поездов’, или *...θα είναι σαν να έχετε μετρό, αλλά θα έχετε κολιόμενες σκάλες...* ‘... будет, будто вы имеете метро, но вы будете иметь эскалаторы...’, или *‘Θαναι σα να έχει μετρο αλλά θαχει μονο σταθμο χωρις τραινο...* ‘Будет, будто имеется метро, но будет иметься только станция без поезда...’, или *Θα είναι σα να έχετε Μετρό Θεσσαλονίκης αλλά θα έχετε ΣΥΡΙΖΑ!* ‘Будет, будто у вас метро в Салониках, но у вас будет партия СИРИЗА¹¹!’

Из приведенных примеров видно, что значение конструкции содержит логическое противоречие, указывая на одновременное сосуществование двух противоречащих друг другу ситуаций, обозначенных двумя пропозициями в составе конструкции («будет Р, но будет, будто не Р / Р'»).

Как правило (992 случая из 1299 в 2018 г., т.е. 76%), одна из двух пропозиций содержит отрицание. При этом глаголы в пропозициях могут как совпадать (920 случаев), так и различаться (72 случая). Реже (294 случая) ни одна из пропозиций не содержит элементов, выражающих отрицание, и семантика противоречия достигается за счет смыслового несоответствия двух пропозиций. При этом часто одна из пропозиций выражает более общее понятие (обозначает «целое»), а вторая – более узкое, но относящееся к тому же семантическому полю («часть»), (например, Р – «иметь метро», Р' – «иметь вагон / эскалатор / станцию» и т.д.). Смысловое несоответствие, в некоторых примерах доведенное до абсурда, может быть выражено и за счет использования в двух пропозициях семантически не связанных лексем (например, Р – «иметь метро», Р' – «иметь партию СИРИЗА») или, наоборот, одинаковых лексем, ср., напр., *Θα είναι σα να βαριέμαι και θα βαριέμαι* ‘Будет, будто мне скучно, а мне будет скучно’.

Таким образом, значение противоречия, которое выражается фиксированной частью конструкции («будет Р, но будет, будто не Р / Р'») и усиливается разным лексическим наполнением пропозиций Р и Р', становится обобщенным для всех случаев употребления этой конструкции. Появление такого обобщенного значения является

¹¹ СИРИЗА – правящая партия в Греции в 2015–2019 гг.

важным фактором фразеологизации, так как при обобщении значения конструкции ослабевает связь ФК с прецедентным высказыванием [Ожегов, 1957: 217]¹².

Употребление анализируемой конструкции в речи сопровождается оценкой говорящим описываемой ситуации, как правило, оценкой негативной. Хотя оценочность в какой-то мере была присуща и исходной цитате, пророческая фраза выполняет в первую очередь информативную функцию. В.И. Карасик, говоря о предсказаниях как речевом жанре, отмечает, что предсказание как декларация «должно содержать новую информацию, быть релевантным и правдоподобным» [Карасик, 2018: 40]. В нашем случае основной прагматической функцией новообразованной конструкции становится не информирование, а оценка.

Заключение. В данной работе мы рассмотрели процесс формирования в новогреческом языке ФК *Θα Ρ, αλλά / και θα (εί)ναι σα(ν) (να) μη(ν) Ρ/Ρ'* ‘Будет Р, но / а будет, будто не Р / Р’ на основе прецедентного высказывания *Θα έχετε κυβέρνηση, αλλά θα είναι σαν να μην έχετε* (букв. ‘вы будете иметь правительство, но будет, будто не имеете’).

Начало формированию этого ФК было дано языковой игрой, в процессе которой исходное прецедентное высказывание подверглось лексико-синтаксической трансформации (часть лексем закрепились в виде фиксированного компонента, а другая стала представлять собой переменный компонент), так что структурно стало представлять собой полусхему, т.е. совпало со структурой ФК.

На примере проанализированного ФК показано, что образование ФК из прецедентного высказывания достигается как за счет увеличения частотности употребления прецедентного высказывания, трансформированного по определенному типу, так и за счет увеличения разнообразия лексического заполнения вариативного компонента ФК. Высокая частотность употребления полученного ФК, значительно превышающая частотность исходного прецедентного высказывания, применение этого ФК в самых разных актуальных сферах дискурса и изменение его стилистических характеристик за счет разнообразия лексем переменного компонента и игрового употребления атрибутивных ссылок указывают на утрату этой конструкцией прецедентности.

Важные отличия ФК, образованного от исходного прецедентного высказывания, – появление у конструкции обобщенного значения, усиление оценочности и изменение прагматической функции.

¹² По [Traugott, Trousdale, 2014: 270] образование новой конструкции (конструкционализация) достигается не только при изменении значения исходной конструкции (наряду с изменением формы исходной конструкции), но и при обобщении ее значения.

Проанализированная конструкция, будучи изначально прецедентным высказыванием, стала продуктивным ФК, служащим для порождения большого количества высказываний, отражающих языковую картину мира носителя новогреческого языка.

Список литературы

1. Архангельский В.Л. Устойчивые фразы в современном русском языке. Ростов-н/Д., 1964.
2. Баранов А.Н., Добровольский Д.О. Основы фразеологии (краткий курс). М., 2016.
3. Вальтер Х., Мокиенко В.М. Антипословицы русского народа. СПб., 2005.
4. Захаренко И.В. О целесообразности использования термина «прецедентное высказывание» // Язык, сознание, коммуникация. 2000. № 12. С. 46–53.
5. Карасик В.И. Предсказание как речевой жанр // Жанры речи. 2018. № 1 (17). С. 39–47.
6. Караулов Ю.Н. Русский язык и языковая личность. М., 2010.
7. Коновалова О.Ю. Языковая игра в современной русской разговорной речи. Владивосток, 2008.
8. Красных В.В. Структура коммуникации в свете лингво-когнитивного подхода (коммуникативный акт, дискурс, текст): Дисс. ... докт. филол. наук. М., 1999.
9. Ожегов С.И. О крылатых словах (по поводу книги Н.С. и М.Г. Ашукиных «Крылатые слова») // Вопросы языкознания. 1957. № 2. С. 125–129.
10. Русская разговорная речь: Фонетика. Морфология. Лексика. Жест / Отв. ред. Е.А. Земская. М., 1983.
11. Санников В.З. Русский язык в зеркале языковой игры. М., 2002.
12. Телия В.Н. О феномене воспроизводимости языковых выражений // Язык, сознание, коммуникация. 2005. № 30. С. 4–42.
13. Филичева Н.И. О словосочетаниях в современном немецком языке. М., 1969.
14. Чернышева И.И. Фразеология современного немецкого языка. М., 1970.
15. Шанский Н.М. Фразеология современного русского языка. М., 2015.
16. Gallisson R. Les palimpsests verbaux : des révélateurs culturels remarquables, mais peu remarqués // Repères, recherches en didactique du français langue maternelle. 1993. № 8. P. 41–62.
17. Traugott E.C., Trousdale G. Contentful constructionalization // Journal of Historical Linguistics. 2014. № 4 (2). P. 256–283.

Elizaveta Onufrieva, Irina Tresorukova

THE FORMATION OF CONSTRUCTIONAL PHRASEMES FROM PRECEDENT UTTERANCES: A CASE STUDY

OF THE MODERN GREEK CONSTRUCTION

Θα Ρ, ΑΛΛΑ ΘΑ ΕΙΝΑΙ ΣΑΝ ΝΑ ΜΗΝ Ρ / Ρ'

*Lomonosov Moscow State University
1 Leninskie Gory, Moscow, 119991*

This paper explores the Modern Greek constructional phraseme *Θα Ρ, αλλά / και θα (εί)ναι σα(ν) (να) μη(ν) Ρ / Ρ'* (literally, 'P_{FUT} but / and will be as P_{FUT-NEG} / P'_{FUT}'),

formed on the basis of the precedent utterance *Θα έχετε κυβέρνηση, αλλά θα είναι σαν να μην έχετε* (literally, ‘you will have the government, but it will be as if you did not have it’). Constructional phrasemes (CPhs) constitute partially filled syntactic schemas, patterns with open slots that are filled in depending on the context and the speaker’s intention. CPhs were included in the classification of phraseological units by A.N. Baranov and D.O. Dobrovolskij as a separate class of phraseologisms, but they have not yet been described as precedent phenomena. The analysis of extensive data from Twitter (over 7,000 cases of use of the construction under analysis from 2010 to 2019) shows that the precedent utterance comes to form a CP after it has been a continuous subject of transformation, which enables one part of its lexemes to become as the fixed component of a new construction and the other one to form the variable component of this construction, open to a wide range of fillers. In the case of CPhs formed from precedent utterances, phraseologization involves a loosening of the connection between the CP and the precedent utterance, a change of the stylistic characteristics of the construction due to an increased range of lexemes that can possibly fill in its open slots and the use of playful references to the author, as well as the development by the construction of a generalized meaning, an increase in its evaluative potential and a change of its pragmatic function.

Key words: constructional phrasemes; precedent utterances; transformation of a precedent utterance; formation of a construction; phraseologization; Modern Greek language.

About the authors: *Elizaveta Onufrieva* – PhD Student, Department of Byzantine and Modern Greek Studies, Faculty of Philology, Lomonosov Moscow State University (e-mail: lisa.onufrieva@gmail.com); *Irina Tresorukova* – PhD, Associate Professor, Department of Byzantine and Modern Greek Studies, Faculty of Philology, Lomonosov Moscow State University (e-mail: itresir@mail.ru).

References

1. Arkhangel'skii V.L. *Ustoichivye frazy v sovremennom russkom yazyke* [Set phrases in modern Russian language]. Rostov-na-Donu, Publishing House of Rostov University, 1964. 315 p.
2. Baranov A.N., Dobvol'skii D.O. *Osnovy frazeologii (kratkii kurs)* [Basics of phraseology (a concise course)]. Moscow, Flinta Nauka Publ., 2016. 312 p.
3. Val'ter Kh., Mokienko V.M. *Antiposlovitsy russkogo naroda* [Anti-proverbs of the Russian people]. Saint-Petersburg, Neva Publ., 2005. 576 p.
4. Zakharenko I.V. O tselesoobraznosti ispol'zovaniya termina “pretsedentnoe vyskazyvanie” [On the appropriateness of use of the term “precedent utterance”]. *Yazyk, soznanie, kommunikatsiya* [Language, mind, communication], 2000, № 12, pp. 46–53. (In Russ.)
5. Karasik V.I. Predskazanie kak rechevoi zhanr. [Prediction as a speech genre] *Zhany rechii* [Genres of speech], 2018, № 1 (17), pp. 39–47. (In Russ.)
6. Karaulov Yu.N. *Russkii yazyk i yazykovaya lichnost'*. Moscow, Librokom Publ., 2010. 264 p.
7. Konovalova O.Yu. *Yazykovaya igra v sovremennoi russkoi razgovornoj rechii*. Vladivostok, Publishing House of Vladivostok State University of Economics and Service, 2008. 196 p.
8. Krasnykh V.V. *Struktura kommunikatsii v svete lingvo-kognitivnogo podkhoda (kommunikativnyi akt, diskurs, tekst)* [The structure of communication in the view of

- linguocognitive approach (communicative act, discourse, text)]. Doctoral dissertation in Philology. Moscow, 1999. 655 p.
9. Ozhegov S.I. O krylatykh slovakh (po povodu knigi N.S. i M.G. Ashukinykh “Krylatye slova”) [On winged words (on the occasion of the book by N.S. and M.G. Ashukin “Winged words”)]. *Voprosy yazykoznaniya* [Topics in the study of language], 1957, № 2, pp. 125–129. (In Russ.)
 10. *Russkaya razgovornaya rech': Fonetika. Morfologiya. Leksika. Zhest* [Russian colloquial speech: Phonetics. Morphology. Lexis. Gesture] / E.A. Zemskaya (ed.). Moscow, Nauka Publ., 1983. 236 p.
 11. Sannikov V.Z. *Russkii yazyk v zerkale yazykovoi igry* [Russian language in the mirror of language play]. Moscow, Yazyki slavyanskoi kul'tury Publ., 2002. 543 p.
 12. Teliya V.N. O fenomene vosproizvodimosti yazykovykh vyrazhenii [On the phenomenon of reproducibility of linguistic expressions]. *Yazyk, soznanie, kommunikatsiya* [Language, mind, communication], 2005, № 30, pp. 4–42. (In Russ.)
 13. Filicheva N.I. *O slovosochetaniyakh v sovremennom nemetskom yazyke* [On word combinations in the modern German language]. Moscow, Vysshaya shkola Publ., 1969. 208 p.
 14. Chernysheva I.I. *Frazeologiya sovremennogo nemetskogo yazyka* [Phraseology of the modern German language]. Moscow, Vysshaya shkola Publ., 1970. 200 p.
 15. Shanskii N.M. *Frazeologiya sovremennogo russkogo yazyka* [Phraseology of the modern Russian language]. Moscow, LENAND Publ., 2015. 274 p.
 16. Gallisson R. Les palimpsests verbaux: des révélateurs culturels remarquables, mais peu remarqués. *Repères, recherches en didactique du français langue maternelle*, 1993, № 8, pp. 41–62.
 17. Traugott E., Trousdale G. Contentful constructionalization. *Journal of Historical Linguistics*, 2014, № 4 (2), pp. 256–283.

О.В. Тихонова, Л.А. Шакунова

ДАТИРОВКА НА АЛХАМИАДО В ДОКУМЕНТАХ АРХИВА ТОЛЕДСКИХ МОСАРАБОВ¹

*Федеральное государственное бюджетное образовательное учреждение
высшего образования «Санкт-Петербургский государственный университет»
199034, Санкт-Петербург, Университетская набережная, 7–9*

Архив толедских мосарабов XII и XIII вв. был переведен с арабского на испанский и опубликован Анхелем Гонсалесом Паленсией в 1926–1930 гг. Архив представляет собой собрание из 1175 документов: правовые документы, регистрирующие имущественные сделки между частными лицами, а также между частными лицами и церковными организациями. Архив – важный источник лексики на мосарабском алхамиадо, встречающийся крайне редко в отличие от источников по алхамиадо морисков. В архиве встречается множество слов на алхамиадо: христианские имена подписавшихся, прозвища, топонимы, обозначения церковных праздников и должностей, в том числе названия месяцев при обозначении даты. Летоисчисление ведется не мусульманской, и не современной христианской, а так называемой испанской эре (асофар), на 38 лет опережающей христианскую эру. В архиве орфография слов, обозначающих месяцы, заимствованные из мосарабского диалекта, отличается от орфографии их эквивалентов из современного арабского языка, заимствованных из латыни. Орфография алхамиадо передает особенности средневекового произношения, отличавшие мосарабский диалект от вульгарной латыни, сохранившиеся или утраченные в современном испанском. В качестве указания даты часто используются ссылки на христианские праздники, названия которых приводятся не только на алхамиадо, согласно христианской традиции, но в сочетании с их переводом на арабский.

Ключевые слова: алхамиадо; мосарабы; аль-Андалус; архив толедских мосарабов; мосарабский исторический диалект.

Архив толедских мосарабов как источники лексики на алхамиадо. Архив толедских мосарабов² (христианского населения

Тихонова Оксана Викторовна – кандидат филологических наук, ассистент кафедры романской филологии филологического факультета СПбГУ (e-mail: pajaro@mail.ru).

Шакунова Лариса Андреевна – магистрант восточного факультета СПбГУ (e-mail: larisashakunova@gmail.com).

¹ Текст статьи основан на докладе, сделанном на IX Международной научной конференции «Романские языки и культуры...», МГУ, Античность, средневековье, современность (Москва, 30 ноября – 1 декабря 2017 г.).

² Мосараб (исп. «mozárabe» от араб.-исп. «musta'rabí» от кл. араб. «musta'rab» «арабизированный») – «человек, принадлежащий к испанскому населению,

мусульманской Испании) XII и XIII вв. (1083–1315) был переведен на испанский и опубликован А.Г. Паленсией в 1926–1930 гг. Архив состоит из 1175 частных и церковных имущественных документов [Palencia, 1930: 45], которые хранятся в Национальном историческом архиве Испании (г. Мадрид, Испания) и в Архиве толедского кафедрального собора (г. Толедо, Испания). Почти все документы архива написаны по-арабски. Даже после отвоевания города в 1085 г. Альфонсом VI местные мосарабы продолжали пользоваться арабским не только в официальных документах³, но и в обыденной речи, о чем свидетельствует лексика из разговорного арабского⁴ [Palencia, 1930: 130–134]. А.Г. Паленсия склоняется к тому, что толедские христиане говорили на арабском в течение XII–XIII вв. и даже в XIV в. [Palencia, 1930: 129]. В качестве доказательства этому А.Г. Паленсия, кроме упомянутых андалусских диалектизмов арабского, приводит арабские имена христиан, которыми они пользовались в быту, считая свои католические имена официальными [Palencia, 1930: 124].

Архив неоднократно становился объектом исследования историков-востоковедов, в том числе отечественных. Значительно меньше им интересовались филологи и лингвисты. Однако встречающиеся в документах архива слова на алхамиадо (на мосарабском историческом диалекте⁵ в арабской графике) представляют большой филологический интерес.

облагавшемуся налогом в соответствии с мусульманским правом и проживавшему на территории мусульманской Испании до конца XI в., сохраняя христианскую веру и церковную и юридическую организацию» [DRAE, 2014: 1504].

³ После отвоевания испанских земель, например, в Арагоне в XIV в. «мусульманское право не только не отторгалось правом христиан, но присутствовало как естественная часть общего иерархически выстроенного правового пространства королевства» [Варьяш, 2016: 16].

⁴ Издание А.Г. Паленсии вышло в то время, когда среди историков господствовала точка зрения на аль-Андалус как испанскую территорию, пережившую арабскую оккупацию, где жестоко преследовали христиан. Документы архива показали необоснованность этой позиции. А.Г. Паленсия с возмущением писал: «Если в течение всего исламского господства в Толедо сохраняются христианские церкви; если, как отмечает Симоне, сохраняется даже кафедра митрополита и назначаются епископы... то где это преследование? И если после отвоевания Толедо Альфонсом VI христиане продолжают называться арабскими именами и пользуются арабским языком для договоров частного характера, для своих собственных завещаний, можно ли говорить о том, что их принудили к этому жестокие тираны?.. Не стоит, таким образом, списывать на политическое давление любовь, которую питали мосарабы к арабскому языку» [Palencia, 1930: 118].

⁵ Другой вид свидетельств о мосарабском диалекте, на котором говорили испанцы в быту, – «ошибки», встречающиеся в многочисленных церковных текстах на латыни [Mellado Rodríguez, 2018]. Нужно учитывать, и что «романизация Иберийского полуострова проходила в условиях огромных различий между автохтонными языками и латынью... <...> ...в случаях успешной романизации завоеванных римлянами территорий речь шла не просто о создании средства общения типа пиджина или креольского языка, а об усвоении латинской нормы» [Косарик, 2018: 14].

Современный словарь Королевской академии испанского языка определяет «алхамиадо» (исп. «aljamiado») как прилагательное со значениями «говоривший на алхамиа» и «написанный на алхамиа» [DRAE, 2014: 108]. Слово «алхамиа» (исп. «aljamía» от араб.-исп. «al‘ağamíyya» от кл. араб. «a‘ğamíyyah») имеет несколько значений, из которых первое⁶ – «среди мусульман-жителей Средневековой Испании язык испанских христиан» [DRAE, 2014: 108]. Исторически необходимо различать «два алхамиадо»: «Первый – мосарабский алхамиадо, язык испанцев в завоеванной арабами Испании. Этот язык не оставил письменных памятников (литература в это время создавалась на латинском языке), так что ранний (X–XIII вв.) этап истории испанского языка задокументирован плохо. Единственные свидетельства о нем – испанские слова, упомянутые в арабских глоссариях того времени, топонимика, ономастика и вкрапления испанских слов в арабоязычные мувашшахи. <...> Второй алхамиадо – алхамиадо морисков (испанских мусульман) эпохи Реконкисты... <...> На этом алхамиадо существует обширная литература» [Воевуцкий, 1987: 55]. В алхамиадо мосарабов, в отличие от алхамиадо морисков, слова записываются по правилам арабского языка, без адаптации орфографии.

Архив толедских мосарабов – важный источник лексики на алхамиадо. В его текстах встречаются: 1) испанские топонимы; 2) христианская ономастика [Тихонова, 2019], в том числе прозвища жителей; 3) обозначения родственных связей; 4) названия христианских праздников; 5) обозначения церковных [Тихонова, Шакунова, 2018] и светских должностей, а также названия ремесел; 6) другая бытовая лексика. Отдельный интерес представляет датировка документов архива. Дата представлена на арабском, но согласно христианской традиции. При этом названия месяцев заимствуются из мосарабского диалекта. Часто в место даты указывается название христианского праздника как на мосарабском, так и на арабском.

Обозначение года в рамках испанской традиции. Все документы кроме одного датированы не мусульманской⁷, а испанской эрой «Asofar» (الصفّر) [Palencia, 1930: 45]. «Açofar» или «azofar» (исп. «латунь») – арабизм в испанском раннем Средневековье. Слово происходит от испано-арабского الصفّر aṣṣōfar < aṣ-ṣufr «медь» от أصفر asfar «желтый»

⁶ Другие определения термина «алхамиа»: «текст морисков на романсе, записанный в арабской графике» и «испано-иудейский текст, записанный в еврейской графике» [DRAE, 2014: 108].

⁷ Исключение составляет документ № 1, датированный согласно мусульманской традиции. Документ был подписан в 1083 г., за два года до отвоевания г. Толедо, в месяц Рамадан и датирован хиджрой [Palencia, 1930: 152]: في رمضان المعظم عام خمسة وتسعين واربعة مائة (араб. «в месяц рамадан года 475») (№ 1, 1083 г.).

[Maíllo Salgado, 1991: 132–133]. А.Г. Паленсиа переводит этот термин на испанский как «Эра латуни» (исп. «la era del latón») [Palencia, 1930: 45]. Испанская эра «асофар» началась в 38 г. до РХ [López Guix, 2013]. Для установления года написания необходимо вычесть из поставленной даты 38 лет. Так, документ № 2, датированный 1130 г., относится к 1092 г.: سنة الف من تاريخ الصفر وفي شهر نونبر الكاين سنة: ثلاثين ومائة والف (араб. «в ноябре 1130 г. эры асофар») (№ 2, 1092 г.)⁸.

Один раз встречается соотнесение летоисчислений: في اليوم الثاني من شهر دجنبر سنة تسع وثمانين ومائة والف من تاريخ سيدنا يسوع المسيح وافقة السابع وعشرين ومايتين والف من تاريخ الصفر (араб. «в день второй декабри года 1189 в эру Господа нашего Иисуса Мессии, соответствующей 1227 г. эры асофар») (№ 206, 1189 г.)⁹. В остальных документах упоминается только эра «асофар» [Palencia, 1930: 46].

Год и день всегда обозначены прописью.

Обозначение месяцев на алхамиадо. Для обозначения месяцев используются не мусульманские названия (кроме документа № 1), а заимствованные из мосарабского диалекта, происходящие от латинских. Нужно отметить, что названия месяцев латинского происхождения, в то время встречались и у арабов. Например, они упоминаются в «Истории завоевания Андалусии» арабского историка X в. из Кордовы Ибн ал-Кутийи: وان لم يكن عندك من يعرف شهور السريانيين: السريانيون (араб. «И если у тебя не было того, кто знал сирийских месяцев или же словарных, то они соответствовали сирийскому месяцу, который называли на алхамиадо “март”») ¹⁰ [Abenalcotía, 1926: 344].

⁸ В скобках указывается номер документа в архиве по изданию А.Г. Паленсиа [Palencia, 1930].

⁹ Архив написан магрибским почерком, характерным для Испании, но отличным от африканского. Испанский вариант магрибского почерка отличается от принятого на востоке: кроме прочего, каф (ق) пишется с одной точкой наверху (ف), а фа (ف) также с одной, но внизу (ف) (см. факсимиле наст. изд., например [Palencia, 1930: 463–469]). Тем не менее А.Г. Паленсиа использует восточное начертание в публикации [Palencia, 1930], возможно, по причине того, что в типографском наборе не было нужных знаков.

¹⁰ В маргиналиях на арабском языке в коранической рукописи на алхамиадо морисков Ms.235 (Государственная библиотека Кастилия-Ла-Манча, Толедо, Испания) также встречаются обозначения на алхамиадо христианских месяцев, а также дней недели: تمت القراءان العظيم في يوم ثلث من ربع الاول خمس من حساب العرب وفي حساب مَرْتَانْ (араб. «Великий Коран был закончен пятого Раби’у ль-Авваль, во вторник, согласно арабскому исчислению, а согласно христианскому летоисчислению во вторник, одиннадцатого июля, 1606) (Ms. 235, л. 347 об.). Название дня недели при этом дано на алхамиадо морисков (с огласовкой): مَرْتَانْ mar’tes’ (исп. «martes» – «вторник»); а название месяца – на алхамиадо без огласовки (как алхамиадо мосарабов): جُلي (исп. «julio» – «июль»).

В сравнительной таблице¹¹ представлены названия месяцев на латыни, на мосарабском диалекте, на современном испанском, а также названия месяцев из современного арабского, происходящих из латыни¹².

Названия месяцев латинского происхождения					
Латынь	Арабский		Мосарабский		Испанский
Ianuarius	يناير	ynāyr	ينير	ynyr	enero
Februarius	فبراير	fbrāyr	فبرير	fbryr	febrero
Martius	مارس	mārs	مارس مرس	mārs, mrs	marzo
Aprīlis	ابريل	ābryl	ابريل	ābryl	abril
Maius	مايو	mayw	مايه	mayh	mayo
Iunius	يونيو	ywnyw	يونيه	ywnyh	junio
Iulius	يوليو	ywlyw	يوليه	ywlyh	julio
Augustus	اغسطس	āgštš	اغشت	āgšt	agosto
September	سبتمبر	sbtmbr	شتنبر	štnbr	septiembre
Octōber	اكتوبر	āktmbr	اكتبر	āktbr	octubre
November	نوفمبر	nwfmbr	نونبر	nwnbr	noviembre
December	ديسمبر	dysmbr	دجنبر	dğnbr	diciembre

Орфография некоторых мосарабских названий на алхамиадо совпадает с орфографией в современном арабском: *ابريل* ābryl (араб., мос. «апрель»), *مارس* mārs (араб., мос. «март»).

Месяцы, которые в современном арабском написаны с конечной «bāw» (و) – *مايو* mayw (араб. «май»), *يونيو* ywnyw (араб. «июнь»), *يوليو* ywlyw (араб. «июль»), – который передает латинское окончание «-us» (лат. «Maius», «Iunius», «Iulius»), в мосарабском алхамиадо записаны с конечным «xā'» (ه): *مايه* mayh, *يونيه* ywnyh, *يوليه* ywlyh. Возможно, это связано с тем, что в мосарабском «xā'» (ه) передает конечный «-о», уже появившийся в этот период развития языка (ср. совр. исп. «mayo», «junio», «julio»)¹³. Подобным образом арабская «та-марбута»

¹¹ Названия арабских месяцев приводятся по изданию [Wehr, 1976, 1109, 692, 888, 2, 889, 1110, 1110, 1, 393, 21, 1011, 281]. Названия мосарабских месяцев приводятся по изданию [Palencia, 1930, 45].

¹² В данной статье используется транслитерация только для слов на алхамиадо. При этом применяется транслитерация, принятая у арабистов, а не у специалистов по алхамиадо, так как исследуемые тексты написаны на арабском языке. Исключение составляют названия месяцев в арабском языке, заимствованные из латыни.

¹³ Так, в мосарабском алхамиадо имя «Pedro» передается как: *بيطره* byṭrh (№ 165, 1183 г.), близкое к позднелатинскому варианту «Pētrus»; «Domingo» *دمنقه* dmnqh (№ 690, 1286 г.) от лат. «dies Dominicus»; «Diego» *ديقه* dyqh (№ 691, 1286 г.) от лат. «Jacobo» [Тихонова, Шакунова, 2019].

(ة) используется для передачи конечного «-а» во многих женских и мужских именах в мосарабском¹⁴ [Тихонова, Шакунова, 2019].

Орфография арабских يناير (араб. «январь») и فبراير (араб. «февраль»), в отличие от мосарабских – يناير uny и فبراير fbryr – передает долгий гласный «'алиф» (ا). Таким образом, арабские слова передают произношение, близкое к латыни (лат. «Ianuarius», «Februarius»), в то время как алхамиадо передает вариант, близкий к произношению в вульгарной латыни с характерным закрытием гласных (ср. вульг. лат. «Ienuarius») [DRAE, 2014, 883]. В алхамиадо наблюдается и редукция ударных гласных: Mrs Mrs, أكتبر āktbr (ср. с араб. مارس mārs, كتوبر āktwbr), в передаче на алхамиадо отсутствуют («'алиф» (ا) и «vāv» (و) соответственно), хотя в мосарабском слове «ноябрь» «vāv» (و) сохраняется: نونبر nwnbr.

Название месяца أغسطس āğštš (араб. «август»), в отличие от мосарабского اغشت āğšt, сохраняет конечный «-s». Орфография на алхамиадо также передает изменение в произношении латинского «s» в середине слова: произношение латинского «s» передавалось уже как «шйн» (ش), обозначающей препалатальный глухой сибилант, а не как «сйн» (س), обозначающей переднеязычный глухой сибилант [Galmés de Fuentes, 1962]. Так же, как и в названии سبتمبر sbtmb (араб. «сентябрь») شتنبر štnbr. Отсутствующий в арабском языке звук, который в испанском передается буквой «р»¹⁵, в мосарабском алхамиадо опускается, что передает особенности произношения этого слова с характерным опущением «р» в сочетаниях «ps», «ps», «pn» (ср. совр. исп. «septiembre» [se^pˈtiembre] и вариант написания «setiembre»¹⁶ [DRAE, 2014, 1997, 2004]).

В словах «September», «November», «December» согласный «m» сохраняется только в арабской орфографии: سبتمبر sbtmb, نوفمبر nwfmbr, ديسمبر dysmbr. В то время как в орфографии алхамиадо этот согласный передается как «n»: شتنبر štnbr, نونبر nwnbr, دجنبر dğnbr.

В слове «декабрь» в алхамиадо دجنبر dğnbr (араб. ديسمبر dysmbr) «джйм» (ج) передает не звонкий фриктивный [dz] (результат озвончения глухого фриктивного [tz] в интервокальной позиции,

¹⁴ Та-марбу́та (ة) в арабском – суффикс, обозначающий женский род. Однако эта буква используется для передачи конечного «-а» во многих женских именах в мосарабском: جمانة ġwāna (№ 217, 1191 г.), «María» مارية mrya, «Benedicta» بندقة bndqta, «Dominga» دمانقة dmānqa (№ 690, 1286 г.), «Simona» سمونة smwna (№ 217, 1191 г.). Та-марбу́та используется и для написания мужских имен, оканчивающихся на «-а»: «García» خرسية ħrsya (№ 694, 1287 г.), что является характерным для написания мужских имен собственных в арабском языке [Гранде, 2001: 267, 295]. См. [Тихонова, Шакунова, 2019].

¹⁵ Ср. араб. أبريل ābryl от лат. «Aprīlis».

¹⁶ См. также «Diccionario Panhispánico de Dudas»: <http://lema.rae.es/dpd/?key=septiembre>

появившегося от сочетания с + yod), а как звонкий шипящий [dž], исчезнувший к XVI в. [Lapesa, 1981, 204, 206].

Для указания сроков оплаты нередко название месяца сопровождается словом «грядущий»: شهر اغشت الذى الاقرب لهذا التاريخ (араб. «месяц август грядущий») (№ 852, 1250 г.).¹⁷ Часто вместо точного указания дня используются обозначения, подобные «в середине месяца», «в первую декаду месяца» и т.п.¹⁸ Совсем редко встречается указание только года: وذلك فى سنة ست وتسعين ومائة والف الصفر (араб. «в 1196 г. эры асофар») (№ 60, 1158 г.).

Церковные праздники в качестве обозначения даты. В архиве распространено указание вместе с датой или вместо нее названия христианских праздников [Palencia, 1930: 45]: يوم فسم شنت بسنت الذى (араб. «в день праздника Св. Висенте, 1 сентября») (№ 952, 1214 г.).

Для обозначения многих христианских праздников заимствуются их названия из мосарабского диалекта, записанные на алхамиадо: Св. Висенте (исп. «San Vicente»): فسم شنت بسنت fšm šnt bsnt (№ 952, 1214 г.), празднование которого, согласно расчетам А.Г. Паленсии, в 1214 г. приходилось на 9 июня либо на 27 сентября; Св. Киприана (совр. исп. «San Cipriano»): فسم شنت سبريان fšm šnt sbryān (№ 843, 1240 г.); Св. Михаила (совр. исп. «San Miguel»): فسم شنت ميقاتيل fšm šnt muqāyil (№ 909, 1205 г.) (29 сентября); Св. Мартина: فسم شنت مرتين fšm šnt mrtyn (№ 909, 1205 г.) (11 ноября); Св. Иоанна (совр. исп. «San Juan»): فسم شنت يونس fšm šnt ywnš (№ 907, 1208 г.), а также Девы Марии (совр. исп. «Santa María»): فسم شنت مريّة fšm šnt mrya (№ 982,

¹⁷ При этом в подписи часто указывается только месяц без уточнения дня: وفى شهر نونبر الكاين سنة ثلاثين ومائة والف من تاريخ الصفر (араб. «в ноябре 1130 г. эры асофар») (№ 2, 1092 г.). Реже встречается указание конкретного дня: فى اول شهر شنتبر عام خمسين (араб. «первого сентября 1150 г. эры асофар») (№ 8, 1112 г.). Еще реже указывается день недели: فحل يوم الاحد السابع وعشرين من شهر مارس من عام خمسة وستين ومائة والف لتاريخ الصفر (араб. «в воскресенье, 27 марта 1165 г. эры асофар») (№ 16, 1127 г.). И число, и день недели указаны по-арабски.

¹⁸ (فى النصف من شهر مارس من سنة الف ومائة وخمسة واربعين) (араб. «в середине месяца марта 1145 г. эры асофар») (№ 5, 1107 г.); (فى عقب فبراير سنة تسع واربعين ومائة والف لتاريخ) (араб. «в конце февраля 1149 г. эры асофар») (№ 7, 1111 г.); (فى العشر الاول شهر) (араб. «в первую декаду месяца августа 1173 г. эры асофар») (№ 23, 1135 г.); (كتب فى العشر الاوسط من شهر مايه عام اربعة وتسعين ومائة) (араб. «во вторую декаду мая 1194 г. [эры асофар]») (№ 48, 1156 г.); (فى العشر ...) (араб. «в последнюю декаду ноября 1151 г. эры асофар») (№ 9, 1113 г.); (فى النصف الاول من يونيه سنة خمس وخمسين ومائة والف) (араб. «в первую половину июня 1155 г. эры асофар») (№ 10, 1117 г.). По наблюдениям А.Г. Паленсии очень редко указываются и декада, и день: فى العشر الاول من شهر يوليه فى اليوم التاسع منه سنة سبعة واربعين ومائتين والف الصفر (араб. «в первой декаде июля, в день девятый, 1247 эры асофар») (№ 1022, 1209 г.).

1207 г.). В обозначении всех этих праздников из мосарабского заимствуется слово *فصم* *fšm*, очевидно, от лат. «festum» (лат. «праздник»; совр. исп. «fiesta»).

Несмотря на то, что и Дева Мария, и Иоанн Креститель встречаются в Коране, в архиве используются их написание, характерное для христианской традиции. Так, вместо принятого в арабском обозначения имени Девы *مريم* *mrȳm* (араб. «Мария») используется транслитерация *مريّة* *mrȳa*. Уточняется, что речь идет о покровительнице города Хаэна: *فصم شنتّة مريّة الكاين فى منتصف شهر اغشت* (араб.-исп. «Праздник Св. Марии в Хаэне, в середине августа») (№ 982, 1207 г.). Название города также представлено в транслитерации: *كاين* *kāyn* с добавлением арабского определенного артикля «аль» (ال). На арабском языке уточняется, что праздник приходится на середину августа: *فصم شنتّة مريّة الكاين فى منتصف شهر اغشت* (араб.-мос. «в середине месяца август»). Слово «август» также заимствовано из мосарабского диалекта.

В мусульманской культуре Иоанн Креститель играет важную роль и именуется Яхья (يحيى). Однако в архиве его имя транслитерируется с мосарабского *اعنى شنت يونس šnt ywnš* (исп. «Св. Иоанн»). По-арабски уточняется, что имеется в виду день его почитания, совпадающий с Троицей: *فصم شنت يونس اعنى العنصرة الاقربلتاريخ* (араб.-мос. «праздник Св. Иоанна в Троицу грядущую») (№ 907, 1208 г.). В 1174 г. этот праздник приходился на 24 июня (№ 110). Слово «Троица» (совр. исп. «Trinidad») при этом написано по-арабски: *العنصرة* (ср. араб. «Троица»).

Встречается дублирование мосарабского слова «праздник» (*فصم*) арабским (*عيد*) для указания праздника «Сретения Господня» (исп. «Fiesta de la Candelaria»)¹⁹ – букв. «Праздник Свечей»: *فصم عيد المصناح* (араб.-мос. «праздник праздник светильников») (№ 853, 1250 г.). Обыкновенно мосарабскому слову «праздник» предшествует арабское «день»: *يوم فصم شنت ميقايل الاقربلتاريخ* (араб. «в день праздника Св. Мигеля следующий») (№ 909, 1205 г.). В других случаях слово «день» используется без указания слова «праздник»: *يوم شنت مرتين* (араб. «в день Св. Мигеля») (№ 841, 1239 г.).

Кроме «Сретения» в архиве встречается и ряд других христианских праздников, обозначенных на арабском. Название *العيد الكبير* (араб. «Великий праздник») (№ 259, 1195 г.) А. Г. Паленсия предлагает переводить как «Semana Santa» (исп. «Страстная седмица» или «Великая неделя»)²⁰ (в 1195 г. его празднование приходилось на февраль).

Упоминается праздник *احترام اللحم* (араб. «запретность мяса») (№ 841, 1239 г.). А. Г. Паленсия переводит его название как «Карна-

¹⁹ Исп. «Candelaria» (от исп. «candela» – «свеча») – католический праздник, отмечаемый второго февраля [DRAE, 2014: 410].

²⁰ В католицизме – последняя неделя Великого поста [DRAE, 2014: 1988].

вал Толедского мяса»²¹. Испанский карнавал «Прощания с мясом» празднуется в христианской Испании перед началом «Великого поста» (конец февраля – начало марта) (ср. с русской «Масленицей»), когда употребление мяса запрещено церковным уставом.

Названия некоторых праздников, присутствующих и в христианской, и в мусульманской культурах приведены по-арабски: عيد الخمسين (араб. «праздник Пятидесятницы») (№ 909, 1205 г.) вместо «Pentecostés» (совр. исп. «Пятидесятница»)²²; عيد الميلاد (араб. «праздник Рождества») (№ 831, 1293 г.).

Как и обозначения месяцев, часто название праздника сопровождается словом «грядущий»: يوم فصح عيد المصنّاح الاقرب (араб. «в день праздника светильников грядущий») (№ 853, 1250 г.); يوم شنت مرثين اقرب (араб. «в день Св. Мигеля грядущий») (№ 841, 1239 г.).

Выводы. Архив толедских мосарабов – важный источник лексики на мосарабском алхамиадо, встречающийся крайне редко в отличие от источников по алхамиадо морисков. В архиве встречается множество слов на алхамиадо: христианские имена подписавшихся, прозвища, топонимы, обозначения церковных праздников и должностей, в том числе названия месяцев при обозначении даты.

Летоисчисление ведется не мусульманской, и не современной христианской, а так называемой испанской эре (асофар), на 38 лет опережающей христианскую эру.

В архиве орфография слов, обозначающих месяцы, заимствованные из мосарабского диалекта, отличается от орфографии их эквивалентов из современного арабского языка, заимствованных из латыни. Орфография алхамиадо передает особенности средневекового произношения, отличавшие мосарабский диалект от вульгарной латыни, сохранившиеся или утраченные в современном испанском.

В качестве указания даты часто используются ссылки на христианские праздники, названия которых приводятся не только на алхамиадо, согласно христианской традиции, но в сочетании с их переводом на арабский.

²¹ Слово «carnaval» происходит от ит. «carnevale», сокр. от «carnelevare» («carne» – «мясо» и «levare» – «устранять»), калька с греч. ἀλόκρεως (arók্রেως). Означает: «три дня, предшествующие началу Великого поста»; «народный праздник, который отмечается во время карнавала, включает маскарады, театральные постановки, танцы» [DRAE, 2014: 443].

²² Исп. «Pentecostés» – от позднелат. «Pentecoste» от греч. πεντηκοστή (pentēkostḗ) (букв. «Пятидесятница») – праздник «Сочествия Св. Духа», приходится на пятидесятый день после Воскресения. Отмечается католической церковью между 10 мая и 13 июня [DRAE, 2014: 1676].

Список литературы

1. *Варьяш И.И.* Сарацины под властью арагонских королей. Исследование правового пространства XIV в. СПб., 2016.
2. *Воевоцкий И.Н.* Орфографические принципы конфессиональных языков // Письменные памятники и проблемы истории культуры народов Востока. 1987. № 2. С. 53–56.
3. *Гранде Б.М.* Курс арабской грамматики в сравнительно-историческом освещении. 2-е изд. М., 2001.
4. *Косарик М.А.* Актуальность традиционных проблем изучения романских языков // Вестн. Моск. ун-та. Сер. 9. Филология. 2018. № 6. С. 9–33.
5. *Крачковский И.Ю.* Арабская культура в Испании. М.; Л., 1937.
6. *Тихонова О.В., Шакунова Л.А.* Романские и арабские имена мосарабов аль-Андалуса (на материале архива толедских мосарабов XII и XIII вв.) // Религиоведение. 2019. № 2. С. 10–16.
7. *Abenalcotía El Cordobés.* Historia de la conquista de España, trad. Ribera, Julián, Colección de obras arábigas de Historia y Geografía II. Madrid, 1926.
8. *Galmés de Fuentes A.* Las sibilantes en la Romania. Madrid; Gredos, 1962.
9. *DRAE.* Diccionario de la Lengua Española. Real Academia Española: 300 años. Madrid, 2014.
10. *Lapesa R.* Historia de la lengua española. Madrid; Gredos, 1981.
11. *López Guix J.G.* Las primeras traducciones bíblicas en la península ibérica // Revista de historia de la traducción. 2013. № 7.
12. *Maillo Salgado F.* Los arabismos del castellano en la Baja Edad Media. Consideraciones históricas y filológicas. 2ª ed. Salamanca, 1991.
13. *Mellado Rodríguez J.* La lengua de los mozárabes. Otra lectura de las fuentes // Collectanea Christiana Orientalia. 2018. № 15. P. 119–156.
14. *Palencia A.G.* Los mozárabes de Toledo en los siglos XII y XIII. Vol. Preliminar: Estudios e Índices. Madrid, 1930.
15. *Serrano del Pozo J.* La pérdida de España: el tópico de la lamentación y el sentido providencial en la Crónica Mozárabe del 754 // Intus–Legere Historia. 2014. № 8 (1). P. 25–46.
16. *Wehr H.* A Dictionary of Modern Written Arabic. Ed. J. Milton Cowan. 3 ed. N.Y., 1976.

Oxana Tikhonova, Larisa Shakunova

THE INDICATION OF DATES IN ALHAMIADO IN DOCUMENTS FROM TOLEDO MOZARABS ARCHIVES

St. Petersburg State University

7–9 Universitetskaya naberezhnaya, St. Petersburg, 199034

The archives of Toledo Mozarabs were translated from Arabic into Spanish and published by Angel González Palencia in 1926–1930. The archive includes a collection of 1,175 legal documents that register property transactions between individuals, as well as between individuals and church organizations. The archive of the Toledo Mosarabs is an important source of vocabulary in Mozarabs Alhamiado, an extremely rare source compared to one on the Moriscos Alhamiado. The archive

contains many words in Alhamiado: Christian names of signatories, nicknames, toponyms, designations of church holidays and positions, including the names of the months when marking the date. Chronology is conducted neither by the Muslim nor by the modern Christian calendar, but by the so-called Spanish era (asofar), which is 38 years ahead of the Christian one. The spelling of month names, having been borrowed from the Mozarab dialect, differs from the spelling of their equivalents in modern Arabic, which was adopted from Latin. The Alhamiado orthography conveys the particularities of medieval pronunciation that distinguished the Mozarab dialect from the Vulgar Latin, preserved or lost in modern Spanish. As the indication of a date, references to Christian holidays are often used, the names of which are given not only to Alhamiado, according to Christian tradition, but in combination with their translation into Arabic.

Key words: Alhamiado; Mozarabs; al-Andalus; Archive of the Toledo Mozarabs; Mozarab historical dialect.

About the authors: *Oxana Tikhonova* – PhD, Assistant Professor, Department of Romance Philology, Faculty of Philology, St. Petersburg State University (e-mail: pajaro@mail.ru); *Larisa Shakunova* – Bachelor in Oriental Studies, Master of the Department of Oriental Studies, Faculty of Asian and African Studies, St. Petersburg State University (e-mail: larisashakunova@gmail.com).

References

1. Abenalcofía El Cordobés. *Historia de la conquista de España*, trad. Ribera, Julián, Colección de obras arábicas de Historia y Geografía II. Madrid, Real Academia de la Historia, 1926. 231 p.
2. Galmés de Fuentes A. *Las sibilantes en la Romania*. Madrid, Gredos, 1962. 230 p.
3. Grande B.M. *Kurs arabskoj grammatiki v sravnitel'no-istoricheskom osveshchenii* [Arabic grammar course in comparative historical coverage]. 2 ed. Moscow, Eastern Literature of the Russian Academy of Sciences, 2001. 592 p.
4. DRAE. *Diccionario de la Lengua Española*. Real Academia Española: 300 años. Madrid, Espasa, 2014. 2432 p.
5. Kossarik M.A. Aktual'nost' tradicionnyh problem izucheniya romanskih yazykov [Re-emphasizing Certain Traditional Aspects of Romance Language Studies]. *Vestnik Moskovskogo Universiteta. Seriya 9: Filologiya* [Moscow State University Bulletin. Series 9: Filology], 2018, 6, pp. 9–33. (In Russ.)
6. Krachkovsky I.Yu. *Arabskaia kul'tura v Ispanii* [Arab culture in Spain]. Moscow, Leningrad, Academy of Sciences of the USSR, 1937. 32 p. (In Russ.)
7. Lapesa R. *Historia de la lengua española*. Madrid, Gredos, 1981. 690 p.
8. López Guix J.G. Las primeras traducciones bíblicas en la península ibérica. *Revista de historia de la traducción*, 2013, 7.
9. Maíllo Salgado F. *Los arabismos del castellano en la Baja Edad Media. Consideraciones históricas y filológicas*. 2ª ed. Salamanca, Universidad, 1991. 554 p.
10. Mellado Rodríguez J. La lengua de los mozárabes. Otra lectura de las fuentes. *Collectanea Christiana Orientalia*, 2018, 15, pp. 119–156.
11. Palencia A.G. *Los mozárabes de Toledo en los siglos XII y XIII*. Vol. Preliminar: Estudios e Índices. Madrid, Instituto de Valencia, 1930. 470 p.
12. Serrano del Pozo J. La pérdida de España: el tópico de la lamentación y el sentido providencial en la Crónica Mozárabe del 754. *Intus–Legere Historia*, 2014, 8 (1), pp. 25–46.

13. Tikhonova O.V., Shakunova L.A. Romanskie i arabskie imena mosarabov al'-Andalusa (na materiale arhiva toledskih mosarabov XII i XIII vv.) [Romance and Arabic names of Mozarabs in al-Andalus (in the Archive of the Toledo's Mozarabs of the XII and XIII centuries)]. *Religiovedenie*, № 2, 2019, pp. 10–16. (In Russ.)
14. Varyash I.I. *Saratsiny pod vlast'iu aragonskikh korolei. Issledovanie pravovogo prostranstva XIV v.* [The Islamic and Crown Law Within the Aragonese Legal Space in the Fourteenth Century]. Saint-Petersburg, Eurasia, 2016. 390 p. (In Russ.)
15. Voevutsky I.N. Orfograficheskie printsipy konfessional'nykh iazykov [Orthographic principles of confessional]. *Pis'mennye pamiatniki i problem istorii i kul'tury narodov Vostoka*, № 2, 1987, pp. 53–56. (In Russ.)
16. Wehr H. *A Dictionary of Modern Written Arabic*. Ed. J. Milton Cowan. 3 ed. New York, Spoken Language Services, Inc., 1976. 1110 p.

Е.А. Мещерякова

**О НЕКОТОРЫХ ПЕРЕВОДЧЕСКИХ УСТАНОВКАХ
В ЦЕРКОВНОСЛАВЯНСКИХ ПЕРЕВОДАХ
«ЦЕРКОВНЫХ АННАЛОВ» БАРОНИЯ ЦЕЗАРЯ
КОНЦА XVII – СЕРЕДИНЫ XVIII в.
(НА МАТЕРИАЛЕ ПЕРЕВОДА СИНОНИМИЧНОЙ
И МНОГОЗНАЧНОЙ ЛЕКСИКИ)**

*Федеральное государственное бюджетное образовательное учреждение
высшего образования
«Московский государственный университет имени М.В. Ломоносова»
119991, Москва, Ленинские горы*

В статье обсуждается перевод синонимичных и многозначных лексем в церковно-славянских переводах «Церковных анналов» Барония Цезаря. Перевод выбранной лексики отражает общие принципы, которыми руководствовались переводчики при работе над текстами. Исследование основано на материале двух переводов, выполненных с польского языка: первый относится к началу XVII в., а второй – к середине XVIII в. Текстологический анализ лексем позволил установить особенности перевода многозначной и синонимичной лексики в обоих текстах, а также определить общие переводческие стратегии обоих переводчиков. Таким образом, один из переводов больше зависит от польского текста, поэтому мы находим в нем лексические полонизмы, а другой представляет более серьезную филологическую работу: переводчик стремится объединить синонимические значения в одной лексеме, а также находит наиболее подходящий русский эквивалент для польской лексемы. Кроме того, анализ представленных в статье лексем позволяет нам судить не только о переводческих стратегиях в исследуемых текстах, но и проследить историю самих лексем. Перевод РГБ, ф. 256 № 15 демонстрирует более формальный подход к передаче лексем, исключением является перевод польского сущ. *monarchia*. Переводчик стремится подобрать польской лексеме русскую с аналогичным корнем. Лексема *монархѣ* входит в активное употребление в середине XVIII в. и становится основным понятием политического дискурса. Появление ее в переводе может свидетельствовать в пользу датировки памятника, которая на сегодняшний момент до конца не установлена.

Ключевые слова: переводы с польского; Бароний Цезарь; «Церковные анналы»; переводы XVII–XVIII вв.; польский язык; церковнославянские переводы.

XVI в. занимает особое место в развитии европейской историографии. Перемены в мировоззрении человека эпохи Возрождения были

Мещерякова Екатерина Александровна – аспирант кафедры русского языка филологического факультета имени М.В. Ломоносова (e-mail: kmeshcheryakova12@gmail.com).

обусловлены событиями, происходившими в общественной жизни: реформация; научно-технический прогресс; многочисленные географические открытия, – все это дало мощный толчок для развития исторического знания [Андронов, 2015: 3]. Так, историография стала одной из важнейших гуманитарных дисциплин. Она возрождала литературные формы, которые были заложены еще в Античности [Беркофф, 2009: 211].

Пика своего расцвета историческая литература достигла в 1530–1540-х годах с распространением таких жанров, как история, хроника, анналы. В это время церковная агиография становится одним из самых популярных жанров исторической литературы. Интерес к ней можно объяснить дискуссией, возникшей между представителями католической и протестантской церкви [Андронов, 2013: 128]. Началом дискуссии послужил первый том «Магдебургских центурий»¹ (1599). Сочинение было подготовлено коллективом авторов под руководством историка-лютеранина М. Флация и считается первым памятником протестантского учения, а также представляет собой первый опыт описания христианской истории, основанный на научных методах работы с источниками и архивными документами [Андронов, 2015: 4].

Появление «Магдебургских центурий» беспокоило католическую церковь: ее интересы были задеты. Однако паписты не могли вступить в полемику с протестантами в силу того, что у римской церкви не было ни одного сочинения, которое могло бы по содержанию и объему превзойти центурии. Именно поэтому католическая историография должна была выработать принципиально новые методы, с помощью которых можно было противостоять протестантскому движению [Беркофф, 2009: 213].

«Церковные анналы»² Барония возникли как ответ на протестантское учение. В них освящается период церковной истории от возникновения христианства до 1198 г. При работе над текстом римский историк Цезарь Бароний привлек большое количество как печатных, так и рукописных источников, а также впервые использовал данные археологических раскопок [Андронов, 2015: 3].

¹ Полное название *L'Historia Ecclesiae Christi o Centurie di Magdeburgo o i Secoli di Magdeburgo* sono una storia della Chiesa, divisa in tredici centurie (secoli), che coprono milletrecento anni, fino al 1298; pubblicata la prima volta dal 1559 al 1574. È stata composta da diversi studiosi Luterani di Magdeburgo, conosciuti come i Centuriatori di Magdeburgo. L'iniziatore e il leader dei "Centuriatori" era Matthias Flacius. URL: <https://commons.wikimedia.org/wiki/Category:Cyclopaedia?uselang=it> (дата обращения: 25.05.2019).

² Полное название *Annales ecclesiastici, in quibus historia ecclesiae ab origine usque ad annum 1198 narratur*. URL: [http://www.treccani.it/enciclopedia/cesare-baronio_\(Enciclopedia-Italiana\)/](http://www.treccani.it/enciclopedia/cesare-baronio_(Enciclopedia-Italiana)/) (дата обращения: 06.06.2019).

Польский теолог Петр Скарга выполнил сокращенный перевод «Анналов» на польский язык³ и издал его в 1603 г. в Кракове. Перевод Скарги получил широкое распространение в православной книжной среде, о чем свидетельствует большое количество церковнославянских переводов [Николаев, 2008: 158].

С.И. Николаев в библиографическом справочнике «Польско-русские литературные связи XVI–XVII вв.» отмечает четыре русских перевода «Церковных анналов», выполненных с польского:

- 1) перевод 1678 г. краковского издания 1603 г.;
- 2) перевод 1678 г. (сентябрь);
- 3) перевод 1689 г. с польского издания 1607 г.;
- 4) изданный перевод 1719 г.

Кроме того, на сегодняшний день в архивах и библиотеках хранятся 18 рукописей, принадлежность которых к одному из вышеперечисленных переводов не установлена [Николаев, 2008: 158–160].

В фокусе исследования данной статьи находятся единственный известный список третьего перевода – РГБ, собр. Румянцева № 15 1689 г. и рукопись № 82 второй половины XVIII в.⁴ РГБ, собр. МДА⁵ неизвестного перевода⁶ [Николаев, 2008: 160]. Экземпляр рукописи № 15, судя по оставленному автографу, принадлежал Андрею Артемоновичу Матвееву, перевод был выполнен в 1689 г., возможно, самим Матвеевым [URL: https://azbyka.ru/otechnik/Dmitrij_Rostovskij/sv-dimitrij-rostovskij-i-ego-vremja-1651-1709-g/], и содержит описание истории первых пяти столетий христианства [Соболевский, 1903: 83]. Чтения из польского источника цитируются по краковскому изданию 1607 г., с которого и был выполнен третий перевод⁷.

³ Полное название *Roczne dzieie kościelne od narodzenia Pana y Boga naszego Jesusa Christusa/ Wybrane z rocznych dzieiow kościelnych Cesara Baroniusza, Kardynała S.R.K.nazwanych ANNALES ECCLESIASTICI. Prze X. Piotra Skarge*. URL: <https://books.google.ru/books?id=vhhIAAAAcAAJ&pg=PA6&lpg=PA6&dq=Roczne+dzieie+ko%C5%9Bcielne+od+Narodzenia+Pana+y+Boga+naszego+Jesusa+Christusa&source=bl&ots=hYKveFdApp&sig=ACfU3U3gMayry9qroCTwV4FH8P0spwmw1A&hl=ru&sa=X&ved=2ahUKEwinpiQqMPhAhUnz6YKHTSIDNYQ6AEwAXoECACQAQ#v=onepage&q=Roczne%20dzieie%20ko%C5%9Bcielne%20od%20Narodzenia%20Pana%20y%20Boga%20naszego%20Jesusa%20Christusa&f=false> (дата обращения: 25.05.2019).

⁴ Сведения о датировке приведены согласно карточке рукописи на сайте РГБ. URL: <https://search.rsl.ru/ru/search#q=%D0%B1%D0%B0%D1%80%D0%BE%D0%BD%D0%B8%D0%B9> (дата обращения: 10.05.2019).

⁵ Николаев датирует рукопись первой половиной XVIII в. [Николаев, 2008: 160].

⁶ Выбор источников для сравнения обоснован тем, что рукописи Ф173.3 № 82 и Ф256 № 15 представляют собой практически подстрочные переводы польского текста Петра Скарги, без сокращений. Большинство же известных на данный момент переводов – выдержки из «Церковных Анналов», поэтому их сравнение с источником перевода в полном объеме не представляется возможным.

⁷ URL: <https://clck.ru/Njh9U>

В статье мы обращаемся к анализу синонимичной и многозначной лексики⁸, поскольку ее перевод отражает общие принципы, которыми руководствовались переводчики при работе над текстами⁹. Так, перевод рукописи РГБ, ф. 173.3 № 82 оказывается более зависим от польского источника: переводчик стремится к сохранению исходных лексем и разграничению синонимов, что в некоторых случаях приводит к появлению лексических полонизмов в тексте. Во втором переводе отражен иной подход: опираясь на польский источник, переводчик стремится объединить синонимичные значения в одной лексеме, а также в большинстве случаев подобрать польской лексеме наиболее подходящий русский эквивалент. В этом случае показательным оказывается перевод синонимичных польских лексем *pańowanie*¹⁰ / *państwo* и *cesarstwo/królestwo*. Рассмотрим примеры.

Pańowanie – Господствованіе – Держава

Miałten Tiberius na początku pańowania / z wielkich y panskich cnot zalecenie / a zwłaszcza z pokory / w onym świata wszytkiego wychwalaiaę go Pogańscy pisarze (л. 5).

РГБ, ф. 256 №15: Имяше сей Тиверій в началѣ гдствованія, ѿ великихъ и гдскихъ добродѣтелей врѣченіе, а паче ѿ покоренія, во ономъ повеленіи всея вселенныя, похваляютъ его вси пазычестїи списатели (л.15),

МДА, Ф. 173.3 № 82: Имѣ(аше) той Тиверій в началѣ державы своея ѿ великихъ и гдскихъ добродетелей похвалѣ, а наипаче ѿ смиренія в ономъ всей вселеннѣй повелѣнію восхваляютъ его еллинстїи писатели (л. 17).

Państwo – Господство – Держава

Roku 16 Pańa naszego Archelaus od Zydow starszych obżalowany przed Augustem y do Rzymu przyzwany państwo y wolność utracił. Bo go na wygnanie do Galileiey posłał / wszystko mu y skarby które miał pobrawszy / y część królestwa iego do Syryjskiego starostwa przyłączył (л. 15).

РГБ, ф. 256 №15: Лѣта шестнадцатогоу гда нашего, Архелай ѿ старецъ иудей вклеветанъ прѣд августомъ, и в римъ призванъ, господство и свободѣ погуби, нбо его во изгнаніе в Галілею по-

⁸ Требования к объему данной статьи позволяют нам выбрать для анализа ограниченное количество лексем.

⁹ Безусловно, для определения общих стратегий в обоих переводах нам необходимо задействовать данные синтаксического и морфологического уровня, однако мы ограничены в объемах, поэтому для настоящей статьи обращаемся только к данным, полученным при анализе единиц лексического уровня.

¹⁰ При цитировании польского источника сохранена исходная орфография.

сла, и вся сокровища его таже имѣ възятъ, и честь царства егѡ к Гүрийскомѹ старѣйшинствѹ присовокупи (л. 29).

МДА, Ф. 173.3 № 82: В лѣто 51 гда ншегѡ Архелай ѿ Іудеѡвъ началныхъ болтанѣпрѣдѣлѣствомъ, и в римъ призванъ, державѹ и свободу поуби: ибѡ на изгнаніе его в Галилею посла, вся егѡ имѣнія ѿя, и часть егѡ цѣтва Гүрийскомѹ воеводствѹ присовокупи (л. 33).

В переводе, представленном в рукописи Ф173.3 № 82, явно отражается общность морфемной структуры польских и церковнославянских лексем (pań–stw–o/господ–ств–o).

Cesarstwo – Кесарство – Царство

Po Auguście / na Cesarstwo Rzymskie wstąpił Klaudius Tyberius Hiero / powinny Augustow / mając lat 55. у siedział na nim lat 22 (л. 3).

РГБ, ф. 256 № 15: По Августѣ на кесарство римское встѹпи Клавдій Тиверій, Иерон, кровный Августовъ, имѹщи лѣтъ не и сѣдѣ на нѣ ко (л. 12).

МДА, Ф. 173.3 № 82: По Августѣ на цѣтво римское възиде Клявдій Тиверій Иеронъ сродственник Августовъ имѣя лѣтъ не и бысть на немъ лѣмъ лѣтъ кѡ (л. 15).

Как и в предыдущих случаях, вариант перевода, представленного в Ф173.3 № 82, лучше отражает морфемную структуру соответствующей польской лексики.

Królestwo¹¹ – Царство – Царство

Po jego śmierci syn jego Archelaus iachał do Rzymu do Augusta prosząc aby mu ojcowskie królestwo potwierdził / które mu testamentem oddał (л. 3).

РГБ, ф. 256 № 15: По смерти егѡ, снѣ егѡ Архелай идяше в римъ ко Августѹ, моляше да бы емѹ отеческое царство ѹтверди, еже емѹ завѣтѡмъ ѡдаде (л. 14).

МДА, Ф. 173.3 № 82: По егѡ смерти снѣ егѡ Архелай, поиде в римъ ко Августѹ, прося да бы емѹ на отеческое цѣтво далъ крѣпость, еже емѹ при смерти врѣчи (л. 17 об.).

Królestwo¹² – Царство – Монархія

Cztery królestwa tego świata nawyższe / у iedno po drugim następujące / upatrzul Duchem S. Danyel (л. 2)¹³.

РГБ, ф. 256 № 15: Четыре царствія сего мїра наивящїа, и єдино по второ^м наступающее. Ѹсмотрѣ дхѡмъ стѣмъ Даниїилъ (л. 11).

¹¹ ‘Государство’.

¹² ‘Область правления монарха’.

¹³ На полях – Monarchia abo krolestwa czetery.

МДА, Ф. 173.3 № 82: Четыре монархїи сего мира болшыя єдинѣ дръгой послѣдствующю прѣзвидѣ дхѡмъ стѣ Даниїль (л. 14).

Приведенные примеры позволяют сделать следующий вывод: в первом случае переводчик, ориентируясь на польский источник, разграничивает синонимичные значения лексем, во втором же объединяет их в одной лексеме.

Отдельно стоит прокомментировать перевод лексемы *królestwo*. В переводе Скарги нам удалось установить у нее два значения: 1. Государство; 2. Объединение народов под общей государственной властью (далее в тексте говорится о существовании четырех монархий: Халдейской, Персидской, Греческой и Римской). Во втором переводе значению 1 соответствует лексема царство, а значению 2 – монархїа. Выбор последней, видимо, обусловлен и чтением, которое зафиксировано в польском переводе на полях: **Monarchia abo krolestwa czetery**. В первом примере переводчик ориентируется на чтение, представленное в основном тексте. Отметим, что в переводе, представленном в рукописи РГБ, ф. 173.3 № 82, монархїа не встречается – ей соответствуют лексемы самодержавїе /содержанїе:

A gdzie się Monarchia Rzymska na wschod słońca szerzyła: Pierszy Pompeius którego wielkim zwali / ziemię Żydowską pod moc Rzymską podbił (л. 5 об.).

РГБ, ф. 256 № 15: Ѣгда самодержавїе римское на востокъ солнца распространяшеся: Первый Помпей его же великимъ именовахъ, землю жидовскѣю силѣ римстѣ покорн (л. 15).

МДА, Ф. 173.3 № 82: Ѣгда же Монархїа римская на востокъ слнца распространяшеся, Первый Помпей, его же великим нарицахъ, Іудейскѣю землю во власть Римскѣю плени (л. 17).

По данным СлРЯ XI–XVII вв., лексема монархїа появляется в текстах только в начале XVII в. [СлРЯ XI–XVII вв., вып. 9: 258] и характеризует прежде всего церковные тексты [Польский, 2012: 12]. В Петровскую эпоху понятие монархїа появляется уже в официальных документах и политических трактатах. Так, в «Правде воли монаршей» лексема монархъ встречается чаще, чем лексема царь. Позже в публицистических и исторических сочинениях она используется в качестве синонима к словам самодержавїе, самовластїе и единовластїе. В середине XVIII в. понятие «монархия» становится уже основным понятием политического дискурса. Этому способствовало распространение идей Монтескье об «умеренной монархии», ограниченной правами сословий: его обвинения в деспотизме, направленные в сторону российского самодержавия, положили начало обширной полемике в дворянской среде [Польский, 2012: 12]. В знаменитом «Наказе» Екатерины II 1767 г., который предназначался не только для внутреннего, но и для внешнего пользования, обращает

на себя внимание желание автора уклониться от слова **деспотизмъ**, заменив его термином **самодержавіе**, однако под самодержавной властью понимается то, что Монтескье называл монархической властью [Васильева, 2015: 325–326].

К концу века в обществе происходят значительные изменения в восприятии понятий «самодержавие» и «монархия». С одной стороны, печатные издания активно пропагандируют идею «истинной монархии», связывая ее с российским самодержавием, с другой стороны, в обществе появляются республиканские настроения. Так, например, Радищев связывает понятие «самодержавие» не с монархией, а с деспотическим режимом и пишет следующее: «Самодержавство есть наипротивнейшее человечеству состояние» [Польский, 2012: 15–17]. Видимо, критика режима со стороны ученого сословия и вследствие этого устоявшаяся негативная окраска лексемы **самодержавіе** стали причиной того, что на смену ей пришло заимствование **монархія**. Стоит отметить, что в первом издании «Словаря Академии Российской» (1789–1794) уже не зафиксирована лексема **самодержавіе**, но зафиксирована **монархія** [САР, 1793: 249].

Судя по всему, с этого времени в активное употребление входит и лексема **держава**, которую мы находим в переводе «Церковных деяний» МДА, Ф. 173.3 № 82. Первая глава «Наказа» начинается следующим предложением: «Россия есть европейская держава». Лексема **держава** отражает здесь идею исторической принадлежности России к европейскому континенту, о которой писал в своем трактате Монтескье и которая была с одобрением воспринята Екатериной II [Васильева, 2015: 326].

Факт наличия лексем **монархія** и **держава** в тексте перевода МДА, Ф. 173.3 № 82 может являться полезным свидетельством для установки точной датировки рукописи.

Зависимость перевода РГБ, ф. 256 № 15 от польского источника прослеживается также и при передаче синонимичных польских лексем **dom / pokolenie / krew / rodzaj**. Рассмотрим контексты употребления конкретных лексем в каждом из переводов подробнее.

Стоит отметить, что в переводе Петра Скарги лексеме **dom** соответствуют два значения: 1. Место жительства; 2. Род, семья [Linde, 1807: 474–475].

Dom1 Домъ Домъ

Ten Ierod nim umarł wielkie y niesłychane w domu swoim niepokoię krosti uczu (л. 5).

РГБ, ф. 256 № 15: Сей Ірвдъ прежде и еже ѹмрети, многая и неслышанная в домѣ своемъ крамолы¹⁴ и неѹстроєніа ѹслыша (л. 20 об.).

¹⁴ На полях – пакости.

МДА, Ф. 173.3 № 82: Той Іродъ донелиже ѹмре вѣлія нѣды и неслыханная в домѣ своемъ неѹпокоенія и печали претерпѣ (л. 24).

Dom2 – Домъ – Колѣно

Krol z Dawidowego domu wieczny / kapłan nigdy nieodmienny / zakonodawca prawdą y sprawiedliwością zmocniony (л. 22).

РГБ, ф. 256 № 15: Царь ѿ домѣ давидава вѣчный, сщєнникъ никогда неизмѣнный, законодавецъ правдов и истинною ѹтвержденный (л. 43).

МДА, Ф. 173.3 № 82: Црь ѿ дѣда колѣна вѣчный священни^к никогда же прем[...]ый, законоположникъ истинною и правдою [Ѹ]т[в]ржденъ (л. 46).

В СлРЯ XI–XVII вв. лексема **домъ** не зафиксирована в значении «род, семья», однако зафиксировано в «Старославянском словаре (по рукописям X–XI вв.)». Такое чтение встречается в Синайском евхологии: **стража дахъ тѣ с(ъ)не чл(овѣ)чь домоу и(здран)левою** [Цейтлин, Вечерка, 1994: 194]. Мы полагаем, что древнее чтение не является для переводчика РГБ, ф. 256 № 15 авторитетным: выбор лексемы обусловлен стремлением строго соответствовать польскому источнику, как и в случае с переводом *pokolenie* – **колѣно**. Во время подготовки перевода лексема **поколѣние** еще не была распространена в русском языке, она войдет в активное употребление только в конце XVII в. [СлРЯ XI–XVII вв., вып. 7: 234]. Однако сохранение корня переводимой лексемы позволяет нам говорить о том, что для переводчика было важным формальное соответствие перевода оригиналу.

Pokolenie Колѣно Племя

Dwa były powiaty które Galilea zwano / ieden w Palestine / który zwano Galilaea gentium, w pokoleniu Nephtalim (л. 16).

РГБ, ф. 256 № 15: Два выша предѣлы, яже Галилен именовашъ, єдинъ в Палестинѣ нарицаемый Галилеа языковъ в колѣне нефѣалимъ (л. 34).

МДА, Ф. 173.3 № 82: Два вяхъ предѣлы, яже нарицахъсѣ Галилеа языковъ в племени Неѣалимъ (л. 37).

Переводчик рукописи МДА, Ф. 173.3 № 82 придерживается иного подхода: при выборе лексемы он руководствуется не критерием формального соответствия, а, скорее, стремится устранить излишнюю синонимию и разграничить совпадающие в одной лексеме значения. Можно проследить это на примере перевода польских лексем *krew* и *rodzji*, которым в большинстве случаев соответствует церковнославянское **колѣно**. Лексема **кровь** также встречается на месте польского *krew*. Соотношение употребления лексем **кровь** и **колѣно** на одном листе – 2:2. Мы можем предположить, что переводчик чередует их

употребление во избежание повтора в следующих друг за другом предложениях.

Krew Кровь Колѣно

który się krolew Zydowskim / ze krwi Dawidowej urodził (л. 3).

РГБ, ф. 256 № 15: иже Црѣмъ жи́довскимъ, ѿ крове давидовы родися (л. 10 об.).

МДА, Ф. 173.3 № 82: иже Црѣмъ Іудейскимъ о колѣна дадова радися (л. 14).

Rodzaj – Родъ Колѣно

Zarazem y kaplanstwo nawyższe z onego rodzaju Machabeczykow wyszło (л. 3).

РГБ, ф. 256 № 15: Авѣ и сцѣненство наивящшее ѿ онагв рода Маккавейскагв изиде (л. 8).

МДА, Ф. 173.3 № 82: Кѣпноже и свѣщенство Превысочашее изъ того колѣна Макавеескагв икорениса (л. 11).

Выбранные переводчиками стратегии хорошо прослеживаются и на примере передачи польской лексемы *kościół*, у которой можно выделить два значения: 1. Языческий храм; 2. Христианский храм [Linde, 1808: 1094–1095].

Kościół¹⁵ – Храмъ – Капище

Zakazał aby go nikt panem nie zwał / ani go za Boga miał / a nie kościół iemu budował (л. 2).

РГБ, ф. 256 № 15: Запрети да бы никто его гдрѣмъ не именовалъ, ниже его бга имѣлъ, ниже храмы емѸ созидалъ (л. 6).

МДА, Ф. 173.3 № 82: Запрети: дабы его никто же нарицалъ гдрѣмъ, ниже вмѣсто бга имѣлъ, ниже капище емѸ созидалъ (л. 9).

Kościół¹⁶ – Храмъ – Церковь

Na chowanie pilne tey stoly abo ornatu / y tych dwu [...] kaplanskich / pisze tenże: iż Gyrtanus kapłan nawyższy / zbudował był mocną przy kościele wieżę (л. 34).

РГБ, ф. 256 № 15: На сохраненіе прилѣжное сея одежды или ѹкрашенія, и сихъ двѹ ризъ сценническихъ, пишетъ той же: такв Гирканъ сценник наивящій, создалъ бѣ влизъ храма твердыню (л. 57).

¹⁵ 'Языческий храм'.

¹⁶ 'Христианский храм'.

¹⁷ Чтение затерто.

МДА, Ф. 173.3 № 82: **На сохраненіе прилѣжное тоя ризы и тѣхъ двѣхъ украшеній священническихъ, пишетъ той же яко Ирканиъ первосвѣщенникъ создалъ былъ крѣпкій цркви столпъ** (л. 60).

В переводе «Похождения в Святую землю князя Радвилы Сиротки», выполненном с польского языка в середине XVII в., значение ‘языческий храм’ передается с помощью лексемы мечеть: На другой странѣ острова при берегу морскомъ есть невеликая, но довольно цѣлая *мечеть* (*kościółek*) Венеры [URL: <http://uni-persona.srcc.msu.ru/site/conf/marginalii-2019/thesis.htm>].

Переводчик РГБ, ф. 256 № 15 вслед за польским переводчиком разграничивал синонимичные лексемы *pañowanie / państwo u cesarstwo / krolestwo*, в данном же случае разные значения одного слова переданы в одной лексеме. Переводчик МДА, Ф. 173.3 № 82 учитывает многозначность и передает разные значения одного слова при помощи разных лексем.

Анализ представленных лексем позволяет нам судить не только о переводческих стратегиях в исследуемых текстах, но и проследить историю самих лексем. Перевод РГБ, ф. 256 № 15 демонстрирует более формальный подход к передаче лексем. Такая стратегия обозначена Д.М. Бузаджи как феноменом «прозрачного переводчика». Задача такого переводчика – донести до читателя текст оригинала в наиболее чистом виде [Бузаджи, 2009: 34]. Однако исключением является перевод польского сущ. *Monarhia*: переводчик стремится подобрать польской лексеме русскую с аналогичным корнем. Лексема *монархѣ* входит в активное употребление в середине XVIII в. и становится основным понятием политического дискурса.

Список литературы

1. Андронов И.Е. Магдебургские центурии. Замысел, авторы, организация работы // Диалог со временем. 2013. Вып. 42. С. 128–143.
2. Андронов И.Е. Межконфессиональная полемика в западноевропейской церковной историографии XVI века: Автореф. дисс. ... докт. ист. наук. М., 2015.
3. Броджи Беркофф Дж. Аспекты русской историографии XVII – начала XVIII в. в европейском контексте // ТОДРЛ. СПб., 2009. Т. 54.
4. Бузаджи Д.М. Переводчик прозрачный и непрозрачный // Вестник НГЛУ. № 4. 2009. С. 31–38.
5. Васильева И.А. Тракта́т «О духе законов» Монтескье как объект литературной полемики в России второй половины XVIII в. // Вестник русской христианской гуманитарной академии. 2015. 16 (3). С. 322–331.
6. Николаев С.И. Польско-русские литературные связи XVI–XVIII вв.: библиографические материалы. СПб., 2008.
7. Пентковская Т.В. Предисловие к читателю в первом русском печатном переводе Корана // Сборник тезисов международной конференции «Маргиналии–2019: границы культуры и текста», Осташков (Тверская обл.), 2019. URL: <http://uni-persona.srcc.msu.ru/site/conf/marginalii-2019/thesis.htm> (дата обращения: 30.08.2019).

8. *Польский С.В.* Концепт «монархия» и монархическая риторика в России XVIII в. // Вестник РГТУ, сер. «Философия. Социология. Искусствоведение». 2012. № 11. С. 11–18.
9. *Соболевский А.И.* Переводная книжность московской Руси XIV–XVIII вв.: библиографические материалы. СПб., 1903.
10. *Шлякин И.А.* Св. Дмитрий Ростовский и его время (1651–1709). URL: https://azbyka.ru/otechnik/Dmitrij_Rostovskij/sv-dimitrij-rostovskij-i-ego-vremja-1651-1709-g/ (дата обращения: 25.05.2019).
11. Словарь Академии Российской. Т. 4. СПб., 1793. URL: <https://runivers.ru/lib/book3173/10110/> (дата обращения: 25.05.2019).
12. Словарь русского языка XI–XVII вв. М., 1975. URL: <http://etymolog.ruslang.ru/index.php?act=xi-xvii> (дата обращения: 25.05.2019).
13. Старославянский словарь (по рукописям X–XI вв.) / Под ред. Р.М. Цейтлин. М., 1994. URL: <http://www.promacedonia.org/cejtlin/> (дата обращения: 25.05.2019).
14. *Linde S.* Słownik języka polskiego, 6. tomów, druk własny i Drukarnia Xsięży Pijarów. Т. 1. Warszawa, 1807. URL: <http://kpbc.umk.pl/dlibra/docmetadata?id=12850&from=publication> (дата обращения: 25.05.2019).
15. *Linde S.* Słownik języka polskiego, 6. tomów, druk własny i Drukarnia Xsięży Pijarów. Т. 2. Warszawa, 1808. [Электронный ресурс]. URL: <http://kpbc.umk.pl/dlibra/docmetadata?id=12852&from=publication> (дата обращения: 25.05.2019).

Ekaterina Meshcheryakova

TRANSLATIONS OF SYNONYMIC AND POLYSEMOUS WORDS IN CESARE BARONIO'S LATE 17TH – EARLY 18TH CENTURY ANNALES ECCLESIASTICI

Lomonosov Moscow State University

1 Leninskie Gory, Moscow, 119991

This article discusses how synonymic and polysemic words in Baronio Cesario's *Annales Ecclesiastici* were translated into Church Slavonic. The research is drawn on two translations from Polish, the first made at the beginning of the 17th century and the second in the middle of the 18th. The textological analysis of lexemes has enabled identification of translational strategies by the two translators. One translation appears to depend more on the Polish text, as it largely uses lexical polonisms, the other can be viewed as a serious philological work as its translator strives to unite synonymic meanings in one lexeme and to find the most appropriate equivalent for a Polish lexeme. The article introduces the lexeme *monarchia* into the Russian discourse and adapts the Polish lexeme *kościół*.

Key words: Russian medieval translations; Polish language; *Annales Ecclesiastici*; monarchy; synonymy; polysemy.

About the author: *Ekaterina Meshcheryakova* – PhD Student, Department of Russian Linguistics, Faculty of Philology, Lomonosov Moscow State University (e-mail: kmeshcheryakova12@gmail.com).

Referenses

1. Andronov I.E. Magdeburgskie centurii. Zamysel, avtory, organizacija raboty. [Magdeburg Centuries. Design, authors, organization of work]. *Dialog so vremenem*, 2013, 42, pp.128–143. (In Russ.)
2. Andronov I.E. *Mezhkonfessional'naja polemika v zapadnoevropejskoj cerkovnoj istoriografii XVI veka*. [Interfaith polemic in Western European church historiography in 16th century] Avtoreferat dissertacii na soiskanie uchenoj stepeni doktora istoricheskikh nauk. Moscow, 2015. (In Russ.)
3. Brodzhii Berkoff Dzh. Aspekty russkoj istoriografii XVII – nachala XVIII v. evropejskom kontekste. [Aspects of Russian historiography of the XVII-early XVIII centuries in the European context] *TODRL*, 2009, 54. (In Russ)
4. Buzadzhii D.M. Perevodchik prozrachnyj i neprozrachnyj. [Translator transparent and opaque] *Vestnik NGLU*, 2009, pp. 31–38. (In Russ.)
5. Vasil'eva I.A. Traktat "O duhe zakonov" Monteskie kak objekt literaturnoj polemiki v Rossii vtoroj poloviny XVIII veka. [Montesquieu's treatise "On the Spirit of Laws" as an Object of Literary Polemic in Russia in the Second Half of the 18th Century] *Vestnik russkoj hristianskoj gumanitarnej akademii*, 2015, 16 (3), pp. 322–331. (In Russ.)
6. Nikolaev S.I. Pol'sko-russkie literaturnye svjazi XVI–XVIII vv. Bibliograficheskie materialy. [Russian-Polish literary relations of the XVI–XVIII centuries. Bibliographic materials] Saint Petersburg, «*Несмотр-История*» Publ, 2008, 248 p. (In Russ.)
7. Pentkovskaja T.V. Predislovie k chitatelju v pervom russkom pečatnom perevode Korana. [Foreword to the reader in the first Russian translation of the Koran] *Abstracts of the international conference "Marginalii–2019: granicy kul'tury i teksta"*, Ostashkov (Tverskaja obl.), 2019. URL: <http://uni-persona.srcc.msu.ru/site/conf/marginalii-2019/thesis.htm> (accessed: 30.08.2019). (In Russ.)
8. Pol'skij S.V. Koncept "monarhija" i monarhicheskaja ritorika v Rossii XVIII veka. [The concept of "monarchy" and monarchist rhetoric in Russia of the XVIII century] *Vestnik RGGU*, serija "Filosofija", 2012, pp. 11–18. (In Russ.)
9. Sobolevskij A.I. Perevodnaja knizhnost' moskovskoj Rusi XIV–XVIII vekov. Bibliograficheskie materialy. [Translated book publishing of Muscovite Russia of the XIV–XVIII centuries. Bibliographic materials] Saint Petersburg, «*Имн. Акад. Hayк*», Publ, 1903. 454 pp. (In Russ.)
10. Shljapkin I.A. *Sv. Dmitrij Rostovskij i ego vremja (1651–1709 g.)*. [Dmitry Rostovsky and his time (1651–1709)], 1896. URL: https://azbyka.ru/otechnik/Dmitrij_Rostovskij/sv-dimitrij-rostovskij-i-ego-vremja-1651-1709-g/ (accessed: 25.05.2019). (In Russ.)
11. *Slovar' Akademii Rossijskoj*. [Dictionary of the Russian Academy], pp. 4, 197. URL: <https://runivers.ru/lib/book3173/10110/> (accessed: 25.05.2019). (In Russ.)
12. Slovar' russkogo jazyka XI–XVII vv. [Dictionary of the Russian language XI–XVII century]. Moscow, «*Hayka*» Publ, 1975. URL: <http://etymolog.ruslang.ru/index.php?act=xi-xvii> (accessed: 25.05.2019). (In Russ.)
13. *Staroslavjanskij slovar' (po rukopisjam X–XI vv.) pod red. R.M. Cejtlin*. [Old Slavonic manuscript dictionary of the X–XI century edited by R.M. Cejtlin]. URL: <http://www.promacedonia.org/cejtlin/>. (In Russ.)
14. Linde S. *Słownik języka polskiego*, 6. tomów, druk własny i Drukarnia Xsięży Pijarów, Warszawa. URL: <http://kpbc.umk.pl/dlibra/docmetadata?id=12850&from=publication> on, p. 1, 1807 (accessed: 25.05.2019).
15. Linde S. *Słownik języka polskiego*, 6. tomów, druk własny i Drukarnia Xsięży Pijarów. Warszawa, 1808, p. 2. URL: <http://kpbc.umk.pl/dlibra/docmetadata?id=12852&from=publication> (accessed: 25.05.2019).

Е.А. Ковригина

ОБ АРХАИЧЕСКИХ ЭЛЕМЕНТАХ В СЕМАНТИКЕ ПРИСТАВОЧНЫХ ДЕРИВАТОВ ГЛАГОЛА *БОЛЕТЬ* В ПРОСТРАНСТВЕ ДИАЛЕКТА

Федеральное государственное бюджетное образовательное учреждение высшего образования

«Московский государственный университет имени М.В. Ломоносова»

119991, Москва, Ленинские горы, 1

Статья посвящена описанию семантики глаголов *выболеть*, *изболеть*, *поболеть*, *заболеть* и *незаболеть*, функционирующих в современных говорах архангельского региона. Эти слова организуют семантическое пространство, соотносящееся с общими обозначениями состояния болезни. Синхронный анализ семантики приставочных глаголов выявил наличие в говорах архаических особенностей, засвидетельствованных историческими словарями и памятниками славянской письменности, но не представленных в литературном языке. Обращение к диахроническому аспекту при изучении диалектного материала позволило объяснить некоторые «темные места» в семантике описанных лексических единиц и в какой-то мере восстановить «скрытую память» этих слов. В современном употреблении в пространстве диалекта глаголы *поболеть* и *заболеть* обнаруживают связь с их этимологом и транслируют свои архаические значения, которые были зафиксированы в памятниках письменности XI–XVII вв. Вместе с тем семантика рассматриваемых единиц обусловлена не только историей языка, но и внутрисловными связями их значений в синхронии. Дериваты, находясь в словообразовательных отношениях, развивают параллельные семантические структуры. Глаголы *выболеть* и *изболеть*, имея разное происхождение и взаимодействуя друг с другом в русском языке на протяжении долгого времени, сохраняют свидетельства такого сосуществования и в современных говорах. Семантика глагола *незаболеть* с приставочным комплексом *неза-* соотносится со значением древнерусской конструкции «начьноу + не + инфинитив», употребляющейся для обозначения финитивного способа глагольного действия, т.е. элемент *неза-* выражает прекращение ситуации в момент времени. Описанный материал иллюстрирует «жизнь», «движение» языка во времени и его единство на протяжении всей истории.

Ключевые слова: говоры архангельского региона; архаический пласт семантики; северные говоры; дериваты глагола *болеть*.

Исследование семантики слов в синхронии и диахронии позволяет увидеть непрерывность языковых процессов в разные периоды

Ковригина Елена Андреевна – аспирант кафедры русского языка филологического факультета МГУ имени М.В. Ломоносова (e-mail: el.kovrigina7@yandex.ru).

существования русского языка. Несомненно, что «постоянное изменение языка является одной из существенных особенностей его функционирования» и «полное описание языка должно учитывать и диахронические аспекты» [Плунгян, 1998: 325]. Обращение к диахронному материалу особенно необходимо при анализе слов, которые «изменили свой исконный смысл, но «помнят» нечто из своего прошлого», и эта «память влияет на их употребление» [Зализняк Анна А., 2006: 393].

Статья посвящена описанию семантики приставочных дериватов глагола *болеть*: *выболеть*, *изболеть*, *поболеть*, *заболеть* и *незаболеть*, функционирующих в современных говорах архангельского региона. Эти слова организуют семантическое пространство, соотносящееся с общими обозначениями состояния болезни.

Материалом для исследования послужили данные 1–20 выпусков «Архангельского областного словаря», его бумажной и электронной картотек, а также собственные наблюдения автора в экспедициях последних лет.

Синхронный анализ семантики глаголов показал наличие в говорах некоторых архаических особенностей, засвидетельствованных историческими словарями и памятниками славянской письменности, но не представленных в литературном языке.

1. *Выболеть и изболеть.* Лексемы *выболеть* и *изболеть* являются производными от глагола *болеть* с приставками *вы-* и *из-*. Анализ их семантики в архангельских говорах выявил следы «взаимодействия» церковнославянского и древнерусского языков.

По данным этимологических словарей, приставка *вы-* обнаруживает восточнославянское [Фасмер, 1986, 1: 366], а приставка *из-* — южнославянское происхождение [Фасмер, 1986, 2: 119–120]. Макс Фасмер отмечает, что приставка *из-* нередко в церковнославянских словах соответствует народной русской *вы-*: *испить* — *выпить*, *избить* — *выбить*, *исполнить* — *выполнить*, *израсти* — *вырасти* и т.п. В «Словаре древнего славянского языка, составленного по Остромирову Евангелию», зафиксировано только слово *изболеть* в значении ‘изнемочь’ [СлДСЯ: 264]. Отсутствие слов с приставкой *вы-* в древних южнославянских текстах связано с тем, что «в период первых переводов евангельских текстов на славянский язык некоторые южнославянские диалекты... не знали приставки *вы-*». Для старославянских текстов (следовательно, и для южнославянских языков) характерной является приставка *из-* [Белозерцев, 1974: 122–123]. В древнерусском языке тексты церковно-богословской тематики обнаруживают предпочтение лексем с приставкой *из-*, в памятниках деловой письменности и памятниках народно-литературного типа (летописях) замечен

уклон в сторону образований с приставкой *вы-* [там же: 129]. Таким образом, слова с приставкой *вы-* являются исконно русскими, а слова с приставкой *из-* были заимствованы древнерусским языком из церковнославянского. В Словаре русского языка XI–XVII вв. представлены оба глагола. *Изболеть* – в значении ‘изнемочь’, то есть ‘потерять силу’: *Бя бо изболеть велми, яко немощи ему ни двигнути собою*. Патерик Печерский по сп. XIV в. [Сл. РЯ XI–XVII, 6: 100]. *Выболеть* – в значении ‘исхудать от болезни’. Контекст датируется XVII в. (Письмо к Никону, 171): *Человек сырой, а се не вылежалъ, ни выболелъ, блюлисе долго не хоронить... инъ и такъ дух-отъ слышет* [Сл. РЯ XI–XVII, 3: 180].

В словарях современного русского литературного языка рассматриваемые слова определяются как стилистически окрашенные. Словарные статьи сопровождаются пометой *прост.* (*просторечное*). По данным [МАС, I: 244], глагол *выболеть* имеет значения (1) ‘пропасть, уничтожиться под действием боли, страдания’, (2) ‘измучиться, исстрадаться’, глагол *изболеть* – ‘измучиться, изнемочь (о душе, сердце)’ [МАС, I: 636].

В современных архангельских говорах глаголы *выболеть* и *изболеть* функционируют в следующих общих для них значениях:

(1) ‘проболев долгое время, лишиться сил, сильно похудеть’: *Худой ведь, худой, **выболел**. Выболела одна, така худяичя. Он **выболел** – одно косьё. Я высохла вся, **изболела***.

(2) ‘начать испытывать ощущение боли в каком-н. органе или части тела’: *Тожэ зуб был заболел и щека **выболела**. Сегодня еще голова **выболела** (от запаха краски), накрасили дак. А этот опять палец **выболел**: ведрами носили воду. Побаю и голова **изболит***.

(3) ‘стать особенно болезненным от продолжительного ощущения боли. О каком-н. органе или части тела’. Это значение реализуется в сочетании приставочного глагола с определительным местоимением *весь*: *Кака-то, наверно, сменна погода будет, я как связана: рука-то у меня вся **выболела**. Беда, спина вся **выболит**. Левый бок весь **изболел**. Ноги все **изболели** в коленях. Вся **изболела** рука, как собака грызет. Головушка вся **изболела**. Уж и брюхо-то всё **изболело**, до того додохотали*.

(4) ‘в результате болезни омертветь, отгнить, отпасть или перестать функционировать. О каком-н. органе или части тела’: *У Гришы ноги **выболели**, Гриша куленогой. Кореных зубов нет, у меня **выболели** все. И стоять не можот, у ей уж кости **изболели**. И жалуеця, нутро болит, **изболело** всё*.

(5) ‘измучиться, исстрадаться. О чувстве беспокойства, переживания’: *Ну, я переживаю, дак всё сердце **выболит**. Душа вся **выболела**:*

как там они одни. Ой, серце всё **изболело**, как жыть? Всё сердечко **изболело**. Я йежжу, ставлю сена, у миня вся душа **изболела**.

Это последнее значение сформировалось на основе метафорического переосмысления болезни как страдания, вызываемого душевными волнениями.

Можно предположить, что глагол *изболеть* вместе с другими церковнославянизмами проникает в систему литературного языка и в диалекты и функционирует наряду с глаголом *выболеть*, постепенно развивая в говорах параллельную ему семантику. Вместе с тем амплитуда семантического колебания глагола *выболеть* шире, чем у глагола *изболеть*. Кроме синонимичных, оба глагола развивают значения, которые определяются только внутрисловными отношениями семантической деривации.

Выболеть:

(6) ‘пробыть какой-то отрезок времени в состоянии болезни, проболеть’: *Мама больная, шэснаець годов **выболела***;

(7) ‘перенести болезнь и возвратиться к здоровому состоянию, переболеть’: *В дечтве **выболела**, вот потом и не болела*;

(8) ‘пробыть какой-то отрезок времени с ощущением боли. О каком-н. органе или части тела’: *Шэсь-то недель **выболела** нога*;

(9) ‘сохранить после выздоровления, заживления следы болезни или повреждения. О какой-н. части тела’: ***Выболит**, и накол (рубец) зделаецци*;

Изболеть:

(6) ‘пребывая в состоянии болезни продолжительное время, достичь высокой степени болезненного состояния’: *У мя тожэ мужык молодой помер: **изболел**, не мох оправице*;

(7) ‘в результате продолжительной болезни подвергнуться процессу распада, разложения’: *Бывает, **изболит** человек весь, изгниёт*.

2. Поболеть. Одно из значений многозначного глагола *поболеть*, отмеченное в архангельских говорах: ‘прийти в состояние болезни, начать страдать какой-н. болезнью’ – *А **поболели** руки-то, дак мочью тру, мочья-то помогут. Мы одны жыли, ели худо, дак не умирали, ни один не **поболел**. Слава Богу, сёдни проводила, голова не **поболела**, заране взяла лепёшку (таблетку) да. Я **поболел**, тут меня несколько рас вышибало из памяти. Они (овцы) **поболели**, я уж не хочу того мяса (овцы заболели, поэтому были забиты)*.

В [СлРЯ XI–XVII, 15: 131] этот глагол отмечен в значении ‘заболеть, почувствовать недомогание’: *А мы ныня хотя мало поболим, или жсена, или дгтя, то остальные бога, врача душамъ и тгломъ, ищемъ проклятых бабъ чародгичъ*. Сл. и поуч. против языч., 71. XIV в.

Очевидно, что инхотативное значение глагола *поболеть*, транслируемое из глубины веков, не наследуется литературным языком, однако сохраняется в современных архангельских говорах.

3. Заболеть. *Заболеть* – многозначный глагол, одним из значений которого в архангельских говорах является собственно диалектное, отсутствующее в литературном языке значение ‘начать испытывать родовые схватки’: *Я полпервого заболела – полтретеев родила. На поже заболем, домой прибежым, да родиця. Я заболела, муж ушол за медичкой, а я вотки вытила полстакана – меня разобало, быстрёхонько родила.*

Это значение отсутствует в семантике производящего глагола *болеть*, оно обнаруживается только в семантической структуре его дериватов. В картотеке АОС зафиксировано отглагольное существительное *боль* в значении ‘родовые схватки’: *Ночью-то всё боль приходит, а к шести утра родила первого парня, он заревел.*

Развития такой семантики у глагола *заболеть* и существительного *боль* можно объяснить «скрытой памятью» производящего слова – глагола *болеть*. В богослужебных переводных текстах древнегреческий глагол *ᾠδίνω* (‘испытывать родовые муки’) передавался славянским глаголом *болѣти*, а отглагольное древнегреческое существительное *ᾠδὴς* (‘родовые боли’) – славянским существительным *болѣзнь*. Значение ‘испытывать родовые потуги’ зафиксировано у глагола *болеть* в [Ст.-слав. сл. X–XI: 99]: *Се боле неправдою, зачат болеть, и роди беззаконие. ПС. 7, 15. Син.*

4. Незаболеть. Особый интерес представляет семантика глагола *незаболеть*.

Рассмотрим следующие примеры:

- (1) *Ни разу, штобы застонала, не заболела ни разу.*
- (2) *У меня вот плечё ужэ **незаболело**, дай бох вот надольшэ.*
- (3) *У большого сына тожэ глаза болели, а вырос, так и **незаболели**.*

В примере (1) глагол *заболеть* обозначает начальную фазу описываемой ситуации – ‘начать страдать какой-н. болезнью’. Отрицание «не» при глаголе реализует общее отрицательное значение ‘не начать страдать какой-н. болезнью’, т.е. и в настоящий, и в предшествующий моменты ситуации болезненного состояния не существовало.

В примерах (2) и (3) глагол *незаболеть* употребляется в значении ‘перестать испытывать ощущение боли’. Частица *не* входит в состав словообразовательного комплекса *неза-*, с помощью которого у глагола формируется значение прекращения ситуации в момент времени.

В примерах (2) и (3) сообщается о новой ситуации: существует ситуация Р (*болит плечо; болят глаза*), к моменту *t* возникает ситуация не-Р (*плечо начало не болеть = перестало болеть; глаза начали не болеть = перестали болеть*).

Подобные отношения отмечены в работе И.С. Юрьевой на материале древнерусского языка, где были возможны сочетания «начьноу + не + инфинитив» в значении ‘с момента *t* ситуация *X* перестанет / перестала существовать’ [Юрьева 2009: 200–230]. Очевидно, что контексты употребления глагола *незаболеть* соотносятся со значением древнерусской конструкции¹.

Круг глаголов с комплексом *неза* в говорах архангельского региона довольно широк. Например, глаголы *незавидеть*, *незаслышать* и *незалетать*: *Тот глаз-от, с которым операцию надо было делать, и он у йей совсем **незавидеу** (перестал видеть); Одно досадно да обидно, што **незаслышала** (перестала слышать) на то время; Как самолёты **незалетали** (перестали летать), так в Мезени и не была.*

Представленный анализ семантики приставочных производных глагола *болеть*: *выболеть*, *изболеть*, *поболеть*, *заболеть* и *незаболеть* показал, что современные архангельские говоры на лексико-семантическом уровне сохраняют следы исторического состояния русского языка.

Обращение к диахроническому аспекту при синхронном изучении диалектного материала позволило объяснить некоторые «темные места» в семантике описанных лексических единиц и в какой-то мере восстановить «скрытую память» этих слов. Так, в говорах глаголы *выболеть*, *изболеть* и *поболеть* сохраняют лексические значения, которые они имели в древнерусском языке. Глагол *заболеть*, реализуя семантические возможности производящего глагола *болеть*, транслирует его архаическое значения. Значение глагола *незаболеть* с приставкой *неза-* соотносится с семантикой древнерусской конструкции «начьноу + не + инфинитив», употребляющейся для обозначения финитивного способа глагольного действия.

Анализ семантики глаголов показал, что современные говоры отражают некоторые особенности языковой ситуации Древней Руси, а именно тесного взаимодействия двух языков: книжного церковнославянского и живого древнерусского. Так, неодинаковые по происхождению глаголы *выболеть* и *изболеть* сосуществуют в речи носителей диалекта и обнаруживают частичный параллелизм семантической структуры.

¹ Об особенностях функционирования глаголов с приставкой *неза-* в архангельских говорах см. [Ковригина, 2018].

Список литературы

1. Архангельский областной словарь / Под ред. О.Г. Гецовой, Е.А. Нефедовой. Вып. 1–20. М., 1980–2019.
2. Белозерцев Г.И. Префиксы *вы-* и *из-* как различительные признаки ранних славянских текстов // Памятники русского языка: вопросы исследования и издания. М., 1974. С. 121–140.
3. Зализняк Анна А. Многозначность в языке и способы ее представления. М., 2006.
4. Ковригина Е.А. Семантика глаголов с формантом *неза-* в говорах архангельского региона // Севернорусские говоры. 17. СПб., 2018. С. 88–97.
5. МАС – Словарь русского языка / Под ред. А.П. Евгеньевой. Т. I. М., 1981.
6. Плузьян В.А. Проблемы грамматического значения в современных морфологических теориях // Семиотика и информатика. Вып. 36. М., 1998. С. 324–386.
7. СлДСЯ – Словарь древнего славянского языка, составленный по Остромирову евангелию / Под ред. А.С. Суворина. СПб., 1899.
8. Сл. РЯ XI–XVII – Словарь русского языка XI–XVII вв. / Под ред. С.Г. Бархударова, Г.А. Богатовой. Вып. 3, 6, 15. М., 1976–1989.
9. Ст.-слав. сл. X–XI – Старославянский словарь, по рукописям X–XI вв. / Под ред. Р.М. Цейтлин. М., 1994.
10. Фасмер М. Этимологический словарь русского языка. Т. 1, 2. М., 1986.
11. Юрьева И.С. Семантика глаголов *имѣти*, *хотѣти*, *начати* (почати) в сочетаниях с инфинитивом в языке древнерусских памятников XII–XV вв.: Дисс. ... канд. филол. наук. М., 2009.

Elena Kovrigina

ARCHAIC ELEMENTS IN THE SEMANTICS OF PREFIX DERIVATIVES OF THE VERB *BOLET'* IN ARKHANGELSK DIALECT

*Lomonosov Moscow State University
1 Leninskie Gory, Moscow, 119991*

The present article discusses the semantics of the verbs *vybolet'*, *izbolet'*, *pobolet'*, *zabolet'* and *nezabolet'* which function in contemporary dialects of the Arkhangelsk region. These words form a lexical-semantic field describing stages of being sick. A synchronic analysis of the prefix verbs semantics reveals some archaic features recorded in historical dictionaries and ancient literary texts in Slavic, yet absent from the standard language. A diachronic analysis enabled explaining some 'blank spaces' in the semantics of the lexical units and partly restoring their 'hidden memory'. The semantics of the words have been shaped by historical changes in the language, including present day. Being in word-formation relations, the derivatives tend to develop parallel semantic structures. The verbs originated from different stems but have long been interacting with each other, and modern dialects show that this coexistence was real.

Key words: dialects of the Arkhangelsk region; archaic layer of semantics; northern dialects; derivatives of the verb *bolet'*.

About the author: *Elena Kovrigina* – PhD Student, Department of the Russian Language, Faculty of Philology, Lomonosov Moscow State University (e-mail: el.kovrigina7@yandex.ru).

References

1. *Arkhangel'skiy oblastnoy slovar'*. [Arkhangelsk Regional Dictionary] Ed. O.G. Getsova, Ye.A. Nefedova. Vol. 1–20. M., 1980–2019. (In Russ.)
2. Belozetsev G.I. Prefiksy vy- i iz- kak razlichitel'nye priznaki rannih slavyanskikh tekstov. [The prefixes vy- and iz- are as the distinguishing features of the early Slavic texts] *Pamyatniki russkogo yazyka: voprosy issledovaniya i izdaniya*. M., 1974, pp. 121–140.
3. Zalizniak Anna A. *Mnogoznachnost' v yazyke i sposoby ee predstavleniya*. [Linguistic Ambiguity and Ways of its Representations]. Moscow, 2006. (In Russ.)
4. Kovrigina E.A. Semantika glagolov s formantom neza- v govorakh arkhangel'skogo regiona. [Semantics of the Verbs Containing the Formant NEZA- in the Dialects of the Arkhangelsk Region] *Severnorusskiye Govory*. Vol. 17. St. Petersburg, 2018, pp. 88–97. (In Russ.)
5. MAS – *Slovar' russkogo yazyka*. [Dictionary of the Russian language] Ed. A.P. Yevgen'yeva. Vol. 1. M., 1981. (In Russ.)
6. Plungyan V.A. *Obschaya morfologiya. Vvedeniye v problematiku*. [General morphology: An introduction]. Moscow, 2003. (In Russ.)
7. SIDSYA – *Slovar' drevnego slavyanskogo yazyka, sostavlennyy po Ostromirovu yevangeliyu*. [The Dictionary of the ancient Slavic language, compiled according to the according to Ostromirov Gospels] Ed. A.S. Suvorin. St. Petersburg, 1899. (In Russ.)
8. Sl. RYA XI–XVII – *Slovar' russkogo yazyka XI–XVII vv*. [Dictionary of the Russian language XI–XVII centuries] Ed. S.G. Barkhudarov, G.A. Bogatova. Vol. 3, 6, 15. M., 1976–1989. (In Russ.)
9. St.-slav. sl. X–XI – *Staroslavjanskij slovar', po rukopisyam X–XI vv*. [Old Church Slavonic Dictionary, according to the manuscripts of the 10th – 11th centuries] Ed. R.M. Cejtin. M., 1994. (In Russ.)
10. Vasmer M. *Etimologicheskij slovar' russkogo yazyka*. [Russian Etymological Dictionary]. Vol. 1, 2. M., 1986. (In Russ.)
11. Yuryeva I.S. *Semantika glagolov imeti, khoteti, nachati (pochati) v sochetaniyakh s infinitivom v yazyke drevnerusskikh pamyatnikov XII–XV vv*. [The semantics of verbs to have, to want, to begin with infinitive in the language of the ancient Russian scripts of the XII–XV centuries]: diss. kand. filol. nauk. M., 2009. (In Russ.)

В.А. Чаплик

К ВОПРОСУ О СТАТУСЕ ПАРОНИМИЧЕСКИХ НЕОЛОГИЗМОВ

Федеральное государственное бюджетное образовательное учреждение высшего образования

«Московский государственный университет имени М.В. Ломоносова»

119991, Москва, Ленинские горы, 1

Предлагаемая статья посвящена определению явления паронимической неологии в современном французском языке. Под паронимической неологией современного французского языка понимается создание и использование новых слов, образованных с помощью приема паронимической аттракции, с целью придания письменной и устной речи большей экспрессивности и усиления воздействия сообщения на реципиента. Лексический материал предлагаемого исследования состоит из данных французских словарей окказионализмов А. Финкелькраута [Finkelkraut, 2006] и М. Реймса [Rheims, 1968], а также примеры из различных интернет-источников – всего около 230 единиц. В статье описывается типология паронимических неологизмов современного французского языка по двум признакам: опорной, или исходной основе (неологизм может быть образован от основы современного французского языка, от основы иностранного языка, от имени собственного, от архаизма или диалектизма) и способу конструирования (субституционный способ, аппликативный способ, аугментативно-редуктивный, метатетический и эпентетический способы). Также указываются и описываются основные характеристики паронимического неологизма, определяется его статус и отличия от традиционного лексического новообразования, которые сводятся, прежде всего, к выполняемой данным типом единиц функции.

Ключевые слова: паронимическая аттракция; паронимическая неология; типология; словообразовательный способ; словообразовательная основа.

Паронимическая аттракция, или парономазия – это прием сознательного сближения изначально сходных языковых единиц с целью создания выразительного эффекта. Р. Якобсон, открывший функциональную сущность данного явления, описывал его следующим образом: «Сходно звучащие слова уподобляются смыслами, причем такая парономастическая связь может охватывать целые словесные группы...» [Якобсон, 1987: 373]

Чаплик Варвара Андреевна – аспирант кафедры французского языкознания МГУ имени М.В. Ломоносова, преподаватель французского языка кафедры французского языка, департамента иностранных языков факультета гуманитарных наук НИУ ВШЭ (e-mail: varvaratarapova@gmail.com).

В основе приема паронимической аттракции лежит таким образом действие так называемой паронимагической функции языка, суть которой заключается в перенесении сходных в парадигматике единиц в смежные позиции речевой цепи:

J'aime mieux
tes lèvres
que mes livres.

(Jacques Prévert)

Отметим, что данная функция, согласно определению Якобсона, вытекает из поэтической функции языка, направленной на построение речевого сообщения.

Паронимическая неология, в свою очередь, основана на приеме паронимической аттракции (или паронимазии). Иными словами, в паронимической неологии происходит образование новых слов, схожих с уже существующими в языке лексическими единицами, с целью создания «эффекта обманутых ожиданий» (определение Р. Якобсона):

Ulptrême (adj., *ultime* + *extrême* + *suprême*) – ярко выраженная превосходная степень (*Antonin Artaud, 'Là où je suis'*);

Aigrivain (n.m., *aigre* + *écrivain*) – писатель, чей стиль отличается остротой, язвительностью (*Alain Finkielkraut, Petit dictionnaire illustré*).

Как можно видеть на данных примерах, паронимическая неология использует те же способы словообразования, что и непаронимическая, а именно деривацию и словосложение. Отличие заключается в том, что паронимическое новообразование всегда связано с усилением выразительности сообщения, которую Р. Якобсон определил как функцию поэтическую, а Жан-Франсуа Саблероль, известный современный исследователь французской неологии, как функцию игровую (*fonction ludique*).

Другим важным отличием паронимической неологии от непаронимической является особенный характер взаимодействия паронимической неонимации с языковой нормой. Известны наиболее значимые экстралингвистические причины, способные вызвать неонимацию: политкорректность, специфический код определенной социальной группы, влияние моды, различного рода перемены в социуме и т.д. При этом любые неонимации, как правило, выходят за рамки привычной языковой нормы. Паронимическая неология также нарушает установленную языковую норму, но это всегда определяется необходимостью усиления выразительности сообщения, диктуемой стилистической или игровой потребностью. При этом нарушение нормы в таких случаях создает двойную смысловую нагрузку на адресата, перед которым стоят одновременно две задачи: первая – понять, к какой единице осуществляется отсылка автором сообщения;

вторая – «расшифровать» значение неологизма и непосредственно сообщения с учетом контекста:

Adulescent (n.m., *adulte* + *adolescent*) – человек среднего возраста, перенимающий какие-то привычки или манеру поведения подростков. Например, предпочитающий молодежный стиль в одежде;

Tropmathisé (adj., *traumatiser* + *math*) – человек, у которого возникают сложности при вычислениях (данный неологизм используется в основном на письме).

При образовании паронимической единицы происходит частичный отход от традиционной продуктивной словообразовательной модели (французский термин *productivité*: *héliport* – *aéroport* + *hélicoptère*) языка, но обязательно вступает в действие механизм языковой креативности (французский термин *créativité*), т.е. использования нестандартных, необычных словообразовательных моделей. Так, например, в одной неправильной по форме единице, составленной из двух и более, будет происходить сближение нескольких значений, что приводит к особой концентрации смысла, создающей языковую игру:

Anarcissisme (n.m., *anarchiste* + *narcissisme*) – удовольствие называть себя маргиналом или выдавать себя за диссидента, революционера;

J'adior (*J'adore* + *Dior*) – известный слоган модного дома Dior.

Все описанные нами свойства паронимических неологизмов позволяют выделять данный тип лексических новообразований в особую категорию. Особый статус паронимических новообразований, в свою очередь, определил возможность их классификации по двум уровням. Первый уровень восходит к типологии неологизмов Ж.-Ф. Саблероля [Sablayrolles, 2000] и основывается на источнике образования паронимического неологизма, т.е. на характере опорного слова. На основании анализа эмпирического материала предлагается выделять следующие типы основ-источников паронимических неологизмов: 1) опорное слово входит в состав словаря современного французского языка; 2) опорное слово относится к иностранному языку; 3) опорное слово является именем собственным; 4) опорное слово – архаизм или диалектизм.

К первому типу логичным образом относится наибольшее число паронимических неологизмов – 62,5% всего исследованного лексического материала, около 230 единиц, в который вошел материал французских словарей окказионализмов А. Финкелькраута [Finkelkraut, 2006] и М. Реймса [Rheims, 1968] и примеры из различных интернет-источников:

Mécontemporain (n.m., *mécontent* + *contemporain*) – всегда недовольный настоящим положением дел современный человек;

Désâmé (adj., префикс *dés* + *âme* + *é*) – лишенный человечности, бесчувственный.

Значительное преобладание паронимических неологизмов от данного типа лексем вполне оправданно, поскольку именно такие новообразования, будучи понятными всем носителям языка, позволяют сделать неоминацию наиболее действенной за счет прозрачности отсылки к уже известной, нормативной единице языка.

Паронимические неологизмы от иностранных опорных слов составляют 13% общего лексического материала. К ним относятся исходные основы из английского, немецкого, испанского языков, а также латинские и греческие опорные основы, которые, по мнению Ж.-Ф. Саблероля, воспринимаются носителями современного французского языка как иностранные:

Hellocution (*hello* + *locution*) – выражение, используемое для приветствия;

Hydroluxophobe (*hydro* + *lux* + *phobe*) – прожигатель жизни, «ночной тусовщик». Приведем определение французского словаря окказионализмов М. Реймса: «*fêtard, qui a peur de l'eau et par conséquent ne boit que de l'alcool, et qui a peur de la lumière et par conséquent vit la nuit*»;

Mixologie (англ. *mix* + греч. *logos*) – правила приготовления смешанных напитков, коктейлей.

Паронимические неологизмы, образованные от имен собственных, составляют 19% . Отметим, что данная словообразовательная основа по преимуществу характерна для рекламных слоганов и для языка СМИ, где особое значение приобретает паронимическая игра с именами и фамилиями выдающихся политических и общественных деятелей и важных исторических или социальных событий:

Notre-Drame de Paris (*Notre-Dame* + *drame*) – заголовки газет и комментарии к новостям в социальной сети Facebook в день пожара в соборе Парижской Богородицы;

Revolvolution – реклама новой модели автомобиля марки Volvo;

Nicolas Tsarkozy (*Nikolas Sarkozy* + *tsar*) – о президенте Франции Николя Саркози.

Паронимические неологизмы от опорных архаизмов и диалектизмов составляют незначительную часть – 5,5%:

Ricantaine (от провансальского *ricaine*) – шутка, болтовня.

Hontoyer (от старофранцузского диалектного *hontoier*) – стыдить, краснеть от стыда.

Второй уровень предлагаемой автором классификации восходит к типологии паронимической аттракции, разработанной на основе французского материала И.Н. Кузнецовой [Кузнецова, 2015: 30–39].

Классификационный принцип указанной типологии следует определять как конструктивный, поскольку в нем рассматриваются способы построения паронимических аттрактантов. Применительно к французскому языку И.Н. Кузнецова выделяет пять конструктивных паронимических способов:

1. Субституционный способ – процесс замены одного элемента другим (гласной или согласной фонемы):

Dictionnaire-Fictionnaire (*dictionnaire* + *fiction*) (A. Finkielkraut).

2. Аугментативно-редуктивный способ – прибавление или же удаление элемента. Этот способ основан на принципах аффиксального словопроизводства, однако, отметим, что для паронимической неологии особенно характерен аугментативный способ новообразований:

Abracadabrantesque – суффикс *-esque*.

3. Метатетический способ – перестановка элементов слов или отдельных слов внутри одной фразы. Яркими примерами могут служить:

Quand la **vérité** n'est pas **libre**, la **liberté** n'est pas **vraie** (J. Prévert);
Jean-Sol Partre (B. Vian).

1. Эпентетический способ – вставка, то есть эпентеза отдельного элемента или группы элементов. Данный способ часто используется для создания телескопных слов:

Catacyclisme (*cyclisme* + *cataclysm*) – данный неологизм употребляется применительно к случаям массовых падений во время гонки Tour de France;

Établinissement (*blini* (русские блины) + *établissement*) – заведение, кафе, где подают русские блины.

2. Аппликативный способ – процесс наложения одного паронима на другой, также характерен для телескопии:

Sentimenteur (*sentiment* + *menteur*) – лицемерный человек, который неискренен в выражении своих мыслей и чувств;

Zéros (*zéro* + *Zeus*) – по определению М. Реймса, бог любви и незначительных мелочей: *Dieu de l'amour et des petits riens*.

Объединение двух уровней классификаций представляет, по мнению автора, наиболее полную и адекватную типологию паронимических неологизмов французского языка.

Проведенный количественный метод анализа материала показывает, что самым распространенным механизмом образования паронимических неологизмов является аппликативный способ (от основ французского и иностранных языков) – 59,4% всех случаев. Преобладание данного способа образования в паронимической неологии вполне закономерно, поскольку этот способ позволяет создавать теле-

скопные слова, так называемые *mots-valises*: **spontaré** = *spontané* + *taré*; **éternul** = *éternel* + *nul*; **nouveaucabulaire** = *nouveau* + *vocabulaire* (J.-J. Thibaud), **massothérapie** = *masser* + *thérapie*. Телескопные слова обладают высоким зарядом выразительности, который складывается не из двух значений слов-аттрактантов, как при обычном приеме паронимической аттракции, а из трех участвующих в неологическом процессе слов: двух исходных и одного новообразованного.

Вторым по продуктивности оказался аугментативно-редуктивный способ на базе основ современного французского языка. Приведем примеры новообразований по данному способу из словаря Мориса Реймса с толкованиями автора, которые позволяют подчеркнуть паронимастическую выразительность анализируемых лексем. В большинстве случаев это будет аугментация, особенно характерная для паронимической неологии. Примеры редукции встречаются значительно реже:

Bontonné (от *de bon ton*) – соответствующий хорошему тону;

Barmanie – отсылка к существительному *bar* (рус. *бар*) и существительному *manie* (рус. *мания, одержимость*);

Rienner [rjenel] (от *de rien*) – от французского *rien* [rjɛ̃] (рус. *ничего*);

Quodlibétaire (*quod libet* + суффикс *-aire*) – *disputations quodlibétaires* – спор, в котором каждый из участников говорит все, что ему придет на ум.

Паронимические неологизмы аугментативно-редуктивного способа, несмотря на образование по моделям традиционного словообразования, отличаются высокой степенью выразительности, которая достигается за счет непривычной словообразовательной основы и семантического дублирования традиционных синонимичных слов и словосочетаний.

Указанная особенность паронимических неологизмов аугментативно-редуктивного способа, в отличие от неологизмов непаронимических, подчеркивается и большим числом новообразований от имен собственных, в силу самого характера опорной основы обладающих высокой степенью выразительности:

Décaméronner – имитировать речевую манеру персонажей «Декамерона» Боккаччо;

Gagariner – сделать для себя открытие, по значимости сравнимое с освоением космоса;

Goncourtiser – стремиться к вычурности стиля в угоду Академии (игра основана на сопоставлении с Гонкуровской премией по литературе).

Типологическое представление паронимических неологизмов позволяет подчеркнуть особый статус данного типа единиц, определяемый в первую очередь особенностью их функциональной характеристики, направленной, как уже неоднократно подчеркивалось, на усиление выразительности сообщения. Представляется также важным отметить, что сам принцип классификации по исходной основе и по способу конструирования также связан с функциональной особенностью анализируемых лексических новообразований. Наибольшей частотностью при этом отличаются паронимические неологизмы с исходной основой, принадлежащей современному французскому языку, образованные аппликативным способом (телескопия) и обладающие максимальным зарядом экспрессивности.

Паронимические новообразования, как и непаронимические, или *обычные* неологизмы, выполняют номинативную функцию языка, но для данного типа единиц она является вторичной. При формировании паронимических неологизмов на первый план выступает поэтическая (или игровая по Ж.-Ф. Саблеролу) функция, направленная на повышение степени выразительности сообщения. Реализация этой функции осуществляется за счет номинации, отсылающей к первичной, т.е. к исходной основе уже существующей в языке и известной как адресанту, так и адресату сообщения.

Список литературы

1. *Береговская Э.М.* Стилистика однофразового текста. М., 2015.
2. *Виноградов В.С.* Лексические вопросы перевода художественной прозы. М., 1978.
3. *Кузнецова И.Н.* Паронимическая аттракция как выразительное средство языка // Материалы Международной научной конференции «Дни франко-российских исследований. Речь и тексты: тенденции, истоки, перспективы». М., 2013. С. 77–90.
4. *Кузнецова И.Н.* Парономазия: опыт типологического представления // Риторика ↔ Лингвистика. 2015. Вып. 11. С. 30–39.
5. *Чернейко Л.О.* Полиморфный языковой знак как психолингвистический феномен // Вопросы психолингвистики. 2015. С. 106–119.
6. *Якобсон Р.О.* Работы по поэтике. М., 1987.
7. *Gvishiani N.B.* Reference and representation in the structure of conceptual metaphor // *Voprosy Kognitivnoy Lingvistiki*. 2018. № 3 (56). P. 5–15.
8. *Finkelkraut A.* Le petit dictionnaire illustré: les mots qui manquent au dico. Paris, 2006.
9. *Rheims M.* Dictionnaire des mots sauvages. Paris, 1968.
10. *Sablayrolles J.-F.* La néologie en français contemporain. Examen du concept et analyse de productions néologiques récentes. Paris, 2000.
11. *Sablayrolles J.-F.* Des procédés néologiques euphémiques et quelques domaines privilégiés d'apparition // *La linguistique*. 2016/2 (Vol. 52). P. 187–200. URL: <https://www.cairn.info/revue-la-linguistique-2016-2-page-187.htm>

12. *Sablayrolles J.-F.* Diversité des relations entre néologie et noms propres. *Cahiers de Lexicologie*. 2 (113). 2018. P. 29–43.

Varvara Chaplik

THE STATUS OF PARONYMIC NEOLOGISMS

Lomonosov Moscow State University

1 Leninskiye Gory, Moscow, 119991

This article analyzes the phenomenon of paronymic neology in modern French and describes the typology of paronymic constructions. The paronymic neology in modern French is viewed as a process of creating and using new words formed via paronymic attraction with the intent to make written and oral speech more expressive and convincing. The lexical material is taken from the French dictionaries of nonce words by A. Finkelkraut, 2006 and M. Rheims, 1968 and Internet sources. This article focuses on the definition of paronymic neologism and its main features and characteristics in an attempt to define the status of the paronymic neologism as well as its distinctions from the traditional newly formed lexical constructions. The typology of paronymic neological forms in modern French is based on two main features: initial or foot-feature (where a neologism might be formed from a modern French language stem, a proper noun, foreign language stem, archaism or dialectism) and construction manner (which includes application, substitution, augmentation and reduction, as well as metathetic and epenthetic modes). In addition, this article argues that the special status of paronymic neologisms is determined primarily by the function of these units. With respect to ordinary neologisms, this is the nominative function of the language that is primary. However, as far as paronymic neologisms are concerned, this is the poetic or ludic function of the language aimed at enhancing the expressiveness of the message that dominates, and this is precisely this functional feature that determines the special status of paronymic neologisms.

Key words: neology; paronymic attraction; paronymic neology; typology; word formation type; underlying stem; poetic function of language.

About the author: *Varvara Chaplik* – PhD Student, French Department, Faculty of Philology, Lomonosov Moscow State University; Tutor, Visiting Scholar, School of Foreign Languages; Department of French Language, National Research University Higher School of Economics (e-mail: varvaratarapova@gmail.com).

References

1. Beregovskaya E.M. *Stilistika odnofrazovogo teksta* [Stylistics of the one-phrase text]. Moscow, *Lenand Publ.*, 2015. 334 p.
2. Vinogradov V.S. *Leksicheckiy voprosy perevoda khudozhestvennoy prozy* [Lexical issues of translation of fictional prose]. Moscow, *Moscow State University Publ.*, 1978. 174 p.
3. Kuznetsova I.N. Paronimicheskaya attraktsiya kak vyrazitel'noe sredstvo yazyka [Paronymic attraction as an expressive means of language]. *Materialy Mezhdunarodnoi nauchnoi konferentsii "Dni franko-rossiiskikh issledovaniy. Rech'i teksty: tendentsii,*

- istoki, perspektivy*” [Materials of the International scientific conference “Days of Franco-Russian studies. Speech and texts: trends, origins, and perspectives”], 2013, pp. 77–90. (In Russ.)
4. Kuznetsova I.N. Paronomaziya: opyt tipologicheskogo predstavleniya [Paronomasia: experience of typological presentation]. *Ritorika ↔ Lingvistika [Rhetoric ↔ Linguistics]*, 2015, 11, pp. 30–39. (In Russ.)
 5. Cherneyko L.O. Polymorphy yazikovy znak kak psycholingvistichesky fenomen [Polymorphic Linguistic Sign as Psycholinguistic Phenomenon]. *Voprosy psiholingvistiki* [Journal of psycholinguistics], 2015, pp. 106–119. (In Russ.)
 6. Yakobson R.O. Raboty po poetike [Works on poetics]. Moscow, *Progress Publ.*, 1987. 464 p.
 7. Gvishiani, N. B. Reference and representation in the structure of conceptual metaphor. *Voprosy Kognitivnoy Lingvistiki* [Issues of Cognitive Linguistics], pp. 5–15, 2018.
 8. Finkelkraut A. Le petit dictionnaire illustré: les mots qui manquent au dico. Paris: *Seuil*, coll. “Points – Le goût des mots”, 2006.
 9. Rheims M. Dictionnaire des mots sauvages. Paris: *Larousse*, 1968.
 10. Sablayrolles J.-F. La néologie en français contemporain. Examen du concept et analyse de productions néologiques récentes. Paris: *Honoré Champion*, coll. “Lexica. Mots et dictionnaires”, 2000.
 11. Sablayrolles J.-F. Des procédés néologiques euphémiques et quelques domaines privilégiés d’apparition. *La linguistique*, 2016/2 (Vol. 52), pp. 187–200. URL: <https://www.cairn.info/revue-la-linguistique-2016-2-page-187.htm>
 12. Sablayrolles, J.-F. Diversité des relations entre néologie et noms propres. *Cahiers de Lexicologie*, 2 (113), 2018, pp. 29–43.

Ю.И. Красносельская

**ВОЙНА КАК ВЫБОРЫ, ВЫБОРЫ КАК ВОЙНА:
МОДЕЛИ ПРЕДСТАВИТЕЛЬСТВА В «ВОЙНЕ
И МИРЕ» И «АННЕ КАРЕНИНОЙ» Л.Н. ТОЛСТОГО**

*Федеральное государственное бюджетное образовательное учреждение
высшего образования*

«Московский государственный университет имени М.В. Ломоносова»

119991, Москва, Ленинские горы, 1

В статье идет речь о понимании Л.Н. Толстым концепций народного и словного представительства, активно обсуждавшихся в русской публицистике эпохи Великих реформ, когда крепили надежды на более широкое участие представителей разных сословий в местном самоуправлении и даже на постепенный переход России к конституционному правлению. На примерах из «Войны и мира» и «Анны Карениной» мы демонстрируем, что Толстой рассматривает разные формы отношений поданных и власти, разные типы назначения (реального или символического) лидера нации. К формам коллективного волеизъявления относятся не только выборные процедуры, но и война, что объясняет присутствие в толстовских романах метафорических конструкций, обыгрывающих их связь (ср. описание губернских выборов в шестой части «Анны Карениной» или московского дворянского собрания 1812 г. в «Войне и мире»). В то же время можно констатировать эволюцию в толстовских воззрениях на проблему представительства и суверенитета: если в 1860-е годы, в эпоху «Войны и мира», Толстой утверждает, что народ, выбирая лидера, продолжает нести ответственность за все содеянное им, просто перекладывая вину на кого-то другого, то в 1870-е годы, в пору создания «Анны Карениной», он устами Левина заявляет, что народ путем избрания или приглашения правительства отказывается от власти, не желая губить свою душу посредством участия в порочной по самой сути своей управленческой деятельности.

Ключевые слова: Л.Н. Толстой; выборы; война; представительство; суверенитет; Великие реформы; «Война и мир»; «Анна Каренина»; Руссо.

Сцена губернских выборов в шестой части «Анны Карениной» кажется одной из самых злободневных в политическом отношении, ярко характеризующей эпоху становления земского движения в России 1870-х годов. В то же время этот эпизод с точки зрения его нарративной организации заставляет вспомнить две массовые сцены «Войны и мира» – собрание московского дворянства в июле 1812 г. и

Красносельская Юлия Игоревна – кандидат филологических наук, преподаватель кафедры истории русской литературы филологического факультета имени М.В. Ломоносова (e-mail: ju_kras@mail.ru).

Бородинское сражение. Параллель между романами во многом задана метафорой, посредством которой в «Анне Карениной» характеризуются выборы – они настойчиво сравниваются писателем со сражением. Как мы покажем в этой работе, метафора «выборы как война (сражение)» – это не просто избитая риторическая фигура, а ключ к толстовскому пониманию институтов политического представительства и общественного мнения в 1860-е и 1870-е годы. Нарративный анализ указанных эпизодов позволяет точнее реконструировать взгляды Толстого на конституционализм и народное представительство, споры о которых охватили Россию пореформенной эпохи. Этот аспект его политической позиции кажется нам не вполне изученным даже в наиболее значимых исследованиях, встраивающих высказывания писателя в контекст общественно-политических дискуссий эпохи Великих реформ [Maierova, 2010; Фойер, 2002; Эйхенбаум, 2009]. Между тем, хотя в 1860-е и 1870-е годы Толстой по-разному решает вопрос о том, что происходит в ходе участия человека в выборных или совещательных процедурах, представительный вопрос все это время остается в центре его политического, да и философского воображения.

Как писал Толстой в 1857 г., «стоит надеть на человека мундир, отдалить его от семейства и ударить в барабан, чтобы сделать из него зверя» [Толстой, 1937: 204]. Это явление неоднократно воспроизводилось в его произведениях, причем даже облачение в гражданский мундир производит, по мнению писателя, тот же эффект резкой трансформации личности, подавляет в человеке чувство собственного достоинства и подчиняет его какой-то внешней силе. «Мундирная» символика используется и в интересующей нас сцене выборов в «Анне Карениной», задавая мотив подобия сословного волеизъявления и военного сражения. XXVII глава открывается развернутым изображением внешнего вида собравшихся: «На шестой день были назначены губернские выборы. Залы большие и малые были полны дворян в разных мундирах. <...> По наружному виду дворяне резко разделялись на два сорта: на старых и новых. Старые были большею частью или в дворянских старых застегнутых мундирах, со шпагами и шляпами, или в своих особенных, флотских, кавалерийских, пехотных, выслуженных мундирах. <...> Молодые же были в дворянских расстегнутых мундирах с низкими талиями и широкими в плечах, с белыми жилетами, или в мундирах с черными воротниками и лаврами, шитьем министерства юстиции. К молодым же принадлежали придворные мундиры, кое-где украшавшие толпу» [Толстой, 1935: 225–226].

Выборы настойчиво сравниваются со сражением не только из-за мундиров участников, но и потому, что эти формы деятельности предполагают сходную расстановку сил (враждебные партии, руководимые яркими лидерами) и сходный порядок действий (бой, требующий серьезной подготовки, максимальной самоотдачи и заставляющий ставить на карту все самое дорогое). Ср.: «Волнение все увеличивалось, и на всех лицах было заметно беспокойство. В особенности сильно волновались коноводы, знающие все подробности и счет всех шаров. Это были распорядители предстоящего сражения. Остальные же, как рядовые пред сражением, хотя и готовились к бою, но покамест искали развлечений» [Толстой, 1935: 231]. В тот момент, когда дебаты о необходимости баллотировки «мнения о Флерове» (т.е. о том, обладает ли состоящий под судом Флеров правом голоса) принимают чрезвычайно острый характер, собравшиеся уже сами видят в себе бойцов, проливающих кровь во имя Отечества: «— Баллотировать, баллотировать! Кто дворянин, тот понимает. — Мы кровь проливаем... Доверие Монарха... Не считать предводителя, он не приказчик... Да не в том дело... Позвольте, на шары! Гадость!.. — слышались озлобленные, неистовые крики со всех сторон» [Толстой, 1935: 228].

На первый взгляд, использование батальной образности придает соответствующим сценам комический эффект, поскольку читателю очевидно, что участники выборов переоценивают их значимость, воспринимают эту в общем-то пустую игру как нечто значимое и подлинно захватывающее. Скептическое отношение автора к дворянскому волеизъявлению раскрывается благодаря избранному им ракурсу описания выборов: они увиденны глазами Левина, чувствующего себя чужим на этом празднике жизни и не знающего, куда класть шар при голосовании. В то же время разговоры с собравшимися, наблюдение за знакомыми, с головой ушедшими в (пред)выборные дебаты и интриги, подталкивают Левина к серьезным и невеселым размышлениям о том, почему уважаемые, хорошие люди оказываются в ходе выборов в состоянии столь «неприятного, злого возбуждения» [Толстой, 1935: 228]. Собственно, и он сам, не видя в выборах смысла, тем не менее участвует в них — причем, что важно, главным образом потому, что Кити заказала ему дворянский мундир стоимостью в восемьдесят рублей. Правда, голосует он не обдуманно, а как-то наобум, в то же время поддаваясь влиянию той партии, с которой чувствует себя связанным: «Левин подошел, но, совершенно забыв, в чем дело, и смутившись, обратился к Сергею Ивановичу с вопросом: “куда класть?”» [Толстой, 1935: 229].

Сходный эпизод есть и в «Войне и мире», где описано собрание московского дворянства и купечества, состоявшееся в Слободском дворце по случаю рекрутского набора незадолго до оставления русскими Москвы. Толстой использует при воссоздании этой исторической сцены тот же остраняющий прием: съезд подан через восприятие «постороннего», «новичка», оценивающего происходящее совсем не так, как принято это делать, и благодаря этому оказывающегося более проницательным и чутким наблюдателем. В данном случае таким наблюдателем является Пьер, который приходит на собрание в надежде, что оно явит собой новый тип общения государя и привилегированного сословия, станет примером готовности верховной власти идти навстречу пожеланиям граждан, прислушиваться к ним: «Он был в волнении: необыкновенное собрание не только дворянства, но и купечества – сословий, *états généraux* – вызвало в нем целый ряд давно оставленных, но глубоко врезавшихся в его душе мыслей о *Contrat social* и французской революции. Замеченные им в воззвании слова, что государь прибудет в столицу для совещания с своим народом, утверждали его в этом взгляде» [Толстой, 1980: 98].

Несмотря на свой энтузиазм, Пьер не может не замечать в других участниках собрания того же «злого возбуждения», которое позднее констатирует и Левин. Более того, пытаясь донести до собравшихся свои «конституционные» идеи, Пьер оказывается в роли общего врага, на которого ожесточенно нападают другие дворяне, в особенности «всегда хорошо расположенный к нему игрок в бостон, Степан Степанович Апраксин»: «Степан Степанович был в мундире, и, от мундира ли, или от других причин, Пьер увидел перед собой совсем другого человека. <...> Другой голос человека, среднего роста, лет сорока, которого Пьер в прежние времена видал у цыган и знал за нехорошего игрока в карты и который, тоже измененный в мундире, придвинулся к Пьеру, перебил Апраксина. <...> – Мы русские и не пожалеем крови своей для защиты веры, престола и отечества. А бредни надо оставить, ежели мы сыны отечества. Мы покажем Европе, как Россия восстает за Россию, – кричал дворянин. <...> Пьеру не только не удавалось говорить, но его грубо перебивали, отталкивали, отворачивались от него, как от общего врага. Это не оттого происходило, что недовольны были смыслом его речи, – ее и забыли после большого количества речей, следовавших за ней, – но для одушевления толпы нужно было иметь осязательный предмет любви и осязательный предмет ненависти. Пьер сделался последним» [Толстой, 1980: 101–102].

Конечно, патриотическая риторика собравшихся оправдана здесь в большей степени, чем в «Анне Карениной»: речь в самом деле идет о подготовке к войне, на которой собравшимся буквально предстоит проливать кровь «для защиты веры, престола и отечества». Тем не менее, Толстой фиксирует внимание на том, что раздражение собравшихся вызвано не столько содержанием речи Пьера, сколько самой необходимостью найти врага, который позволил бы им разжечь в себе гражданский восторг. Озлобленность людей, которые еще вчера приятельски общались с Пьером в клубе, производит тем более пугающее впечатление, что она не вполне осознанна, скорее стихийна. Надевая мундир, человек как бы перестает быть собой, снимает с себя ответственность за свои речи и поступки; его ненависть исходит уже не столько от него как живого человека (Степана Степановича Апраксина), сколько от него как представителя какой-то общественной или государственной силы (русского дворянина, лояльного самодержавию). Интересно, что и сам Пьер, несмотря на свое положение изгоя в толпе, в итоге подчиняется ее законам и отрекается от своих «заблуждений». Оттенить этот мотив Толстому помогает уже известный нам символ: автор указывает, что Пьер в этот день был вынужден надеть на себя тесный и неудобный дворянский мундир, что указывает на предопределенность и его поведения. Под влиянием собравшихся и особенно при виде государя Пьер раскаивается в своей оппозиционности и жертвует в пользу Отечества тысячи рекрутов и их содержание.

Это коллективное возбуждение проходит уже на другой день, когда участники собрания расходятся по домам. Обретение способности здраво воспринимать реальность описывается Толстым посредством реализации метафоры снятия мундира: «Все собранные дворяне сняли мундиры <...> и удивлялись тому, что они наделали» [Толстой, 1980: 104]. Характерно, что в следующей важной массовой сцене, также увиденной глазами Пьера, герой решает не надевать на себя мундира. При описании Бородинского сражения в черновиках романа подчеркивалось, что «для того, чтобы иметь менее обращающий на себя общее внимание вид, Риеге намерен был в Князькове переодеться в ополченский мундир своего полка, но, когда он подъехал к своим (переодеваться надо было тут, на воздухе), на глазах солдат и офицеров, удивленно смотревших на его пуховую белую шляпу и толстое тело во фраке, он раздумал» [Толстой, 1953: 95]. Как мы помним и по окончательному тексту, зеленый фрак и белая шляпа Пьера при Бородине тоже работают на «остраняющий» сцены массового насилия и убийства эффект, позволяют воспринимать героя как выразителя

собственно толстовского отношения к войне. Правда, поначалу и Левин на выборах, и Пьер при Бородине ищут какого-то проводника, который помог бы им сориентироваться в мире хаоса: Пьер обращается с расспросами к офицерам, а Левину на помощь приходят Стива и Кознышев. Однако такие люди, по мнению Левина, рассуждают лишь о чем-то скучном и второстепенном, и единственное, что ему под конец хочется сделать, – это вырваться на волю. Сходным образом, Пьер при Бородине в какой-то момент может думать лишь о том, когда же наконец люди «оставят это», «ужаснутся того, что они сделали!» [Толстой, 1980: 247]. Подобно тому, как Левин во время выборов слоняется из зала в зал, получая возможность наблюдать за поведением не только участников выборов, но и прочих «посторонних лиц» – лакеев, перетирающих посуду, «нарядных дам», «элегантных адвокатов», «унылого гимназиста с подтекшими глазами» [Толстой, 1935: 228, 238], «любопытствующий» Пьер в итоге остается без провожатых и становится свидетелем самых разнообразных и значимых эпизодов Бородинского боя. Самостоятельное наблюдение хотя и создает в обоих случаях ощущение «непонимания» происходящего, на самом деле способствует подлинному «пониманию» – пониманию абсурдности того, чем заняты участники сражений или голосований.

Подобно тому, как мундир «направляет» человека, определяет его поведение, обращение Толстого к теме поведения людей в мундире и соответствующей метафорике каждый раз направляет его к размышлению о том, как свободный по природе своей человек отрекается от воли и оказывается машиной, действующей по указанию того, кто ею управляет. Как утверждали Дж. Лакофф и М. Джонсон, метафоры вообще определяют то, как мы мыслим: они организуют понятийную сетку, которая устанавливает в нашем сознании взаимные отношения между объектами и предписывает нам определенную реакцию на событие. В качестве примера метафоричности человеческого мышления исследователи приводили метафору «спор – это война», показывая, как она разворачивается в разных контекстах, определяя тактику ведения нами споров, восприятие противника (оппонента в споре) и результатов дебатов [Лакофф, Джонсон, 2004: 26–27]. Мы же обратимся к анализу истоков и семантики сходной метафоры, используемой Толстым, – «выборы как война». Описывая собрание в Слободском дворце в «Войне и мире» и губернские выборы в «Анне Карениной», Толстой демонстрирует, как человек в гражданском мундире, призванный выразить свое мнение по каким-либо государственным или административным вопросам, на практике ведет себя подобно военному на поле боя, исполняющему приказы вы-

шестоящего командования или теряющему контроль над собой под воздействием всеобщего страха и натиска врага. В «Войне и мире» участники собрания единодушно и эмоционально подчиняются императору, стремясь перешеголять друг друга в приносимых на алтарь Отечества жертвах, а в «Анне Карениной» волю голосующих определяет дух партии, к которой они принадлежат.

Мы полагаем, что причины использования Толстым такой метафоры кроются не только в ее расхожести или в том типе мышления, который был охарактеризован Лакоффом и Джонсоном, но также в политическом и философском контекстах 1860-х годов. Такие метафоры можно воспринимать и как результат рецепции Толстым споров о представительстве в пореформенную эпоху. Отмена крепостного права и вызванное ею «сотрясение» сословной системы спровоцировали бурные дебаты о возможности участия граждан – по крайней мере, представителей привилегированного дворянского сословия – в политической жизни страны, о необходимости расширения выборных прав и, в перспективе, об установлении конституционного правления в России. Правда, в 1860-е годы преобладали умеренные взгляды на представительство: еще не отвергая самодержавия как такового и не педалируя идеи народного суверенитета, публицисты и общественные лидеры ратовали за прямой диалог власти и общества, за свободное выражение общественного мнения (своего рода альтернативы политических прав), за расширение участия помещиков в местном самоуправлении и создание земских организаций [Медушевский, 2015; Пирумова, 1977; Христофоров, 2016]. Как показала О. Майорова, росту общественного самосознания способствовали и военные конфликты, в которые была втянута Россия: Крымская кампания и польское восстание 1863 г. консолидировали общество изнутри, заставляли его требовать от государства допуска граждан к участию в административных или политических делах [Maiorova, 2010]. Собственно, сама отмена крепостного права воспринималась как событие не менее грандиозное и переворачивающее повседневную жизнь, чем война. По утверждению К. Фойер, перенесение западных политических практик на русскую почву подчас описывалось как нечто равнозначное военной экспансии, нечто столь же разрушительное, как вторжение в Россию армии Наполеона, что отчасти обусловило и «историческое воображение» Толстого, задумавшего «Войну и мир» в преддверии Великих реформ [см. Фойер, 2002]. Заметим, впрочем, что крестьянская реформа чаще могла описываться как война освободительная, напоминающая 1812 год или Севастополь, война с предрассудками, требующая, подобно на-

родному ополчению, соединения усилий всех сословий для обуздания общего врага – в данном случае рабства. О крестьянской реформе как «войне с язвою рабства» говорится, например, в романе А.В. Дружинина «Прошлое лето в деревне» [Дружинин, 1865: 550]. Поскольку такая война требовала как раз более широкого внедрения в российскую административную реальность западных институтов власти и традиций управления, русская публицистика охотно обращалась к описанию европейских политических систем с целью разобраться, могут ли они быть адаптированы к российским условиям или же исторические особенности их развития препятствуют такому трансферу. При этом, в эпоху «нациестроительства», когда карта Европы еще довольно динамично меняла свои очертания, вопрос о снабжении или реорганизации армии оставался одним из первостепенных вопросов парламентской повестки дня. Например, во «Внутреннем обозрении» январского «Современника» за 1865 г. Э.К. Ватсон [Боград, 1959: 435, 451] описывал баталии в прусских палатах, вызванные попытками «прогрессистов» влиять на решение вопроса об организации армии, используя знакомую нам метафорику, оживляющую стиль статьи и оттеняющую ее тему: «Правительственные органы тоже объявляли, что избрание прежних депутатов было бы равносильно объявлению войны правительству»; «Этой речью положено было начало военным действиям между правительством и оппозицией» [<Ватсон>, 1865: 135, 152–153]. Сходные сравнения можно найти и в № 1 журнала за 1864 г., где описывались выборы в законодательный корпус Франции. Хроника послевыборных дебатов, заставляющая вспомнить описанную в «Анне Карениной» поверку губернских сумм накануне губернских выборов, разворачивает метафору парламентских прений как боя в еще более образную картину: «Наконец в начале января законодательный корпус приступил к важному делу – к прению об адресе <адресе на тронную речь императора. – Ю.К.>. За несколько дней до начала этих прений все члены оппозиции собрались у депутата Мари для того, чтобы составить план атаки. Мы говорили еще в одном из прежних обозрений, что разрозненные члены оппозиции пытались перед открытием заседаний распределить между собою роли и назначить каждому из своей среды место, которое он должен был занимать в предстоящем бою» [<Ватсон>, 1864: 158].

Иными словами, сближение темы народного представительства (и, соответственно, различных выборных процедур) и темы военной было, в том числе и в русской публицистике эпохи Великих реформ, естественным и широко распространенным, как и метафорику, обыгрывавшая взаимосвязь или подобие войны и общественно-политиче-

ских споров и конфликтов. Однако мы полагаем, что и этот контекст не исчерпывает темы и что ключ к пониманию такой образности в толстовских романах лежит не только в практической политической, но и в теоретической области. Вопрос о том, что происходит с волей гражданина во время выборов – переносится ли она на избираемое лицо – должен был попасть в поле зрения Толстого еще в молодости, во время его, пусть и непродолжительного, обучения юриспруденции и в эпоху его увлечения идеями Руссо и Монтескье. Напомним, что в «Войне и мире» Пьер, рассчитывая на серьезное совещание сословий с государем, вспоминает «Общественный договор» Руссо, создателя концепции народного суверенитета. Руссо утверждал, что если граждане хотят быть подлинно свободными, то они должны все делать своими руками, в том числе принимать прямое участие в управлении государством: «Как только служение обществу перестает быть главным делом граждан и они предпочитают служить ему своими кошельками, а не самолично, – Государство уже близко к разрушению. Нужно идти в бой? – они нанимают войска, а сами остаются дома. Нужно идти в Совет? – они избирают Депутатов и остаются дома. Наконец, так как граждан одолевает лень и у них в избытке деньги, то у них, в конце концов, появляются солдаты, чтобы служить отечеству, и представители, чтобы его продавать» [Руссо, 2000: 279–280]. Здесь вновь мы видим объединение двух важнейших областей волеизъявления граждан: в мирной жизни они должны участвовать в законотворческой деятельности (хотя стремятся переложить ее на депутатов), а в военной – идти в бой, хотя на практике предпочитают наемников. Парадокс состоит в том, что сам факт избрания или найма кого-либо является проявлением свободной воли личности, однако, раз избрав своего представителя или заместителя, человек оказывается рабом.

В «Войне и мире» Пьер также осознает значимость персональной ответственности в решении государственных дел, но в итоге подчиняется, подобно другим, закону необходимости, принимая решения, не соответствующие его изначальным побуждениям. Эта коллизия демонстрирует центральную философскую дилемму романа о соотношении свободы и необходимости. Согласно Толстому, человек, субъективно чувствуя себя свободным, объективно подчинен закону необходимости и исполняет предписанный Провидением план. Эту закономерность писатель раскрывает на примере истории наполеоновских походов, которые ошибочно связывались с волей и страстями отдельных лиц вроде Наполеона. При этом, описание взаимодействия военачальника и народных масс требуется Толстому для ответа

на более глобальные вопросы – о том, как вообще нация назначает себе, избирает лидера, на которого историей возлагается потом ответственность за события, и о том, как нация изобретает общую цель своего развития, к достижению которой якобы направляются совокупные усилия граждан. В числе таких «отвлечений», выдаваемых «за смысл истории», Толстой в черновиках романа называет и конституционализм [Толстой, 1955: 214]. Обобщая, он говорит о «войне и революции» [Толстой, 1955: 250, 251] как о наиболее заметных событиях истории, которые «подхлестывают» движение народов и помогают ответить на вопросы о том, какая сила народами движет и действительно ли «власть есть совокупность воль масс, перенесенная выраженным или молчаливым согласием на избранных массами правителей» [Толстой, 1981: 321].

Толстой разбирает два возможных варианта такого переноса воли: в первом случае событие приписывается лидеру, который объявляет войну или свергает власть (или пытается свергнуть, как Пугачев), во втором – группе лиц (кружку заговорщиков, «писателям и дамам» или какой-то более абстрактной силе вроде общественного мнения), которая может выполнять те же функции. Концепцию, основанную на идее значимости роли личности в истории, он приписывает главным образом французским историкам вроде Тьера, а новый подход к истории, при котором героя-властителя дум заменяют на «нескольких цивилизаторов человечества» преимущественно из числа деятелей культуры (ибо в данном случае утверждается, что человечество движимо вперед не насилием, а знаниями, накопленными наиболее развитыми людьми), он связывает с именами Бокля, Шлоссера и Гервинуса [Толстой, 1955: 189, 215, 272 и др.; Толстой, 1981: 314].

Однако обе версии кажутся ему несостоятельными: по его мнению, и в том и другом случае политические лидеры или определенные общественные силы присваивают себе право говорить от лица нации, на самом деле не выражая мнений и волю отдельных людей, которые гораздо более разнообразны, «разновекторны», обусловлены частными и интимными целями и желаниями, а также волей Провидения, которую отдельный человек постичь не в состоянии. Согласно Толстому, человек не может перенести свою волю на другого, он несет ответственность за свои действия, даже если в процессе коммуникации, общественной жизни и вынужден корректировать свою волю, согласовывая ее с чужой. Правитель или общественное мнение скорее «назначаются» ответственным за содеянное народом, чем в самом деле отвечают за него: «Движение народов производят не власть, не умственная деятельность, даже не соединение того и

другого, как то думали историки, но деятельность *всех* людей, принимающих участие в событии и соединяющихся всегда так, что те, которые принимают наибольшее прямое участие в событии, принимают на себя наименьшую ответственность; и наоборот» [Толстой, 1981: 335].

Таким образом, проблема «выборов» для Толстого не столько созвучна военной проблематике, сколько лежит в ее основе. Его интересуют такие формы самовыражения людей, которые демонстрируют их способность или право воздействовать на «большую историю». Подобно войне, где, согласно Толстому, человек как никогда свободен, поскольку речь идет о его жизни и смерти, различные формы представительства, предполагающие политическое участие народа во власти или хотя бы выражение им своего мнения по политическим вопросам, являются формой заявления свободы, даже если результаты такой деятельности обманывают ожидания или идут вразрез с интересами участников. А так обычно и происходит в результате столкновения личных воль – столкновения, в исторической перспективе превращающего поступок из свободного в необходимый и запутывающего вопрос о том, по чьей же воле поступок был совершен. Выборные процедуры (в широком их понимании) у Толстого оказываются сродни войне в том смысле, что, вроде бы делая в ходе них персональный выбор, на практике человек вынужден солидаризироваться с другими представителями определенной партии или группы лиц. Это хорошо демонстрирует сцена в Слободском дворце в «Войне и мире»: каждый из участников дворянского собрания обладает своей точкой зрения на общее дело, однако в процессе столкновения их мнений растет общее возбуждение, вследствие которого все оказываются захвачены одним чувством, подчиняются одной силе, представителем которой им кажется император. Однако Александр I не является собственно причиной этого возбуждения, ибо оно начинает возрастать еще до встречи москвичей с ним, и «перенесение» ими своей воли на него, «назначение» его предводителем – это их свободный выбор, о котором, правда, они начинают жалеть, как только расходятся по домам. По прошествии времени выбор может показаться неправильным, но тем не менее делается уже необходимым, неминуемым. Комичность ситуации состоит в том, что собравшиеся декларируют отказ от своей самостоятельности, подчиняясь государю, хотя на самом деле этот отказ – дело их доброй воли.

Вопрос, таким образом, переносится Толстым из политической плоскости в философскую: сцена в Слободском дворце демонстрирует политическую лояльность и юридическую подвластность

дворян воле суверена, но фактически все участники этого действия и творят историю. Мы полагаем, что в этом вопросе Толстой сходится со славянофилами, с которыми он много общался в период работы над романом. Как писал наиболее близкий ему из них, Ю.Ф. Самарин, «каждый народ создает себе *власть* по своим потребностям и убеждениям, и эта власть, им поставленная, получает значение власти, *обязательной* для каждого лица, к тому народу принадлежащего» [Самарин, 2008: 314]. В то же время, славянофилы настаивали на том, что политическая власть, будучи раз создана народом, впоследствии действительно может быть перенесена вовне, на власть имущих: русский народ создает самодержавие как органичную себе форму правления как раз затем, чтобы более не участвовать во власти, ограничиваясь правом высказывать свое мнение о происходящем. Общественное мнение оказывается более важным каналом коммуникации власти и народа, чем конституция и политическое представительство.

Между тем, как мы видели, мысль о том, что общественное мнение способно выражать волю и мысли всех, вызывало у Толстого такой же скепсис, как и мысль о гении Наполеона. В то время как критика общественного мнения в итоговой версии «Войны и мира» отчасти уходит в тень критики «роли личности в истории», открытая полемика с глашатаями общественного мнения развернется в «Анне Карениной». Роман пишется в эпоху, когда споры о представительстве разгорятся с новой силой. Хотя очередной всплеск конституционных баталий произойдет чуть позже, на рубеже 1870-80-х гг., дискуссии о формах участия общества в политической жизни в огромной степени подстегнет «славянское движение». Оно выдвинуло в число наиболее популярных общественных деятелей славянофилов во главе с И.С. Аксаковым, активно вовлеченных в оказание помощи славянам еще на той стадии балканского кризиса, когда государство от этой помощи и участия в вооруженном конфликте воздерживалось. Не обладая политической властью, славянофилы тем не менее реально воздействовали на политические решения – тем более что претендовали на выражение общественного мнения, т.е. воли нации в целом. Неудивительно поэтому, что и размышления Толстого в заключительной части «Анны Карениной» о сербской войне, которую он не одобрял, сопровождаются рефлексией о силе, которая претендует на выражение народного отношения к войне, как бы присваивая себе волю народа, требуя борьбы с турками от его имени. Левин и его тесть князь Щербацкий полагают, что общественное мнение, якобы выражающее волю масс, подобно самозванцу вроде Пугаче-

ва, стремящемуся узурпировать престол: «Да кто же объявил войну Туркам? Иван Иванович Рагозов и графиня Лидия Ивановна с мадам Шталь?» [Толстой, 1935: 387]. Толстой повторяет – практически в тех же выражениях – мысль, которая уже была высказана десятилетием ранее в «Войне и мире», но только теперь со ссылкой не на Бокля и Шлоссера, а на славянофилов. В «Войне и мире» процесс такой «узурпации» признавался, впрочем, неизбежным: Наполеон был предназначен Провидением для нечеловеческой роли отвечать за военные кампании начала XIX столетия, хотя на самом деле великое перемещение народов на восток определялось волей всех его участников. Но если в «Войне и мире» народ просто «перекладывал» ответственность на лидера, реально участвуя в «производстве» истории, в «Анне Карениной» Толстой предлагает радикальный проект разграничения «территорий» власти и народа. Обращаясь к мифу о происхождении русской государственности, к эпизоду призвания варягов, Левин повторяет славянофильскую мысль о том, что правительство специально было избрано гражданами, чтобы отвечать за все зло, которое государство может совершить [см.: Красносельская, 2019]. Таким образом, не желая участвовать в войне, он настаивает на возможности раз и навсегда снять с себя ответственность за политические решения, «передоверив» их правительству: «/.../ война, с одной стороны, есть такое животное, жестокое и ужасное дело, что ни один человек, не говоря уже христианин, не может лично взять на свою ответственность начало войны, а может только правительство, которое призвано к этому и приводится к войне неизбежно» [Толстой, 1935: 387]. Как утверждает теперь Толстой, человек может самостоятельно выбирать, будет ли он плыть по течению (то есть поддастся ли милитаристской истерии, обаянию общественных лидеров и т.п.) или воздержится от участия в том, в чем личной заинтересованности не чувствует.

Очевидно, что отсюда вытекает еще более отрицательное отношение к регулярным выборным процедурам: принимая в них участие, граждане делаются виновными в тех управленческих ошибках и злоупотреблениях, которые неизбежны в деятельности государства и за которые Левин отвечать не хочет. Участвуя в выборах, человек не просто заражается коллективным злом, как это происходило с Пьером, но сознательно выбирает зло. Это объясняет, почему в губернских выборах, описанных в шестой части романа, Левин участвует неохотно, совершенно не чувствуя в себе того энтузиазма, которым был охвачен Пьер. Признавая в финале разумность призвания варягов, Левин парадоксальным образом готов одобрить лишь такие «выбо-

ры», которые являются не только формой волеизъявления граждан, но и формой отказа от последующего волеизъявления. Нежелание участвовать в войне и выборах (главной форме квазиполитического волеизъявления русского дворянства) – это две стороны одной медали; отказ «носить мундир» символически выражает мысль о том, что подлинный «суверенитет» есть свобода духа.

Список литературы

1. *Боград В.Э.* Журнал «Современник» 1847-1866. Указатель содержания. М.; Л., 1959.
2. <Ватсон Э.К.> Политика // Современник. 1864. № 1. Отдел II. Современное обозрение. С. 149-176.
3. <Ватсон Э.К.> Политика // Современник. 1865. № 1. Отдел II. Современное обозрение. С. 131-156.
4. *Дружинин А.В.* Прошлое лето в деревне // Собр. соч. А.В. Дружинина. Т. 2. СПб., 1865.
5. *Красносельская Ю.И.* «Тень» К.С. Аксакова в полемике Л.Н. Толстого с панславистами 1877 г. // Складчина: Сборник статей к 50-летию профессора М.С. Макеева. М., 2019. С. 137–157.
6. *Лакофф Дж., Джонсон М.* Метафоры, которыми мы живем. М., 2004.
7. *Медушевский А.Н.* Демократия и авторитаризм: российский конституционализм в сравнительной перспективе. М.; Берлин, 2015.
8. *Пирумова Н.М.* Земское либеральное движение. Социальные корни и эволюция до начала XX века. М., 1977.
9. *Руссо Ж.-Ж.* Об общественном договоре, или Принципы политического права // Руссо Ж.-Ж. Об Общественном договоре: Трактаты. М., 2000.
10. *Самарин Ю.Ф.* Православие и народность. М., 2008.
11. *Толстой Л.Н.* Анна Каренина // Толстой Л.Н. Полн. собр. соч.: В 90 т. Т. 19. М., 1935.
12. *Толстой Л.Н.* Война и мир. Том третий // Толстой Л.Н. Собр. соч.: В 22 т. Т. 6. М., 1980.
13. *Толстой Л.Н.* Война и мир. Том четвертый // Толстой Л.Н. Собр. соч.: В 22 т. Т. 7. М., 1981.
14. *Толстой Л.Н.* Война и мир. Черновые редакции и варианты. Часть вторая // Толстой Л.Н. Полн. собр. соч.: В 90 т. Т. 14. М., 1953.
15. *Толстой Л.Н.* Война и мир. Черновые редакции и варианты. Часть третья // Толстой Л.Н. Полн. собр. соч.: В 90 т. Т. 15. М., 1955.
16. *Толстой Л.Н.* Дневники и записные книжки 1854–1857 // Толстой Л.Н. Полн. собр. соч.: В 90 т. Т. 47. М., 1937.
17. *Фойер К.Б.* Генезис «Войны и мира». СПб., 2002.
18. *Христофоров И.А.* Великие реформы: истоки, контекст, результаты // Реформы в России. С древнейших времен до конца XX в.: В 4 т. Т. 3: Вторая половина XIX – начало XX в. / Отв. ред. В.В. Шелохаев. М., 2016.
19. *Эйхенбаум Б.М.* Лев Толстой: исследования. Статьи. СПб., 2009.
20. *Maierova O.* From the Shadow of Empire: Defining the Russian Nation through Cultural Mythology, 1855–1870. Madison, Wisconsin, 2010.

Yulia Krasnoselskaya

**WAR AS ELECTIONS, ELECTIONS AS WAR:
PUBLIC REPRESENTATION IN LEO TOLSTOY'S
WAR AND PEACE AND ANNA KARENINA**

*Lomonosov Moscow State University,
1 Leninskie Gory, Moscow, 119991*

This paper discusses Leo Tolstoy's attitude towards popular representation – one of the most popular socio-political ideas of the Great Reforms era when the press was actively discussing how representation institutions in Russia would evolve, even allowing for the possibility of constitutional rule. In his *War and Peace* and *Anna Karenina* Tolstoy contemplates on forms of representation and a relationship between the people (the nation) and an elected, crowned, or just acknowledged leader. Tolstoy expresses these ideas in a metaphorical form. But in the two novels Tolstoy gives different answers on the nature and significance of power transfer: in *War and Peace* he implies that the nation chooses a leader that would be responsible for his actions but who in fact would remain responsible for everything; in *Anna Karenina*, created later, in the next decade, he, on the contrary, comes to the conclusion that the nation appoints a leader not to be in any respect responsible for what the authorities do, including their inevitable crimes and injustices. The people's deed, he now insists, is not the governance, but moral improvement.

Key words: Leo Tolstoy; elections; war; popular representation; sovereignty; Great Reforms; *War and Peace*; *Anna Karenina*; Rousseau.

About the author: Yulia Krasnoselskaya – PhD, Teaching Fellow, Department of History of Russian Literature, Faculty of Philology, Lomonosov Moscow State University (e-mail: ju_kras@mail.ru).

References

1. Bograd V.Je. *Zhurnal «Sovremennik» 1847–1866. Ukazatel' soderzhanija* [*The Contemporary: Index*]. Moscow-Leningrad, Gosudarstvennoe izdatel'stvo hudozhestvennoj literatury, 1959. 829 p. (In Russ.)
2. <Watson Je.K.> Politika [Politics]. *Sovremennik* [The Contemporary], 1864, № 1. Otdel II. Sovremennoe obozrenie, pp. 149–176. (In Russ.)
3. <Watson Je.K.> Politika [Politics]. *Sovremennik* [The Contemporary], 1865, № 1. Otdel II. Sovremennoe obozrenie, pp. 131–156. (In Russ.)
4. Druzhinin A.V. *Proshloe leto v derevne* [Last Summer in the Country]. *Sobranie sochinenij A.V. Druzhinina* [The Works of A.V. Druzhinin]. Vol. 2. Saint-Petersburg, Tipografija Imperatorskoj Akademii nauk, 1865. 603 p. (In Russ.)
5. Krasnosel'skaja Ju.I. «Ten'» K.S. Aksakova v polemike L.N. Tolstogo s panslavistami 1877 g. ['The Shadow' of Konstantin Aksakov in Leo Tolstoy's Controversy with the Pan-Slavists in 1877]. *Skladchina: sbornik statej k 50-letiju professora M.S. Makeeva* ['Skladchina': The Festschrift in Honour of Prof. M.S. Makeev]. Moscow, OGI Publ., 2019, pp. 137–157. (In Russ.)
6. Lakoff G., Johnson M. *Metaforj, kotorymi my zhivem* [Metaphors We Live By]. Moscow, Editorial URSS, 2004. 256 p. (In Russ.)

7. Medushevskij A.N. *Demokratija i avtoritarizm: rossijskij konstitucionalizm v sravnitel'noj perspektive* [Democracy and Authoritarianism: Russian Constitutionalism in Comparative Perspective]. Moscow-Berlin, *Direct MEDIA Publ.*, 2015. 656 p. (In Russ.)
8. Pirumova N.M. *Zemskoe liberal'noe dvizhenie. Social'nye korni i jevoljucija do nachala XX veka* [The Liberal Movement of Zemstvo: Social Origins and Evolution till the early XX-th Century]. Moscow, *Nauka Publ.*, 1977. 288 p. (In Russ.)
9. Rousseau J.-J. *Ob obshhestvennom dogovore, ili Principy politicheskogo prava* [On the Social Contract; or, Principles of Political Rights] // Rousseau J.-J. *Ob Obshhestvennom dogovore: Traktaty* [On the Social Contract: The Treatises]. Moscow, *Terra-Kn. klub: Kanon-press-C Publ.*, 2000. 542 p. (In Russ.)
10. Samarin Ju.F. *Pravoslavie i narodnost'* [The Orthodoxy and Nationality]. Moscow, *Institut russoj civilizacii Publ.*, 2008. 720 p. (In Russ.)
11. Tolstoj L.N. *Anna Karenina*. Tolstoj L.N. Poln. sobr. soch.: V 90 t. T. 19. Moscow, *Gosudarstvennoe izdatel'stvo "Hudozhestvennaja literatura"*, 1935. 518 p. (In Russ.)
12. Tolstoj L.N. *Vojna i Mir. Tom tretij* [War and Peace. Vol. 3]. Tolstoj L.N. Sobr. soch.: V 22 t. T. 6. Moscow, *"Hudozhestvennaja literatura" Publ.*, 1980. 447 p. (In Russ.)
13. Tolstoj L.N. *Vojna i Mir. Tom chetvertij* [War and Peace. Vol. 4]. Tolstoj L.N. Sobr. soch.: V 22 t. T. 7. Moscow, *"Hudozhestvennaja literatura" Publ.*, 1981. 431 p. (In Russ.)
14. Tolstoj L.N. *Vojna i mir. Chernovye redakcii i varianty. Chast' vtoraja*. [War and Peace. Drafts. Part 2]. Tolstoj L.N. Poln. sobr. soch.: V 90 t. T. 14. Moscow, *Gosudarstvennoe izdatel'stvo "Hudozhestvennaja literatura"*, 1953. 448 p. (In Russ.)
15. Tolstoj L.N. *Vojna i mir. Chernovye redakcii i varianty. Chast' tret'ja*. [War and Peace. Drafts. Part 3]. Tolstoj L.N. Poln. sobr. soch.: V 90 t. T. 15–16. *Gosudarstvennoe izdatel'stvo "Hudozhestvennaja literatura"*, 1955. 334 p. (In Russ.)
16. Tolstoj L.N. *Dnevniki i zapisnye knizhki 1854–1857* [Diaries of 1854–1857]. Tolstoj L.N. Poln. sobr. soch.: V 90 t. T. 47. Moscow, *Gosudarstvennoe izdatel'stvo "Hudozhestvennaja literatura"*, 1937. 616 p. (In Russ.)
17. Feuer K.B. *Genezis «Vojny i mira»* [Tolstoy and the Genesis of "War and Peace"]. Saint-Petersburg, *Akademicheskij projekt Publ.*, 2002. 332 p. (In Russ.)
18. Hristoforov I.A. *Velikie reformy: istoki, kontekst, rezul'taty* // *Reformy v Rossii. S drevnejshih vremen do konca XX v.*: V 4 t. T. 3: Vtoraja polovina XIX – nachalo XX v. / Otv. red. V.V. Shelohaev. Moscow, *Izdatel'stvo "Politicheskaja jenciklopedija"*, 2016. 373 p. (In Russ.)
19. Jejhenbaum B.M. *Lev Tolstoj: issledovanie. Stat' I* [The Essays on Leo Tolstoy]. Saint-Petersburg, *Fakul'tet filologii i iskusstv SpbGU Publ.*, 2009. 951 p. (In Russ.).
20. Maiorova O. *From the Shadow of Empire: Defining the Russian Nation through Cultural Mythology, 1855–1870*. Madison, Wisconsin, *The University of Wisconsin Press*, 2010. 277 p.

Т.Н. Потницева

**«КАК МНОГО ДУМ НАВОДИТ ОН...»
(ЗАГАДКИ СТИХОТВОРЕНИЯ Э. ПО «КОЛОКОЛА»)**

*Днепро́вский национальный университет им. Оле́ся Гонча́ра,
Днепр, Украина, проспект Гагарина, 72, 49000*

В фокусе статьи стихотворение Э. По “The Bells”, привлекавшее не раз исследователей и переводчиков. Однако загадки его ускользающего смысла остаются не разгаданными до конца. Перепрочтение оригинала – еще одна попытка уточнить смысловые нюансы, которые По создает с помощью фоно-символики и акцентирования ключевых слов – образов, упускаемых нередко в переводческих интерпретациях стихотворения. Так произошло и в самом известном переводе на русский язык, созданном К. Бальмонтом. Сюжет в версии русского поэта связан со сменой циклических картин – этапов жизни человека, где главным оказывается естественный страх смерти. У американского романтика, как убеждает анализ произведения, речь идет о характерном для него ощущении непостижимости бытия, о власти неких сил, перед которыми человек всегда оказывается бессильным и беспомощным. Расхождение смысла оригинального текста и его перевода на русский язык ощутил С. Рахманинов, создавая свое вокально-симфоническое произведение «Колокола» вначале, в 1913 г., на слова К. Бальмонта, а в 1940 – на их обратный перевод на английский язык, сделанный Фанни Коупленд, лингвистом, женой учителя музыки и композиции. В этом споре переводного текста – фикции – и музыки побеждает музыка, разрушая фикцию переводческих интерпретаций, возвращаясь к подлинности оригинала, завораживая своих слушателей тем, чем завораживал своих читателей По – *ingenious sonorities*, – не раскрывая при этом до конца тот главный смысл, который и не выразим словами, и не постижим сознанием.

Ключевые слова: оригинал; перевод; фоносимволика; суггестия; слова-образы; Э. По; К. Бальмонт; С. Рахманинов.

Стихотворение Э. По “The Bells”, известное в традиционном переводе как «Колокола и колокольчики», – одно из знаковых для творчества американского поэта произведений. В нем со всей мощью и очевидностью иллюстрируются главные эстетические принципы новатора романтической поэзии, в значительной мере обновлявшего не только американскую, но и европейскую поэтику стиха.

Потницева Татьяна Николаевна – доктор филологических наук, профессор, профессор кафедры зарубежной литературы факультета украинской и иностранной филологии и искусствознания Днепро́вского национального университета имени Оле́ся Гонча́ра (e-mail: t.potnitseva@gmail.com).

В многочисленных работах об этом произведении от пристального взгляда исследователей, как кажется, не ускользает ни одна его деталь. Речь идет прежде всего о фонетике, музыкальности, которая в художественном мышлении Э. По играла первостепенную роль. От литературоведов [Чередниченко, 2009; Зырянова, 2009] никогда не ускользала особая функциональность в поэзии американского романтика фонопоэтики, звуковых образов, созданных с помощью аллитераций, ономатопеи, «лейтмотивных языковых единиц» [Бибин, 2013]. Да и сам Э. По не устал высказываться о необходимости связи поэзии и музыки: «... стихи вызывают чувства неясные и непременно нуждаются для этого в музыке» [По, 1977b: 93].

Принимая такое единодушное суждение о главном в поэтике Э. По, обратим внимание на высказывание В.В. Брукса о том, что поэзия Э. По и ее образность «не вызывали в памяти картинки *действительности* <курсив мой. – Т.П.>, но будили ассоциации неясные, отдаленные, зловещие или меланхолические, величественные и печальные» [Брукс, 1971: 12]. Поэтическое воображение, по мнению американского критика, уводило автора «Ворона» за пределы реального, узнаваемого мира в сферы мистического, загадочного и одновременно универсально-символического.

Попробуем перечитать «Колокола», сравнивая оригинал с переводом Бальмонта, которого считают одним из лучших переводчиков Э. По, хотя сам поэт считал свой перевод «Колоколов» скорее подражанием, чем переводом [Семенов, 2010]. Это «подражание» было подвергнуто суровой критике со стороны Набокова в статье «Искусство перевода». Хорошо известно определение «Шельмонт», данное Чуковским Бальмонту – переводчику поэзии Шелли. Самое большое зло, «грехопадение» переводчика для Набокова в том, что он «принимается полировать и приглаживать шедевр, гнусно приукрашивая его, подлаживаясь к вкусам и предрассудкам читателей». «Худшим из плохих переводчиков» называет Бальмонта и Брюсов в 1904 г. [Брюсов, 1924].

Традиционно, во многом благодаря бальмонтовскому переводу, смысл поэмы Э. По воспринимают как образно-символическое отображение этапов жизни человека от рождения до смерти. Все это предстает в конкретизированных деталях: проезде саней под радостный звон колокольчиков, свадьбе, пожаре как символу разрушения, и, наконец, в картине похорон. Но за всем этим есть нечто, что создает несколько иной сюжет через неясности, таинственные слова, порождающие смутное беспокойство уже с первых строк стихотворения, с первого момента «счастливого периода юности», который развивается на фоне тревожащей сознание ночи. Этот фон передан Бальмонтом, но упущены загадочные образы, усиливающие тревожную ноту. Они,

естественно, неслучайны в замысле Э. По – предвестника эстетизма и «лингвистического поворота» в литературе. Математический расчет поэта не допускал «проходных» элементов в его словесной музыке и образности.

Одна из загадок, проигнорированная практически всеми переводчиками уже в первой строфе стихотворения, – уточнение того, как звучит веселый серебряный звон колоколов первого периода жизни человека – “in a sort of Runic rhyme”. Это сквозная фраза, с которой начинается 1-я и завершается 4-я строфа, создает рамочную композицию, воплощая в себе, по всей видимости, концептуально важный образ и смысл. В нем разгадка иного, нежели о цикличности, сюжета произведения, достигающего своей кульминации, как кажется, в самом конце, в «похоронной» строфе, где вдруг торжествующе звучит happy Runic rhyme! Ни один из переводчиков не расшифровывает эту загадку с «рунической рифмой»:

В. Брюсов (1914) –	<i>С ритмом верным, верным, верным,
Словно строфы саг размерны...</i>
Вас. Федоров (1923) [По, 1923] –	<i>.... И раздольно, и гуливо
По руническим мотивам</i>
В. Бетаки (1972) –	<i>В ритме древних рун звеня...</i>
М. Донской (1976) –	<i>...это лад старинный...</i>

У всех у них выстраивается сюжет об этапах жизненного пути человека, понятного и естественно заканчивающегося смертью.

Совсем, как кажется, не так у Э. По. В какой-то мере и здесь он оказался мистификатором, как и в «Вороне», и в других произведениях, где за готическим антуражем просматривается лукавая усмешка поэта [Потницева, 2012: 66–83].

Какой же смысл может быть в Runic rhyme?

Как известно, Runic rhyme – понятие, связанное не только с рифмой (вернее, аллитераций слогов, head-rhyme) и ритмом древнегерманской поэзии¹, оно ассоциируется с тайной, мистической загадкой, что очень важно в художественном мироощущении Э. По. Однако в переводах этот смысл либо сглажен, либо изъят.

Для Э. По – создателя теории эффекта – понятие «руническая рифма», думаю, в большей мере тождественно понятию аллитерации, излюбленного поэтического приема поэта, потенциал которого он с блеском демонстрирует в «Колоколах». Но для романтика Э. По в этом понятии акцентируется значение таинственности и непостижимости бытия.

¹ О том, что слово rhyme «произошло от слова rune», и то, что саму рифму привнесли в английскую поэзию не римляне, а готы [O'Donoghue, 2014: 45].

Итак, радостные звуки начальных строк отбивают какой-то загадочный «рунический» ритм и смысл, непостижимый пока для человека. Но в нем, в этом ритме-рифме, уже есть тревожные знаки, предвещающие разрушение гармонии жизни. Эта тревога начинает пронизывать радостную мелодию серебряного колокольного звона, который пока еще «so musically wells», и золотого (2-я строфа), который звучит еще «гармонично» – “in tune”, «благозвучно» (a gush of euphony voluminously wells). Но знаки тревоги нарастают, заставляя уловить другое звучание радостных, переливчатых серебряно-золотых аллитераций. Эти знаки из фонового плана выходят на первый: ночь, луна, которая уже к 3-ей строфе видится поэту как “pale-faced moon”, предвосхищающая излюбленный символ краха в творчестве символистов и О. Уайльда. Все это подготавливает иное восприятие звучания колоколов, в котором начинает отчетливо слышится диссонанс. Уже бронзовые колокола (3-я строфа) – «out of tune», их мелодия рассыпается на глухие меланхолические звуки, которые возвещают о преображении жизни в смерть, а людей в ghouls – упырей, вампиров – образы, взятые из готического арсенала, из «Ватека» Бекфорда и других страшных готических историй (“tales of terror”). «Историй», а не «сказок про ужас», как переводит Брюсов. Потому что символично-метафорическая образность Э. По все же проецируется на реальную суть переживаний конкретного человека. Поэт по-блейковски видит «небо в чашечке цветка», в картинах реальных этапов жизни – универсально-символическое отражение беспомощности человека в космосе бытия.

Кто же торжествует в этом преображении жизни в смерть (Жизнь-и-в-Смерти, по Кольриджу)? Это король вампиров и упырей раскачивает колокола с железным звуком, издавая *raean* (a joyous songs, hymn of praise)! *Ghoul, raean* – иноязычные вкрапления, которые Э. По так любит, несут определенную художественную функцию. Здесь – совсем не для «комического эффекта или желания продемонстрировать собственную ученость» [Stauffer, 1996]; роль лингвистических вставок скорее в создании «драматического эффекта в преддверии развязки...» [Абсалямова, 2017:191]. Гимн возвещает торжество темных сил над человеком, отсюда и звучание happy Runic rhyme. Таким образом, сюжет о противостоянии человека и Фатума оказывается главным сюжетом. Этот другой сюжет в какой-то мере уловлен Брюсовым в 4-й строфе, где в переводе появляются демоны, чей царь «звон ведет», «звучит “пэан” колоколов» и Демон «сам восторгом упоен / Под пэан колоколов». Только почему? – это остается загадкой без расшифровки в 1-й строфе смысла Runic rhyme, который понят русским поэтом как «верный ритм» и «строфы саг размерные».

У В. Бетаки читаем про упырей, чей король «Славит, давит исту-
пленно / торжество колоколов». Но вопрос, «почему торжествует
король?», остается без ответа. И совсем комично у М. Донского, где
тоже действуют ликующие упыри, возвышаясь над людьми: «Горьким
гулом похорон / Властвуют над сонным людом». Трагический пафос
снят упреком в моральной безответственности, которые люди делают
упырям: «Нелюди вы, звонари. Упыри!»

Звон колоколов (а не «колоколов и колокольчиков», как у Баль-
монта, что П.Бранг назвал «предательским, расширенным зигзагом,
ослабляющим основную идею» [Бранг, 2010:215]) оказывается мелодией жизни, аранжированной волей того, кто неподвластен разуму человека. Эту мелодию жизни Э. По создает по своим законам, со своими «руническими рифмами и ритмами», поражая воображение читателя фоносимволикой [Левицкий, 2009:18], символикой звука, теорию которой будут создавать уже в XX в. Б. Уорф и Э. Сепир. Звукоизобразительность характерна для разных литератур и на разных этапах развития, но, согласимся, что «звуковой символизм» носит не универсальный, а национальный характер [Бранг, 2010:215]. Обладая поэтическим слухом, Бальмонт не смог воспроизвести национальный колорит звукообраза и его эмоционально-семантическую значимость. Так, «серебряный звук» радости, надежд создается у Э. По за счет преобладания переднеязычных гласных и звука [s]; «золотой» через легкое чередование переднеязычного [i], [e] с доминирующими [e] и сочными дифтонгами; бронзовый звук передается через перенасыщение «рычащим»[r] и, наконец, завершающий мелодию колоколов железный звон передается через напор заднеязычных звуков, ассоциирующихся, по Сепиру-Уорфу, с пессимистическим пафосом, с ушедшим безвозвратно прошлым. Особую значимость, как всегда у Э. По, имеет рефрен, здесь – bells, – повторяющийся в конце каждой строфы и выполняющий «композиционную функцию» [Науменко, 2018: 36]. Значимость рефрена, особенно для читающего или слушающего стихотворение, не столько в том, что объединяется, а в том, что отъединяет, различается по звуку и по смыслу в звоне самого слова bells. Всего этого нет в переводах. У Бальмонта, к примеру, у каждой строфы свое завершение: 1-я – «о забвеньи говорят», 2-я – «...согласьем золотых колоколов», 3-я – «медно-стонущий прибор!», 4-я – «...возвещая о покое гробовом». А с этим разнообразием концовки разрушается математическая выверенность замысла, как это было, скажем, в случае с «Eldorado» и его знаменитым рефреном «Shadow – Eldorado». У Э. По звук, образ, повторяясь, наполнялся новыми смыслами, достигающими своей кульминации. У Бальмонта все расшифровывается, чтобы сложиться в сюжет, который так об-

манчиво лежит на поверхности. Но По-мистификатор задает загадку, не разгаданную до конца и сегодня. Его звукообразы, вокально-эстетические приемы [Жарких, 2011], помогают лишь приблизиться к пониманию глубинного смысла стихотворения, который не раскрывается до конца. Недосказанность создает атмосферу напряженного ожидания развязки. “Hear the tolling of the bells, iron bells”, – скажет романтик, заставляя вслушаться в новый пугающий звук колоколов и попытаться расшифровать его значение. У Бальмонта сразу понятно, что за звон: «Похоронный слышен звон...»

Музыкальность произведения По вызвала к реальному музыкальному воплощению. Но идея создания музыки на слова «Колоколов» возникла лишь в 1913 г. у Рахманинова. Первое исполнение состоялось в день смерти По, 30 ноября 1913 г. в Петербурге в Мариинском театре. Оценки были разные при всем огромном успехе произведения и ощущении его новаторства. Но для большинства – это было произведение, которое, как и стихи По, было пронизано тревожным, напряженным настроением, связанным с предчувствием надвигающейся Первой мировой войны. Рахманинов выходит за пределы того сюжета, который видел в переводе Бальмонта, приближаясь в какой-то мере к смыслу стихотворения По. Можно согласиться с суждениями об «адекватной попытке Рахманинова декодировать этот ассоциативный план поэмы в музыке» [Ляхович]. Звукосимволизм По отражен в фоносимволизме музыкального произведения. Сквозной символический смысл Runic rhyme у По не утрачен в музыкальной версии. Знаки тревоги и предвестие победы непостижимых сил бытия, которые руководят всеми циклами жизни человека, обозначены у Рахманинова пронизывающими первую и вторую часть «железными» темброхарактеристиками, сливающимися в коде.

Из музыковедческих и искусствоведческих характеристик музыкальной версии «Колоколов» Рахманинова очевидно, что текст (бальмонтовский перевод) и музыка живут как бы параллельной жизнью. Мифопоэтический символизм и поэмы По, и музыкального произведения Рахманинова противостоят прозрачности смысла переводческой версии Бальмонта. «...Meaning of the words changes from original to translation. Poe’s poem is about humanity’s helpless fear of the Ghoul – beasts who feast on corpses – whose king rings the church bells as their dance. The Balmont poem is ... about humanity’s fear of death” [Leving, 2009]. В какой-то мере Бальмонт предстал в своей переводческой деятельности тем «буржуазным читателем», о котором пишет Т.Д. Венедиктова [Венедиктова, 2018]. В диалоге с автором оригинального произведения русский поэт по-своему осуществлял коммуникационную связь романтической поры с потребностями, вкусами и запросами своей аудитории. Скорей всего, ощущение не-

совпадения своего понимания поэмы По и перевода Бальмонта было и у Рахманинова, и, может быть, именно оно, а не только желание угодить англоязычным слушателям, как пишут во многих исследованиях, объясняет его желание в 1940 г., работая в США, перевести текст своего вокально-симфонического произведения на английский язык. Перевести с бальмонтовского варианта, а не вернуться к оригиналу, поскольку оригинал уже не ложился на музыку. И здесь снова сталкиваемся с тайнами и мистификациями в духе По. Первый, к кому обращается за помощью Рахманинов, Набоков, согласился, что “the poem of E. Poe does not fit the music” [Nabokov, 1941], и поэтому видел свою задачу в том, чтобы “to re-shuttle the thing according to Balmont’s drivel” [Nabokov, 1941]. Но сделал ли Набоков этот «переперевод» – неизвестно. То, что исполняется на английском языке сегодня – перевод, выполненный Ф. Коупленд (1872–1970), ирландкой по происхождению, лингвистом, женой учителя музыки и композиции. Внимательное сопоставление текстов Бальмонта и Коупленд убеждает, что в английской версии произошел синтез Бальмонта и По, где Бальмонт все же оказывается победителем, а значит, и здесь «поэзия, выверенная математикой», не находит должного воплощения.

Бальмонт побеждает в каждой строфе, вмешиваясь в сюжет По, который пытается восстановить Коупленд, но все же подчиняется русской версии и убирает значимые символические образы и слова – *Runic rhyme*, *ghouls*, *paean* и рефрен *bells*. Искажена и фоносимволика, и, соответственно, смысл из-за следования Бальмонту.

У Коупленд появляется, к тому же, чуждая По императивная интонация:

*Man must yield his habitation
To the warring desolation!*

Коупленд повторяет вольности Бальмонта:

*...that a brother passed away to endless sleep
(«...страдалец непробудным сном уснул...»)*

*And we tremble at our doom,
(«И невольно мы дрожим...»)*

Страх смерти приводит к концовке и у Бальмонта, и у Коупленд:

*There is neither rest nor respite, save the quiet of the tomb!
(«И протяжно возвещает о покое гробовом!»)*

Гробовая кода звучит и в русском, и в английском варианте. Но не у Рахманинова! В этом споре переводного текста – фикции – и музыки побеждает музыка, разрушая фикцию переводческих интерпретаций, возвращаясь к оригиналу, завораживая слушателей тем, чем

завораживал читателей По – «гениальной звучностью» (ingenious sonorities), – не раскрывая при этом до конца тот главный смысл, который и невыразим словами, и непостижим сознанием. Тем более, как сказал По, «Поэзия – это Протей, имеющий не меньше названий, чем девятикратно нареченная Керкира» [По, 1977: 92].

Список литературы

1. Абсаямова Э. Языки необъяснимого. Страх, смех и творчество // Э. По, Бодлер, Достоевский. М., 2017.
2. Бибин Е.А. Стилистические особенности лирики Эдгара По и проблемы ее перевода на русский язык. Ульяновский гос. пед. ин-т им. И.Н. Ульянова, 2013. [Электронный ресурс]. URL: <https://scienceforum.ru/2013/article/2013007649> (дата обращения: 14.05. 2019).
3. Бранг П. Звучащее слово. Заметки по теории и истории декламационного искусства. М., 2010.
4. Брукс В.В. Эдгар По // Ван Вик Брукс В.В. Писатель и американская жизнь. М., 1971.
5. Брюсов В. Критико-библиографический комментарий. Объяснения переводчика // По Э. Полное собрание поэм и стихотворений. М.; Л., 1924.
6. Венедиктова Т.Д. Литература как опыт, или «Буржуазный читатель» как культурный герой. М., 2018.
7. Жарких Т.В. Звуковой символизм как вокально-эстетический прием в поэтическом тексте вокального цикла «Поэмы для Ми» О. Мессиана // Вісник ХДАДМ, 2011, [Электронный ресурс]. URL: www.vistnik.org/pdf/v2011-02-41-zharkih.pdf (дата обращения 14.05. 2019).
8. Зырянова Т. Средства создания звуковой экспрессии // Зеленая лампа. 2004, №1 [Электронный ресурс]. URL: <http://lamp/semiotics.ru/express.htm> (дата обращения 14.05. 2019).
9. Келдыш Ю. Рахманинов. Поэма «Колокола». [Электронный ресурс]. URL: <https://www.belcanto.ru/or-rachmaninov-kolokola.htm> (дата обращения 14.05. 2019).
10. Левицкий В.В. Звуковой символизм: мифы и реальность. Черновцы, 2009.
11. Ляхович А. «Колокола» Рахманинова как мифопоэтическая модель мироздания. Ч. 1 // muzcarta.info/statya/a-lyakhovich-kolokola-rahmaninov [Электронный ресурс]. URL: <http://www.2israel.music.com/Bells.htm> (дата обращения 14.05. 2019).
12. Михеева П. История создания // Рахманинов С. Поэма «Колокола». The Bells. Op. 35. [Электронный ресурс]. URL: <https://www.belcanto.ru/or-rachmaninov-kolokola.html> (дата обращения: 14.05.2019).
13. Науменко О.В. Фоностилістика поезії Едгара Аллана По та її відтворення у перекладі. Миколаїв, 2018.
14. По Э. Поэмы и стихотворения в переводах с оксфордского издания 1909. М., 1923.
15. По Э. Поэтический принцип // Эстетика американского романтизма. М., 1977а. С. 132–153.
16. По Э. Письмо к Б. // Эстетика американского романтизма. М., 1977б. С. 87–94.
17. Потницьева Т.Н. Насмешливый Э. По: у истоков американского юмористического рассказа // Американські студії в Україні. Київ: Інститут літератури ім. Т.Г. Шевченка, 2010–2012, Вип. 7. С. 66–83.
18. Семенов С.А. О стихотворении Э. По «Колокола» в переводе Бальмонта [Электронный ресурс]. URL: <https://www.proza.ru/2010108/22/417> (дата обращения: 14.05.2019).
19. Чередниченко В.И. Перевод, статьи, примечания // По Э.А. Ворон. М., 2009.

20. *Leving Y.* Singing the Bells and The Covetous Knight: Nabokov and Rachmaninoff's Operatic Translation of Poe and Pushkin. N.Y., 2009.
21. *Nabokov V.* Letter to Edmund Wilson, April, 29, 1941 // The Nabokov-Wilson Letters. Correspondence between Vladimir Nabokov and Edmund Wilson. 1940-1971. Ed by Simon Karlinsky. N.Y.; L.: Harper and Row, 1979.
22. *Nabokov V.* The Art of Translation // Nabokov V. Lectures on Russian Literature. N.Y., 1981.
23. *O'Donoghue H.* English Poetry of Old Norse Myth: A History. Oxford, 2014.
24. *Poe A.E.* Prose and Poetry. M., 1983.
25. *Shapiro G.* The Tender Friendship and the Charm of Perfect Accord. Nabokov and His Father. Ann Arbor, 2014.
26. *Stauffer D.B.* The Language and Style of the Prose // A Companion to Poe Studies. Westport, 1996. P. 446–467.

Tatiana Potnitseva

“HOW MANY A TALE THEIR MUSIC TELLS...”: THE MYSTERIOUS IN E. POE’S ‘THE BELLS’

*Oles Honchar National University,
Dnipro, Ukraine, Gagarin Av., 72*

The paper focuses on E. Poe’s “The Bells” that has repeatedly attracted the attention of scholars and translators. It seeks to clarify some semantic nuances in E. Poe’s phono-symbolism and key images neglected by translators. An example in question is a well-known translation by Konstantin Balmont. In his perception of the poem Balmont creates a plot about some cycles of human life and about a natural fear of inevitable death. Poe talks about something else as it were, he concentrates on the mystery of those unfathomable powers that rule a human’s life and make him or her helpless in front of them. The discrepancy between the original poem and Balmont’s version was demonstrated in S. Rachmaninov’s musical vocal-symphonic version of “The Bells”. It restored the mythopoetic and sound symbolism of E. Poe’s poem, thereby opposing the translation version of Balmont and Fanny Copeland, who re-translated Balmont’s variant into English. In this controversy of the original translations there is fiction, and music, which wins by destroying the fiction of the translators’ interpretations and by restoring the authenticity of the original. Rachmaninov’s music captivated its listeners as well as E. Poe’s poem captivated its readers – by ingenious sonorities while not revealing the main point to the full which is as inexpressible by words as incomprehensible by consciousness.

Key words: original work; translation; phonosymbolism; suggestion; word-image; E. Poe; C. Balmont; S. Rachmaninov.

About the author: *Tatiana Potnitseva* – Prof. Dr., Department of Foreign Literature, Faculty of Ukrainian and Foreign Philology and Art Studies, Oles Honchar Dnipro National University (e-mail: t.potnitseva@gmail.com).

References

1. Absalyamova E. *Jazyki neob'jasnimo. Strah, smeh I tvorchestvo u Poe, Baudelaire, Dostojevsky*. [The Languages of the Unexplicable. Fear, laugh and Creativity in Poe, Baudelaire, Dostoevsky]. Moscow: NLO, 2017, 460 p. (In Russ.)
2. Bibin Je.A. *Stilisticheskiye osobennosti liriki Edgara Poe i problemy jeho perevoda na russkij jazyk* [The Stylistic Peculiarities of E. Poe's Lyrics and the Problems of its Translation into Russian] Uljanovsk: *Uljanovskij gosudarstvennyj pedagogicheskij institut imeni I.N. Uljanova*, 2013. URL: (<https://scienceforum.ru/2013/article/2013007649>) (accessed: 14.05.2019). (In Russ.)
3. Brang P. *Zvuchasheje slovo. Zametki po teorii i istorii deklamazionnogo iskusstva* [The Sounding word. The Notes on Theory and History of Declamatory Art]. Moscow: *Jazyki slavjanskoj kultury*, 2010, 288 p. (In Russ.)
4. Brooks Van Wyck. *Edgar Poe*. Brooks Van Wyck. Pisatel' i amerikanskaja zhizn' (Writer and the American Life). M.: *Progress*, 1971, 256 p. (In Russ.)
5. Brjusov V. *Kritico-bibliographicheskij commentarij. Ob'jasnenija perevodchika* [Critical-Bibliographical Comments. The Explanations of a Translator]. Poe E. Polnoje sobranije poem i stichotvorenij. M.; L.: *Gosudarstvennoje izdatel'stvo "Vsemirnaja literatura"*, 1924. (In Russ.)
6. Cherdnichenko V.I. *Perevod, Stat'ji, primechanija* [Translation, Articles, Notes]. Poe E.A. Voron. Moscow: *Nauka*, 2009, 402 p. (In Russ.)
7. Keldish Ju. *Rachmaninoff. Poema "Kolokola"* [Rachmaninoff. The Poem "The Bells"]. (The Bells, Op.3) URL: <http://www.belcanto.ru/or-rachmaninov-kolokola.htm>. (accessed 14.05.2019) (In Russ.)
8. Levitskij V.V. *Zvukovoj simbolizm i real'nost'*. [The Sound Symbolism and Reality] Chernovtstsi: *Ruta*, 2009, 186 p. (In Russ.)
9. Ljahovich A. "Kolokola" Rachmaninova kak mifopoeticheskaja model' mirozdanija ["Rachmanonoff"s "The Bells" as a Mythopoetic Model of the Universe] Chast' 1 [Part 1] URL: <http://www.2/israel.music.com/Bells.htm> (accessed 14.05.2019). (In Russ.)
10. Mikhejeva P. *Istorija sozdanija* [The History of Creation]. Rachmaninoff S. Poema "Kolokola" [The Poem "The Bells"]. The Bells. Op. 35 URL: <https://www.belcanto.ru/or-rachmaninov-kolokola.html> (accessed 14.-5.2019). (In Russ.)
11. Nabokov V. *Letter to Edmund Wilson*, April, 29, 1941. The Nabokov–Wilson Letters. *Correspondence between Vladimir Nabokov and Edmund Wilson. 1940–1971*. N.Y., L.: *Harper and Row*, 1979. 346 p.
12. Nabokov V. *The Art of Translation*. Nabokov V. Lectures on Russian Literature. N.Y.: *Harcourt Brace Jovanovich*, 1981.
13. Naumenko O.V. *Phonostilistika poesii Edgara Allana Poe ta jiji vidtvorenija u perekladi* [The Phonostylistics of Edgar Allan Poe and its Embodiment in Translation] Mykolajiv, 2018, 268 p. (In Ukrainian)
14. Poe E. *Poemy I stichotvorenija v perevodah s oksfordskogo izdanija 1909* [The Poems and Verses in Translations from Oxford Edition of 1909], Moscow: *Pervina*, 1923. (In Russ.)
15. Poe E. *Poetichnij printsip*. [Poetic principle]. *Estetika amerikanskogo romantizma* [The Aesthetics of American Romanticism], Moscow: *Iskusstvo*, 1977-a, 464 p. (In Russ.).
16. Poe E. *Pis'mo k B* [The Letter to B.] *Estetika amerikanskogo romantizma* [The Aesthetics of American Romanticism], Moscow: *Iskusstvo*, 1977b. P. 87–94 (In Russ.).
17. Potnitseva T.N. *Nasmeshlivyj E. Poe: u istokov amerikanskogo jumoristicheskogo rasskaza* [The Mocking E. Poe: at the Origins of the American Humorous Short Story]. *Amerikanski studiji v Ukraini* [American Studies in Ukraine]. Kyjiv: *Institute literaturny imeni T.G. Shevchenko*, 2010–2012, Vypusk 7 [Issue 7], pp. 66–83. (In Russ.)

18. Semyonov S.A. *O stikhotvorenii E.Poe "Kolokola" v perevode Balmonta* [About E. Poe poem: The Bells" in Balmont's Translation] URL: [https://www/proza.ru/2010108/22/417](https://www.proza.ru/2010108/22/417) (accessed 14.05.2019). (In Russ.)
19. Venedictova T.D. Literatura kak opyt, ili "Burzhuaznyi chitatel'" "kak kulturnyj geroj. [Literature as Experience, or "The Bourgeois Reader" as Cultural Hero], Moscow, *NLO*, 2018. 280 p. (In Russ.)
20. Zharkich T.V. *Zvukovoi simbolizm kak vokal'no-esteticheskij prijom v poeticheskom tekste vokal'nogo tzikla "Poemy dlja Mi" O.Messiana* [The Sound Symbolism as a Vocal-Aesthetic Device in the Poetic Text of the Vocal Cycle "The Poem for Mi" by O. Messian]. *Visnik* [The Messenger] KhDADM, 2011. URL: www.vistnik.org/pdf/v2011-02-41-zharkih.pdf (accessed 14.05.2019). (In Russ.)
21. Zyrjanova T. *Sredstva sozdanija zvukovoj expressii* [The Means of Creating the Sound Expression]. *Zeljenaja lamp*a [The Green Lamp], 2004, №1. URL: <http://lamp/semiotics.ru/express.htm> (accessed 14.05.2019). (In Russ.)
22. Leving Yuri. *Singing The Bells and The Covetous Knight: Nabokov and Rachmaninoff's Operatic Translation of Poe and Pushkin*. N.Y., Peter Lang, 2009. – 311p.
23. O'Donoghue H. *English Poetry of Old Norse Myth: A History*. Oxford: Oxford Univ. Press, 2014.
24. Poe A.E. *Prose and Poetry*. M.: Raduga Publishers, 1983. 416 p.
25. Shapiro G. *The Tender Friendship and the Charm of Perfect Accord. Nabokov and His Father*. Ann Arbor, The Univ. of Michigan Press, 2014.
26. Stauffer D.B. *The Language and Style of the Prose. A Companion to Poe Studies*. Westport, 1996, pp. 446–467.

Сюе Чэнь

**ГОЛОД КАК ОБРАЗ И СОЦИОФАКТ
(«СОЛНЦЕ МЁРТВЫХ» И. ШМЕЛЁВА
И «ГОЛОД КАК ФАКТОР» П. СОРОКИНА)**

*Федеральное государственное бюджетное образовательное учреждение
высшего образования*

«Московский государственный университет имени М.В. Ломоносова»

119991, Москва, Ленинские горы, 1

Выявляется влияния голода на поведение человека в художественной интерпретации И. Шмелёва («Солнце мёртвых») и в социологическом исследовании П. Сорокина («Голод как фактор»). Голод рассматривается как аномалия не только онтологическая, психологическая, социальная, биологическая, но и нравственная и эстетическая. В основу текстов положены достоверные данные, в том числе автобиографического характера. Шмелёв и Сорокин показывают национальные и универсальные поведенческие модели, возможности и пределы существования человека в экстремальных условиях, сознательные поступки людей и бессознательное состояния. Оба автора по-своему решают вопрос о факторах, сдерживающих инстинкты: религии, культуре, интеллекте, памяти. Сорокин описывает подавление воли человека пищетакическими актами, превращение человека в биологическую машину, систематизирует данные массового голода как явления общественного и психиатрического характера, заостряет внимание на субъективных ощущениях человека в пограничной ситуации, адаптации к чрезвычайным условиям, вплоть до каннибализма. В «Солнце мёртвых» голод не является безусловным детерминатором существования человека, и многие эпизоды говорят о любви к ближнему, готовности помочь. У Шмелёва актуализировано восприятие голода как духовного испытания в конкретных политических обстоятельствах, реалии соотнесены с универсальными мифологемами. В «Солнце мёртвых» человек наделен высокими нравственными качествами, причем персонажи повести – христиане и мусульмане, дворяне и простолюдины, юные и старики, терпеливые страдальцы и борцы. Многие, измученные голодом и репрессиями, оказавшись в положении библейского Иова, сохраняют веру в Бога. Описаны как индивидуальные, так и групповые защитные потребности, далеко не всегда обусловленные родством. Вместе с тем в «Солнце мёртвых» есть близкая Сорокину тема – голод мотивирует политический выбор человека, готового на компромисс, принимающего власть большевиков. С «Голодом как фактором» повесть сближает образ человека, разуверившегося в смыслах бытия. Тексты интерпретируются как взаимодополняющие.

Сюе Чэнь – аспирант кафедры истории новейшей русской литературы и современного процесса филологического факультета МГУ имени М.В. Ломоносова (e-mail: xuechen0430@yandex.ru).

Ключевые слова: голод; канныализм; Крым; онейросфера; пища; рефлекс; Сорокин; трагедия; Шмелёв.

В истории России были зафиксированы периоды массового голода, среди них особо выделяется голод 1921–1922 гг., охвативший 35 губерний с населением в 90 млн человек, из которых голодало не менее 4 млн. Основными причинами голода считаются жестокая засуха 1921 г., последствия Гражданской войны, проводимая большевиками экономическая политика.

В повести «Солнце мёртвых» (1923) И. Шмелёв описывает крымский голод как художник и документалист. Сюжет, персонажи, типы поведения, детали портретов основаны на реальных фактах. Шмелёв заостряет внимание на душевном состоянии, вызванном голодом. Острота голода передается не столько через биологические и психологические рефлекс героёв, сколько через их мысль и способность к состраданию. Показательно сопоставление содержания «Солнца мёртвых» с основными аргументами и фактическим материалом труда П. Сорокина «Голод как фактор. Влияние на поведение людей, социальную организацию и общественную жизнь» (1922).

Русско-американский социолог Сорокин обратился к теме голода 1921–1922 гг., свидетелем которого он был. В «Голоде как факторе» развернут анализ характеристик, типичных причин, национальных специфик, биологических и экономических факторов голода. Книга подверглась цензуре в 1922 г., спустя семьдесят с лишним лет в полном объеме вышла в свет в России. Положения монографии Сорокина созвучны ряду мотивов «Солнца мёртвых» и представляются нам историко-экономическим фоном изображения голода у Шмелёва.

В «Солнце мёртвых» отражено сознание человека, его быт в условиях Гражданской войны: в ноябре 1920 г. в Крыму устанавливается советская власть и как следствие – разрастаются голод и массовый террор (120 тыс. репрессированных, от стариков до детей). Крым превращается в царство мертвых, и даже «Бог ужасается, что создал человека» [Ильин, 2000: 21]. В повести Шмелева «Крым – все равно что Киммерия, мрачное место, где был расположен вход в Аид» [Солнцева, 2007: 121], и у И. Кнорринг о Крыме читаем: «Мы только тени, в нас жизни нет <...> / Мы только призрак, мы только прах» [Кнорринг, 2003: 122]. В изображении Шмелёва голод опустошает крымский мир, разрушает обжитое «природное пространство гармонично-культурного бытия» [Нариевская, 2007: 198]. Массовый голод в повести – тот же механизм истребления, что и репрессии. Описанное Шмелёвым полемично по отношению к скифскому мифу 1910-х годов, напрямую связанному с Крымом и популярному среди как «тех, кто принадлежал к скифскому кружку Р.В. Иванова-Разумника, так и тех, кто к нему не имел никакого отношения» [Солнцева, 2010: 147].

Мысль Сорокина сконцентрирована на биологической сути голода, что отличает содержание его труда от проблематики произведения Шмелёва, сосредоточенного прежде всего на духовных силах голодающих. Сорокин исходит из того, что «потребность в пище является самой настоящей, первоначальной и единственной» [Сорокин, 2003: 137]. Доказательной базой служит поведение как интеллигенции, так и простых людей.

В сытом состоянии интеллигенты, как пишет Сорокин, руководствуются совестью, соблюдают правила порядочности, занимаются знакомым делом, но голод разрушает привычную этику, в силу вступает процесс биологической и психологической адаптации к экстремальной ситуации. В «Солнце мёртвых» для добывания пищи интеллигенты вынуждены предпринимать нехарактерные для них усилия по преодолению препятствий, довольствоваться малым. Профессор Иван Михайлович, специалист по научной деятельности Ломоносова, теперь оборванный и грязный побирается на рынке. Сам рассказчик – в лохмотьях, он ходит с мешком в горы, рубит дрова, таскает на себе хворост. Когда потребность в пище достигла крайней степени и привела к резкому сокращению интеллектуальных, духовных потребностей человека, рассказчик себя спрашивает, зачем теперь нужны книги, и большая энциклопедия в роскошном переплете уходит за полуфунт хлеба. «Смысл бытия у множества людей свелся к жизни из-за брюха» [Сорокин, 2003: 141]. Люди иного социального слоя также оказываются в зависимом положении, нетипичном для их мирной жизни. Няня продает золотую цепочку покойного Василия Семеновича за шесть фунтов хлеба. Охранник, меняет барскую мебель на горсть пшеницы, вино и сало. Повесть Шмелёва в определенном смысле иллюстрируют фразу Сорокина: «...жизнь действительно превращалась в простую погоню за пищей» [Сорокин, 2003: 146].

Однако бытие персонажей «Солнца мёртвых» наполнено мыслительной деятельностью, и она становится источником жизненных сил. Люди проявляли благородство. Например, соседка-барыня выменивала последние ложечки и юбки на продукты для чужих детей. Таких персонажей в повести достаточно.

Итак, принципиальное отличие точки зрения Сорокина от идеи, положенной в основу «Солнца мёртвых», заключается в следующем. По Сорокину, в голодном состоянии пробуждаются пищевотаксические акты, организм превращается в аппарат, направленный на удовлетворение голода. В «Солнце мёртвых» голод также детерминирует поведение человека, но не безусловно; у барыни изъяли «излишки», но она сохраняет надежду, учит детей речевым нормам и французскому языку, этикету. Молодой писатель Борис Шишкин, оборванец,

с опухшим желтым лицом, не изменяет себе: «Буду писать повесть... Радость жизни» [Шмелев, 2015¹: 109].

В то же время Шмелёв описывает ослабление чувства самосохранения. Люди сознательно совершали акты, которые грозили их жизни. Например, голодающие ели ядовитую пищу. Например, старый рыбак умирает, наевшись виноградного жмыха. В ряде эпизодов описывается депрессивное состояние голодающих. Но, как показал Шмелёв, не всегда самозащита подавлена голодом, примером служит воля врангелевцев – узников, бежавших в горы.

Как отмечает Сорокин, «в первые моменты голодания голод побуждает человека к энергичной добыче пищи» [Сорокин, 2003: 162], при продолжительном голодании энергия человека снижается, голод подавляет силы, «инстинкт жизни и самозащиты»; в конце концов «борьба за жизнь» [Шмелев, 162] минимизируется, и человек обречен на гибель. Показательно изображение «инстинкта жизни и самозащиты» доктора – собеседника рассказчика. Он признает, что «жизнь уже за порогом» [52]. Голод ухудшает его память, он забывает читать «Отче наш». Старая барыня говорит: «...кому нужен теперь будильник! Уснуть – и не просыпаться».

По мнению Сорокина, после того, как «голод тихой сапой иссушил сами источники воли к жизни <...> погасил защитные рефлексy» [Сорокин, 2003: 163], человеком овладевает безразличие. Однако Шмелёв, как отмечалось выше, не сводит описание голода к биологии, целый ряд эпизодов говорит о заинтересованности человека не только в продолжении своей жизни, но и об участии в судьбах других людей. Побирающийся профессор приносит старой барыне последние горошки; жители укрывают от преследования бежавших врангелевцев, делятся последним куском; старый татарин Гафар одаривает рассказчика яблоками, сушеными грушами, мукой.

Наряду с индивидуальными самозащитными рефлексами Шмелёв описал и групповые защитные потребности. К этому же аспекту анализа голода обратился Сорокин: «<...> к ним относятся все те акты, которые направлены на сохранение жизни и целостности социальной группы» [Сорокин, 2003: 163]. В монографии отмечено многообразие рефлексов групповой самозащиты. В повести показана молодая мать двух детей – Таня, после смерти мужа она сосредоточена на добывании пропитания для детей. Таня преодолевает большие расстояния, претерпевает физические испытания; при этом она не боится ни леса, ни бури, но боится встретить в пути зверей «с лицами человеческими»: «Едят, меня дожидаются, одни» [181]. Подобное поведение

¹ Далее страницы в квадратных скобках по указанному изданию.

Сорокин определяет как «полагание души за други своя» [Сорокин, 2003: 165].

В «Солнце мёртвых» больше места занимает групповое самосохранение, не связанное с родством, и самозащитные рефлексy описаны не как инстинкт, но как душевное побуждение. Более того, сохранение чужой жизни распространяется и на животный мир, что прежде всего показано в отношении рассказчика к курочкам, с которыми он делится последним зерном.

Вместе с тем, детерминатор голода, по Сорокину, может подавлять групповое самосохранение, вплоть до каннибализма (<...> «каннибализм часто возникает благодаря недостатку или отсутствию животной пищи») [Сорокин, 2003: 166]. Каннибализм – мотив «Солнца мёртвых»: «В Бахчисарае татарин жену посолил и съел» [74]; «теперь человечину едят... человек злей собаки» [86]. Каннибализм представлен автором как самоистребление человеческого рода: «А здесь звери в железе ходят, здесь люди пожирают детей своих, и животные постигают ужас» [24]. Каннибализм – редкая тема русской литературы, но актуализированная в 1920-е годы. Эпический смысл эпизода о людоедстве проявляется благодаря библейским аллюзиям (например, при осаде Самарии две женщины заключают соглашение: они съедят своих детей; первая мать выполняет обязательство, вторая впоследствии отказывается от него [Четвертая книга Царств 6: 28–29]).

В «Солнце мёртвых» голод и «пайка» мотивируют политический выбор человека. Шура из тихого музыканта становится «мелким стервятником» [33], конфискующим у людей «излишки», он сажает людей в тюрьмы-подвалы; он «зверь» [24], «дикарь» [31], «ястреб» [33], «дьявол лютый» [80] с «человечьим лицом» [181], «бацилла человечья» [191]. История Шуры коррелирует с фрагментом труда Сорокина, в котором описано, как голодный человек действует вопреки своим убеждениям, «“выключается” из поля сознания» [Сорокин, 2003: 229]: «<...> голод стремится переделать наше мировоззрение и идеологию по своему образу и подобию» [Сорокин, 2003: 226]. В повести показан архитектор, который при новой власти «работает за полфунта соломенного хлеба, из-за страха» [36].

Голод, как пишет Сорокин, разрушает привычные рефлексy. В «Солнце мёртвых» показано погружение рассказчика в психологически неблагоприятную онейросферу. Повесть начинается с тяжелого сна героя, в котором он ощущает свои неадекватные отношения с окружающим миром – нездешними людьми, деревьями, огнем, цветами. Герой ощущает себя в пространстве загробного мира. В том мире мертвые бродят в холодном царстве, но и на этом свете солнце не живое и не дарящее жизнь, герой Шмелёва потерян в темном лесу

собственных переживаний: «Не будет конца, спутались все концы концы-начала» [232].

Голод вступает в конфликт с религиозными, правовыми, нравственными, эстетическими мотивировками поведения. Доктор сомневается в христианских ценностях: жизнь человека укладывается между «помойкой», в которую красные превратили землю, и небытием «от помойки в ничто» [73]. О тех, кто переходит на сторону большевиков, Шмелёв пишет: были «сорваны, пропиты кресты нательные» [92]; в критической ситуации люди «Евангелие пустили на пакеты» [84]; порядочные женщины продают себя за хлеб; девочка идет на кордон просить хлеба, она «нарушенная стала» [129].

Это актуализирует историю Исава, продавшего право первородства за чечевичную похлебку и сменившего из-за красной чечевицы имя на *Едом*, то есть красный (Быт 25: 31–34). Библейский сюжет – пример религиозной антропонимики, утвердившейся в художественной практике. Так, в «Солнце мёртвых» жителей Крыма Шмелёв наделяет именами, тогда как завоеватели Крыма показаны как безымянная масса (исключение составляет музыкант Шура).

Как отмечает Сорокин, в сытом состоянии люди тратят время и деньги на свою внешность, в голодном состоянии человек только сосредоточен на пище. У Шмелева голодный доктор вместо шарфа носит на шее мешок, его туфли из веревочного половика, «подошва из... кровельного железа» [52]; профессор ходит в лохмотьях; сам повествователь довольствуется тряпьем. Голод уродует внешний вид человека: «глазки провалились и почернели лица» [34], «глазки совсем запали» [135], «губы его белесы, дёсны синеваты» [53].

Итак, на примере частных судеб Шмелёв изобразил типовые ситуации массового голода, что, с одной стороны, подтверждается выводами Сорокина, с другой – звучит полемически по отношению к положениям труда Сорокина «Голод как фактор».

Список литературы

1. Ильин И.А. Собрание сочинений. Переписка двух Иванов (1927–1934) / Сост., вступ. ст. и коммент. Ю.Т. Лисицы. М., 2000.
2. Кнорринг И.Н. Очертания смутного Крыма: Стихотворения. Из забытого и неизвестного // Крымский альбом / Сост. Д. Люсев. М., 2003.
3. Нариевская В.Д., Степанова А.А. Иван Шмелев как крымский человек (на материалах переписки И. Шмелева и О. Бредиус-Субботиной) // И.С. Шмелев и литературно-эмигрантские процессы XX века. Симферополь: Алуштинский литературно-мемориальный музей С.Н. Сергеева-Ценского, 2007. С. 197–206.
4. Сорокин П.А. Голод как фактор: Влияние голода на поведение людей, социальную организацию и общественную жизни / Вступ. ст., сост., коммент., подгот. текста В.В. Сапова и В.С. Сычевой. М., 2003.
5. Солнцева Н.М. Иван Шмелёв. Жизнь и творчество. М., 2007.

6. Солнцева Н.М. Скифы и скифство в русской литературе // Историко-культурное наследие. 2010. № 4. С. 147–159.
7. Шмелёв И. С. Солнце мёртвых. М., 2015.

Xue Chen

**HUNGER AS AN IMAGE AND A SOCIAL FACT
(‘THE SUN OF THE DEAD’ BY I. SHMELEV
AND ‘HUNGER AS A FACTOR’ BY P. SOROKIN)**

*Lomonosov Moscow State University
1 Leninskie Gory, Moscow, 119991*

The purpose of this article is to identify the influence of hunger on human behaviour in the interpretation of I. Shmelev (‘The Sun of the Dead’) and in a sociological study of P. Sorokin (‘Hunger as a Factor’). Hunger is considered not only as an ontological, psychological, social, biological anomaly, but also as moral and aesthetic. The texts are based on true facts, including autobiographical facts. Both Shmelev and Sorokin reveal national and universal behavioural characteristics of society, possibilities and limits of human existence in extreme conditions. Emphasis is placed on the conscious actions of people and on unconscious states. Both authors in their own way solve the problem of factors that restrain instincts – religion, culture, intellect, and memory. Sorokin describes the suppression of the will of a person by food acts, the transformation of man into a biological machine. He systematizes the data of mass hunger exclusively as a phenomenon of a social and psychiatric nature, focuses attention on the subjective feeling of a person in a border situation, his adaptation to extreme conditions, the role of a sense of self-preservation up to cannibalism. In ‘The Sun of the Dead’, hunger is not an absolute determinant of human existence, many episodes of the story tell about love for one’s neighbour and readiness to help. In the work of Shmelev, the perception of hunger as a spiritual test of a person in specific political circumstances is actualized, and the existential realities are correlated with universal myths. In “The Sun of the Dead”, a person is endowed with high moral qualities, the characters of the story are Christians and Muslims, nobles and commoners, young and old are patient sufferers and fighters. Many, exhausted by hunger and repression, being in the position of the biblical Job, overcome depression, retain faith in God. Both individual and group protective needs are described, which are not always based on kinship. At the same time, in the ‘Sun of the Dead’ there is a topic close to Sorokin, which is hunger, it motivates the political choice of a person who is ready for a compromise, accepting the power of the Bolsheviks. With ‘Hunger as a Factor’, the story brings together the image of a person who has lost faith in the meanings of being. Both texts are perceived as polemics and correlates.

Key words: hunger; cannibalism; Crimea; oneirology; food; reflexes; Sorokin; tragedy; Shmelev.

About the author: *Xue Chen* – PhD Student, Department of the History of Modern Russian Literature and the Modern Literary process, Faculty of Philology, Lomonosov Moscow State University (e-mail: xuechen0430@yandex.ru).

References

1. Ilyin I.A. *Sobranie sochinenij. Perepiska dvuh Ivanov (1927–1934)*. Sost. Yu.T. Lisica [Collected Works. Correspondence of Two Ivans]. Moscow, *Russkaya kniga Publ.*, 2000. 568 p. (In Russ.)
2. Knorring I.N. Ochertaniya smutnogo Kryma: Stihotvoreniya. Iz zabytogo i neizvestnogo. Sost. D.Losev [Outlines of the Troubled Crimea: Poems. From the Forgotten and Unknown]. *Krymskij alibom [Crimean Album]*. Moscow, 2003, № 8, pp. 226–229. (In Russ.)
3. Narievskaia V.D. Stepanova A. A. Ivan Shmelev kak krymskij chelovek (na materialah perepiski I. Shmeleva i O. Bredius-Subbotinoj) [Ivan Shmelev as a Crimean man (Based on the Correspondence of I. Shmelev and O. Bredius-Subbotina)]. *I.S. Shmelev i literaturno-emigrantskie processy XX veka [I.S. Shmelev and Literary Emigre Processes of the Twentieth cent.]*. Simferopol, 2007, pp. 197–206. (In Russ.)
4. Sorokin P.A. *Golod kak faktor: Vliyanie goloda na povedenie lyudej, social'nyu organizaciju i obshchestvennyu zhizni*. Sost. V.V. Sapov, V.S. Sycheva [Hunger as a Factor: The Impact of Hunger on People's Behavior, Social Organization and Social Life]. Moscow, *Academia&LVS Publ.* 2003. 684 p. (In Russ.)
5. Solnceva N.M. *Ivan Shmelev. Zhizn i tvorchestvo* [Ivan Shmelev. Life and Art] Moscow, *Ellis Lak Publ.* 2007. 512 p. (In Russ.)
6. Solnceva N.M. *Skify i skifstvo v russkoj literature* [Scythians and Scythian in Russian Literature]. *Istoriko-kulturnoe nasledie [Historical and Cultural Heritage]*, 2010, № 4, pp. 147–159. (In Russ.)
7. Shmelyov I.S. *Solnce myortvyh* [The Sun of the Dead]. Moscow, *Komsomol'skaya pravda Publ.* 2015. 240 p. (In Russ.)

Д.И. Фролкина

**ПОНЯТИЕ ЗРЕЛОСТИ В ХРОНОТОПИЧЕСКИХ
ПРЕДСТАВЛЕНИЯХ СЕВЕРЯН
(ПОВЕСТЬ ТЭКИ ОДУЛОКА «ЖИЗНЬ ИМТЕУРГИНА-
СТАРШЕГО»)**

*Федеральное государственное бюджетное образовательное учреждение
высшего образования*

*«Московский государственный университет имени М.В. Ломоносова»
119991, Москва, Ленинские горы, 1*

Автор исследования исходит из признания зрелости хронотопической категорией, однако само понимание хронотопа как пространственно-временного континуума (в работе термин употребляется вслед за А.А. Ухтомским) глубоко разнится в национальных культурах. Это становится наиболее очевидным при сопоставительном анализе цивилизованного европейского (в том числе русского) и традиционного северного (репрезентированного преимущественно кочевой цивилизацией) восприятия данной категории. Европейское мировоззрение выстраивается преимущественно на представлении о времени – этим обусловлено измерение всех важных жизненных моментов временной шкалой. Это касается и понятия зрелости как особого комплекса социально-психологических характеристик индивида. Взгляды кочевых северян разительно отличаются от такого понимания хронотопа в общем и зрелости в частности. Несмотря на то что особенности восприятия северянами времени-пространства изучался некоторыми этнографами и антропологами, вопрос об исключительно юкагирском понимании до сих пор открыт. Наиболее полно этот народ выразил себя именно в литературном пространстве, поэтому исследование берет за основу повести «Жизнь Имтеургина-старшего» основоположника юкагирской литературы Тэки Одулока. Автор приписывает главному герою повести качества, которые, по понятиям северного человека, характеризуют зрелую личность. Хронотопическое миропонимание северян основывается именно на пространстве, а не на времени, последнее же становится глубоко материальным, почти физически ощущаемым, что обуславливает совсем иное отношение к возрасту и зрелости. Художественный мир литературы Севера знает зрелость как иное проявление социальности – с набором конкретных и всеми признаваемых качеств, связанных с выживанием в суровых природных условиях. Зрелый человек оценивается степенью его приобщенности к окружающему пространству, полному бытийной энергии движения, и его способностью владеть этим пространством.

Фролкина Дарья Ивановна – аспирант кафедры истории новейшей русской литературы и современного литературного процесса филологического факультета МГУ имени М.В. Ломоносова (e-mail: fdic@mail.ru).

Ключевые слова: хронотоп; понятие зрелости; менталитет; северная литература; юкагирские писатели, Тэки Одолук.

Понятие зрелости в силу своей принадлежности сразу к нескольким областям научного знания по-разному определяется каждой из них. Так, например, физическую (биологическую) зрелость связывают прежде всего с функционированием организма как единого целого. Это, в свою очередь, сопряжено с определенным возрастом: достижение биологического баланса организма закреплено за соответствующим периодом на временной шкале человеческой жизни. Можно говорить о том, что зрелость проявляется в том числе как категория социальная, когда определенному возрасту приписывается то или иное поведение (отсюда понятия «совершеннолетний», «гражданская дееспособность» или «гражданская ответственность»); по достижении человеком некой социально принятой возрастной отметки он признается полноправным членом общества. Не так очевидна, но заметна связь социальной зрелости со зрелостью психологической: в нашей культуре существует определенное понимание, что, чем старше и опытнее человек, тем он мудрее и проницательнее.

Таким образом, понятие зрелости традиционно рассматривается как категория физическая, социальная и психологическая. Все они прямо или косвенно связаны с возрастом человека, иными словами, с временной характеристикой. Однако это справедливо не для всех культур, а только для оседлых. Совершенно иное восприятие зрелости характерно для кочевых народов, представителями которых являются малочисленные народы Севера. Вопросы оригинального пространственно-временного мировоззрения северян подробно изучены в работах антропологов и этнографов Е.К. Алексеенко, В.М. Кулемзина, З.П. Соколовой, В.С. Ивановой, А.А. Попова, А.В. Головнева, А.И. Гоголева, Н.Д. Конакова и др. К сожалению, филологическое освещение этого вопроса представляется все еще недостаточным, поэтому важно определить, как понятие зрелости закреплено в литературе. Под хронотопом мы понимаем «закономерную связь пространственно-временных координат» [Ухтомский, 2002: 347], категорию скорее ментальную, чем литературоведческую. Материалом данного исследования служит повесть основоположника юкагирской литературы Тэки Одулока «Жизнь Имтеургина-старшего» (1934), первый русскоязычный текст юкагирской литературы. Повесть демонстрирует архетипическое мировоззрение, еще не тронутое советской действительностью.

Говоря о западноевропейском романном хронотопе, М.М. Бахтин отмечал: «Приметы времени раскрываются в пространстве, и пространство осмысливается и измеряется временем» [Бахтин, 1975:

235]. Именно время становится отправной точкой, ведущим началом художественного мира в цивилизованной западной, «оседлой» культуре. Северное же мировосприятие основывается на пространстве, а не на времени. Пространство олицетворяет жизнь человека, поскольку бытие северянина возможно только в условиях движения. Пространство в таком случае становится также и символом покоя, стабильности, уверенности в завтрашнем дне: жизненная необходимость вынуждает человека к движению, вынуждает преодолевать пространство, и чем чаще и регулярнее это движение, тем крепче и сильнее сама жизнь. Вполне закономерно, что пространственные характеристики становятся мерилем всех жизненных периодов человека, окружающей его действительности. Время разворачивается, распределяется по пространству, иными словами, перестает быть абстрактной категорией, коей является в мировоззрении оседлом. Для северных народов время – это «не столько то, что идет, сколько то, что происходит» [Головнёв, 1995: 296]. Так, например, на вопрос, как долго добираться до соседнего кочевья, главный герой повести, Имтеургин, отвечает: «Два раза спать будем, пока дойдем» [Одулок, 1987: 47]. Время принимает конкретные пространственные характеристики, и это распространяется на все движущиеся объекты, например, приближение ночи описывается следующим образом: «Там, далеко, спускается на снег что-то темное – это небо» [Одулок, 1987: 46]. В связи с этим ожидаемо отсутствие у кочевых северных народов традиционного исчисления возраста по годам, оно будет заменено привычной пространственной деталью – снегом. Говоря о возрасте своего ребенка, Каравья, сосед Имтеургина, замечает: «Ачо у меня маленький, ему только два снега» [Одулок, 1987: 59]. Необходимо отметить, что в данном случае «два снега» не соответствует двум годам, так как северный календарный цикл заметно отличается от европейского.

При подобной ориентации на пространство примечательно, что у северных народов не явно выражено понятие дороги, его заменяет более многослойное понятие *путь*. Справедливо замечание Г. Гачева о том, что «кочевье не знает дорог, а знает пути» [Гачев, 1988: 335]. Картина мира северянина выстраивается как пространство с интуитивно очерченным направлением, именно поэтому цель пути, в отличие от цели дороги, не так очевидна: назначение пути в его прохождении, а в не достижении конкретной материальной точки. Иначе говоря, пространство – категория, скорее, мировоззренческая, философская, чем физическая.

В таком случае закономерно, что социальные или психологические реалии оцениваются совсем иначе, чем это принято в русской или другой европейской культуре. Так, например, понятие социаль-

ной зрелости не привязывается к возрасту как временной единице. Именно поэтому становится возможна, например, ранняя свадьба, что и описывается в повести Тэки Одулока – между мальчиком «двух снегов» и девочкой «трех снегов». Примечательно, что обручение и женитьба происходят обыденно, без особого ритуала: «В это время жена Каравья развязала меховой мешок и вынула оттуда Ачо. Она покормила его грудью и посадила рядом с Тынатваль на меховую постель. “Это твоя жена”, – сказала она Ачо» [Одулок, 1987: 61]. Однако если зрелость не измеряется возрастом, существуют ли какие-либо ожидания общества от своего члена – существует ли понятие социальной зрелости у северных народов? Можно однозначно ответить, что это понятие есть, но проявляет оно себя не во временном, а в пространственном качестве. В жестких условиях Севера объективным показателем зрелости является умение человека управлять пространством вокруг него, способность к выживанию. Сделать это можно лишь за счет движения, а основным средством передвижения являются олени, и чем их больше у человека, тем большим пространством он обладает и тем выше его шансы на выживание, на полноценное существование. Однако олени – животные с рядом особенностей, кроме того, их поголовье может исчисляться как десятками, сотнями, так и тысячами. Грамотный хозяин должен обладать целым комплексом знаний и навыков: от элементарной сноровки до навыков ветеринара, и если он отвечает этим требованиям, то признается человеком зрелым. Именно таким предстает главный герой повести – Имтеургин. Он относится к своему делу с любовью и трепетом, олень для него не просто зверь, а друг и кормилец, поэтому герой часто разговаривает с животными. Имтеургин суеверен и, согласно обычаю, не произносит рядом с животными дурных слов, ведь «худое слово – как острое копье, может на оленей беду навести» [Одулок, 1987: 22].

Однако умение управляться с оленями не единственное качество, присущее зрелому человеку. Как отмечалось выше, мерилом зрелости является способность к выживанию, и на Крайнем Севере это выражается в умении охотиться, особенно в зимнее время года, когда кочевки происходят реже и стойбище располагается на одном месте в течение продолжительного времени. В этом случае от того, насколько хорош охотник и как много добычи он способен принести, напрямую зависит жизнь членов его семьи. Повесть Тэки Одулока начинается с описания сцены охоты Имтеургина на диких оленей. Герой проявляет себя искусным охотником, ловко забрасывающим арканы на животных и предугадывающим их действия. Кроме того, Имтеургин подчиняется законам тундры и убивает лишь столько оленей, сколь-

ко ему необходимо. Примечательна также сцена охоты Имтеургина на волков, которых заметили вблизи оленьего стада. Несмотря на позднюю ночь, герой в одиночку отправляется на поиски хищников и благодаря своей ловкости и бесстрашию выходит из этой битвы победителем. Отметим, что читатель наблюдает столкновение главного героя с животными, олицетворяющими разные качества северного мира, ведь олень – символ красоты, грациозности и достоинства, воплощение кормящей и благородной природы, а волк – совокупность диких, хищных, смертельно опасных и при этом властных качеств земли. И если первого возможно победить ловкостью и расторопностью, то второго «необходимо покорить силой» [Султанова, 2013: 138]. Побеждая обоих противников, герой показывает, что может управлять и этими сторонами природы.

Стоит выделить также определенную связь социального признака зрелости и богатства, достатка. Исследователь А.А. Бурыкин отмечает, что для северян «богатство и достаток являются нормой жизни, они не являются мотивирующим признаком потестарности и власти или предметом неприязни для тех, кто не имеет достатка» [Бурыкин, 2016: 67]. Подтверждение этого находим в повести Тэки Одулока: герои не высказывают никакого недовольства или зависти к огромным стадам Эрмечина – самого богатого из «оленных людей». Об этом говорит и вполне нейтральное именование героя: «Эрмечин» не имя, а прозвище, которое означает «тот, кто имеет много оленей».

С бедностью же сталкивается главный герой произведения. После того как его стада были украдены, Имтеургин чувствует, как от него отвернулась удача. И несмотря на то, что он все же находит выход из ситуации (поступает в пастухи к Эрмечину, который принимает его с большим почтением и радостью), ни главный герой, ни его жена не ощущают избавления от своих страданий. Это связано с еще одним понятием, которое в мировоззрении северян неразрывно связано с пространством, – свободой. Однако это свобода не от чего-то, а для чего-то, она выражается в выборе пути в его северном понимании. Именно благодаря свободе можно управлять пространством, двигать время, в противном случае пространство начинает владеть человеком и диктовать ему свои условия, как случилось с Имтеургином. Внешне он не изменил ни своих занятий, ни своих обязанностей, однако потерял право управлять окружающей его действительностью и теперь только подчиняется ей. Таким образом, недостаточно быть отличным оленеводом и умелым охотником, нужно также обладать внутренней свободой для того, чтобы являться активатором движения, отправной точкой изменений, иначе человек окажется как бы выброшенным за пределы жизни: ему останется только двигаться вместе с остальным

временем, пока мир пространства будет приводить в движение кто-то другой.

Как отмечалось, помимо социальной принято выделять также психологическую зрелость. В литературе северных народов (в частности, в юкагирской) имеет место особое хронотопическое восприятие зрелой мудрости, коей обладают взрослые, умудренные опытом и жизнью люди. «Знание прошлого предстает в романах как мудрость и сокровенный опыт, которым владеют старики. Художественная целостность характеров пожилых людей, их функциональная значимость позволяет говорить о “хронотопе пожилого человека”» [Хазанкович, 2017: 240]. Все это применимо и к главному герою повести.

Имтеургин, несмотря на все испытания, выпавшие ему на долю, стойко и мудро принимает все удары судьбы. Герой мужественно переносит смерть сына Кутувьи, которого ради забавы убил приезжий русский; не спорит он также и с укравшим у него оленей Эрмечином, рассуждая, что эти животные пригодятся в Верхнем мире убитому сыну. Понимая безвыходность своего положения, герой соглашается на предложение соседа стать пастухом. Имтеургин не только принимает законы жизни и людей, но и тщательно их соблюдает, это выражается в многочисленных обрядах, им совершаемых. Он считает своим долгом принести жертву духу огня, который помог ему на охоте, или правильно, по традиции, похоронить умерших щенят, не выдержавших мороза. Таким образом, можно утверждать, что главный герой повести Тэки Одулока в полной мере оправдывает статус мудрого и опытного человека, что, безусловно, говорит о его психологической зрелости.

Итак, понятие зрелости в мировоззрении северян – категория скорее социального характера, чем психологического, и логично проистекает из особого хронотопического мировоззрения коренных народов, больше ориентированного на пространство, чем на время. Социально зрелым признается человек, совмещающий в себе качества удачливого охотника-добытчика, ловкого оленевода и свободной личности, что и проиллюстрировано в повести юкагирского писателя Тэки Одулока «Жизнь Имтеургина-старшего». Указанные черты восприятия зрелости у северян во многом сохранились до сих пор, о чем свидетельствуют тексты современных северных писателей: Е. Айпина, Т.А. Молдановой, Л. Валей и др. Таким образом, зрелость обретает конкретные материальные признаки, демонстрирующие умение человека приспособиться к условиям суровой северной жизни, его способность преодолевать пространство и управлять им, быть причастным к бытийному движению, а следовательно, и к основам самой жизни.

Список литературы

1. Балык А.С, Цыбуленко О.П. Психологическая зрелость личности: теоретические концепции и подходы // Общество: социология, психология, педагогика. 2016. № 12. С. 63–67.
2. Бахтин М.М. Формы времени и хронотопа в романе. Очерки по исторической поэтике. М., 1975.
3. Бурыкин А.А. Богатство и бедность в фольклоре обско-угорских народов // Вестник угроведения. 2016. № 1 (24). С. 67–82.
4. Гачев Г.Д. Национальные образы мира. М., 1988.
5. Головнев А.В. Говорящие культуры: традиции самодийцев и угров. Екатеринбург, 1995.
6. Одулок Т. Жизнь Имтеургина-старшего // Под полярными созвездиями: Сборник. Якутск, 1987. С. 19–96.
7. Психологическая зрелость личности / Под общ. ред. Л.А. Головей. СПб., 2014.
8. Султанова М.Э., Михайлова Н.А. Волк в шаманской натурфилософии кочевников Центральной Азии // Вестник Ленинградского университета им. А.С. Пушкина. 2013. Т. 2. № 3. С. 135–143.
9. Ухтомский А.А. Доминанта. СПб., 2002.
10. Хазанкович Ю.Г. Время-пространство в прозе малочисленных народов Севера // Studia Litterarum. 2017. № 2. С. 230–243.

Daria Frolkina

MATURITY IN THE CONTEXT OF CHRONOTOPIC REPRESENTATIONS OF NORTHERNS: THE CASE STUDY OF TEKI ODULOK'S 'ZHIZN IMTEURGINA-STARSHOGO'

*Lomonosov Moscow State University,
1 Leninskie Gory, Moscow, 119991*

The study is based on the recognition of maturity as a chronotopic category. It is argued that the chronotope as a spatio-temporal continuum is perceived differently by national cultures of North Europeans. The European worldview is built largely on the idea of time rather than space, hence the measurement of important life categories by a time scale. The concept of maturity is conceived of as a complex of socio-psychological characteristics of an individual. The views of nomadic northerners differ from this understanding and this can be illustrated by the story “Zhizn Imteurgina-starshego” (1934), written by Teki Odulok, the founder of Yukagir literature. The author gives Imteurgin qualities to the main character of the story which, according to the ideas of the northern man, characterize a mature personality. The chronotopic worldview of northerners is based on space and not on time, it becomes an exclusively material category which presupposes a completely different attitude to age and maturity. The literary world of the North evaluates a mature person by the degree of his involvement in the space surrounding him, his ability to own this space. Modern northern authors reflect on maturity in this vein too.

Key words: chronotope; the concept of maturity; northern literature; Yukagir writers.

About the author: *Daria Frolkina* – PhD Student, Department of the History of the 20th century Russian Literature, Faculty of Philology, Lomonosov Moscow State University (e-mail: fdic@mail.ru).

References

1. Balyk A.S., Tsybulenko O.P. Psikhologicheskaya zrelost' lichnosti: teoreticheskie kontseptsii i podkhody [Psychological maturity of personality: theoretical concepts and approaches]. *Obshchestvo: sotsiologiya, psikhologiya, pedagogika* [Society: sociology, psychology, pedagogy], 2016, № 12, pp. 63–67. (In Russ.)
2. Bakhtin M.M. *Formy vremeni i khronotopa v romane. Ocherki po istoricheskoi poetike* [Forms of time and chronotope in the novel. Essays on Historical Poetics]. M, Hudozhestvennaya literatura Publ, 1975. 407 p.
3. Burykin A.A. Bogatstvo i bednost' v fol'klore obsko-ugorskikh narodov [Wealth and poverty in the folklore of the Ob-Ugric peoples]. *Vestnik ugrovedeniya* [Journal of Ugric Studies], 2016, V. 1 (24), pp. 67–82. (In Russ.)
4. Gachev G.D. *Natsional'nye obrazy mira* [National images of the world]. M, Sovetskij pisatel' Publ, 1988. 448 p.
5. Golovnev A.V. *Govoryashchie kul'tury: traditsii samodiitsev i ugrov* [Talking cultures: traditions of Samoyeds and Ugrians]. Ekaterinburg, UrO RAN Publ, 1995. 606 p.
6. Odulok T. *Zhizn' Imteurgina-starshego* [Life of Imteurgin Sr.]. Yakutsk, Yakutsk Publ, 1987. 425 p.
7. *Psikhologicheskaya zrelost' lichnosti* [Psychological maturity of personality]. Pod obshch. red. L.A. Golovei. SPb, Skifiya-print Publ, 2014. 240 p.
8. Sultanova M.E., Mikhailova N.A. Volk v shamanskoj naturfilosofii kochevnikov Tsentral'noi Azii [Wolf in the shamanistic natural philosophy of the nomads of Central Asia]. *Vestnik Leningradskogo universiteta im. A.S. Pushkina* [Bulletin of the Leningrad University. A.S. Pushkin], 2013, V. 2 (3), pp. 135–143. (In Russ.)
9. Ukhtomskii A.A. *Dominanta* [Dominant]. SPb, Piter Publ, 2002. 448 p.
10. Khazankovich Yu.G. Vremya-prostranstvo v proze malochislennykh narodov Severa [Time-space in the prose of the small peoples of the North]. *Studia Litterarum*, 2017, № 2, pp. 230–243. (In Russ.)

И.С. Асадов

ХАРАКТЕР И СУДЬБА ГЕРОИНИ РОМАНА А. МОРАВИА «ЧОЧАРА»

*Федеральное государственное бюджетное образовательное учреждение
высшего образования
«Московский государственный университет имени М.В. Ломоносова»
119991, Москва, Ленинские горы, 1*

Анализируются особенности повествования, авторская позиция, творческий замысел романа А. Моравиа «Чочара». Изучается специфика личности персонажей: главной героини романа – Чезиры, от лица которой ведется повествование, и ее дочери – Розетты. Особенности сознания Чезиры, ее система ценностей, умение объяснить и осмыслить всё происходящее характеризуют героиню как женщину из народа. Она – человек действия, трудолюбива, способна совершать решительные поступки, противостоять судьбе, всегда соблюдать моральные принципы. Характер Чезиры противоположен мягкой и нежной Розетте, превратившейся из невинной девушки в сексуальную сластолюбивую женщину. В статье герои «Чочары» сравниваются с персонажами других романов писателя. Рассматривается проблема изменения личности в романах Моравиа от 1940-х годов к 1950-м, а также изменение символики произведений. Чезира не признает режим справедливым, но она, как и все, не сопротивляется ему, хотя к концу повествования ненавидит немцев как разрушителей жизни в стране и жестоких убийц. Автор выстраивает персонажей так, чтобы подчеркнуть злободневные вопросы. В «Римлянке» (1947), «Конформисте» (1951) безразличие, конформизм и меркантильность, расцветшие в фашистской Италии, демонстрируются в диалогах и в поступках героев. Моравиа показывает хронику исторических событий глазами простой женщины, героиня олицетворяет народ в дни бедствия и символизирует его способность возродиться к жизни.

Ключевые слова: неореализм; личность; конформизм; сопротивление; войн; фашизм.

Творчество Альберто Моравиа (1907–1990) было известно советскому читателю с 1970–1980-х годов. Тема войны в его романах рассматривалась с точки зрения социальной нравственности (именно так интерпретировал роман Р. Хлодовский). В наше время в России к творчеству Моравиа обращаются в общих обзорах, а европейские и американские ученые периодически подробно исследуют его произведения. Так, С. Стоянова говорит о развитии личности героини на

Асадов Иса Самид оглу – аспирант кафедры истории зарубежной литературы филологического факультета МГУ имени М.В. Ломоносова (e-mail: asadovisa94@yandex.ru).

фоне отношения классов к частной собственности, еде, апеллируя к марксистской диалектике собственности и обмена, что подталкивает героиню к «нахождению более глубоких корней ее человечности» [Stoyanova, 2010: 139]. Мы анализируем образ главной героини Че-зиры как носителя традиционной системы ценностей итальянского народа. Рассматриваются реакции героини на бедствие, противопоставленные безразличию, жестокости и жажде выгоды измененного войной человека.

Итальянский писатель-неореалист Моравиа – абсолютный противник фашизма. При режиме Муссолини он подвергался преследованию за еврейское происхождение. Ему очень часто приходилось покидать Рим. В сентябре 1943 г. Моравиа почти девять месяцев скрывается в городке Фонди (вместе с женой, Эльзой Моранте), что находится в Чочарии, и позже на основе пережитого он пишет один из самых известных его романов «Чочара» (La Ciociara 1957), впоследствии экранизированного. И здесь Моравиа затрагивает проблему существования личности в совершенно ином, непривычном обществе, измененном в результате войны. Наряду с общей правдоподобной модальностью, соответствующей неореализму, автор затрагивает экзистенциальную проблему: существование в деградирующем мире, где теряются привычные формы жизни. Личность для Моравиа является ключевым объектом анализа. Он показывает не только бесчеловечность фашистского режима, но и саму войну, как таковую. Война – страшное бедствие, но и – единственное время, когда человек проявляет свою истинную сущность. Произведение «Чочара» должно было быть, по замыслу автора, романом об итальянском Сопротивлении. В выпуске журнала «*il Contemporaneo*» за 18 мая 1957 года, в беседе с литературным критиком Д. Монакорда Моравиа скажет: «*Сопротивление, бесспорно, самый важный период нашей новейшей истории... Однако сегодня в различных кругах ставится под сомнение само значение Сопротивления, а вместе с ним и то реалистическое искусство, истоки которого лежат в событиях этого периода*» [Manacorda, 1957: 6]. Но этот роман получился совсем не о Сопротивлении, а о войне и о тех бедствиях, которые она несет. Это антивоенный роман. Как писал Р. Хлодовский, «*Антифашизм и реализм были для него почти синонимами*» [Хлодовский, 1978: 17].

Некоторые исследователи рассматривают действия героев романа в качестве формы рефлексии автора на злободневные вопросы, иногда выделяя его пессимизм. Например, К. Убальдини считает, что мотив любви в произведении полностью иллюзорен, Р. Хлодовский затрагивает поведение буржуазного общества, противопоставляя ему поведение определенных героев. Другие, например, Джоан Росс, Дональд Фрид, Джулиано Дего, уделяют внимание философии

экзистенциализма в творчестве автора, а также образу женщины в целом (Лилиа Кроченци). В поле интереса статьи больше входит олицетворение героиней народа довоенного периода, столкнувшегося с равнодушием и жестокостью народа военного времени.

Чезира, главная героиня романа, наделена особой цельностью, она умеет любить, быть самоотверженной и четко разграничивать добро и зло. Героиня становится свидетелем того, как большинство беженцев из Фонди живут только лишь жадой наживы, некоторые вовсе обворовывают дома своих соседей, оправдываясь тем, что их добро уже никому и не принадлежит. Они с непонятным для героини уважением относятся к деньгам и к людям, у которых они имеются, а в результате теряют человечность. Героиня романа в первых главах играет роль свидетеля. Она не придерживается определенной позиции по отношению к фашистам, немецким войскам или союзникам. Для нее важным является пережить этот период и вернуться со своей дочерью в Рим. Но она далеко не глупа и не бесчувственна. Чезира искренне переживает смерть Микеле, крушением надежд для нее является насилие, которому подвергается дочь. Она испытывает презрение к режиму, но оно не обусловлено четкими причинами, как это проявляется у Микеле, который, несмотря на свой возраст, одержим ненавистью к фашизму и видит себя в роли защитника крестьян. Примечательны также и беженцы из Фонди, которые не испытывают ненависти к режиму, но с нетерпением ждут прибытия англичан, надеясь на помощь и изменения к лучшему. Автор показывает, как война по-разному воздействует на личность.

Интересен и другой персонаж – Розетта, дочь Чезиры. Розетта наивна, добра чиста и религиозна. В сцене убийства козы Розетта жалеет животное, но делает это слишком «по-детски», сравнивая свою плоть с мясом козы. Этот эпизод имеет символическое значение, учитывая последующее насилие и духовную «смерть» Розетты. Она готова быть убитой, нежели стать убийцей, о чем она, с присущей ей наивностью, и говорит. В целом, читатель сразу понимает, что такая героиня абсолютно не приспособлена к жизни в условиях войны. «Розетта похожа на их дом в Риме, построенный и приведенный Чезирой в порядок. Она опрятна, идеальна и нетронута, светла и безмятежна, чиста как стеклышко; Розетта – результат ужасного и безответственного воспитания» [Ubaladini, 2012: 181].

На всем протяжении романа читатель видит это трепетное отношение Чезиры к Розетте, ее стойкое желание защитить ее от всех бед. По мнению автора статьи, любовь эта связана с ее бессознательным желанием тотальной защиты, достижения порядка, идеала. «Чезира растила Розетту с таким определением «любви»: любовь, которая

должна оберегать от всего, от «плохого в жизни». Любовь, создавшая совершенство, которое «нужно миру», когда всё можно контролировать разумно, но никак не во время войны» [Ubalдини, 2012: 181].

Идея потери духовной-телесной невинности также важна у автора: Этот символ возникает в кульминации многих его романов. В «Конформисте» – эпизод с Лино, в «Римлянке» – эпизод с Астаритой и т.д. Присутствие «переломного» момента дает возможность лучше понять намерение автора, показать сущность надлома личности в произведении. Для Моравиа Розетта – это жертва, которую приносит человечество ради войны. Сцена, где она подвергается насилию со стороны марокканцев в заброшенной церкви, является тем самым символическим жертвоприношением, которое в итоге меняет Розетту. Из чистой и благородной девушки она становится сластолюбивой и всегда готовой отдаться мужчине, который окажется рядом. В каком-то смысле и Адриана из романа «Римлянка» и Розетта символизируют Италию при фашизме.

Чезира символизирует Италию иначе. Мудрая, достаточно опытная и практичная женщина, столкнувшаяся с войной, она отличается от остальных героев способностью и стремлением выжить. Она пытается защитить Розетту, единственную ценность в ее жизни, наивное существо, которое неспособно пережить нравственный кризис и страдание людей. В первых главах произведения, Чезира не отличается эмпатией к согражданам. Она постепенно изменяется, реагируя на все происходящие события. Микеле, идейный, но бездействующий антифашист, в некотором смысле подталкивает ее к пониманию происходящего. Начинается процесс переоценки ценностей как у Чезиры, так и у Розетты.

Роман, а также и его экранизация, безусловно связаны с исторической атмосферой Италии того периода и являются предметом интереса многих исследователей. Историк Томас Крейджин выделяет именно Микеле в качестве «героя» романа: «В большинстве стипендий на исследование “Чочары”, уделяется особое внимание Чезире и Розетте, двум героиням фильма. Но героем романа, безусловно, является Микеле, который ведет Чезиру по пути перевоплощения эгоистки Чезиры – лавочницы в гуманную Чезиру- жертву войны» [Cragin, 2018: 43]. Микеле символизирует новое ненасильственное сопротивление. Сам герой противостоит риторике безоговорочного навязывания режима: он отличается от остальных отсутствием воинственности, необходимой в их понимании. В то же время он является сильным персонажем в плане идеологического противоборства: «Микеле сильнее всех остальных героев романа. Лишь он способен понять немецкого противника и направлять своих людей в сторону

успешного сопротивления. Он является не только политическим лидером, но и философом-учителем, наставляющим Чезиру и Розетту на путь экзистенциального самообновления» [Cragin, 2018: 43].

Сама церковь также символична. Кончетта, приютившая героев за деньги, сравнивает свои владения с церковью, в которой Розетта может чувствовать себя в безопасности: “Giovanotti, si sa, giovanotti col sangue caldo. Ma tu non devi temere Cesira per tua figlia. I miei figli non la toccherebbero neppure per un milione. Siete l’ospiti, l’ospite e sacro. Tua figlia qui sta sicura come in chiesa”¹. [Moravia, 1997: 49] Несмотря на свою гостеприимность, Кончетта позже будет готова пожертвовать дочерью Чезиры ради спасения своих сыновей. Тут снова прослеживается идея жертвоприношения во спасение, но уже не ради человечества, а ради инстинктивной защиты потомства.

Очередной отличительной чертой романа является присутствие некой «надежды на лучшее» в конце произведения. Моравиа затрагивает злободневные вопросы этики и поведенческих особенностей человека во время войны, изменение «человечности», либо вовсе ее отсутствие в эпоху хаоса, беззакония и голода. Зачастую кризис мира непреодолим, а точнее, вопрос о преодолении вовсе и не поднят. Но и в «Римлянке», и в «Чочаре» в заключении читатель надеется увидеть нравственное возрождение Италии и человечества в целом.

Моравиа, как и в «Римлянке», также целенаправленно использует гомодиегетическое повествование для полноценного представления героини. Ему важно показать восприятие и реакцию Чезиры. Моравиа важны детали в описании героини, ее взглядов и образа жизни. «“Чочара” написана мужчиной от первого лица, от лица женщины» [De Ceccatty, 2010: 338].

Необходимо отметить общие черты романов «Чочары» и «Римлянки». В обоих романах главные героини-женщины, жертвы фашизма. Социально злободневные темы затрагиваются в обоих романах, но из-за разных топов, а именно деревни во время войны и Рима мы видим, что в «Чочаре» атмосфера показана более драматично и скрупулезно. Если в «Римлянке» анализируется падение личности на фоне развития фашизма, то в «Чочаре», наоборот, – развитие личности на фоне деградации идеологии и исчезновения фашизма. Автору важно показать простую, но осознающую происходящее женщину среди хаотического мира. Итальянский литературовед Марко Форти писал: «“Чочара”, на самом деле, изобилует известными темами,

¹ «Парни ведь молодые, знаешь кровь у них горячая. Но ты, Чезира, за свою дочь не бойся. Мои сыновья твою дочь за миллион не тронут. Вы гости, а для нас гость – все равно что святой. Здесь твоя дочь в надежном месте, как в церкви» [Моравиа, 2001: 331].

которые уже встречались в “Римлянке”, внедряя в вас поразительно драматическое, историческое представление действительности, с хоровым и эпическим акцентом, ранее не виданным у Моравиа» [Forti, 2009: 205].

Чезира, в отличие от Адрианы, изначально занимает позицию наблюдателя. Даже когда некое действие непосредственно касается героини, Моравиа успешно отвлекает внимание читателя детальным описанием. На протяжении романа, автор все больше и больше вовлекает героиню в происходящее, развивает ее человеческие качества, затрагивает вопросы этики и морали. Чезира- зеркало – отражающая реальность.

Моравиа показывает то, как война меняет людей, как меркантильность пожирает жителей Фонди, уничтожает в них все человеческое. Они продают брошенные дома, забирают чужое, жертвуют другими людьми ради своих. Чезира пытается выжить, а они – разбогатеть. Моравиа исследует не только важность нравственного начала в человеке, но и инстинктивные проявления, а также дегуманизацию в период всеобщей опасности и хаоса. Он показывает не идеальную безукоризненную героиню, а вполне земного человека, но имеющего глубокие постоянные ценности, любовь и умение различать добро и зло.

Список литературы

1. *Моравиа А.* Избранное: В 3 т. Т. 1: Равнодушные: Роман / Пер. с ит. Л. Вершинина; Чочара: Роман / Пер. с ит. Г. Богемского и Г. Брейтбурда. М., 2001.
2. *Хлодовский Р.:* Реализм и антифашизм Альберто Моравиа // Моравиа А. Избранное: Римлянка: Роман / Пер. с ит. Т. Блантер; Презрение: Роман / Пер. с ит. Г. Богемского и Р. Хлодовского; Зима больного: Рассказ / Пер. с ит. С. Ошерова; Преступление в теннис – клубе: Рассказ / Пер. с ит. С. Ошерова; Английский офицер: Рассказ / Пер. с ит. Р. Хлодовского; Крокодил: Рассказ / Пер. с ит. Р. Хлодовского. М., 1978.
3. *Cragin T.* Responses to Cold War Crisis. La Ciociara from Moravia to De sica // Cragin T., Salsini L. Resistance, Heroism, Loss: World War II in Italian Literature and Film. 2018.
4. *De Ceccatty R.* Alberto Moravia. Paris, 2010.
5. *Forti M.* Narrativa e romanzo nel Novecento italiano. Studi critici, ritratti e ricerche. Milano, 2009.
6. *Manacorda G.* Clandestino in Ciociara, il Contemporaneo, anno IV, Serie II, n. 1, Roma, 18 maggio 1957.
7. *Moravia A.* La ciociara. Milano, 1997.
8. *Stoyanova S.* Appropriation and Alienation at the Gastronomic Stage: The Marxist Dialectic of Humanism in Alberto Moravia's *La Ciociara*/ Italian culture, Vol. XXVIII No. 2, September, 2010, pp 139–156. Режим доступа: https://www.researchgate.net/publication/272222402_Appropriation_and_Alienation_at_the_Gastronomic_Stage_The_Marxist_Dialectic_of_Humanism_in_Alberto_Moravia's_La_Ciociara.html (дата обращения: 15.12.2019).

9. *Ubal dini C.* La Ciociara di Alberto Moravia: una rilettura “de-moralizzante” // Atti del Convegno Internazionale: Alberto Moravia e La ciociara. Letteratura. Storia. Cinema (18 dicembre 2010). Fondi, 2012.

Isa Asadov

NATURE AND DESTINY OF THE PROTAGONIST IN A. MORAVIA’S NOVEL ‘LA CIOCARA’

*Lomonosov Moscow State University
1 Leninskie Gory, Moscow, 119991*

Drawing on Alberto Moravia’s novel “La Ciociara” (Two women), the paper focuses on the features of the narrative and the author’s position and intent. It raises identity issues of the protagonist, Cesira, who narrates the story, and her daughter Rosetta. Cesira is a person of action, she is incredibly hardworking, capable of committing decisive actions, resisting fate, and observing moral principles. Cesira is the opposite of soft and tender Rosetta, who turns from an innocent girl into a sexy voluptuous woman. Comparing these characters with characters from other novels by Alberto Moravia, the paper discusses how the character’s personality is modified and how symbols change in Moravia’s novels of the 1940’s and 1950’s. Moravia constructs the personality of his characters so as to emphasize some topical issues. In “La Romana” (The Woman of Rome) (1947), “Il Conformista” (The Conformist) (1951), the indifference, conformism and commercialism that flourished in fascist Italy are demonstrated in dialogues and in the actions of heroes. At the same time, Cesira is different from the rest of the characters, since the war does not change her essence even after all the tragic events she has experienced. Moravia shows the chronicle of historical events through the eyes of a simple woman that personifies the people in the days of disaster and symbolizes its ability to survive and revive.

Key words: neorealism; personality; conformism; resistance; war; fascism.

About the author: *Isa Asadov* – PhD Student, Department of the History of Foreign Literatures, Faculty of Philology, Lomonosov Moscow State University (e-mail: asadovisa94@yandex.ru).

References

1. Moravia A. Izbrannoe: V 3 t. T. 1. [Selected works: In 3 Volumes. Vol. 1] Moscow, Terra, 2001. 608 p. (In Russ.)
2. Khlodovskij P. Realizm i antifashizm Al’berto Moravia [Realism and antifashism of Alberto Moravia]. *Moravia A. Izbrannoe*. [Selected works], Moscow, Progress, 1978, pp. 5–19. (In Russ.)
3. Cragin T. *Responses to Cold War Crisis. La Ciociara from Moravia to De sica*. Cragin T, Salsini L. Resistance, Heroism, Loss: World War II in Italian Literature and Film. Teaneck: Fairleigh Dickinson University Press, 2018. 200 p.
4. De Ceccatty R. *Alberto Moravia*. Paris: Flammarion, 2010. 696 p.
5. Forti M. *Narrativa e romanzo nel Novecento italiano. Studi critici, ritratti e ricerche*. Milano: Il Saggiatore/ Fondazione Arnoldo e Alberto Mondadori, 2009. 1088 pp.

6. Manacorda G. Clandestino in Ciociara, *il Contemporaneo*, anno IV, Serie II, n. 1, Roma: 18 maggio 1957.
7. Moravia A. *La ciociara* (1957). Milano: Bompiani, 1997. 322 p.
8. Stoyanova S. *Appropriation and Alienation at the Gastronomic Stage: The Marxist Dialectic of Humanism in Alberto Moravia's La Ciociara/ Italian culture*, Vol. XXVIII No. 2, September, 2010, pp. 139–156. URL: https://www.researchgate.net/publication/272222402_Appropriation_and_Alienation_at_the_Gastronomic_Stage_The_Marxist_Dialectic_of_Humanism_in_Alberto_Moravia's_La_Ciociara.html (accessed 15.12.2019).
9. Ubaldini C. *La Ciociara di Alberto Moravia: una rilettura «de-moralizzante»*. Atti del Convegno Internazionale: Alberto Moravia e La ciociara. Letteratura. Storia. Cinema (18 dicembre 2010). Fondi: *Edizione Sinestesie*, 2012, pp. 173–184. URL: https://www.researchgate.net/profile/Cristina_Ubaldini/publication/265086594_La_Ciociara_di_Alberto_Moravia_una_rilettura_de-moralizzante/links/53fe0de70cf23bb019bd252e/La-Ciociara-di-Alberto-Moravia-una-rilettura-de-moralizzante.pdf (accessed 15.12.2019).

М.М. Пападопуло

КОНЦЕПЦИЯ ИСТИННОЙ ЛЮБВИ В СБОРНИКЕ НОВЕЛЛ ЖАННЫ ФЛОР

*Федеральное государственное бюджетное образовательное учреждение
высшего образования*

«Московский государственный университет имени М.В. Ломоносова»

119991, Москва, Ленинские горы, 1

Статья посвящена вышедшему в 1540–1542 гг. в Лионе сборнику новелл «Любовные повести, рассказанные мадам Жанной Флор, о наказании, которое Венера назначает тем, кто презирает истинную любовь и пренебрегает ею». В основе некоторых новелл лежат сюжеты из итальянских и испанских сборников новелл и рыцарских поэм. Жанна Флор – псевдоним, под которым объединились несколько деятелей французского Возрождения, чьим увлечением были, в частности, переводы на национальный язык, однако единого мнения насчет состава авторского коллектива у исследователей нет. Рассматривается проблема авторства сборника, к созданию которого несомненно причастны Э. Доле, М. Сев, К. Маро и предположительно – Б. Ано, Б. Деперье и Маргарита Наваррская. Анализируется процесс формирования новой концепции «истинной любви», инструментом и материалом для которой служит античная мифология. Выявляется, что лейтмотив сборника – служение Венере или Амуру, предписывающее свои правила и нормы (недопустимость препятствий к телесной любви; непереносимая красота объекта любви; почитание красоты как божественного дара, обязательное служение наделенных им «истинной любовью»), а нарушители этих предписаний воспринимаются как грешники, которых неизбежно постигает божественная кара. Языческие аспекты «истинной любви» в рамках культа Венеры и Амура осмысливаются авторами в категориях христианской религии (мученичество, святость, грех и искупление).

Ключевые слова: сборник новелл; *vray amour*; античная мифология; красота; грех; наказание; культ Амура и Венеры.

«Любовные повести», опубликованные в Лионе в 1540–1542 гг., состоят из семи новелл, повествующих о «наказании, которое Венера назначает тем, кто презирает истинную любовь и пренебрегает ею» (“*Les contes Amoureux par Madame Jeanne Flore touchant la punition que fait Venus de ceulx qui contemnent et meprisent le vray Amour*”)¹.

Пападопуло Мария Михайловна – аспирант кафедры истории зарубежной литературы филологического факультета МГУ имени М.В. Ломоносова (e-mail: maria-ellinida@mail.ru).

¹ *Comptes amoureux par Madame Jeanne Flore, touchant la punition que fait Venus de ceulx qui contemnent et mesprisent le vray Amour.* Lyon: [Denys de Harsy, 1540–1542].

Новеллы представляют собой изложение историй, поведенных семью прекрасными рассказчицами во время их пребывания в гостеприимном доме одной из дам. Среди этих дам была некая Жанна Флор, которая решила записать и опубликовать вышеупомянутые истории в напутствие девушкам. В предисловии она объясняет, что изначальной причиной, по которой все собрались под одной крышей, был сезонный сбор винограда, однако вскоре гости поочередно начинают рассказывать истории на установленную тему.

Структура сборника повторяет организацию «Декамерона» Боккаччо, но это не единственное сходство между сборниками. Так же, как в «Декамероне», здесь есть общее горе, которое объединяет прекрасных дам, своего рода «чума» в лице ревнивых или равнодушных мужей, запретов, налагаемых сначала родителями, потом браком. Дамы-рассказчицы отгораживаются от этой «чумы», занимая себя разговорами об истинной любви и, не в последнюю очередь, о наказаниях, которые понесли те, кто оказался «зачумленным».

«Любовные повести» всегда были объектом пристального изучения. В зарубежной медиэвистике существуют разные подходы к анализу «Повестей», однако практически каждый из исследователей обращался к изучению экскурсов в античную мифологию, составляющих внушительный пласт текста. Отмечают, что именно благодаря обращению к античным образам в новеллах царит «праздник плоти». Мы попытаемся обосновать версию, согласно которой частое обращение к античной мифологии совершалось сознательно и стало одним из необходимых условий создания концепции истинной любви, которая лежит в основе «Любовных повестей».

Однако прежде необходимо выяснить, кто такая Жанна Флор. Уже не вызывает сомнений, что за созданием данного сборника стоит несколько авторов, объединившихся под псевдонимом Мадам Жанны Флор, под вопросом лишь конкретные имена.

Коллектив авторов

Неизбежно при разговоре о «Любовных повестях» возникает имя Мориса Сева. Именно он переводил тексты Хуана де Флореса, испанского придворного, дипломата и писателя, автора двух сентиментальных новелл. В 1535 г. Франсуа Жюстом был опубликован перевод одного из восьмистиший этого автора, выполненный Морисом Севом. В начале книги Жанны Флор появляется стихотворение, чье авторство не указано, однако оно явно отсылает нас к вышеупомянутому тексту М. Сева. В стихотворениях общий ключевой мотив – предостережение от бесчувственности, за которую любого ждет жестокая кара. Авторы стихотворений прибегают к набору характерных для любовной лирики формул (слепота, губительные стрелы бога, сердце

как главный орган чувств). Также совпадает стихотворный размер; в обоих текстах слово «amour» включает в себе три значения: «любовь», «истинный Амур» и «Амур-лучник». Наконец, с творчеством Хуана де Флореса соотносится не только вводное восьмистишие, но и собственно весь сборник новелл, который звучит полемическим ответом на его новеллу «Гримальте и Градисса», переведенную М. Севом в 1535 г. (*La Deplorable fin de Flamete*, 1535). За основу берется само имя испанского автора. Все это позволяет предполагать в М. Севе идейного вдохновителя составителей «Любовных повестей».

Перу Этьена Доле, автора первой новеллы [Pérouse, 1977], приписывают авторство также и шестой новеллы [Longeon, 1982: 606], которая представляет собой адаптацию двух итальянских рыцарских поэм – «Мамбриано» Франсиско Белло и «Влюбленный Роланд» Боярдо. Доле был знаком с этими текстами, но тогда они были малоизвестны во Франции. На то, что первая и шестая новеллы имеют одного автора, указывает ряд общих черт в построении образной системы новелл: образы гигантов, змей и евнухов, которые выступают в роли охранников замка, где заточена Прекрасная Дама; мотив брака, заключенного по воле родителей и являющегося источником несчастий главной героини; образ полу-змеи, полу-человека, которого практически невозможно убить.

Анализ первой и второй новелл позволяет нам предположить, что у них также был один автор, а именно Э. Доле. На это указывает общая мифологическая модель мира, в которой высшее божество – Венера. Она является смертным в окружении свиты из трех Граций, Купидона и двенадцати голубок. Физический контакт с богиней либо несет смертельную угрозу, либо дарит чудесное преображение (так, например, в местах появления богини наблюдается обильное произрастание флоры и размножение фауны).

Многие исследователи приходят к выводу, что автором четвертой «Повести» был Клеман Маро [Reynolds-Cornell, 2002], основываясь на том, что он переводил «Метаморфозы» Овидия, один из сюжетов которых и лег в основу новеллы. Причастность Маро к созданию «Любовных повестей» является неопровержимым фактом: по крайней мере два его поэтических текста представлены в сборнике. Первое стихотворение, помещенное анонимно в конец первой новеллы, было опубликовано впоследствии в 1542 г. отдельно и с указанием автора. Второе предваряет четвертую новеллу (перевод из Овидия). Однако не стоит забывать, что Маро перевел только первые две книги «Метаморфоз», тогда как миф о Нарциссе и Эхо, изложенный во французском сборнике, входит в третью книгу. К тому же, к моменту публикации сборника поэт углубился в перевод псалмов Давида и редко отвлекался на написание других текстов. Как нам кажется,

Маро мог приобщить к созданию сборника своего преемника Бартеlemi Ано. Именно Ано первым перевел на французский третью книгу «Метаморфоз» (перевод опубликован в 1556 г.).

Известно, что в состав одного из научных кружков Лиона – «Содалитиума» – входили известные гуманисты и поэты, в том числе Э. Доле и братья Морис и Гийом Севы. Вернувшийся из изгнания Маро был принят поэтами как учитель, а Маргарита Наваррская, которой приписывают создание седьмой новеллы, в 1536 г. начала общение с членами этого кружка [Reynolds-Cornell, 2008: 240]. Возможно, тогда и зародился их общий замысел создать сборник повестей, и авторами тех трех из них, которые по сей день остаются анонимными, также были члены «Содалитиума».

Итак, очевидно, что создание сборника объединило несколько видных деятелей французского Возрождения, а также что в основе двух новелл из семи лежат перевод (четвертая новелла) или сюжеты (шестая новелла), заимствованные из еще не переведенных произведений. Добавим, что еще одна (пятая) новелла является переводом восьмой новеллы пятого дня «Декамерона». Стил, в котором она выдержана, позволяет предположить, что ее переводчиком является Бонавентюр Деперье [Reynolds-Cornell, 2004: 18]. Каждый из авторов, при всем их несходстве между собой, создает свое повествование, опираясь на один общий принцип: использование античной мифологии как при создании образной системы, так и в сюжетостроении. На наш взгляд, составители сборника отобрали в его сюжете свой собственный принцип работы: изначально объединившись «собрать урожай» переводов, они, как и их героини-рассказчицы, затем сплотились в другом стремлении – вывести новую концепцию *истинной любви* (“*vray Amour*”).

Vray Amour

Истинная любовь, описанная в «Повестях», представляет собой нечто стоящее особняком в литературе Возрождения. Мы не увидим здесь воспевания идеализированной любви, столь превозносимой сторонниками неоплатонизма и подражателями Петрарки. «Двадцать лет спустя после публикации “Любовных повестей” Луиза Лабе шокирует читателя, объявив о своей чувственности и неудовлетворенном желании, но наши рассказчицы вдохновенно воспевают сексуальную свободу». [Reynolds-Cornell, 1989: 126]. Боккаччо мог давать нескромные советы дамам, однако он всегда оставался в рамках если не социальных, то, во всяком случае, христианских законов – для него, например, было бесспорным, что самоубийство губит душу человека навечно, исключая возможность ее помилования. Для Жанны Флор грешником является тот, кто пресекает чьи-либо плотские утехы

или надежды на них, тогда как за самоубийство можно, напротив, получить прощение (в случае, если самоубийством кончает один из «грешников», например, ревнивый муж).

Необходимым условием “*vray Amour*” является красота возлюбленного. Любовь юной Розмонды к прекрасному рыцарю Андро поощряется больше, чем верность отвратительному мужу (первая новелла); любовь Пиранса к Меридьен (вторая новелла) угодна Венере, несмотря на то, что Меридьен Венеру презирает. При этом внешность и поведение героев описываются исключительно посредством отсылок к античным образам. Так, например, Розмонда, томящаяся в замке Ревности, сравнивается с Персефоной; Меридьен по красоте равна Елене Троянской, Галатее и даже самой Венере.

Новеллы, в которых рассказано, как объектом желания становится человек, лишенный красоты, предназначены для описания одного из самых страшных наказаний за неповиновение воле Венеры и ее сына. Так, в третьей новелле рассказывается о некой девушке удивительной красоты, которая оставалась равнодушной к притязаниям всех женихов. Она обладала многими талантами: в пении и музыке героиня уподобляется Аполлону и Сиренам, в танцах – Гебе². Автор наделяет героиню столь выдающимися талантами, чтобы усугубить ее вину перед богами, – ответив на притязания одного из своих женихов, девушка могла бы осчастливить избранника не только своей любовью, но и божественными стихами, музыкой и танцами. Разгневанный непочтительным поведением Амур поразил ее одной из своих божественных стрел, которая поселила в сердце провинившейся необоримую похоть к немощному старику.

Второй принцип истинной любви: красота – это божественный дар, который обязывает к определенному обращению с ним. Если обладатель этой силы никак не использует ее, например, бессердечен, он заслуживает божественную кару в виде страсти, искусственно разжигаемой ядовитыми стрелами Амура. Эта страсть может быть направлена либо на все вокруг (третья новелла), либо на самого себя, как в истории о Нарциссе (четвертая новелла), причем вина последнего усугубляется тем, что в сотворении его красоты участвуют сами Грации, и даже Венера. В конечном счете, и первый и второй вариант наказания подразумевают кару за эгоистическую сосредоточенность на себе – один из отвратительнейших пороков (наряду с ревностью).

Однако самая страшная судьба ожидает тех, кто использует силу красоты не по назначению. Главная героиня второй новеллы Мери-

² О каких-либо выдающихся способностях Гебы к танцам упоминаний в мифологии нет – видимо, автор самостоятельно продолжил ассоциативный ряд «юность – веселье – танцы».

дьен не только отвергала добивавшихся ее юношей, но и, возгордившись своей красотой, радовалась мучениям безответно влюбленных в нее. Поведение Меридьен – не простое послушание, но кошунство, ведь она использует священный дар (красоту), чтобы идти против священного принципа («vray Amour»). Такое прегрешение заслуживает наказания в три этапа, первый из которых – лишение способности любить (оскорбленная Венера своим дыханием иссушает сердце героини), второй – смерть, и третий – уничтожение останков. Интересны античные реминисценции, например, в описании последних двух этапов: Меридьен погибла от того, что на ее голову упала статуя Венеры (сцена заимствована из «Поэтики» Аристотеля), а ее тело было разорвано собаками (как было с Орфеем, презревшим любовь). Стремление Венеры стереть с лица земли последние следы своего врага напоминает нам сцены поединка рыцаря Элиа с гигантом-оборотнем в шестой новелле. Гиганта было чрезвычайно сложно одолеть, так как он «восставал из пепла» снова и снова, превращаясь то в змею, то обратно в гиганта. Этого великана автор сравнивает с Тифоном, которого Зевс убивает и пригвождает сверху Этной – видимо, на случай, если чудовище оживет. Так же ведет себя и Венера в новелле: зная о змеиной природе Меридьен (которая неоднократно сравнивалась с Медузой Горгоной и с василиском), богиня усердствовала в ее полном уничтожении.

Итак, еще в предисловии к сборнику новелл нам сообщается о стремлении создать новый канон: героини-рассказчицы покинули город, чтобы в другом месте создать мир по своим правилам. Из этих правил, при посредстве античных сюжетов и образов, формируется концепция «vray Amour», идея принципиально беспрепятственного служения Венере и Амуру. Это служение распространяется на всех: на каждого индивида в отношении самого себя; на девушек в отношении тех, кто их любит; на мужей в отношении их жен. Истинная любовь, по версии рассказчиц, допускает и даже приветствует любовь физическую, но при условии, что облик и поведение объекта желаний будут достойными благословения Венеры. «Любовные повести» транслируют читателю представления об истинной любви, которые не были свойственны современникам составителей сборника, не встречались ранее в такой единой системе и стоят особняком во французской новеллистике первой половины XVI в.

Список литературы

1. Actualité de Jeanne Flore, dix-sept études. Derosiers-Bonin, Diane et Viennot, Eliane, éditrices, avec la collaboration de Reynolds-Cornell, Régine, Paris, Champion, 2004.

2. *Longeon C.* Du nouveau sur les Comptes Amoureux de Madame Jeanne Flore // Bibliothèque d'Humanisme et Renaissance, vol. XLIV, 1982. P. 605–613.
3. *Pérouse G.-A.* Etienne Dolet conteur en langue vulgaire? // Etudes sur Etienne Dolet publiées à la mémoire de Cl. Longeon, Genève, Droz, 1993. P. 85–90.
4. *Reynolds-Cornell R.* Madame Jeanne Flore and the Contes amoureux: A Pseudonym and a Paradox // Bibliothèque d'Humanisme et Renaissance, vol. LI, n° 1, 1989. P. 123–133.
5. *Reynolds-Cornell R.* Marguerite de Navarre et les Contes Amoureux: parallèles ou coïncidences? L'émergence littéraire des femmes à Lyon à la Renaissance 1520–1560 // Bibliothèque d'Humanisme et Renaissance. Vol. LI, n°1. 1989. P. 239–254.
6. *Reynolds-Cornell R.* Que cache le manteau de Jeanne Flore? Actualité de Jeanne Flore // Bibliothèque d'Humanisme et Renaissance, vol. LI, n°1, 1989. P. 251–267.

Maria Papadopulo

THE CONCEPT OF 'VRAY AMOUR' IN JEANNE FLORE'S 'COMPTES AMOUREUX'

*Lomonosov Moscow State University
1 Leninskie Gory, Moscow, 119991*

This paper discusses a collection of short stories *Comptes Amoureux*, published in 1540–1542 by a team of Lyon authors under the pseudonym Jeanne Flor. The collection talks about the punishment that Venus assigns to those who despise and neglect “true love”. Raising the problem of authorship, the article assumes that the compilers are Etienne Dolet, Maurice Scève, Barthélémy Aneau, Marguerite de Navarre, Clément Marot and some others. By and large, *Comptes Amoureux* is excerpts from European texts that had been translated (*Decameron*) and those that had not been translated at the moment (*Mambriano*, *Orlando Innamorato*, *Grimalte and Gradissa*, the third book of Ovid's *Metamorphoses*). Despite the differences in the syllable and the narrative, as authors were plentiful, the novels are united by one common concept. The idea of “true love”, which is a subject of this article, has not been encountered previously in late Renaissance literature. The canon of “true love” that the storytellers preach prescribes that everyone should obey the will of Venus, which is to use beauty, the goddess's gift, as intended and never to obstruct the pursuit of love of someone who possesses this gift. Anyone who is deprived of this gift but seeks love, or anyone who interferes with obstructing for love for those who the goddess favors, is considered a sinner.

Key words: true love; team of authors; fin amor; sin; Venus; Jeanne Flore; punishment.

About the author: *Maria Papadopulo* – PhD Student, Departament of the History of Foreign Literatures, Faculty of Philology, Lomonosov Moscow State University (e-mail: maria-ellinida@mail.ru).

References

1. *Actualité de Jeanne Flore, dix-sept études.* Derosiers-Bonin, Diane et Viennot, Eliane, éditrices, avec la collaboration de Reynolds-Cornell, Régine, Paris, *Champion*, 2004, 316 p.

2. Longeon C. Du nouveau sur les Comptes Amoureux de Madame Jeanne Flore. *Bibliothèque d'Humanisme et Renaissance*, vol. XLIV, 1982, pp. 605–613.
3. Pérouse G.-A. Etienne Dolet conteur en langue vulgaire?, *Etudes sur Etienne Dolet publiées à la mémoire de Cl.Longeon*, Genève, Droz, 1993, pp. 85–90.
4. Reynolds-Cornell R. Madame Jeanne Flore and the Contes amoureux: A Pseudonym and a Paradox. *Bibliothèque d'Humanisme et Renaissance*, vol. LI, n° 1, 1989, pp. 123–133.
5. Reynolds-Cornell R. Marguerite de Navarre et les Contes Amoureux: parallèles ou coïncidences? *L'émergence littéraire des femmes à Lyon à la Renaissance 1520-1560*, op. cit., pp. 239–254.
6. Reynolds-Cornell R. Que cache le manteau de Jeanne Flore? *Actualité de Jeanne Flore*, op. cit., pp. 251–267.

А.Ф. Багаева

**ВОСТОЧНЫЙ ВОПРОС НА СТРАНИЦАХ
«ОТЕЧЕСТВЕННЫХ ЗАПИСОК» Н.А. НЕКРАСОВА**

*Федеральное государственное бюджетное образовательное учреждение
высшего образования
«Московский государственный университет имени М.В. Ломоносова»
119991, Москва, Ленинские горы, 1*

В статье рассматривается корпус текстов, посвященных восточному вопросу, публиковавшихся в «Отечественных записках» некрасовского периода (1868–1877). В 1868–1875 гг. журнал дистанцировался от славянофильских и панславистских мечтаний и не видел перспективы в решении восточного вопроса вооруженным путем. На восстание в Боснии и Герцеговине «Отечественные записки» откликнулись в 1875 г. – гораздо раньше, чем обычно утверждают исследователи. В течение 1876 г. «Отечественные записки» постепенно вырабатывали собственный взгляд на сербо-турецкую войну, пройдя путь от сочувствия славянам, близкого к славянофильскому, до весьма критической позиции, указывающей на раскол в русском обществе. Также журнал сосредотачивался на анализе межкультурной коммуникации и комплекса стереотипных представлений славянских народов друг о друге. В 1877 г. «Отечественные записки» продолжали критическое осмысление итогов войны, указывая на низкий моральный облик русских добровольцев и подробно освещая финансовые преступления в России во время благотворительных сборов. За это журнал подвергался цензурным преследованиям. Русско-турецкую войну «Отечественные записки» встретили крайне негативно, считая ее чрезмерным финансовым бременем для народа. Наиболее полно позиция журнала по восточному вопросу была выражена в № 10–12 за 1876 г. и № 9–11 за 1877 г. В целом, сохраняя традиционное для «Современника» партийное единство, редакция не во всех вопросах придерживалась единого мнения. Таким образом, «Отечественные записки» стали важной площадкой для коллективной рефлексии.

Ключевые слова: восточный вопрос; история литературной критики; «Отечественные записки»; русско-турецкая война; Сербия; Болгария; славянофилы; Н.А. Некрасов; М.Е. Салтыков-Щедрин; Г.З. Елисеев.

Восточный (Балканский) вопрос в России вырос из «греческого проекта» Екатерины II, но с конца 1820-х годов переориентировался с Греции, уже добившейся независимости, в сторону южных славян.

Багаева Анетта Фановна – аспирант кафедры истории русской литературы филологического факультета МГУ имени М.В. Ломоносова (e-mail: багаева_anetta@mail.ru).

С 1840-х годов интерес к братьям-славянам получает новую подпитку со стороны славянофилов и их идеи противостояния «Запада» и «Востока». Интересу к судьбе зарубежных славян способствовали и работы ученых-славистов.

В русской публицистике образ Османской империи постепенно терял чисто ориенталистские черты; признавая «родство» со славянскими народами, входившими в состав Османской империи, Российская империя сближалась со своим врагом [Таки, 2017: 14]. Двойственность в саморепрезентации России стала усиливаться по мере формирования общественного мнения, вступавшего в диалог с властью и предлагавшего свое видение геополитической проблемы на Балканах.

Одной из основных площадок для диалога с властью стали журналы. «Отечественные записки» занимали среди них значимое место: в лучшие годы журнал имел до 8300 подписчиков [Емельянов, 1986: 50].

Восточный вопрос был одной из постоянных тем «Отечественных записок». Позиция журнала по этому вопросу нуждается в осмыслении, причем верно интерпретировать ее можно, лишь если принять во внимание все высказывания по славянскому вопросу в их временной последовательности. Только такой подход позволяет раскрыть позицию издания во всей полноте, поскольку она менялась, следуя за историческими событиями, а иногда и внутри журнала возникали противоречия. Предложим динамическую реконструкцию позиции «Отечественных записок» по восточному вопросу в период редакторства Н.А. Некрасова.

Эта проблема уже рассматривалась в монографии Н.П. Емельянова, но была преподнесена в традициях марксистского литературоведения и ныне нуждается в пересмотре. Емельянову не удалось избежать тенденциозности и односторонности; им были допущены неточности в атрибуции статей, в характеристике взглядов редакции, часть материалов была обойдена вниманием. Это заставляет нас обратиться к некрасовскому периоду журнала вновь.

Своими основными противниками в спорах по восточному вопросу публицисты «Отечественных записок» считали славянофилов. Интерпретация полемики затрудняется тем, что представление о границах славянофильского движения в XIX в. было иным, нежели сейчас. «Спектр славянских сочувствий» в русской периодике той поры был весьма широким и породил «игру в славянофилов», вносящую путаницу в различие «славянолюбов» и «истинных славянофилов» Хомякова, И. Киреевского, И. Аксакова [Цимбаев,

2013: 56–59]. К обобщенно понятому славянофильству причислялись «славянолюбие» и политический панславизм консервативно настроенной части общества. «Славянофилами» в рассматриваемый нами период также часто называли ученых-славистов, сочувствовавших славянам, притом оценки их деятельности зачастую были крайне субъективными [там же: 60]. В связи с этим мы будем подразумевать под «славянофилами» именно «славянолюбов», используя этот термин в том значении, в каком он бытовал в 1870-е годы.

«Отечественные записки» Некрасова почти сразу стали выстраивать свое отношение к славянофильству. Если «славянолюбие» в определенной мере оказывалось близким и понятным редакции журнала, то с панславизмом, поддерживавшим завоевания России идеей единства всех славян, журнал боролся и безжалостно высмеивал его.

С 1868 г., когда Некрасов «перезапустил» журнал, «Отечественные записки» поначалу были весьма сдержаны в оценках, не высказывая политических суждений и публикуя лишь материалы экономического и исторического содержания¹ (1868. №2. Прил.: 1–204; № 8. I: 571–590), призванные имплицитно указать на экономическую отсталость Турции и важнейшую роль христианского населения в экономическом обеспечении всей империи.

В 1871 г. появилась весьма значимая рецензия Н.К. Михайловского² на книги Н.Я. Данилевского «Россия и Европа» и В.И. Ламанского «Об историческом изучении греко-славянского мира в Европе» (1871. № 5. II: 73–82), направленная против славянофилов, к которым Михайловский причислял Данилевского и Ламанского. Критик осуждал славянофилов за то, что они присваивали исключительно себе идеи патриотизма и славянского единства, тем самым пытаясь расколоть русское общество. Михайловский негативно оценивал «игру в славянофилов», еще больше затруднявшую характеристику славянофильства, поскольку в трудах Данилевского и Ламанского отдельные идеи истинных славянофилов о русском пути причудливо совмещались с политическим панславизмом.

С 1872 г. в связи с получением первого предостережения за статью Н. Демерта [Салтыков-Щедрин, 1970: 757–758], намеки на восточный вопрос в «Отечественных записках» появлялись лишь в стихотворениях «После войны» В.И. Немировича-Данченко (1872. № 2. I: 588), «Встреча» Н.С. Курочкина (1872. № 7. I: 274–276), «На восток» Д.Д. Минаева (1873. № 6. I: 354). В них «Отечественные записки»

¹ Ссылки на «Отечественные записки» даются в скобках. Римской цифрой указывается отдел журнала.

² Авторство установлено по [Ровнякова, 1986: 162].

продолжали дистанцироваться от славянофильских и панславистских мечтаний и давали читателям понять, что не видят перспективы в решении восточного вопроса вооруженным путем.

В 1875 г. на восстание в Боснии и Герцеговине сочувственно откликнулся Г.З. Елисеев³ (1875. № 11. II: 110–126) – гораздо раньше, чем считает Емельянов [Емельянов, 1986: 189].

В 1876 г. «Отечественные записки» в связи с сербской войной и жестоким подавлением Апрельского восстания в Болгарии опубликовали статью Елисеева⁴ «Воевать или не воевать?» (1876. № 6. II: 358–376). Критикуя организацию благотворительных сборов Славянским комитетом, Елисеев упомянул идею О.Ф. Миллера о перечислении определенного процента с доходов каждого русского на благотворительность; сочувствуя этой идее, Елисеев признавал организацию сборов неудачной. Требуя «полного освобождения» турецких христиан любой ценой для России, Елисеев неожиданно сталкивал идеалистическое, жертвенное понимание целей войны с циническим, предлагая правительству решить этот вопрос руками самих южных славян и русских добровольцев, «не истратив ни одного рубля, одною нравственною силою – силою правды» (1876. № 6. II: 376). Серьезный тон изложения служил острашению патетических взглядов, высказывавшихся в прессе и в официальной печати – прием, бытовавший в русской публицистике с середины 1850-х годов [Зыкова, 2006: 117].

В № 7 анонимно появилась статья Д.Л. Мордовцева «На всемирную свечу» (1876. № 7. II: 94–106), по мнению Емельянова, изменившая позицию журнала по отношению к славянам со сдержанно-нейтральной на откровенно сочувственную и «славянофильскую» [Емельянов, 1986: 190] (мы усматриваем в ней и панславистские тенденции). Емельянов недооценил роль этой статьи, считая ее единичным отклонением от основного направления «Отечественных записок». Но это был обдуманый ход, призванный задобрить цензуру после провокационной статьи Елисеева. На это указал и Салтыков в письме Михайловскому, временно исполнявшему роль ответственного редактора, от 4 августа 1876 г. [Салтыков-Щедрин, 1976: 10]. Весьма негативно оценивая роль «сальной свечи» Мордовцева для репутации журнала, Салтыков проницательно отметил пунктирную

³ Мы основываемся на идейно-тематических параллелях, прослеживающихся в указанной статье и в атрибутированном тексте «Воевать или не воевать?» (о нем см. ниже).

⁴ Автор установлен по новому переизданию в антологии [Россия и Болгария, 2003: 124].

связь этой статьи с воззрениями народников, подготовивших «пьедестал» для угнетенных славян.

Правда, в том же № 7 сам Михайловский в «Записках профана» постарался дистанцироваться от позиции Мордовцева (1876. № 7. II: 148). Однако в следующем № 8 Михайловскому не удалось до конца устранить славянофильский и панславистский тон, и намеченное Мордовцевым направление продолжилось в выступлении Санкт-Петербургского отдела Славянского благотворительного комитета (1876. № 8. II: 285–288). Вопреки утверждению Емельянова о резком смене курса [Емельянов, 1986: 191], не произошло идейного переворота и в статье Мордовцева «Конгресс ориенталистов в Петербурге» (1876. № 9. II: 23–36), несмотря на возвращение на пост главного редактора Салтыкова.

Самой значимой в № 9 стала анонимно вышедшая рецензия «Недобитый народ» на монографию чешского ученого К. Иречека «Деяния болгарского народа» (1876. № 9. II: 1–22). В ней прямо поднимался вопрос о геноциде болгар. Мы предполагаем, что автором рецензии был видный ученый-славист А.Н. Пыпин, свободно владевший чешским, обладавший глубокими познаниями в истории славянских народов и имевший давние связи с редакцией журнала со времен «Современника» [Лаптева, 2005: 437, 446]. Умело используя славянофильскую риторику, Пыпин всё же выстраивал свою позицию, основываясь на культурных и научных достижениях болгар в XIX в.

Трансляция Елисеевым стереотипов о Турции в очерке «Воевать или не воевать. II» (1876. № 9. II: 67–97), как и в случае с Мордовцевым, свидетельствовала о поиске нужного направления и об идейном кризисе журнала, связанном с нехваткой в России достоверной и научно обоснованной информации о славянах.

Перелом намечился в № 10 за 1876 г., когда у редакции появились собственные корреспонденты с места военных действий. В письме Е.О. Лихачёвой «Из Сербии» (1876. № 10. II: 182–189) разбивались многие стереотипы о славянах и о войне, транслируемые в русской печати. Вслед за ней критической переоценке подверг русскую жизнь и умонастроения Елисеев, во «Внутреннем обозрении» (далее – ВО) рассказывавший о преступлениях, которые вскрылись в ходе сбора благотворительных средств на славян (1876. № 10. II: 190–214). Михайловский в «Записках профана» (1876. № 10. II: 215–250) разграничил понимание войны интеллигенцией и народом, считая позицию последнего благороднее. Отход от всеобщего воодушевления был обусловлен позицией Салтыкова, писавшего Некрасову в Ялту 13 октября 1876 г. о вредности славянского вопроса для России и о

необходимости обращения к внутренним делам [Емельянов, 1986: 192–193].

В № 11 впервые открыто высказался Салтыков (в очерке «День прошел – и слава Богу!»: 1876. № 11. I: 257–280). Ведущей целью сатирика стало вскрытие двойного дна в сознании русской интеллигенции и ответ на националистические и панславистские воззвания «Нового времени», «Вестника Европы», «Молвы» [Салтыков-Щедрин, 1976: 20, 27–28]. Просветительские задачи выполнял в номере исторический очерк «Турция. Очерк ее исторического развития и нынешнего состояния» Л. Лебедева (1876. № 11. II: 98–119).

В связи с окончанием сербско-турецкой войны в № 12 1876 г. «Отечественные записки» поместили очерк «Из Белграда. (Письмо невоенного человека)» Г. Успенского (1876. № 12. II: 171–185), свидетельствующий о кризисе в русском обществе. Осмысление кризиса продолжил Елисеев (ВО. 1876. № 12. II: 248–276), обвиняя газеты в пристрастном и однобоком освещении событий. Таким образом, «Отечественные записки» вырабатывали трезвый и критический взгляд на происходящее и советовали остальным следовать своему примеру.

В январе 1877 г. редакция «Отечественных записок» продолжала обсуждение вопроса об острой нехватке серьезных научных источников о славянах на русском языке (см. рецензию на книгу Ф. Канитца «Дунайская Болгария и Балканский полуостров»⁵: 1877. № 1. II: 77–80). Михайловский в «Записках профана» из-за усилившихся цензурных преследований журнала (см. письмо Салтыкова А.Н. Энгельгардту от 20 января 1877 г. [Салтыков-Щедрин, 1976: 39]) снова рецензировал книгу Данилевского «Россия и Европа», видя в ней главный источник заблуждений, проявившихся в турецко-сербскую войну (1877. № 1. II: 120–150). Успенский в очерке «Из Белграда. (Второе письмо невоенного человека)» (1877. № 1. II: 107–120) говорил о культурном шоке, который равно испытали и русские, и сербы. Здесь «Отечественные записки» сосредоточились на анализе межкультурной коммуникации и комплекса стереотипных представлений славянских народов друг о друге.

В № 2 за 1877 г. Салтыков продолжал линию, которую он охарактеризовал еще в письме к П.В. Анненкову от 25 ноября 1876 г.: «Пробуждение стыда есть самая в настоящее время благодарная тема для литературной разработки» [Салтыков-Щедрин, 1976: 33].

⁵ Боград приводит сведения из автобиографии Г. Успенского, свидетельствующие о том, что с 1877 по 1880 г. он активно писал заметки для раздела «Новые книги», однако считает эти упоминания малоэффективными для точной атрибуции рецензий [Боград, 1971: 18].

В «Современной идиллии» он рисовал картину ничем не интересующейся, сытой мещанской жизни (1877. № 2. I: 513–530). О муках совести русских добровольцев, возвращающихся в Россию, писал Успенский в очерке «Не воскрес» (1877. № 2. I: 283–304). Однако Лихачёва характеризовала благотворительные начинания России с хорошей стороны и призывала читателей продолжать собирать пожертвования (1877. № 2. II: 275–285). Елисеев же (ВО. 1877. № 2. II: 286–310) не разделял мнение Лихачёвой и требовал детального отчета о собранных средствах.

После пережитых журналом в марте-апреле 1877 г. цензурных преследований в майской книжке Елисеев резко протестовал против насильственного вовлечения в освещение военных действий «Отечественных записок», позиция которых уже была обнародована ранее (ВО. 1877. № 5. II: 109–133). В течение лета гнев редакции только нарастал (ВО. 1877. № 6. II: 243–263; № 7. II: 119–132). Вершиной раздражения «Отечественных записок» происходящим стал сатирический очерк Салтыкова «Тряпичкины-очевидцы» (1877. № 8. I: 533–570), травестирующий письма корреспондентов газет, посланных наблюдать театр военных действий, но заблудившихся в необъятных просторах России.

Статья «Письма о войне. Письмо первое» Елисеева⁶ была написана от имени иностранца, много лет прожившего в России (1877. № 9. II: 119–154). Елисеев указывал на финансовое бремя войны для русских крестьян, живущих беднее болгар, и на информационную войну в прессе, где образы турок, болгар и русских сильно искажались. Виновной в обмане русской и европейской публики Елисеев считал и саму болгарскую интеллигенцию (1877. № 9. II: 149).

Наиболее отчетливо редакция «Отечественных записок» высказалась по восточному вопросу в № 10–11. «Четыре дня» Гаршина (1877. № 10. I: 461–471) и «На досуге. II» Салтыкова (1877. № 10. I: 435–460) призваны были открыть глаза русскому обществу на тяготы русского солдата и экономические махинации с продовольствием на войне. Особенно резко выступал Елисеев (ВО. 1877. № 10. II: 290–320; № 11. II: 105–130), критикуя финансовую сторону ведения войны, поведение русской прессы, интендантов и благотворителей, злоупотребления в судебной системе и выражая негодование отсутствием в журнальной полемике ученых. Об изнанке добровольческого движения, постыдном поведении русских говорилось в повести «Ранние вы-

⁶ Статья была помещена анонимно и продолжения не имела по цензурным причинам. Атрибутирована Елисееву по частичному переизданию [Россия и Болгария, 2003: 124].

водки» Боборыкина (1877. № 11. I: 5–100). В целом «Отечественные записки» оценивали русско-турецкую войну отрицательно, за что и подвергались усиленным цензурным преследованиям.

Таким образом, если в 1868–1876 гг. «Отечественные записки» последовательно дистанцировались от славянофилов и панславистов, в то же время протестуя против узурпации ими права сочувственно говорить о славянах, то в 1876 г. после объявления войны Турции сами временно поддались этим настроениям в условиях недостатка фактической информации с места событий. В 1877 г. журнал выражал удивление молчанию ученых-славистов (которых отчасти отождествляли со славянофилами), ничего не противопоставивших нарастающему панславизму. Сочувствие к славянам редакция «Отечественных записок» понимала не как идеализацию образа славян, а как оказание действенной помощи (финансовой) и распространение достоверных представлений о культуре, этнографии и экономике южных славян. Отношение к восточному вопросу в «Отечественных записках» находилось в прямой зависимости от военного и финансового положения России. Если в 1876 г. журнал поначалу приветствовал сербско-турецкую войну и благотворительную помощь русских, то по мере накопления негативных фактов редакция сосредоточилась на их критическом разборе и высмеивании, стремясь пробудить в читателях чувство стыда и критического отношения к действительности. Явно негативное отношение к русско-турецкой войне сложилось в экономических обзорах Елисеева, сомневавшегося в целесообразности ее продолжения.

Отдельной проблемой для «Отечественных записок» стало ведение информационной войны в русской прессе и усиление цензурного преследования журнала. В 1876 г., пока у журнала не было собственных корреспондентов в Сербии, он не мог аргументированно противостоять всеобщему подъему. Благодаря сербским материалам редакция смогла сосредоточить внимание на проблемах межкультурного диалога и на анализе национальных стереотипов. Поставленная задача позволила выработать независимый и критический взгляд на военные события, что стало поводом для цензурных преследований в 1877 г.

С идейной точки зрения журнал также претерпел эволюцию. С июня 1876 г. Елисеев занимал критическую позицию в отношении военно-общественных инициатив в России, хотя приветствовал неофициальную поддержку войны. Финансовая помощь добровольцам и беженцам представлялась Елисееву наиболее приемлемой и гуманной. Этой позиции журнал придерживался вплоть до февраля

1877 г., когда Елисеев окончательно разочаровался в ней и перешел к строгой критике финансовых операций в России, свидетельствующих о неспособности нации осуществить взятую на себя миссию. На этом фоне статья Мордовцева выделялась своим тоном и несвойственным журналу пафосом, вызвавшим отповедь Салтыкова. Сам сатирик сосредоточился преимущественно на образах недостойного поведения русских во время войны, создав галерею характерных типов. Салтыков непосредственно опирался на «Письма из Белграда» Успенского и Лихачёвой, а его очерки послужили образцом для Боборыкина. Михайловский, поддерживая Елисеева и Салтыкова, разделял роль интеллигенции и народа в восточном вопросе, настаивая на переложении финансового и военного бремени с народа на интеллигенцию и купечество. Личные взгляды членов редакции тесно соприкасались и взаимодополнялись. Материалы отделов беллетристики и публицистики перекликались друг с другом на уровне идей и образов, что позволяет говорить о сохранении «Отечественными записками» традиции партийного единства и ведении единой темы, «лейтмотивом проходящей через весь номер» и даже ряд номеров, характерной еще для «Современника» [Зыкова, 2006: 122–123]. Однако в рамках сквозной темы сотрудники журнала позволяли себе не во всём соглашаться друг с другом. Таким образом, «Отечественные записки» Некрасова отражали глубинный раскол в русском обществе, ставший итогом двойственной политики России. Журнал был важной площадкой для коллективной рефлексии.

Список литературы

1. *Боград В.Э.* Журнал «Отечественные записки» (1868–1884): Указатель содержания. М., 1971.
2. *Емельянов Н.П.* «Отечественные записки» Н.А. Некрасова и М.Е. Салтыкова-Щедрина (1868–1884). Л., 1986.
3. *Зыкова Г.В.* Журнал как литературная форма. М., 2006.
4. *Лаптева Л.П.* История славяноведения в России в XIX веке. М., 2005.
5. *Ровнякова Л.И.* Борьба южных славян за свободу и русская периодическая печать (50–70-е годы XIX века). Очерки. Л., 1986.
6. *Россия и Болгария: По страницам русской литературы XIX – начала XX вв.* М., 2003.
7. *Салтыков-Щедрин М.Е.* Собрание сочинений: В 20 т. Т. 10. М., 1970; Т. 19. Кн. 1. М., 1976.
8. *Таки В.* Царь и султан. Османская империя глазами россиян. М., 2017.
9. *Цимбаев Н.И.* Славянофильство: из истории русской общественно-политической мысли XIX века. М., 2013.

Anetta Bagaeva

**THE EASTERN QUESTION ON THE PAGES
OF N.A. NEKRASOV'S MAGAZINE
'OTECHESTVENNYE ZAPISKI'**

*Lomonosov Moscow State University,
1 Leninskie Gory, Moscow, 119991*

The paper presents an overview of articles on the Eastern Question published by 'Otechestvennye zapiski' during the Nekrasov period (1868–1877). In 1868–1875 the magazine distanced itself from Slavophil and Pan-Slavic dreams and saw no prospects for resolving the Eastern Question by armed means. In 1875, 'Otechestvennye zapiski' responded to the uprising in Bosnia and Herzegovina, much earlier than it was thought of in Soviet times. Over the course of 1876, 'Otechestvennye zapiski' gradually developed their own view of the Serbo-Turkish war, going from sympathy for the Slavs, close to the Slavophil, to a very critical position, indicating a split in Russian society. The magazine also focused on the analysis of intercultural communication and a complex of stereotypes of the Slavic peoples about each other. In 1877, 'Otechestvennye zapiski' continued critically interpreting the outcome of the war, pointing out the low moral character of the Russian volunteers and detailing financial crimes in Russia during charity gatherings. For this, the magazine faced stricter censorship. The reaction of 'Otechestvennye zapiski' to the Russian-Turkish War was extremely negative, as the magazine considered the war an excessive financial burden for the people. The journal's position on the eastern issue was most fully expressed in No. 10–12, 1876 and No. 9–11, 1877. On the whole, while preserving the party unity traditional for 'Sovremennik', the editors did not adhere to a single point opinion. Thus, 'Otechestvennye zapiski' became an important platform for collective reflections.

Key words: Eastern question; history of literary criticism; 'Otechestvennye zapiski'; Russo-Turkish war; Serbia; Bulgaria; slavophiles; N.A. Nekrasov; M.E. Saltykov-Shchedrin; G.Z. Eliseev.

About the author: *Anetta Bagaeva* – PhD student, Department of the History of Russian Literature, Faculty of Philology, Lomonosov Moscow State University (e-mail: bagaeva_anetta@mail.ru).

References

1. Bograd V.E. Zhurnal «Otechestvennye zapiski» (1868–1884): Ukazatel' soderzhaniiia [The magazine "Patriotic notes" (1868–1884): Index of content]. Moscow, *Kniga Publ.*, 1971. 734 p. (In Russ.)
2. Emel'ianov N.P. "Otechestvennye zapiski" N.A. Nekrasova i M.E. Saltykova-Shchedrina (1868–1884) ["Patriotic notes" of N.A. Nekrasov and M.E. Saltykov-Shchedrin (1868–1884)]. Leningrad, *Khudozhestvennaia literatura Publ.*, 1986. 333 p. (In Russ.)
3. Zytkova G.V. Zhurnal kak literaturnaia forma [The magazine as a literary form]. Moscow, *RITM Publ.*, 2006. 288 p. (In Russ.)
4. Lapteva L.P. Istoriia slavianovedeniia v Rossii v XIX veke [The history of Slavic studies in Russia in the 19th century]. Moscow, *INDRIK Publ.*, 2005. 848 p. (In Russ.)

5. Rovniakova L.I. Bor'ba iuzhnykh slavian za svobodu i russkaia periodicheskaja pechat' (50–70-e gody XIX veka). Oчерки [The battle for freedom of south Slavs and Russian periodical press (1850–70-ies). Notes]. Leningrad, "Nauka" Publ., 1986. 284 p. (In Russ.)
6. Rossiia i Bolgariia: Po stranitsam russkoi literatury XIX – nachala XX vv. [Russia and Bulgaria: According to the pages of Russian literature of the 19th – beginning of the 20th centuries]. Moscow, *Rudomino Publ.*, 2003. 391 p. (In Russ.)
7. Saltykov-Shchedrin M.E. Sobranie sochinenii: V 20 t. [Complete works in 20 vols.] Vol. 10. Moscow, *Khudozhestvennaia literatura Publ.*, 1970. 839 p.; Vol. 19. Book 1. Moscow, *Khudozhestvennaia literatura Publ.*, 1976. 240 p. (In Russ.)
8. Taki V. Tsar' i sultan. Osmanskaya imperiya glazami rossiyan [Tsar and sultan: Russian encounters with the Ottoman Empire]. Moscow, *Novoe literaturnoe obozrenie Publ.*, 2017. 315 p. (In Russ.)
9. Tsimbaev N.I. Slavianofil'stvo: iz istorii russkoi obshchestvenno-politicheskoi mysli XIX veka [Slavophilism: from the history of Russian socio-political thought of 19th century]. Moscow, *Gosudarstvennaia publichnaia istoricheskaja biblioteka Rossii Publ.*, 2013. 447 p. (In Russ.)

ПРИГЛАШАЕМ К ДИСКУССИИ

Ю.Л. Оболенская

ФИЛОЛОГИЧЕСКОЕ ОБРАЗОВАНИЕ В НОВОМ СОЦИОКУЛЬТУРНОМ И ТЕХНОЛОГИЧЕСКОМ КОНТЕКСТЕ

Федеральное государственное бюджетное образовательное учреждение высшего образования «Московский государственный университет имени М.В. Ломоносова» 119991, Москва, Ленинские горы, 1

Статья является дополненной версией доклада, представленного на Ломоносовских чтениях в апреле 2019 г., и посвящена новым вызовам и ключевым проблемам филологического образования, связанным с изменением роли филологических знаний в XXI в., а также условий и характера образовательной коммуникации в университетах. Особое внимание уделено задачам филологического образования в условиях интернет-коммуникации, рассматривается актуальная проблематика научных исследований в университетах, а кроме того, деятельность профильных институтов АН.

Ключевые слова: филология; филологическое образование; влияние интернет-коммуникации; интернет-технологии в вузе; фундаментальные науки; роль преподавателя.

XXI в. – век Интернета и манипуляций, а в России – это еще и время отказа от модели школьного образования XX в. и попыток «оптимизации» как университетского образования, так и фундаментальных наук в целом – вот контекст, обусловивший изменение роли филологического образования сегодня и характера нового типа коммуникации, определяющей образовательный процесс в университетах.

Высшая школа в новых реалиях постиндустриального общества в России столкнулась с проблемами, вызванными не столько цифровизацией общественных отношений или внедрением интернет-технологий в образовательный процесс, сколько с изменениями в гуманитарной сфере в целом. Преподавателям гуманитарных дисциплин заметнее других то, что постромантизм XX в. сменился прагматизмом потребительского общества, а виртуальная реальность, все активнее проникающая в реальную жизнь, оказалась тесно связана с дегуманизацией общества, обусловленной в том числе крушением

Оболенская Юлия Леонардовна – доктор филологических наук, профессор, зав. кафедрой иберо-романского языкознания филологического факультета МГУ имени М.В. Ломоносова (e-mail: obolens7@yandex.ru).

его важной идеологической составляющей, дискредитацией благородных целей развития общества (пусть даже и несбыточных), системы ценностей и т.п.

Наконец, сейчас мы с тревогой ожидаем конкретных результатов *технологического прорыва* в сфере образования, связанного с попытками заменить традиционную – «живую» университетскую коммуникацию онлайн-курсами, а по сути, с попытками устранения человеческого фактора – собственно педагогической составляющей процесса обучения – из образовательного процесса, что в перспективе может лишить его ценности живого общения, сотворчества преподавателей и учащихся, спонтанности сопереживания нового опыта, сопричастности к интерпретации фактов культуры.

Филологическое образование и наука в XX в. были неотъемлемой частью национальной культуры, воспринимаясь в разные периоды государственного строительства – то как локомотив гуманитарного образования, то как идеологическая диверсия или угроза инакомыслия, то как поощряемая основа либерализма, но всегда само это образование было скорее бесполезным для народного хозяйства делом, не обещающим прибыль ни самим участникам образовательной коммуникации, ни государству. А вот с конца XX в. слово и знания о нем оказались *сверхвостребованными*: бизнесмены и политики осознали широкие возможности практического использования Слова, а также власть бесконтрольного, неуправляемого сверху Слова в Интернете! Обществу потребления необходима реклама, чтобы продавать не только колбасу или шампунь от перхоти, но и политиков и идеи. И стало очевидно, что политтехнологи, пиарщики, спичрайтеры, рекламщики – это же филологи-прагматики, овладевшие механизмами манипуляции сознанием, способные интерпретировать и использовать речевую практику различных социальных групп. Утилитарный характер филологических исследований последних лет только подтверждает эту тенденцию и понимание того, что филологи могут эффективно работать и на крупные торговые сети, и на выборную кампанию, и на разведку и т.д. Манипуляция сознанием, опосредованным языковыми формами, прогнозирование и управление ситуацией невозможно без понимания особенностей национального сознания, языкового сознания социальных групп и т.д. А сам язык, как мы видим, сегодня стал орудием политической борьбы, средством самоидентификации народа. *Мягкая сила* слова доказала свою рентабельность: затраты на зарубежные редакции канала «Россия сегодня» несопоставимы с расходами на строительство электростанций, безвозвратные займы и т.п.

Кроме того, вдруг пришло осознание того, что хотя мало кто читает, но сама литература помимо воспитательных, эстетических и гуманистических функций, помогает понять особенности национального

сознания, господствующих приоритетов, социальной психологии, мотивации действий любого народа. Защита ценностей, отраженных в русской и советской классической литературе, становится трендом патриотического воспитания и гарантией национального суверенитета.

Как отмечает наш ректор В.А. Садовничий, он сам, обратившись к изучению «Слова о полку Игореве», пришел к выводам о том, кто мы, откуда, почему такие и даже сделал вывод о том, что авторство самого памятника принадлежит женщине. Вот что пишет академик и выдающийся математик В.А. Садовничий в своей работе «Размышления математика о памятнике древнерусской литературы»: «“Слово” завораживает и привлекает многих: ученые в момент постижения этого текста становятся поэтами, а поэты превращаются в ученых, но иногда кажется, что голос сердца, интуиции, сопереживания тексту, столь родного твоему внутреннему состоянию, нельзя заглушить. Иногда этот голос может подсказать правильное понимание ситуации, правильное прочтение»¹.

Неудивительно включение филологии в перечень важнейших направлений деятельности нашего университета. Филология приобретает главенствующую позицию среди гуманитарных наук, ведь все остальные – это суть воплощения (продукты) языкового сознания народа, вербализации представлений о том, как воспринимает человек самого себя и окружающий его мир. Сегодня очевидно стремление изучать «язык в человеке» и «человека в языке» комплексно, опираясь на системный подход, с использованием достижений современной философии, культурологии, социологии, антропологии, психологии и еще длинного списка наук. И заниматься этим призвана не лингвистика, а филология, исследующая все продукты словесного творчества и тексты культуры в широком смысле. Расшифровка национальных культурных кодов вне языка невозможна. Сами гуманитарные знания – философия, история, социология – существует лишь в формах национальных языков, национальная языковая картина мира включает концептуальную картину мира, но неизмеримо богаче ее оттенками, отражая особенности национального языкового сознания. Филология призвана научить думать и понимать происходящее, общаться с миром и с текстами культуры, открыть себя самого и понять другого, интерпретировать получаемую информацию и содержание любого текста культуры. Без сомнения, именно филологи должны принять участие в разработке искусственного интеллекта, с использованием которого мы уже сталкиваемся в нашей повседневной жизни, причем не только включая компьютер.

¹ Садовничий В.А. Размышления математика о памятнике древнерусской литературы. М., 2017. С. 14.

Сегодня стала очевидна бесперспективность узкоспециализированного подхода к анализу национальных языков и литератур, настало время «собирания» разбросанных филологических дисциплин. Ограниченность ряда лингвистических концепций и направлений во многом была связана с формальным пониманием системы языка и сегодня вытесняется не только комплексным многоаспектным подходом, но и междисциплинарными исследованиями. А почти всем значительным достижениям XX в. в области изучения отечественной и мировой литературы мы обязаны русским ученым, осознавшим роль языка как матрицы, материала любого художественного текста. Имена Бахтина, Лотмана, Лурии имеют самый высокий индекс цитации за рубежом. В свою очередь, все «тупики» в исследованиях языка и литературы как *изолированных* объектов были связаны то с переоценкой идейно-политической составляющей содержания текста и отрывом объекта исследования от культурно-исторического и духовно-нравственного контекста его создания и/или игнорированием этносоциопсихологических особенностей языкового сознания конкретного народа.

Меж тем *думающая нация*, в прошлом в избытке наделенная аналитическими способностями и критическим подходом к интерпретации событий и фактов, сегодня превращается в потребителя кажущихся доступными знаний, часто предлагаемых как схематизированные и упрощенные модели для сборки. Мы замечаем склонность студентов к реферативному изложению материала, неспособность к анализу и синтезу фактов, к логизации и критике прочитанного, отсутствие собственной позиции. Видимо, сегодняшний диагноз: гиподинамия мозга вследствие использования «кибернетических протезов» – компьютеров.

Интернет сегодня – это безусловно важнейший инструмент образовательного процесса, но уже ясно, что он приводит к утрате навыков общения, умения работать в команде, ведь и сама интернет-коммуникация, по сути, является суррогатом общения. И наконец, самое главное – это то, что ложные представления о простоте получения знаний «в один клик» и об их полноте на Интернет-ресурсах у студентов подменяют познавательные усилия, рефлекссию, выработку исследовательских навыков, влияют на их способность выражения своей мысли и аргументации выводов.

«Когда технологии заменят живое общение, мы превратимся в поколение идиотов» – это предостережение А. Эйнштейна, по-видимому, было пророческим. Его справедливость подтверждает язык общения в Интернете и наш опыт общения с несколькими поколениями студентов, да и мой личный более чем 40-летний опыт преподавания.

Прошу понять меня правильно: были, есть и будут умные и талантливые студенты, у нас учатся будущие филологи, похожие и на тургеневских барышень, и на футуристов, но тенденция очевидна. Сегодня, после 20 лет неудач реформирования школьного образования и сакрализации Интернета, мы имеем дело с новым типом студента. В большинстве своем они прагматически ориентированы, наделены цепким умом, смелостью и решительностью, ассоциативным мышлением, но при этом малообразованны, мало читают, инфантильны и слабо адаптированы к психологическим и физическим нагрузкам учебы в вузе, независимы и весьма уверены в себе и охотно демонстрируют все это на подготовленных с помощью Википедии презентациях. Сначала я думала, что беда в том, что предполагаемая Интернетом визуализация материала порождает неспособность восприятия информации на слух, а привычка к постоянному переключению внимания в Интернете (ссылки, ассоциативное привлечение информации) препятствует пониманию обширных текстов или даже просто сложной нелинейной концепции. Но проблема оказалась гораздо глубже. Большинство отечественных и зарубежных психологов и психиатров отмечает то, что изменения сознания под воздействием Интернета касаются главным образом внимания, памяти и аналитического мышления. Так, американский писатель и публицист Николас Карр² пишет о том, что он сам – активный пользователь сети – замечает, как утрачивает способность к концентрации и анализу полученной информации. Пользователи с трудом фокусируют внимание, не могут выделить главную мысль и некритично соединяют куски информации из разных источников. Интернет-зависимость делает людей поверхностными и рассеянными, кроме того, вызывает постоянную потребность в новой информации, без стремления к ее осмыслению. По мнению психиатров, происходит снижение именно произвольной (т.е. требующей волевых усилий) словесно-логической памяти. И это естественная защитная реакция организма в условиях постоянного увеличения общего объема информации. И мы, конечно,

² Карр Н. Пустышка: что Интернет делает с нашими мозгами. М., 2012. В прологе к этой книге, опубликованной в 2011 г., Карр ссылается на книгу 1964 г. Маршалла Маклюэна «Понимание медиа. Внешние расширения человека» и приходит к следующему умозаключению: "...В долгосрочной перспективе содержание того или иного сообщения начинает определять наши мысли и действия значительно меньше, чем само сообщение. То или иное популярное сообщение представляет собой наше окно наружу, в окружающий мир, и вовнутрь, в самих себя. Оно формирует то, что мы видим, и то, как мы это видим. Со временем, если мы пользуемся этим средством достаточно часто, оно меняет нас самих – как личности и как общество в целом". Далее он цитирует указанную книгу Маклюэна: «Воздействие технологии происходит не на уровне мнений или понятий...» Оно меняет «способы восприятия, последовательно, не встречая сопротивление». Это очень ценные для преподавателей выводы, отражающие ту реальность, в которой все мы оказались в XXI в.

должны учитывать эти объективные факторы в процессе обучения, разрабатывать новые образовательные методики, иначе образовательная коммуникация не принесет успеха.

Но я отметила и еще одну проблему, в основе которой перенос механизмов интернет-коммуникации в живое общение: привычка к сетевому типу интернет-презентации своих размышлений и монологической речи приучила студентов к форме одобрения любого его сообщения – текстового или фото – в виде «лайка». В связи с этим от преподавателя и сокурсников студент в *режиме онлайн* ожидает постоянного поощрения, болезненно воспринимает критические замечания, не в состоянии вести полемику или просто диалог, да и уровень социализации студента в реальной жизни снижается. Студенты не умеют пересказать текст, выделить в нем смысловые доминанты, выразить свою оценку (ничему этому теперь не учат в школе), не умеют письменно сформулировать свою мысль, их научные работы – это зачастую бессвязная компиляция прочитанного. Интернет не способствует выработке критического подхода, напротив вера в истинность и достоверность материалов, найденных в Интернете, почти безгранична, причем критические замечания в адрес авторитетных исследований в комментариях пользователей также легко принимаются на веру.

Все чаще студенты нуждаются в психологической помощи, а многие рассматривают учебу как развлечение, “*homo ludens*” – «человек играющий» – из Интернета приходит в аудиторию, и студенту сегодня часто важно *самовыразиться*, а быть неграмотным или недостаточно эрудированным не так уж и стыдно – ведь есть же Интернет. А еще там есть смайлики для выражения эмоций и чувств, и уже не надо искать способы выражения оценки или описывать ситуацию, правила орфографии, да и сами знаки препинания утрачивают смысл, даже точки воспринимаются как агрессивное завершение общения.

Система тестов в оценке гуманитарных знаний в школе (сейчас навязываемая и вузам), непонятно кем и по какой методике разрабатываемая, формирует у школьников новый тип мышления, не предполагающий собственный поиск решения. Очевидно, что выбор из 2–4 готовых вариантов, вряд ли может способствовать творческому развитию личности, умеющей мыслить самостоятельно, стремящейся к самосовершенствованию и самореализации в будущей профессии. Да и можно ли научить анализировать, выражать свои мысли и уметь отстаивать свое мнение, а еще дать специальность за четыре года бакалавриата? Кого мы обманываем, выдавая дипломы о специальности филолога, полученной в самом престижном вузе страны? Почему не отказываемся от повсеместно критикуемой «болонской модели», от

которой уже отказались ведущие европейские университеты? Неужели эта модель защищается только для того, чтобы наши выпускники бакалавриата затем продолжали образование за рубежом, либо российские выпускники других вузов, получив образование в другой области знаний, приобретали за два года (!) диплом магистра МГУ имени М.В. Ломоносова и вторую специальность, в сущности, так и не овладев первой? Вред, который наносит новая система подготовки специалистов в областях практически всех фундаментальных наук, и, конечно, филологии, очевиден. Интегрированная магистратура в МГУ, к счастью, помогает решить проблему получения качественного образования, но, возможно, для каких-то специальностей целесообразнее было бы вернуться к прежней системе подготовки специалистов.

На протяжении десятилетий в XX в. академическая наука подпитывала университетскую, вводила в научный обиход новейшие теории и достижения отечественных или зарубежных исследований, мы с нетерпением ждали конференций, проводимых АН и их изданий. Связи вузов и институтов АН сегодня очень слабы; да и сами Институты АН РФ утрачивают свои лидирующие позиции в разработке новых и действительно актуальных, перспективных, а не спекулятивных направлений филологической науки, довольно часто представляющих собой вторичные исследования, а по сути – переложение или «камуфлирование» ранее созданного с помощью использования новой системы заимствованных у иностранных исследователей «модных» терминов. Результаты работы академических институтов «на гранты», актуальность и научная ценность которых, как и сами критерии их выделения, довольно часто вызывает вопросы, поэтому сами эти результаты все реже оказываются востребованы научной общественностью и вузами. Так, в последнее время Институт языкознания, Институт мировой литературы, Институт Латинской Америки и другие профильные академические институты, контакты с которыми традиционны для нашего факультета, постепенно превращаются в то, что можно назвать «двигателями внутреннего сгорания» (т.е. научный *продукт* производится и используется внутри института), а не локомотивами важных научных исследований.

Образовательные стратегии в области филологии должны учитывать изменившийся социокультурный контекст, противостоять методологически ошибочным рамкам стандартов зарубежных образовательных систем, например, повсеместно насаждаемой системе тестирования знаний, ориентированной на механистический процесс запоминания. Сила инерции образовательных стандартов XX в. уходит в прошлое, мы сталкиваемся с новыми вызовами. Очевидно,

что предлагаемые теоретические курсы должны содержать больше аналитики, объективной оценки опыта отечественных и зарубежных школ, предлагать навыки системного и типологического анализа, а личностная оценка и рефлексия преподавателя-лектора, способность сориентировать слушателя в потоке информации (навигация) сегодня куда важнее того, что раньше называли «широтой охвата материала». Учебный процесс в первой ступени высшей школы – бакалавриате, на мой взгляд, должен быть ориентирован на работу и взаимодействие в коллективе, и задача этого этапа – представить системный подход к разрозненным блокам дисциплин и получаемой информации. А магистратура помимо получения новых знаний и совершенствования профессиональных навыков и компетенций, должна быть направлена на развитие исследовательских навыков, а главное – побуждать к самостоятельному творчеству, научной смелости.

Очень важный аспект педагогической работы – усвоение этики преподавателя и исследователя, уважение чужого мнения, важность самокритики и неприятие плагиата. Стоит задуматься о корректировке «балльной» системы, которая оказалась способна превратить в общем-то очень нужное начинание – учет реальных научных достижений – в нечто противоположное! Ведь мы прекрасно осознаем, что «зарабатывание баллов» (в соответствии с туманными критериями) с наукой и вкладом в нее отдельного ученого или коллектива имеет очень мало общего. Недопустимо то, что преподаватель, зарабатывая баллы, вынужден «штамповать работы», причем по абсурдным требованиям лучше, чтобы их было три по 10 страниц, чем одна 30-страничная³. Из-за большой нагрузки и формальных требований к публикациям он практически лишен возможности постоянного самосовершенствования, эффективной исследовательской работы, написания фундаментальных работ, серьезных учебников, в том числе и потому, что институт «повышения квалификации», позволяющий провести полноценное исследование и подготовить издание к публикации, сегодня разрушен или превращен в формальность. Как выяснилось в ходе заседаний на форуме Российского профессорского

³ Что уж говорить о неясных критериях, обусловивших колоссальную разницу в оценке новаторских публикаций в престижных российских изданиях и зачастую незначительных по содержанию публикаций в журналах, внесенных в базу Scopus или Web of science. И дело даже не только в неуважении к нашей науке или в навязываемом нам финансировании зарубежных изданий, а в том, что в области филологии подобных изданий почти нет, а приоритет в них всегда будет отдаваться изданиям в русле зарубежных теорий (с обязательным их цитированием).

Конечно, будет лучше, если и наши издания, наконец, займут заслуженное место в этих базах, а новые идеи отечественных ученых благодаря новому формату российских изданий, предусматривающему краткие аннотации статей на английском языке, станут доступны и для иностранных коллег.

собрания (Москва, февраль 2019 г.), вузы сами вправе восстановить прежний формат повышения квалификации преподавателей и это делают.

К сожалению, такая важнейшая функция преподавания, как наставничество тоже ушла в прошлое. Тренд на онлайн-курсы губителен для фундаментальных наук, и дело не столько в «оптимизации» процесса обучения и потенциальном «высвобождении» ставок преподавателей или нарушении авторских прав создателей этих курсов, а в том, что преподавание заключается не только в функции передачи информации. С этой функцией скоро полностью сможет справиться компьютер или вживленный чип; преподаватель-филолог должен осознавать важность воспитательной работы и разностороннего развития личности учащихся, учить их учиться и мотивировать интерес к исследовательскому творчеству, именно поэтому интеллект и эрудиция преподавателя, его личный тезаурус, богатство души и ценнейший накопленный опыт научной и педагогической деятельности сегодня приобретают первостепенное значение.

Еще одна угроза – это всепроникающий дилетантизм. Воистину сейчас время дилетантов! Казалось бы, парадокс: уровень науки и образования вроде вырос, а профессионалов стало меньше, все чаще «любители» занимаются теми областями, в которых они не получили профессиональную подготовку и/или изучили их поверхностно, видимо, руководствуясь желанием сказать в востребованных областях *новое* слово. Я имею в виду овладевающий умами опыт иностранных университетов, в которых все чаще в рамках подготовки филологов психологи или социологи преподают искусство, теорию языка и литературу. Филологи-компаративисты, не владея языком оригинала, исследуют и сравнивают художественные тексты по их переводам; а другие используют методологию исследования общественных отношений при анализе языковых процессов или анализируют любые продукты человеческой деятельности или виды искусств – скорее движимые сегодняшней конъюнктурой, а не знаниями в избранной проблематике. Поверхностное и некритичное «внедрение» в умы учащихся *модной* темы, на мой взгляд, контрпродуктивно в нашей профессии. Широко образованный филолог, разумеется, обладает познаниями в различных областях гуманитарных и естественных наук и не может не увлекаться различными видами искусства, он хорошо знает историю национальной и мировой культуры и обязательно использует свои знания в научных работах и учебных курсах. Но профессиональный специалист – филолог без фундаментальной подготовки вряд ли станет читать общий курс по философии, психологии, истории живописи, кино или музыки и ставить в учебный

план курс по творчеству Эйзенштейна или Скрябина, по физиологии эмоций и т.п., что стало вполне естественным для многих зарубежных университетов.

Однако опыт зарубежных университетов может быть очень полезным для нас, когда речь идет об актуальных, оригинальных и перспективных направлениях во многих областях филологии, разрабатываемых целым рядом национальных школ, а также в области новаторских методик преподавания. Мы недостаточно используем ТСО, еще не умеем составлять интернет-задания, пособия и курсы, позволяющие студентам дополнить или углубить полученные на лекциях и семинарах знания, а также самостоятельно проконтролировать усвоение материала. Но для этого как минимум надо иметь эти ТСО и овладеть эффективной методикой их использования.

И в заключение затрону очень важный вопрос, который еще 30 лет назад показался бы нелепым, а сегодня стал актуальным – вопрос о защите чести и достоинства ученого и преподавателя университета. Осознание высокого звания, авторитета и предназначения университетского преподавателя как самими преподавателями, так и чиновниками – это необходимое условие для самореализации личности и ее творческого развития, и в то же время – это гарантия достижения высоких научных и образовательных результатов. Преподаватель университета должен быть личностью, авторитетом для студентов, а не ощущать себя потенциальным правонарушителем, загнанным в угол рамками наукометрии и сбитым с толку директивами и постоянно меняющимися требованиями чиновников министерств и ведомств, как правило, слабо представляющих себе основы и принципы научной и образовательной деятельности.

Список литературы

1. Садовничий В.А. Размышления математика о памятнике древнерусской литературы. М., 2017. С. 14.
2. Карп Н. Пустышка: что Интернет делает с нашими мозгами. М., 2012.

Yulia Obolenskaya

PHILOLOGY-CENTRED EDUCATION IN A NEW SOCIAL CULTURAL AND TECHNOLOGICAL CONTEXT

*Lomonosov Moscow State University
1 Leninskie Gory, Moscow, 119991*

The article is an amended version of the paper presented at the Lomonosov Readings International Conference at the Lomonosov Moscow State University in 2019.

Given the changing role of philological knowledge in the 21st century, as well as the nature of educational communications in universities, it discusses key problems and new challenges of Philology-centred education. Examining current issues of scientific research and activities of specialized institutes of the Academy of Sciences of Russia, special attention is paid to the tasks of philological education in the conditions of the Internet communication.

Key words: Philology; philological education; influence of the Internet communication; Internet technologies in universities; Fundamental Sciences; the role of the teacher.

About author: *Yulia Obolenskaya* – Professor, Head of the Department of Ibero-Romance Linguistics, Faculty of Philology, Lomonosov Moscow State University (e-mail: obolens7@yandex.ru).

References

1. Sadovnichij V.A. *Razmyshleniya matematika o pamyatnike drevnerusskoj literatury*. [Reflections of a mathematician on a monument of ancient Russian literature] Moscow, 2017. P. 14.
2. Karr N. *Pustyshka: chto Internet delaet s nashimi mozgami*. [Dummy: what the Internet does to our brains] Moscow, 2012.

ИЗ АРХИВА

Л.И. Соболев

ИЗ ПЕРЕПИСКИ П.А. ВЯЗЕМСКОГО С П.И. БАРТЕНЕВЫМ

ГБОУ школа № 67

121170, Москва, Кутузовский проезд, д. 10

По автографам, хранящимся в Российском государственном архиве литературы и искусства, публикуются с комментарием два письма из переписки П.А. Вяземского и П.И. Бартечева 1874 г., связанные с проектом собрания сочинений Вяземского и публикациями в «Русском архиве».

Ключевые слова: П.А. Вяземский, П.И. Бартечев, «Русский архив».

В настоящее время в «Литературном наследстве» готовится том переписки П.А. Вяземского с некоторыми его современниками. Необходимость этого издания давно уже очевидна: письма Вяземского представляют важнейшую часть его литературного наследия, о чем неоднократно писал он сам. Среди корреспондентов поэта последних десятилетий заметное место принадлежит издателю «Русского архива» Петру Ивановичу Бартечеву (сохранившаяся их переписка насчитывает около 350 писем; опубликована всего лишь малая часть; библиографию вопроса и новые публикации см.: [Ивинский, 2014]). Мы предлагаем два письма из этой переписки, продолжавшейся более 20 лет. Для Бартечева Вяземский – живой свидетель и хранитель пушкинской эпохи, интересовавшей издателя «Русского архива» всю его долгую жизнь; для Вяземского Бартечев – один из немногих собеседников, которому важны, нужны и интересны мельчайшие детали ушедшей культуры – культуры Карамзина, Жуковского, братьев Тургеневых. Вяземский пристрастно читает журнал Бартечева – одобряет одни публикации, критикует другие, исправляет хронологические ошибки и опечатки; активно сотрудничает своими статьями, выдержками из «Старой записной книжки».

Письма из Российского государственного архива литературы и искусства (ф. 46 Бартечева и ф. 195 Вяземских; указываем единицы хранения и номера листов) печатаются по современной орфографии и пунктуации с сохранением некоторых индивидуальных особен-

Соболев Лев Иосифович – заслуженный учитель России, учитель литературы ГБОУ школы № 67 г. Москвы (e-mail: lev-sobolev@yandex.ru).

ностей письма корреспондентов. В квадратных скобках даны слова, зачеркнутые автором. Даты указаны по старому стилю

ВЯЗЕМСКИЙ – БАРТЕНЕВУ

Гомбург 15/27 апр. 1874¹.

Надеюсь, что благополучно дошел до Вас мой обзор, на днях отправленный². – Очень охотно передам Вам и Барсукову полномочие собрать и напечатать мои отдельные прозаические статьи³. Тут дело не в уговоре и не в договоре, а главное в приискании и выборе статей, подлежащих печати. Всё это трудно, медленно, многосложно, ненадежно делать заочно и письменно. Тут хлопот, недосмотров, переписки не наберешься. Если Вам нельзя приехать, то приглашаю Барсукова недели на три с поличными или частью поличных в руках. Тогда дело вышло бы начистоту и на скороту. Много есть моего в «Литературной газете» Дельвига⁴, прозаические выдержки в «Цветах» его, может быть, и в «Полярной звезде»⁵. Должно быть кое-что и в «Вестнике Европы» Жуковского, под заглавием «Безделки», но, кажется, тут выбрать нечего⁶. Разумеется, моя главная литературная деятельность относится к «Телеграфу» в года соучастия

¹ Ед. 566. Л. 236–237об. Почерком Вяземского. Последние годы Вяземские провели в Гомбурге «перед высотами» (vor der Höhe); незадолго до смерти князя они переехали в Баден-Баден, где Вяземский скончался (10 ноября 1878 г.); через восемь лет, в 1886 г., там же умерла его жена, Вера Федоровна.

² Вяземский послал Бартеневу для публикации в «Русском Архиве» новые «Выдержки из старой записной книжки», которые печатались без подписи и указания автора.

³ В письме от 24 марта 1874 г. Бартенев писал: «Дабы серьезно приступить к исполнению того, о чем просил Вас еще Пушкин и чего добиваемся мы с Барсуковым, благоволиите написать нам на особом листке: “Дозволяю издателю “Р<усского> архива” П.И. Бартеневу и члену Археографической Комиссии Н.П. Барсукову собрать и напечатать отдельно прозаические мои сочинения с тем, чтобы из выручки от продажи этой книги половина была доставляема мне, а другую половину издатели удерживают в свою пользу”. <...> Заручившись таким позволением, мы начнем дело, т.е. по указателю, сделанному Лонгиновым, станем списывать и доставлять Вам статьи Ваши из журналов; а Вы изволите на себя взять труд главной редакции» (РГАЛИ. Ф. 195. Оп. 1. Ед. 1407. Л. 174). Барсуков Николай Платонович (1838–1906) – историк и библиограф; с начала 1870-х годов – корреспондент и помощник Вяземского в подготовке к публикации материалов его архива; принимал участие в издании полного собрания сочинений Вяземского.

⁴ См.: [Блинова, 1966].

⁵ Выдержки из записной книжки. Северные Цветы на 1827 год. СПб., 1827. С. 146–158; Выдержки из записной книжки. Северные Цветы на 1829 год. СПб., 1828. С. 218–236. В «Полярной звезде» (в трех выпусках) печатались только стихи Вяземского.

⁶ Безделки // Вестник Европы. 1808. № 24. С. 258.

моего в нем⁷. Тут, между прочим, есть письма мои из Парижа, например, о французской книге Ансело о России⁸. Всего не упомнишь. Надобно иметь [журнал] бумагу под глазами, чтобы всё разглядеть и во всё взглянуться. В «С.-Петербур. ведомостях» есть статьи мои о Сергее Глинке, Гоголе, Языкове⁹. Вот что могу на лету припомнить. Кстати, о посмертном рауте, который созывают вокруг Екатерины¹⁰ и о котором Вы говорите, получили ли Вы мою выписку из письма к Половцову¹¹? Разумеется, Моркову не след тут быть¹². Главная деятельность его при Александре. Его обвиняют, что он запутал и испортил шведское брачное дело, и этим, может быть, ускорил

⁷ См. [Попкова, 1990].

⁸ Письмо из Парижа в Москву к Сергею Дмитриевичу Полторацкому о книге *Six mois en Russie. Lettres écrites par M. Ancelot* // Московский телеграф. 1827. Ч. XV. С. 216–232; [Вяземский].

⁹ Языков. Гоголь. // С.-Пб. ведомости. 1847. № 90 и 91. 24 и 25 апреля. Были отдельные оттиски (СПб., 1847). Сергей Николаевич Глинка // С.-Пб. ведомости. 1847. № 277 и 278, 4 и 5 декабря.

¹⁰ После открытия памятника Екатерине II (ноябрь 1873 г.) был разработан проект сооружения в сквере рядом с памятником Екатерине II бронзовых статуй и бюстов, изображающих деятелей ее царствования; рядом с памятником Екатерине должны были разместиться шесть бронзовых скульптур и двадцать три бюста на гранитных постаментах. В рост должны были быть изображены: граф Н.И. Панин, адмирал Г.А. Спиридов, Д.И. Фонвизин, генерал-прокурор Сената князь А.А. Вяземский, фельдмаршал князь Н.В. Репнин и генерал А.И. Бибииков. В бюстах – Н.И. Новиков, путешественник П.С. Паллас, А.П. Сумароков, историки И.Н. Болтин и князь М.М. Щербатов, художники Д.Г. Левицкий и В.Л. Боровиковский, архитектор А.Ф. Кокоринов, граф Г.Г. Орлов, адмиралы Ф.Ф. Ушаков, С.К. Грейг, А.И. Круз, граф З.Г. Чернышёв, князь В.М. Долгоруков-Крымский, граф И.Е. Ферзен, граф В.А. Зубов; князь М.Н. Волконский, граф Я.Е. Сиверс, дипломат Я.И. Булгаков, П.Д. Еропкин, граф П.И. Панин, И.И. Михельсон, И.И. Меллер-Закомельский. Обсуждение кандидатур (на статуи и бюсты) было продолжительным и горячим. Проект не осуществлен.

¹¹ Выписку из письма к А.А. Половцову (письмо не опубликовано) Вяземский прислал Бартеневу в апреле 1874 г. Речь шла о том, чтобы не включать в число сподвижников Екатерины (см. примечание 10) фигуры Капниста и Новикова. *Половцов* Александр Андреевич (Половцев; 1832–1909) – сенатский чиновник, с 1873 г. – сенатор, с 1883 г. – статс-секретарь; один из основателей Императорского Русского исторического общества: в 1866–1879 гг. – его секретарь, а с 1879-го и до конца жизни – председатель. За счет личных средств Половцова с 1896 г. издавался «Русский биографический словарь».

¹² *Морков* Аркадий Иванович, граф (иногда Марков; 1747–1827) – дипломат; в 1781/82 гг. послан полномочным министром в Голландию, в 1783/84 гг. переведен посланником в Швецию; летом 1801 г. Александр I назначил Моркова послом в Париж для заключения мира с Францией; по требованию Наполеона, отозван в 1803 г. и назначен членом Государственного совета; в 1826 г. был назначен в Верховный уголовный суд по делу декабристов; Вяземский напечатал некролог Моркова (Московский Телеграф, 1827. Ч. XIV; ПСС, т. 1); Бартеневу принадлежит биография Моркова (М., 1857).

смерть Екатерины¹³. Кажется, в списке нет никого из чисто ученых, из Академии наук, например, Палласа, Лепехина¹⁴ ááá¹⁵

Признаться, я и сам в них не горазд, но всё же, кажется, стоило бы выдвинуть кого-нибудь.

Здесьний питейный сезон начинается с здешнего 15 мая, но достаточно приехать и в июне, и в июле, и в августе¹⁶. Нужно мне видеть письма Карамзина и Жуковского до решения и для решения, удобно ли печатать их¹⁷.

По-польски и теперь сад называется *ogrod*, огрудек (стран. 516 мартовского «Архива»)¹⁸. Вот придирка: что за честолюбивая прихоть возродилась в Вас – «бывший библиотекарь»¹⁹ áá

¹³ На 11 сентября 1796 г. было назначено бракосочетание шведского короля Густава-Адольфа IV и великой княжны Александры Павловны; «Причиной этого несостоявшегося брака было, говорят, упрямство короля, который ни за что не хотел согласиться на то, чтобы сестра моя имела при себе православную часовню, а также неумелость графа Моркова, которому было поручено составление брачного договора и который, желая устранить это затруднение, откладывал существенный пункт договора до последнего момента – пункт, который, как это ему было известно, положительно отвергался королем и без соблюдения которого императрица Екатерина не желала согласиться на брак, как почти *основной закон нашего дома*. Это было очень жестоким ударом для самолюбия императрицы. Сестра моя была уже причесана, все подруги ее были в сборе – ожидали лишь жениха, когда пришлось всё это остановить и распоряжения отменить. Все, которые были этому свидетелями, говорят, что это событие чуть не стоило жизни императрице, с которой приключилось потрясение или апоплексический удар, от которого она уже не могла оправиться». (Воспоминания о младенческих годах императора Николая Павловича, записанные им собственноручно / Пер. с франц. СПб., 1906. С. 5–6).

¹⁴ Петр Симон Паллас (*Peter Simon Pallas*, 1741–1811) – немецкий ученый-энциклопедист, естествоиспытатель и путешественник на русской службе (1767–1810), биолог, географ, геолог, этнограф; организовал экспедиции по Сибири и Южной России. Иван Иванович *Лепёхин* (1740–1802) – ученый-энциклопедист, путешественник, естествоиспытатель, академик Петербургской академии наук (1771).

¹⁵ Знак á в письмах Вяземского означает: и так далее.

¹⁶ Имеется в виду лечение минеральными водами, чем до сих пор славится Бад-Гомбург.

¹⁷ Вяземский отвечает на просьбу Бартенева в предыдущем письме напечатать письма Карамзина и Жуковского, адресованные ему. Четыре письма Карамзина к Вяземскому напечатаны еще в 1866 г. (№ 2. Стб. 229–236); после этого в «Русском архиве» новых публикаций не было; в журнале Бартенева напечатано «Письмо Жуковского к кн. П.А. Вяземскому из Москвы в Варшаву» (1896. № 10. С. 205–208).

¹⁸ В «Книге прихода-расходной комнатных денег императрицы Екатерины Первой» (Русский архив. 1874. Вып. 3. Стб. 513–568) в указанном столбце сообщается: «Ее величество изволили быть в своем огороде, к чему Бартенев сделал примечание: «Сады еще очень долго назывались огородами. <...>»

¹⁹ На титульном листе журнала после заглавия («Русский архив») стояло: «Издаваемый Петром Бартевым (бывшим библиотекарем Чертковской библиотеки)».

У нас лето, теплота, зелень, даже соловьи зачиликали. А Лажечниковой адрес?²⁰ Ваш учитель истории, кажется, записывается, исписывается²¹. История учит нас не делать из мухи слона: но она же учит нас не принимать собачонку, как она ни мала, но если есть в ней приметы бешенства, за божью коровку.

Англия не пример континенту²². Что Англия может вытерпеть, что ей здорово, то другим смерть. В Лондоне собираются и расхаживают по улицам стотысячные протестующие или требующие толпы, и всё обходится благополучно. Попробуйте такие прогулки в Париже, Петербурге. Легко говорить г. учителю о петрашевцах²³. В Англии они были бы соломеньями <так>, скользящими по Темзе. У нас они дело другое, и правительство не могло не обратить на них внимание и карательных мер. А в Англии бывают попытки реакционные, доказательством тому служат перемены министерств. Когда слишком потянут влево – является правая сила, и наоборот. Неизменно Вам преданный Вяземский

Вся история, вся жизнь есть борьба: ни история, ни жизнь никогда не идут столбовою дорогою прямо к цели, не пошатываясь то на одну, то на другую сторону. Вот что должно знать учителю <на полях слева:> истории, а не думать, что эти колебания, нормальные и нужные, являются только в России.

²⁰ В одном из предыдущих писем Вяземский просил у Бартенева адрес вдовы И.И. Лажечникова, которой по его ходатайству была выплачена денежная помощь.

²¹ Это и дальнейшие замечания Вяземского относятся к публикации Д. Иловайского «Уроки истории» (Русский архив. Вып. 3. Стб. 801–825; первая часть под тем же заглавием: вып. 2. Стб. 0549–0577). *Дмитрий Иванович Иловайский* (1832–1920) – историк, публицист, автор учебников для средних учебных заведений. Вторая его статья называется «Мнимые охранители», начинается она следующими строками: «Разного рода страхи, навешиваемые на наше общество революционными движениями Западной Европы, с особой наглядностью проявились после событий 1848 и 1849 гг. Начались усиленные, чрезвычайные меры предосторожности в видах спасения существующего порядка, хотя никакая сколько-нибудь серьезная опасность не угрожала этому порядку» (801). Против подобного взгляда, недооценивающего опасность революционных кружков в России, направлены возражения Вяземского.

²² Д. Иловайский говорит о равновесии политической жизни в Англии, о недопустимости сравнения английских консерваторов и российских охранителей (821–822).

²³ Ср.: «Можно ли, например, придавать какое-нибудь серьезное значение кружку молодых людей, известному под именем “петрашевцев”? Подобные кружки, предоставленные самим себе, обыкновенно кончались распадением и приходили к сознанию своей полной ничтожности. Но, захваченные в момент своей отрицательной, не скажу деятельности, а точнее болтливости, они с помощью разных сближений и преувеличений получали некоторое значение в глазах общества и обыкновенно вызывали чрезвычайные меры» (801).

Поминаю бога имений бездоходных, сидя в Саратовской моей усадьбе²⁵, куда приехал на неделю взглянуть, что делается с моим отличным черноземом. Кажется, что нынешний год Ваш стих минует меня своею правдою²⁶. С 1872 года у меня живет прикащик, уже начавший доставлять мне доходы. А даже и мой глаз ужиряет, если не коней, то волов Лысогорских, коих считается до 80²⁷!

Саратовская степь напоминает мне автора «Старой записной книжки». Я виноват перед Вашим сиятельством, не известив до сих пор о получении новых выдержек (доктор – Скюдери? – Мамзель Жорж и пр.). Они уже набраны и скоро появятся в свет²⁸. По давнему знакомству с Батюшковыми²⁹, я счел нужным предварительно прочитать им страницы о Кривцове³⁰. Они сделали одно замечание: Кривцов в молодости очень любил общество, а у Вас сказано: умеренно любил. Это будет помещено внизу с моими П. Б.³¹ Остальное всё Софья Николаевна нашла вполне верным; но Помпей, как мне показалось, сморщился от выражения второстепенный деятель³². В его и супруги его глазах Кривцов – что-то в роде непризнанного гения. Они дали мне его записку об освобождении крестьян, поданную в 20-х годах (разумеется, без земли) и другую 40-х годов о соединении Москвы с Саратовом железною дорогою. Таким образом, изволите видеть,

²⁴ РГАЛИ. Ф. 195. Оп. 1. Ед. 1407. Л. 180–181об. Почерком Вяземского: «отвечал 28 мая с.с.».

²⁵ В 1868 г. Бартенев приобрел имение Лысые Горы в Аткарском уезде Саратовской губернии.

²⁶ Имеется в виду строка из стихотворения Вяземского «Русский бог»: «Бог голодных, бог холодных,/ Нищих вдоль и поперек,/ Бог имений недоходных,/ Вот он, вот он русский бог».

²⁷ Ср. у Даля пословицу: «От хозяйского глаза и конь добрее» [Даль, 1879: 77].

²⁸ Русский архив. 1874. Вып. 7. Стб. 186–208.

²⁹ *Батюшковы* – Помпей Николаевич (1810–1892), младший брат поэта, и Софья Николаевна (1821–1901), дочь Н.И. Кривцова.

³⁰ Николай Иванович *Кривцов* (1791–1843) – участник Отечественной войны 1812 г., чиновник Коллегии министерства иностранных дел (в 1818–1819 в русском посольстве в Лондоне); тульский (1823–1824), воронежский (1824–1826) и нижегородский (1827) губернатор; приятель Пушкина. О нем в указанной публикации из «Старой записной книжки».

³¹ Замечание Вяземского в стб. 206; примечание Бартенева под строкой: «Сколько нам известно, в первой молодости Н.И. Кривцов любил бывать в обществе. См. нашу заметку об этом достопамятном лице в “Русском архиве” 1864 г., стр. 1087».

³² Выражения «второстепенный деятель» у Вяземского нет; он пишет: «Есть лица, которых портреты во весь рост не попадают в исторические выставки. История их не выдает; но не менее того силуэты их имеют полное право занять место в приятельском альбоме или в перечневой ведомости современных личностей» (204–205).

как почва старины возделывается Вашими драгоценными воспоминаниями³³. Батюшковы ссылаются на Карамзина, высоко ценившего ум Кривцова. Я им, конечно, не указал на отзывы Карамзина в письмах его к Дмитриеву, изданных Академиею. Если эта книга при Вас, извольте взглянуть по азбучному указателю, под словом Кривцов³⁴. – Племянница его, Ольга Павловна (моя ученица), жена Николая Михайловича Орлова, прозвала башню в Любичах футляром, куда ставить мадам Тимирязеву³⁵. Бога ради, меня не выдайте. (C'était un étui pour m-me T.)³⁶

Дозвольте же мне напечатать высланный к Вам отрывок Карамзина о конституции³⁷. В нем прекрасно выражено политическое убеждение Карамзина, а мы, архивисты, обязаны подбирать такие выражения. Прикажите Барсукову доставить Вам или привезти в Гомбург приведенные им в хронологию письма Карамзина, а также не приведенные еще в оную письма Жуковского. Простите, Бога ради, таковую мою археологическую наглость; но если даже и не печатать, то просто перечитать вместе с Вами эти письма было бы для меня

³³ В небольшой заметке Д.Д. Рябинина (Русский архив. 1874. Вып. 9. Стб. 725–728) говорится, в частности, о полезной деятельности Кривцова – воронежского губернатора.

³⁴ В этой переписке Кривцов упоминается либо нейтрально, либо одобрительно; единственный раз ирония Карамзина проявляется в сообщении, что Кривцов выпросил у государя в связи с женитьбой множество благ (293).

³⁵ *Ольга Павловна Орлова* (1838–1926), дочь родного брата Н.И. Кривцова Павла Ивановича (1806–1844), жена *Николая Михайловича Орлова* (1822–1886); *Любичи* – имение Н.И. Кривцова в Тамбовской губернии; как пишет Вяземский, Н.И. Кривцов выстроил в своем имении «каменную, готическую, английскую башню» (205). *Мадам Тимирязева* – Софья Федоровна, урожд. Вадковская, по первому мужу Безобразова (1799–1875), жена И.С. Тимирязева. С.Ф. Тимирязева была очень высокого роста (около 180 см); Федор Иванович Тимирязев (ее сын, 1832–1897) напечатал в журнале Бартенева воспоминания, в которых читаем: «Однажды после обеда, когда перешли в кабинет и Пушкин, закулив сигару, погрузился в кресло у камина, матушка начала ходить взад и вперед по комнате. Пушкин долго и молча следил за ее высокою и стройною фигурою и, наконец, воскликнул: “Ах, Софья Федоровна, как посмотрю я на вас и ваш рост, так мне всё и кажется, что судьба меня, как лавочник, обмерила”. А матушка была действительно необыкновенного для женщины роста (2 аршина 8 ½ вершков) <...>». (*Тимирязев Ф.* Страницы прошлого // Русский архив. 1884. Вып. 1. С. 155–180; вып. 2. С. 298–330; этот эпизод – с. 313. Ф.И. Тимирязев поместил в «Русском архиве» (1873. Вып. 7. Стб. 01319–01331) рассказ С.Ф. Тимирязевой (в собственном изложении) о свидании ее с императором Александром I с просьбой простить И.Ф. Вадковского, ее старшего брата. Вяземский посвятил ей стихотворение «К С.Ф. Безобразовой. В деревню» (ПСС. Т. 3. С. 272–274).

³⁶ «Это был футляр для г-жи Т.» (*франц.*).

³⁷ Неясно, о каком отрывке идет речь. В «Русском архиве» за 1911 год (вып. 8, с. 561–563) напечатано сочинение Карамзина под заглавием «Для потомства», в «Прибавлении» к которому писатель передает свой последний разговор с Александром I, в заключение которого царь обещал дать России «коренные законы».

самым заманчивым лакомством. Если мои архивные, финансовые и педагогические обстоятельства благоприятно устроятся, я снова отдам себя во власть железному пути и с Вашего позволения явлюсь к Вашему сиятельству, прося, как особенного одолжения, не заботиться о моем помещении: будет у Вас свободный угол, хорошо; не будет, и то не беда.

Лажечникову я наконец отыскал. Она уверяет, что несколько раз к Вам писала и извещала о получении 1000 рублей. Она исполнена глубокой к Вам признательности. Живет скромно, но очень порядочно относительно внешней обстановки. Ее квартира: под Новинским, в церковном доме Казанской Божией матери. Вид из ее окон удивительный. Сама она меня поразила своею молодостью, так что сначала подумал, что это дочь, а не вдова Лажечникова³⁸.

Простите, глубокоуважаемый князь. Одолжите меня, передав княгине³⁹ мое почтительное приветствие.

С глубоким чувством Ваш П. Бартенев.

P.S. Барсукову очевидно хочется одному заняться изданием Вашей прозы. Я ему писал, что это не мешает мне всячески ему содействовать.

Список литературы

1. Блинова Е.М. «Литературная газета» А.А. Дельвига и А.С. Пушкина. 1830–1831. Указатель содержания. М., 1966.
2. Вяземский П.А. Полн. собр. соч.: В 12 т. СПб., 1878–1896.
3. [Даль В.] Пословицы русского народа Владимира Даля. Т. II. М.; СПб., 1879.
4. Ивинский Д.П. П.И. Бартенев и князь П.А. Вяземский: заметки и материалы к теме // *Studia Polonoslavica*. К 90-летию со дня рождения Е.З. Цыбенко. М., 2014. С. 262–291.
5. Попкова Н.А. Московский телеграф, издаваемый Николаем Полевым: Указатель содержания. Вып. 1–3. Саратов, 1990.

Lev Sobolev

FROM CORRESPONDENCE BETWEEN P.A. VYAZEMSKY AND P.I. BARTENEV

School № 67

10, Kutuzovskii proezd, Moscow, 121170

Two letters from the correspondence between the poet P.A. Vyazemsky and the literary critic and historian P.I. Bartenev (1874) are published with a commentary

³⁸ Лажечникова Мария Ивановна (урожденная Озерова; 1830? – 1906) – вторая жена писателя И.И. Лажечникова (с. 1853 г.), моложе его на 38 лет.

³⁹ Вяземская Вера Федоровна, княгиня (урожденная княжна Гагарина; 1790–1886) – жена П.А. Вяземского.

(the autographs are kept in The Russian State Archive of Literature and Arts). The correspondence is related to the project of publishing Vyazemsky's complete works and publications in the magazine 'Russian Archive'.

Key words: P.A. Vyazemsky; P.I. Bartenev; "Russian Archive".

About the author: *Lev Sobolev* – Honoured Teacher of Russia, Literature Teacher at School № 67 (e-mail: lev-sobolev@yandex.ru).

References

1. Blinova E.M. "*Literaturnaia gazeta*" A.A. Del'viga i A.S. Pushkina. 1830–1831. *Ukazatel' soderzhaniia* ["Literary Newspaper" by A.A. Delvig and A.S. Pushkin. 1830–1831. Index of Content]. M.: *Kniga*, 1966. 208 p. (In Russ.)
2. Viazemskii P.A. *Polnoe sobranie sochinenii: V 12 vol.* [Complete Works: In 12 vol.] SPb., *Tipografiia M.M. Stasiulevicha*, 1878–1896. (In Russ.)
3. [Dahl V.] *Poslovitsy russkogo naroda Vladimira Dalia* [Proverbs of the Russian People by Vladimir Dahl]. M., SPb.: *M.O. Wolf Publ.* 1879. Vol. II. 660 pp. (In Russ.)
4. Ivinskii D.P. P.I. Bartenev i kniaz' P.A. Viazemskii: zametki i materialy k teme [P.I. Bartenev and Prince P.A. Vyazemsky: Notes and Materials]. *Studia Polonoslavica. K 90-letiiu so dnia rozhdeniia E.Z. Tsybenko* [To the 90th Anniversary of E.Z. Tsybenko]. M.: *Moscow State University Publ.*, 2014, pp. 262–291. (In Russ.)
5. Popkova N.A. *Moskovskii telegraf, izdavaemyi Nikolaem Polevym: Ukazatel' soderzhaniia*. [Moscow Telegraph Published by Nikolai Polevoy: Content Index.] Issues 1–3. Saratov: *Saratov State Univ.*, 1990. 187 p. (In Russ.)

РЕЦЕНЗИИ

Т.Н. Белова

**ЛИВЕРГАНТ А. Я. ВИРДЖИНИЯ ВУЛФ:
«МОМЕНТЫ БЫТИЯ».**

М.: ИЗДАТЕЛЬСТВО АСТ, 2018. 448 с.

*Федеральное государственное бюджетное образовательное учреждение
высшего образования*

*«Московский государственный университет имени М.В. Ломоносова»
119991, Москва, Ленинские горы, 1*

В рецензируемой монографии о творческом пути известной английской писательницы, поклонницы и исследовательницы русской литературы В. Вулф рассматриваются не только основные этапы ее становления и художественного развития, но и особенности литературного процесса в Великобритании 1900–1930-х годов; дана емкая характеристика роли наиболее выдающихся литераторов, философов, историков и искусствоведов, тесно общавшихся с писательницей.

Ключевые слова: английская литература; эпоха модернизма; русская литература; литературные традиции; литературоведение и критика.

В монографии А.Я. Ливерганта, исследователя и переводчика английской литературы, анализируются основные этапы жизненного и творческого пути известной английской писательницы эпохи модернизма В. Вулф, писательницы, внесшей, в частности, большой вклад в изучение и популяризацию русской литературы.

Смерть отца в 1904 г., по меткому замечанию автора, перенесла сестер и братьев Стивенов из «викторианской эпохи в эдвардианскую» (с. 50).

В монографии рассмотрены основные этапы становления В. Вулф как писательницы и критика. Анализируя ее первый роман о любви и смерти, «По морю прочь» (“The Voyage Out”, 1915), Ливергант обнаруживает явное влияние «блумсберийских ценностей»: «преобладание духовного начала над материальным, повышенный интерес к передаче чувств, к психологическому рисунку и “пониженный” – к интриге, сюжетной динамике» (с. 109). Неудивительно, что в собирательном образе нарцисса-интеллектуала и правдоискателя Сент-Джона Хёрста «блумсберийцы» увидели самих себя. Исследователь справедливо отмечает метафоричность повествования, интерес к

Белова Татьяна Николаевна – кандидат филологических наук, старший научный сотрудник лаборатории «Русская литература в современном мире» филологического факультета МГУ имени М.В. Ломоносова (e-mail: tnbelova@yandex.ru).

детали и зоркую наблюдательность писательницы. Характеризуя стилистику ее ранних романов, например «День и ночь» (1919), он шаг за шагом выявляет те самые недостатки, которые претят самой писательнице позднее (см. ее более поздний манифест модернизма – эссе «Современная литература», 1925), и приходит к вескому выводу о том, что «практиком модернизма В. Вулф стала позже, чем теоретиком» (с. 188). Он тонко анализирует поэтику сборника рассказов «Понедельник ли, вторник» (1921), получивший высокую оценку критики, где нет единой картины мира, а вместо сюжета – настроение, атмосфера неясности, зыбкости, текучести; вместо героев – малозаметные, нерешительные, неуверенные в себе «чеховские» персонажи, жаждущие истины, предчувствующие ее, но продолжающие жить «по накатанной» (с. 192).

Своей малой прозой, по справедливому заключению исследователя, В. Вулф «вплотную подводит нас к романам двадцатых годов, составивших ее славу» (с. 196). Так, в ее первом модернистском романе «Комната Джейкоба» (1922) сюжет представлен не как цепочка событий, а как «вспышки ощущений» (с. 205), – прием, которым и создается ее поэтическая проза. Роман рассматривается им именно с точки зрения того нового, необычного, что внесла в его стилистику и образность В. Вулф, при этом он вступает в спор как с его английскими критиками – А. Беннетом, У. Алленом, так и с отечественным – Н. Мельниковым, назвавшим это произведение «нечитабельным шедевром» (с. 203).

Анализируя успешный модернистский роман В. Вулф «Миссис Дэллоуэй» (1925), Ливергант подчеркивает, что, несмотря на ее отрицательный отзыв о джойсовском Улиссе (многословие, претенциозность, трюкачество), писательница все же многое у него почерпнула: не только внутренний монолог и ассоциативное письмо, но и контрапункт, светотень, антитезу, контрастное сопоставление. Сравнивая особенности изображения разнообразных типов светского общества у В. Вулф, исследователь проводит убедительные параллели с романами Толстого, Грибоедова, Пушкина, Свифта, Стерна, Теккерея, что удачно расширяет рамки монографии.

Анализируя биографический роман – «элегическую книгу памяти» о детстве и родителях «На маяк» (1927), которую сама Вулф назвала «психологической поэмой» (с. 290), Ливергант рассматривает его с разных жанровых ракурсов: как притчу, где «истинными героями являются Память, Дом, Маяк» (с. 291), как феминистский роман о меняющейся судьбе женщины в современном мире, как асоциальный модернистский роман чеховского настроения и даже как своеобразную симфоническую поэму, перенасыщенную метафорами и сравнениями.

Не менее интересен и его анализ необычного романа «Волны» (1930), где шесть персонажей, подменяя друг друга, своими внутренними монологами создают некий моноспектакль, причем не произнося их вслух (они, безусловно, разобщены, но едины в своей разобщенности), а также обрамляющих его двух биографических эскапад: «Орландо» (1928) и «Флаш» (1933), имеющих смеховой характер. Первая – шутка о молодом человеке, каким-то образом пробившемся сквозь толщу четырех веков и с удивлением наблюдающем столь кардинально менявшиеся общественные нравы, причем на последнем этапе неожиданно превращающемся в женщину; вторая – сатирическое описание жизненных перипетий кокер-спаниеля, начиная с «древней» истории его предков, а также его хозяев – четы английских поэтов XIX в., показанных глазами их питомца, что вводит в книгу прием остранения, создающий мощный смеховой эффект.

Наконец, исследователем анализируется роман «Годы» (1937), ставший бестселлером в США. Он написан в жанре семейной саги, хотя и представляет собой лишь «камерные сцены из многолетней жизни большого семейства» (с. 372). Но как отмечала сама Вулф, «в книге нет жизни». По мнению А. Ливерганта, здесь писательница «становится жертвой собственных установок», поскольку считает, что роман – «не череда событий», а «развитие переживаний», однако в книге нет ни того, ни другого.

Сборник статей «Обыкновенный читатель» (1925) позволяет высоко оценить важную для Вулф ипостась литературного критика. В 1904–1940 гг. ею написано более 400 статей, эссе, рецензий, публиковавшихся в английской и американской периодической печати, где она на известные всем книги и их авторов смотрит по-новому, как бы «открывая давно открытое, прозревает в старом новое» (с. 268). Исследователь подчеркивает широту ее интересов – от античных авторов, елизаветинцев, просветителей, романтиков и поэтов-метафизиков до викторианцев и модернистов.

Вулф-критик говорила и о творчестве Толстого, Достоевского, Чехова, которое, по ее мнению, «значимо по сей день», поскольку русская литература отличается «взрослостью», зрелостью, по сравнению с «детскостью» английской (с. 271).

Увлечение Вулф русской литературой было настолько велико, что они с мужем даже брали уроки русского языка, занимались переводами, а в 1917 г. создали свое семейное издательство «Хогарт-пресс», в котором публиковали, в частности, Бунину, Горького и др. Подробно рассмотрены аллюзии на Пушкина, Тургенева, Чехова, Достоевского в прозе Вулф. Об их творчестве она написала 17 эссе, не вошедших в ее сборник критической эссеистики «Обыкновенный читатель», где заявила о прямой связи английского модернизма с творчеством

Чехова, и о том, что она сама позаимствовала у Чехова атмосферу его произведений («серый тусклый фон»), сюжет с подтекстом, который важнее самого текста, как и ощущение «неопределенности и неразрешимости» в финале (с. 280).

Монография Ливерганта открывает отечественному читателю новые неизвестные ему грани творческого бытия В. Вулф, предлагает глубокое осмысление ее литературно-критического наследия.

Tatiana Belova

**LIVERGANT A. VIRGINIA WOOLF:
“MOMENTS OF BEING”.**

M.: AST PUBLISHING HOUSE, 2018. 448 p.

*Lomonosov Moscow State University
1, Leninskie Gory, Moscow, 119991*

The reviewed monograph on the life and work of the famous modernist English writer and an admirer and researcher of Russian literature V. Woolf studies not only the main landmarks of Woolf's literary career but also some special features of the British literary process in the 1900's – 1930's. It also gives a detailed characteristic of the intellectual milieu that deeply influenced Woolf's rise as a writer and literary critic.

Key words: English literature; the epoch of modernism; Russian literature; literary traditions; literary studies and critique.

About the author: *Tatiana Belova* – PhD, Senior Researcher, Department of Russian Literature in the Modern World, Faculty of Philology, Lomonosov Moscow State University (e-mail: tnbelova@yandex.ru).

НАУЧНАЯ ЖИЗНЬ

А.В. Назарова

VI МЕЖДУНАРОДНАЯ НАУЧНАЯ КОНФЕРЕНЦИЯ «РУССКАЯ ЛИТЕРАТУРА XX–XXI ВЕКОВ КАК ЛИТЕРАТУРНЫЙ ПРОЦЕСС (ПРОБЛЕМЫ ТЕОРИИ И МЕТОДОЛОГИИ ИЗУЧЕНИЯ)»

*Федеральное государственное бюджетное образовательное учреждение
высшего образования
«Московский государственный университет имени М.В. Ломоносова»
119991, Москва, Ленинские горы, 1*

Обзор посвящен VI Международной научной конференции «Русская литература XX–XXI вв. как литературный процесс (проблемы теории и методологии изучения)», которая состоялась на филологическом факультете МГУ 18 и 19 декабря 2018 г. Конференция включала два пленарных заседания и работу восьми секций, где обсуждался широкий спектр вопросов, связанных с актуальными проблемами современного литературоведения. Конференция помогла обобщить научные результаты, накопленные отечественной и мировой литературоведческой русистикой за последние годы, что позволило участникам составить представление о переходных процессах в методологии в современной филологической науке и их закономерностях, наметила новые пути изучения русской литературы XX – начала XXI в., а также способствовала интеграции знаний и практического взаимодействия российских и зарубежных специалистов-литературоведов.

Ключевые слова: литературоведение; литературный процесс; русскоязычная литература; методология; стилевые парадигмы; художественность; творческие связи.

18 и 19 декабря 2018 г. на филологическом факультете МГУ прошла VI Международная научная конференция «Русская литература XX–XXI веков как литературный процесс (проблемы теории и методологии изучения)». Ее целью стало выявление и решение фундаментальных научных проблем современного литературоведения, обращенного к истории русской литературы Серебряного века и эмиграции, XX столетия и современного литературного процесса, а также

Назарова Анастасия Викторовна – кандидат филологических наук, преподаватель кафедры истории новейшей русской литературы и современного литературного процесса филологического факультета МГУ имени М.В. Ломоносова (e-mail: raznastas@gmail.com).

литератур народов России. В конференции приняли участие более ста ученых из России (Воронежа, Екатеринбурга, Санкт-Петербурга, Сургута, Твери, Челябинска, Ярославля и др.) и зарубежья (Беларуси, Болгарии, Ирана, Китая, Узбекистана и др.). Рабочий формат мероприятия включал два пленарных и восемь секционных заседаний, проблематика которых была сформулирована с опорой на давнюю традицию конференции строго хронологического изучения русского литературного процесса в аспекте преемственности классических традиций как русского реализма, так и модернистских и постмодернистских явлений русской литературы.

На открывшем работу конференции **пленарном заседании** выступили ведущие российские и зарубежные литературоведы, которые предложили новые ракурсы в изучении истории отечественной словесности, в частности поставив вопросы о разнице типологического восприятия символизма в русском и европейском литературном контекстах (*В.В. Полонский*), способах эстетического самоопределения и личных и творческих взаимоотношениях таких писателей XX в., как В.В. Набоков, М. Горький, А.И. Солженицын, Н.А. Клюев и др. (*Н.Л. Блищ, М.М. Голубков, Н.М. Солнцева*), связи тематики и уровня художественности в русской литературе XX в. (*С.И. Кормилов*) и проблеме влияния на нее нормативной эстетики социалистического реализма (*Б.В. Соколов*). Завершила заседание презентация книги *Н.М. Малыгиной* «Андрей Платонов и литературная Москва» (СПб., 2018), в которой показано подлинное место писателя в современной ему литературной среде.

В докладах первой секции «**Теоретические аспекты изучения русской литературы XX – начала XXI веков**» обсуждались проблемы изучения стилевых парадигм прозы двадцатого столетия (*М.Б. Лоскутникова*), формирования тенденций неомодернизма (*Д.В. Кротова*) и осмысления языка как предмета художественного восприятия в современной русской литературе (*М.А. Хлебус*), научного потенциала методологии персоноцентризма (*А.Н. Андреев*), концепции «метапрозы» (*Лю Мяовэнь*) и исследований травмы (*А.И. Именных*), анализа «высоких» и «низких» жанров словесности сквозь призму категории «возвышенного» (*иерей Г. Белькинд*), функционирования экфрасиса в русской и белорусской литературах последних десятилетий (*Т.Е. Автухович*), закономерностей развития и факторов популярности в XX – начале XXI в. жанров травелога (*Л.С. Кислова*) и «романа с ключом» (*Е.А. Даутова*).

Участники второй секции «**Литературы народов России и межнациональные взаимодействия**» говорили о проблемах идентичности и бытования национального нарратива в ситуации транскультурной мобильности (*К.К. Султанов*), интермедальности

(И.В. Монисова), соотношения элементов христианского учения, национальных и авторских мифологий (Н.П. Дворцова), своеобразие документального повествования (И.В. Булгутова) и жанрово-тематических особенностей (Р.М. Ханинова, В.В. Сорокина) русскоязычных литератур, правомерности выделения «литературы Южного Урала» (О.М. Давыдов), переводческой рецепции «Тихого Дона» в Иране (Парване Пулаки) и восприятии русской литературы в современной Хорватии (Сандра Никоletic).

В выступлениях третьей секции «*Литературный процесс рубежа XIX–XX веков*» были затронуты вопросы об устойчивых чертах лирической рефлексии искусства Востока в поэзии М.А. Кузмина и Г.В. Иванова (А.В. Леденев), мотиве танца как основном сюжетобразующем элементе пьесы «Жизнь Человека» (Чиан Чиэх Хан) и ее близости к экспрессионистской форме «драмы состояний» (О.И. Хайрулина), своеобразии трактовки вечного типа Дон-Жуана в одноименной пьесе С.Н. Дурылина (Е.А. Коришнунова), отражении экспрессионистских и сюрреалистических тенденций в урбанистической лирике В.В. Маяковского (Д.П. Крылова).

Темами обсуждения участников четвертой секции «*Русская литература первой половины XX века*» стали кинематографический план в сценариях М.А. Булгакова (Н.З. Кольцова), новые трактовки ряда персонажей в «Мастере и Маргарите», а также романе И. Ильфа и Е. Петрова «Золотой теленок» (Орлин Стефанов), продолжение акмеистической традиции и сюрреалистические тенденции в поэзии русского зарубежья (А.А. Хадынская, О.С. Кочеткова), семантика заглавий поэтических и прозаических книг эмигрантов первой волны (А.А. Семина, Н.В. Летаева), жанровая эволюция поэмы В.В. Маяковского (Т.А. Купченко), полифонический характер политических памфлетов О.Э. Мандельштама (А.В. Нижник), временная организация в романах В.В. Набокова и Г. Газданова (Янь Куань), рецепция китайской культуры обэриутами (Ян Шэнь).

Доклады на пятой секции «*Русская литература второй половины XX века*» касались вопросов развития и взаимоотношения официальной и неофициальной литератур в условиях идеологического контроля (Е.П. Мельничук), творчества малоизученных авторов второй половины XX в., второй и третьей волн эмиграции (Г.В. Зыкова, А.Е. Чернова, О.С. Лалетина, Е.В. Хворостьянова), рецепции русской «деревенской прозы» в Болгарии (Н.А. Черникова). Также участники предложили новые подходы к изучению прозы В.П. Некрасова, (Е.Ю. Зубарева), Ю.М. Нагибина (В.Н. Пахтусова), В.М. Шукшина (О.В. Зубова), Б.Л. Пастернака (Цзоу Вэньяо) и В.С. Маканина (Гун Цинцин), поэзии К.М. Симонова (И.Н. Коржова).

Шестая секция «*Современный литературный процесс*» была разделена на две подсекции. В первой докладчики сосредоточились на анализе творчества наиболее ярких представителей современной «массовой литературы», среди которых прозаики А.В. Иванов (*И.Б. Ничипоров, М.С. Руденко*), П.В. Крусанов (*П.Е. Стиваковский*), В.Г. Сорокин (*Н.П. Иордани*), Е.Г. Водолазкин (*М.В. Бочкина*), М. Вострышев и О. Клюкина (*Е.В. Суровцева*), поэты Г. Шульпяков и М. Степанова (*А.С. Бокарев*).

Темами выступлений на второй подсекции стали особенности творческого метода Ю. Красавина (*Н.В. Лосева*), функции художественных деталей в романах Ю.М. Полякова (*Н.Э. Ибадова*) и О.А. Славниковой (*Ю.Ю. Шестакова*), менипповых элементов в драматургии И.А. Вырыпаева (*Ван Лидань*), связь лирики Б. Окуджавы и Б. Рыжего с классической и европейской поэтической традициями (*Г.А. Шпилевая, Е.А. Толчеева, Н.Л. Быстров*), влияние китайской мифологии, философии и литературы на прозу В.О. Пелевина (*Го Вэй*).

Участники седьмой секции «*М. Горький, А.И. Солженицын: два юбилея 2018 года*» в своих сообщениях осветили малоисследованные области в наследии двух крупнейших писателей XX столетия, в том числе близость между прозой, драматургией и публицистикой М. Горького и Л.Н. Андреева (*М.В. Михайлова*), Е.Н. Чирикова (*А.В. Назарова*), И.А. Бунина (*Н.М. Кознова, О.Н. Фенчук*), жанрово-стилевое новаторство автобиографической прозы А.И. Солженицына (*Ш.Г. Умеров*), своеобразие персонажной системы его произведений о Первой мировой войне (*Е.В. Жуйкова, Би Цзюньжу*) и восприятие солженицынского творчества в современном Китае (*Жень Гуаньсюань*).

Восьмая секция «*Проблемы литературы для детей и подростков*» была посвящена проблемам формирования детского круга чтения (*Н.А. Нерезенко, О.С. Октябрьская*), истории молодежных изданий на примере журнала «Юность» (*В.Е. Шинкарук*), разнообразию художественных средств воздействия на детское сознание (*Г.К. Орлова, О.М. Кириллина, Ши Юйцин*).

На **заключительном пленарном заседании** были подведены итоги конференции и намечены дальнейшие научные перспективы. В докладах выступающих шла речь о влиянии открытий авангарда на акмеистическую традицию на примере поэзии О.Э. Мандельштама (*А.И. Чагин*), теоретических подходах к определению места «деревенской прозы» в развитии русской литературы от средневековья до современности (*А.Ю. Большакова*), влиянии на литературный процесс этапов формирования пушкинской иконографии (*Т.Г. Шеметова*), изучении творчества русских авторов XXI в. в КНР (*Ли Синьмэй*). Работу заседания завершил доклад-презентация о проекте «Не выходя из комнаты» пяти выпускников аспирантуры кафедры исто-

рии новейшей русской литературы и современного литературного процесса филологического факультета МГУ (А.М. Высочанской, А.В. Грешиловой, Е.В. Жуйковой, А.А. Семиной и А.А. Токарева), продемонстрировавший необходимость освоения наукой о литературе интернет-пространства и обозначивший те возможности и недостатки, которые оно обуславливает.

Конференция помогла обобщить научные результаты, накопленные отечественной и мировой литературоведческой русистикой за последние годы, позволила участникам составить представление о переходных процессах в методологии в современной филологической науке и их закономерностях, определила новые пути изучения русской литературы XX – начала XXI в., а также способствовала интеграции знаний и практического взаимодействия российских и зарубежных специалистов-литературоведов. Материалы конференции были опубликованы в сборнике «VI Международная научная конференция “Русская литература XX–XXI веков как литературный процесс (проблемы теории и методологии изучения)”» (Москва, 2018), который размещен на сайте кафедры истории новейшей русской литературы и современного литературного процесса.

Anastasiya Nazarova

**VI INTERNATIONAL SCIENTIFIC CONFERENCE
“20–21 CENTURY RUSSIAN LITERATURE
AS A LITERARY PROCESS:
PROBLEMS OF THEORY AND METHOD”**

*Lomonosov Moscow State University
1, Leninskie Gory, Moscow, 119991*

This is a review of the VI International scientific conference “20–21 century Russian literature as a literary process: Problems of theory and method” at the Faculty of Philology of Lomonosov Moscow State University on December 18–19, 2018. The conference hosted two plenary sessions and 8 sections discussing a wide range of issues related to current problems of modern literary studies. The conference helped to summarize scientific results accumulated by Russian and world literary studies in recent years which enabled the participants to get an idea of the transition processes in the methodology of modern philological science.

Key words: literary studies; literary process; Russian literature; methodology; style paradigms; artistic value; creative connections.

About the author: *Anastasiya Nazarova* – PhD, Teaching Fellow, Department of the History of Contemporary Russian Literature and Modern Literary Process, Faculty of Philology, Lomonosov Moscow State University (e-mail: raznastas@gmail.com).

Д.Ю. Сырысева

**КРУГЛЫЙ СТОЛ «ПОКОЛЕНИЕ 1899 ГОДА
(А.П. ПЛАТОНОВ, Ю.К. ОЛЕША И ДР.)»
(ФИЛОЛОГИЧЕСКИЙ Ф-Т МГУ ИМЕНИ М.В. ЛОМОНОСОВА,
10 ДЕКАБРЯ 2019 г.)**

*Федеральное государственное бюджетное образовательное учреждение
высшего образования
«Московский государственный университет имени М.В. Ломоносова»
119991, Москва, Ленинские горы, 1*

Круглый стол «Поколение писателей 1899 года (А.П. Платонов, Ю.К. Олеша и др.)» был проведен кафедрой истории новейшей русской литературы и современного литературного процесса филологического факультета МГУ 10 декабря 2019 г. 1899 год особенно значим для культуры XX в.: именно на рубеже столетий родились, например, Платонов, Олеша, Набоков, Леонов, во многом предопределившие характер развития русской и мировой литературы. В докладах были освещены вопросы как пропедевтического, так и сугубо научного порядка – прежде всего алгоритмы изучения и преподавания прозы, характеризующейся наличием модернистского начала, при рассмотрении которого особую значимость приобретают такие понятия, как орнаментализм, сдвигология, метапозитика. Эти и другие, сегодня уже прочно вошедшие в литературоведческий обиход термины, в университетской науке утвердились благодаря деятельности виднейшего отечественного специалиста в области прозы 1920–1950-х годов проф. Е.Б. Скороспеловой. В работе круглого стола приняли участие ученики Екатерины Борисовны, развивающие и продолжающие ее традиции, что дает основание говорить о существовании «скороспеловской школы», особой традиции анализа и интерпретации художественных текстов. Доклады, звучавшие на круглом столе, убедительно показали, что писателей, подаренных XX столетию предыдущим веком, при всей уникальности каждого из них, объединяет нечто общее – это не только реакция на исторические потрясения, но и ориентация на достижения Серебряного века.

Ключевые слова: 1899 г.; Платонов; Олеша; круглый стол; XX в.

10 декабря 2019 г. кафедрой истории новейшей русской литературы и современного литературного процесса был проведен круглый стол «Поколение писателей 1899 года (А.П. Платонов, Ю.К. Олеша и др.)». Доклады позволили взглянуть на творчество писателей, родившихся в конце XX столетия, с разных точек зрения и обнаружить не только

Сырысева Диана Юрьевна – студентка 2 курса магистратуры кафедры истории новейшей русской литературы и современного литературного процесса филологического факультета МГУ имени М.В. Ломоносова (e-mail: syryseva97@mail.ru).

различия, но и сходство в поэтике – и именно эта неочевидная общность дает основания говорить о поколении писателей 1899 года. Ведущая мероприятие доц. *Н.З. Кольцова* во вступительном слове подчеркнула, что предложенные докладчиками темы развивают и продолжают особую традицию анализа художественных текстов, заложенную доктором филологических наук, профессором Екатериной Борисовной Скороспеловой, традицию, которая, с точки зрения ведущей, может быть охарактеризована как «скороспеловская школа».

Круглый стол открыло размышление «Опыт работы над биографией А.П. Платонова» проф. *А.Н. Варламова* (Лит. ин-т им. А.М. Горького). Исследователь отметил наличие парадокса: несмотря на то что Платонов – «культовая» фигура для филологов, в изучении его наследия по-прежнему остается много лакун – возможно потому, что ни одна из существующих биографий не дает исчерпывающих ответов на загадки личности и судьбы писателя. С точки зрения А.Н. Варламова, Платонов – это «классический» рабочий, большевик и максималист, на протяжении всей своей жизни не сомневавшийся в идеалах революции, но, безусловно, не могущий не замечать всего того страшного и уродливого, что сопутствовало воплощению революционной мечты.

Профессор *М.М. Голубков* в докладе «Писательское поколение 1899 года: дар уходящего столетия будущему веку» рассказал о литературных циклах, литературных столетиях и указал на мистическую связь, обусловленную датами рождения художников слова. Так, если 1799-й дарует следующему веку гений А.С. Пушкина, то 1899-й приносит гении А. Платонова, Ю. Олеши, Л. Леонова, В. Набокова. Эти писатели открывают в русской литературе XX в. новое явление, которое Е.Б. Скороспелова назвала *неклассической прозой*. Исследователь отметил, что особый сложный язык А. Платонова, орнаментализм Ю. Олеши, игра со словом В. Набокова и сложная философская проблематика произведений Л. Леонова предопределили характер литературного развития всего XX в. и в значительной степени повлияли на него. В докладе также были сопоставлены романы В. Набокова «Защита Лужина» и Л. Леонова «Вор», был показан сложный художественный диалог писателей.

Профессор *И.Б. Ничипоров* в докладе «Русский роман 1910–1920-х годов в прочтении А. Солженицына» рассмотрел статьи А. Солженицына из «Литературной коллекции», посвященные творчеству таких писателей, как Андрей Белый («“Петербург” Андрея Белого»), Борис Пильняк («“Голый год” Бориса Пильняка»), Леонид Леонов («Леонид Леонов – “Вор”»), Евгений Замятин («Из Евгения Замятина»), посевывая на тот факт, что данные работы слабо задействованы в практике университетского преподавания. Исследователь, анализируя подходы

А. Солженицына к рассмотрению творчества каждого писателя, отметил, с одной стороны, лингвистический анализ средств и приемов, а с другой стороны, взгляд художника, не прощающего своим героям-писателям любые отступления от художественной правды.

В докладе преподавателя *Д.В. Кротовой* «Проблема смысла жизни в романе А. Платонова “Счастливая Москва”» было показано, что смысл человеческой жизни заключается в счастье, которое большинством персонажей романа понимается как благо – но не для себя, а для других. Исследовательница, ссылаясь на научные труды Е.Б. Скороспеловой, М.М. Голубкова, охарактеризовала Платонова как художника модернистского сознания, для которого приоритетным оказывается осмысление не конкретно-исторического плана, а бытийного, онтологического. Исследовательница пришла к выводу, что Платонов не только повествует о советской действительности, но и рассуждает о том, что реальность, которая воспринимается героями сквозь призму высоких идей, зачастую далека от идеала.

Доклад ст. преподавателя *Е.А. Калининой* «Визуальный опыт как отправная точка для выбора стратегии письма (на материале «Зависти» Ю. Олеши и «Театрального романа» М. Булгакова)» был посвящен исследованию влияния зрительского опыта художника слова на выбор стратегии письма. Докладчица рассмотрела как различные оптические приемы писателя, так и многочисленные описания оптических приборов в тексте произведения: так, в романе «Зависть» используются и фотографическая техника «нового видения», и «ракурсы Родченко», и многочисленные описания бинокля, зеркал, с помощью которых преобразуется не только окружающий героя мир, но и вся реальность. В «Театральном романе», как отметила исследовательница, можно видеть не столько оптический прибор, сколько результат его работы – фотографию.

Ст. преподаватель *Л.Н. Некрасова* в докладе «“Теплая тишина тьмы”: знаки телесного кода в прозе Андрея Платонова» размышляла о том, как перцептивная лексика, связанная со сферой телесности, становится средством выражения важных для А. Платонова идей. Исследовательница показала на примерах из таких произведений Платонова, как «Чевенгур», «Котлован», «Счастливая Москва», «Душа мира», как писатель в создании литературных образов реализует возможности, представленные или потенциально заложенные в языке.

Аспирант *Д.Л. Куликова* в докладе «“Странствия и приключения Никодима Старшего” А.Д. Скалдина как онейрический роман» рассмотрела различные подходы к рассмотрению онейросферы в литературоведении и охарактеризовала художественную сновидческую природу романа А.Д. Скалдина.

Доцент *Н.З. Кольцова* в своем докладе «Литературные и фольклорные традиции в творчестве Андрея Платонова» показала, что страшный и мрачный мир Платонова берет свое начало в кромешном мире морока, о котором писали Д.С. Лихачев и А.М. Панченко в книге «Смеховой мир Древней Руси». Фольклорные традиции, а именно связь с кумулятивной сказкой, дали исследовательнице возможность для сопоставления поэмы Н.А. Некрасова «Кому на Руси жить хорошо» и платоновского «Чевенгура».

Аспирант *Лю Мьявэнь* в докладе «А. Платонов и В. Шкловский: история взаимоотношений» рассказал о творческих отношениях между А. Платоновым и В. Шкловским. Исследователь отметил, что двух писателей сближает любовь к философу В.В. Розанову. Однако если Шкловскому интересны эксперименты Розанова в области формы, то Платонову близки розановское мировоззрение и мирочувствование.

В докладе магистранта 2 курса *Д.А. Бережного* «О структуре бабелевского сравнения (на материале “Конармии”）」 рассматривался единый принцип, по которому устроены сравнения в произведениях И. Бабеля, а именно принцип диссонирующего катахретического сравнения.

Прозвучавшие на круглом столе доклады убедительно показали, что писателей, подаренных XX столетию предыдущим веком, при всей уникальности каждого, объединяет нечто общее – не только реакция на исторические потрясения, но и ориентация на достижения Серебряного века.

Diana Syryseva

**THE ROUND TABLE ‘THE GENERATION
OF WRITERS OF 1899 (ANDREY PLATONOV,
YURY OLESHA AND OTHERS)’**

*Lomonosov Moscow State University
1, Leninskie Gory, Moscow, 119991*

The paper overviews the round table ‘The Generation of Writers of 1899 (A.P. Platonov, Yu.K. Olesha, etc.)’ organized by the Department of Contemporary Russian Literature and Modern Literary Process, Faculty of Philology, Lomonosov Moscow State University. The year 1899 became outstanding for the culture of the entire 20th century. This is when A.P. Platonov, Yu.K. Olesha, V.V. Nabokov, and L.M. Leonov were born. These masters of letters not only discovered and developed new techniques, but also largely determined the nature of further development in Russian literature. The guest of honour at the Round Table was Professor Ekaterina Skorospelova, a prominent researcher and lecturer. She shared some valuable ideas.

It was her last appearance, as she passed away on January 28, 2019. In her book *20th century Russian Prose: From A. Bely (Petersburg) to B. Pasternak (Doctor Zhivago)* one can learn much about ornamental prose, neomythologism, magical realism, tale, and non-classical prose. These concepts, introduced into Russian literary studies rather late, are still of great importance for philologists.

Key words: 1899; A. Platonov; Yu. Olesha; Round table; review; 20th century Russian literature.

About the author: *Diana Syryseva* – PhD student, Department of Contemporary Russian Literature and Modern Literary Process, Faculty of Philology, Lomonosov Moscow State University (e-mail: syryseva97@mail.ru).

ЮБИЛЕИ

М.Н. Белова

ЕЛЕНА ВАСИЛЬЕВНА ТИМОНИНА

Федеральное государственное бюджетное образовательное учреждение высшего образования

«Московский государственный университет имени М.В. Ломоносова»

119991, Москва, Ленинские горы, 1

Статья посвящена научной и педагогической деятельности старшего преподавателя кафедры славянской филологии филологического факультета МГУ Елене Васильевне Тимониной.

Ключевые слова: Е.В. Тимонина; болгаристика; грамматика болгарского языка; трудности перевода; синхронный перевод.

10 марта 2020 г. исполнилось 70 лет нашей коллеге и учителю, старшему преподавателю кафедры славянской филологии, заслуженному преподавателю Московского университета Елене Васильевне Тимониной.

Профессиональный путь Елены Васильевны тесно связан с кафедрой славянской филологии филологического факультета МГУ имени М.В. Ломоносова. Здесь она обучалась практическому болгарскому языку у Р.П. Усиковой, а затем у Н.В. Котовой и М. Янакиева. В годы учебы Е.В. Тимониной на факультете были открыты Высшие курсы синхронного перевода, задачей которых было воспитание переводчиков-синхронистов со славянских языков на русский и другие славянские языки. Кроме получения практических навыков студенты знакомились с теорией синхронного перевода. Одним из педагогов, читавших общие дисциплины, был выдающийся переводчик и теоретик синхронного перевода Г.В. Чернов. В 1973 г. Е.В. Тимонина закончила филологический факультет МГУ, а в 1975 г. Высшие курсы синхронного перевода при филологическом факультете МГУ, в том же году начала преподавать на кафедре славянской филологии.

Вот уже 45 лет Елена Васильевна обучает будущих славистов, русистов, византинистов и студентов других специальностей практическому болгарскому языку, читает курс теоретической грамматики

Белова Мария Николаевна – кандидат филологических наук, старший преподаватель кафедры славянской филологии филологического факультета МГУ имени М.В. Ломоносова (e-mail: blinovam@mail.ru).

болгарского языка, ведет спецкурсы по письменному (художественному), последовательному и синхронному переводу. Е.В. Тимонина учит студентов искать переводческие решения и успешно справляться с трудностями перевода, обсуждает со студентами и магистрантами особенности делового и разговорного стиля, актуальные вопросы болгаристики и балканистики, а в последние годы преподает также курс «Культура Болгарии». Кроме работы на филологическом факультете около 20 лет Е.В. Тимонина преподавала болгаристические дисциплины в Академии славянской культуры в Москве.

Внимание Елены Васильевны к формированию у студентов переводческих навыков на ранних стадиях освоения языка привело и к тому, что она выступила одним из идейных вдохновителей и создателей конкурса художественного перевода, который вот уже 20 лет проводится на филологическом факультете МГУ и за эти годы из небольшого мероприятия в рамках университета превратился в ежегодное событие с широкой аудиторией из разных городов России, состоящей не только из студентов, магистрантов и аспирантов вузов, но и всех любителей перевода, изучающих болгарский язык самостоятельно или на языковых курсах. Благодаря усилиям Е.В. Тимониной переводческий конкурс приобретает все более гибкие формы, в нем могут проявить себя как начинающие, изучающие язык всего год или несколько лет, так и молодые участники, хорошо владеющие языком и уже успевшие показать себя на переводческом поприще. Конкурс перевода является одним из любимых детищ Елены Васильевны и, как бы ни складывались внеучебные обстоятельства, он проводится ежегодно и вызывает немалый интерес у студентов, магистрантов и аспирантов и служит объединяющим фактором для болгаристов разных вузов.

Увлеченность Е.В. Тимониной работой с самой юной аудиторией реализуется также в ее участии в дистанционных интернет-олимпиадах по славистике для школьников, которые стали уже ежегодным событием на филологическом факультете МГУ. Е.В. Тимонина активно участвует и в формировании общей стратегии проведения олимпиад, и в составлении заданий, которые позволили бы школьникам развить интерес к славистике, проявить способность к филологическому анализу, узнать что-то новое в процессе участия в олимпиаде.

Сейчас Е.В. Тимонина является моей старшей коллегой, она всегда готова поддержать, направить и посоветовать. С ней легко и продуктивно удастся решать любые учебные, организационные и просто человеческие вопросы. Мне довелось также быть студенткой Е.В. Тимониной и познакомиться с ней как с преподавателем в студенческой аудитории. Воспоминания об общении с Еленой Васильевной в студенческие и аспирантские годы остались исключительно

светлые. Оставаясь требовательной к предмету, Елена Васильевна создает доброжелательную атмосферу в аудитории, готова выслушать студентов, поддержать и направить, стимулировать интерес студентов к предмету, к переводческой деятельности. Елена Васильевна всегда ищет возможность помочь всем студентам и магистрантам, и не только болгаристам, но и студентам других специальностей, изучающим болгарский язык; помогает побывать на языковой практике в Болгарии и расширить свои знания о стране изучаемого языка.

Важным результатом работы любого педагога служит то, что его студенты выбирают делом своей жизни то, чему обучились в университетских стенах. Среди учеников Елены Васильевны немало преподавателей болгарского языка, работающих на самом высоком уровне – на Высших курсах иностранных языков в МИД РФ, в Болгарском культурном институте в Москве. Многие из ее учеников выбрали дипломатическую и переводческую карьеру или посвятили себя научной болгаристике.

Научные интересы и работа Елены Васильевны не ограничиваются болгаристикой. Она является активным сотрудником Отделения дополнительного образования при филологическом факультете МГУ, участвуя в регулярной организации Летних школ для учителей русского языка и литературы в МГУ. Она входила в состав организационного комитета двух Всероссийских съездов учителей русской словесности и 21-й Фулбрайтовской гуманитарной летней школы «Творческое письмо и новые профили гуманитарного образования» (27–29 августа 2018 г.). Благодаря своему организаторскому таланту, умению по-деловому и быстро решать возникающие при проведении международных конференций и симпозиумов вопросы технического характера Е.В. Тимонина – неперенный член организационных комитетов, готовящих эти славистические мероприятия, как на кафедре славянской филологии, так и на факультетском уровне.

Можно смело сказать, что Елена Васильевна Тимонина служит примером лучших университетских традиций в наше время, и хочется надеяться, что эти традиции будут продолжаться и в будущем. Желаем Елене Васильевне здоровья и дальнейших педагогических успехов!

Список литературы

1. Тимонина Е.В., Мартынова Г.А. Болгарско-русский и русско-болгарский словарь. М.: Русский язык Медиа, 2004. 536 с.
2. Тимонина Е.В., Ржанникова О.А. Перевод художественного текста на русский язык: некоторые проблемы обучения студентов-болгаристов // Язык. Сознание. Коммуникация. Вып. 38. М.: Макс-Пресс, 2009. С. 183–192.
3. Тимонина Е.В. 15 лет студенческому конкурсу художественного перевода с болгарского языка на русский // Stephanos. 2015. № 4 (12). М.: Филологический факультет МГУ имени М.В. Ломоносова. С. 165–168.

Maria Belova

70TH ANNIVERSARY OF DR. ELENA TIMONINA

*Lomonosov Moscow State University
1, Leninskie Gory, Moscow, 119991*

The article celebrates Elena Timonina, Senior Teaching Fellow of the Department of Slavic Philology of the Faculty of Philology at Lomonosov Moscow State University.

Key words: Elena Timonina; Bulgarian; grammar of the Bulgarian language; translation difficulties; simultaneous translation.

About the author: *Maria Belova* – Senior Teaching Fellow, of the Department of Slavic Philology, Faculty of Philology, Lomonosov Moscow State University (e-mail: blinovam@mail.ru).

References

1. Timonina E.V., Martynova G.A. *Bolgarsko-russkij i russko-bolgarskij slovar'*. Moscow: *Russkij jazyk Media*, 2004, 536 p. (Russ.)
2. Timonina E.V., Rzhannikova O.A. *Perevod hudozhestvennogo teksta na russkij jazyk: nekotorye problemy obuchenija studentov-bolgaristov*. In: *Jazyk. Soznanie. Kommunikacija*. Vol. 38. M.: Maks-Press, 2009, pp. 183–192 (Russ.)
3. Timonina E.V. *15 let studencheskomu konkursu hudozhestvennogo perevoda s bolgarskogo jazyka na russkij*. In: *Stephanos*, № 4 (12), Moscow: The Philological fakulty of the Moscow State University Publ., 2015, pp. 165–168. (Russ.)

ПАМЯТИ...

М.В. Михайлова, М.С. Руденко

СЕРГЕЙ ИВАНОВИЧ КОРМИЛОВ

*Федеральное государственное бюджетное учреждение высшего образования
«Московский государственный университет имени М.В. Ломоносова»
119991, Москва, Ленинские горы, 1*

Ушел из жизни Сергей Иванович Кормилов, профессор филологического факультета МГУ, замечательный ученый, историк русской литературы XIX–XX вв., стиховед, член редколлегии журнала «Вестник Московского университета. Серия 9. Филология».

Ключевые слова: Сергей Иванович Кормилов; история русской литературы; стиховедение.

20 июня 2020 года не стало Сергея Ивановича Кормилова, одного из самых блестящих профессоров филологического факультета МГУ, чистого и честного человека.

В течение многих лет он читал курс русской (советской) критики, вроде бы не самый захватывающий, но все, кто слышал его из уст Кормилова, никогда не забудут эти удивительные лекции, где органично переплелись история, литература, социология, общественная жизнь страны... Он любил студентов, был внимателен, но и суров к тому, что они писали.

Те, кто имел счастье быть его учеником, помнят, с какой щедростью он делился знаниями, перепроверял каждую мысль, радовался маленьким научным открытиям и дарил свои – большие. Он учил ответственности и особой вьедливости, небрежность оформления и неточность формулировок считал смертным грехом. Но беспощаден был прежде всего к себе. Пошумев и погневавшись, терпеливо правил рукописи, сверял цитаты, приводил в порядок библиографию. Учил ответственности, бескорыстию и научному любопытству и бесконечно делился своими уникальными знаниями. К нему можно

Михайлова Мария Викторовна – доктор филологических наук, профессор кафедры истории новейшей русской литературы и современного литературного процесса филологического факультета МГУ имени М.В. Ломоносова (e-mail: mary1701@mail.ru).

Руденко Мария Сергеевна – кандидат филологических наук, старший преподаватель кафедры истории новейшей русской литературы и современного литературного процесса филологического факультета МГУ имени М.В. Ломоносова (e-mail: liza_rudenko_1996@mail.ru).

было обратиться с любым вопросом и получить исчерпывающий и захватывающе интересный ответ.

О работе Кормилова-редактора надо сказать особо. Счастлив был тот, чью работу правил Сергей Иванович. Тогда можно было быть спокойным, что не будет упущено ни одной запятой, не появится лишней точки, не будут напутаны страницы, а библиография будет выглядеть безукоризненно. Наверное, кому-то это могло показаться придирками. Но это было продолжением его линии служения филологии, где все должно быть честно, точно, выверенно.

Он очень всерьез относился к дням памяти. Помнил все даты – и писателей, и ученых, и коллег. Его отклики были всегда искренни и глубоки, верность – не знала границ и расстояний.

Больше всего он верил в науку – филологию, причем вослед М.Л. Гаспарову – в филологию как нравственность. По его убеждению, литературовед не должен быть человеком безнравственным. И этой истины он придерживался сам еще с тех давних времен, когда редактировал факультетскую газету «Комсомолия». И добытую истину он готов был истово защищать. Недаром он был несравненным знатоком в такой сложнейшей области, как стиховедение, а его книга «Маргинальные системы русского стихосложения» (1995) по сию пору является настольной для тех, кто осмелится погрузиться в эту сферу деятельности.

Сергей Иванович был великолепным теоретиком, но не только. О чем бы он ни писал, ему блестяще удавалось почти всё. В последние годы он увлекся прочитыванием реалий произведений с учетом элементов социальной принадлежности героя, занимаемого им места в табели о рангах. Никто не мог сравниться с Кормиловым в знании чинов, титулов, тех самых «орденов в петличке», о которых с таким упоением говорил грибоедовский Скалозуб. А скольких коллег Сергей Иванович поддержал, отзывавшись рецензиями на выход их книг... Эта была миссия, которую он считал своим долгом выполнять. Но это было и служение филологии: нельзя пропустить книги этого литературоведа, необходимо привлечь к ней внимание, нужно, чтобы она была прочитана. Кормилов был своего рода нравственным камертоном, который активно воздействовал на окружающих. И одной из последних его работ тоже стала статья памяти коллеги-фронтовика, подготовленная для тома о героях Великой Отечественной войны, для чего ему пришлось перечитать всё, написанное ушедшим, чтобы воздать ему должное и как ученому.

Знаменательно, что последней его опубликованной работой стала статья о «Василии Теркине», книге, увековечившей подвиг обычного

русского человека. Таким русским человеком, со всеми его достоинствами и недостатками, и был он сам.

Вечная память Вам, Сергей Иванович...

Maria Mikhailova, Maria Rudenko

SERGEI KORMILOV

Lomonosov Moscow State University

1 Leninskie Gory, Moscow, 119991

This paper pays tribute to the late Professor of Moscow University Sergey Kormilov (06.06.1951 – 20.06.2020), an outstanding scholar in Russian literature and prosody studies, member of the editorial board of the Moscow University Philology Bulletin, and celebrates his life and academic career.

Key words: Sergei Ivanovich Kornilov; history of Russian literature; prosody studies; obituary.

About the authors: *Maria Mikhailova* – Prof. Dr., Department of the History of Contemporary Russian Literature and Modern Literary Process, Faculty of Philology, Lomonosov Moscow State University (e-mail: mary1701@mail.ru); *Maria Rudenko* – Senior Teaching Fellow, Department of the History of Contemporary Russian Literature and Modern Literary Process, Faculty of Philology, Lomonosov Moscow State University (e-mail: liza_rudenko_1996@mail.ru).

Н.Е. Ананьева, Г.П. Тыртова

ВЛАДИМИР ПАВЛОВИЧ ГУДКОВ

*Федеральное государственное бюджетное образовательное учреждение
высшего образования*

«Московский государственный университет имени М.В. Ломоносова»

119991, Москва, Ленинские горы, 1

В статье описывается жизненный и творческий путь известного отечественного сербокroatиста, многолетнего заведующего кафедрой славянской филологии филологического факультета МГУ В.П. Гудкова, скончавшегося 5 августа 2020 г.

Ключевые слова: Владимир Павлович Гудков; сербохорватский язык; славянская филология; заведующий кафедрой.

В Баффало (США) 5 августа 2020 г. на 87-м году жизни после тяжелой непродолжительной болезни скончался выдающийся советский и российский сербокroatист, многолетний заведующий кафедрой славянской филологии Владимир Павлович Гудков. Вся его профессиональная жизнь, начиная с поступления на славянское отделение в 1951 г., была связана с филологическим факультетом и родной кафедрой. Владимир Павлович родился 22 мая 1934 г. в с. Черновское Большеболдинского района Горьковской области в семье учителей. Его отец Павел Иванович Гудков погиб на фронте в начале Великой Отечественной войны. Мать Анастасия Ивановна Клементьева до переезда с сыном в Москву продолжала работать учительницей младших классов. С детства Владимира Павловича интересовала филология и, в частности, особенности того русского говора, на котором говорили в Черновском и окрестных селах. Не удивительно, что после окончания в 1951 г. с серебряной медалью московской средней школы № 411 В.П. Гудков поступает на славянское отделение филологического факультета МГУ. Его учителями в области сербокroatистики были Илья Ильич Толстой и Татьяна Протогеновна Попова. С особой теплотой Владимир Павлович вспоминал также

Ананьева Наталия Евгеньевна – профессор, зав. кафедрой славянской филологии филологического факультета МГУ имени Ломоносова (e-mail: ananeva.46@mail.ru). *Тыртова Галина Павловна* – доцент кафедры славянской филологии филологического факультета МГУ имени М.В. Ломоносова (e-mail: tyrtova58@mail.ru).

участие в семинаре В.И. Чичагова и занятия по болгарскому языку с Н.В. Котовой, с которой его впоследствии связывали дружеские отношения. В 1956–1959 гг. В.П. Гудков преподавал сербохорватский язык в МГИМО МИД СССР на кафедре славянских и угро-финских языков, а с 1959 по 1962 г. учился в аспирантуре при кафедре славянской филологии МГУ. Во время обучения в аспирантуре В.П. Гудков проходил стажировку в университетах Югославии и всегда с благодарностью вспоминал своих сербских наставников – в первую очередь выдающихся лингвистов Павле Ивича и Милку Ивич. В 1964 г. Владимир Павлович защищает кандидатскую диссертацию «Формы будущего времени в сербохорватском языке» (научный руководитель проф. С.Б. Бернштейн). Более 50 лет (с 1962 по 2013 г.) В.П. Гудков трудился на кафедре славянской филологии: вначале в должности преподавателя, с 1969 г. – доцента, а с 1990 по 2010 г. – заведующего кафедрой. За время его руководства кафедра пополнилась новыми членами: доц. О.А. Ржанниковой, доц. Г.П. Тыртовой, доц. Е.И. Якушкиной, ст. преп. С.А. Жук, проф. Н.Н. Стариковой, проф. А.И. Изотовым. В.П. Гудков был талантливым организатором, что проявилось задолго до того, как он возглавил кафедру. Он руководил всеми мероприятиями, проходящими на кафедре: организацией конференций, посвященных юбилеям кафедры, курсами синхронного перевода при кафедре, на которые он сам, будучи переводчиком-синхронистом высшего класса, приглашал для проведения занятий лучших отечественных специалистов. В 1991 г. Владимир Павлович создал и возглавил «Ассоциацию друзей Югославии», успешно и плодотворно работавшую на протяжении 10 лет. В полной мере талант организатора проявился у Владимира Павловича на посту заместителя декана по УМО (Учебно-методическое объединение по филологии).

В.П. Гудков читал все основные курсы по сербокroatистике («Граматику современного сербохорватского языка», «Историю и диалектологию сербохорватского языка»), был автором ряда оригинальных спецкурсов, вел разнообразные спецсеминары, читал курс «Введение в славянскую филологию». Им подготовлено девять кандидатов филологических наук. Многие сотрудники кафедры славянской филологии (и в первую очередь сербокroatисты-лингвисты) являются благодарными учениками Владимира Павловича.

Важной составляющей жизни В.П. Гудкова было научное творчество в области славянского языкознания и истории науки. Около 200 его работ отражают четыре цикла исследовательской деятельности автора. Во-первых, это публикации, посвященные вопросам

грамматики, в частности, морфологическому варьированию в сербохорватском языке. Для сербистов особую ценность представляет опубликованный в 1969 г. грамматический очерк «Сербохорватский язык», а также статьи об употреблении инфинитива и конструкции «да + настоящее время». Во-вторых, перу В.П. Гудкова принадлежит ряд статей об этнотерриториальной дифференциации литературного языка сербов и хорватов, в которых он исследует сходство и различия в языке Сербии и Хорватии, изучает особенности литературного языка бошняков. Третье направление, лексикографическое, включает серию статей и монографию «Сербская лексикография XVIII века», которая не только знакомит нас со словарями XVIII в., но и пополняет знания о сербской книжности того времени и ее языке. Четвертый цикл объединяет статьи, посвященные выдающимся ученым-славистам: О.М. Бодянскому, П.А. Кулаковскому, С.М. Кулбакину, А.А. Майкову и др. В качестве одного из авторов В.П. Гудков участвовал в создании коллективной монографии «Славяноведение в дореволюционной России. Изучение южных и западных славян», изданной Институтом славяноведения, и в коллективных очерках истории филологического факультета. В сферу интересов Владимира Павловича входило и изучение жизни и деятельности известных сербских деятелей культуры: Вука Караджича, Йована Раича, Захария Орфелина. Немало ссылок на эти публикации содержится в многотомной «Истории сербского народа», выпущенной в Сербии.

За свою педагогическую и научную деятельность В.П. Гудков был награжден Орденом Дружбы. Он был удостоен премии Головного совета по филологии за труд «Сербская лексикография XVIII века» и югославской награды имени академика Павле Ивича за книгу «Славистика. Сербистика», что свидетельствует о признании заслуг российского сербокroatиста Владимира Павловича Гудкова югославским, а затем сербским филологическим сообществом.

Владимир Павлович был многогранной личностью, настоящим филологом, любящим слово и книгу, подлинным интеллигентом, замечательным отцом и дедом. До последних дней своей жизни он интересовался делами кафедры и факультета, помогал благожелательными советами в письмах или во время телефонных бесед. Нам всем будет очень не хватать его звонков и посланий с многочисленными фотографиями (еще одно увлечение Владимира Павловича). Но мы всегда будем помнить о выдающемся сербокroatисте, талантливом организаторе и замечательном человеке Владимире Павловиче Гудкове. Светлая ему память!

Основные публикации В.П. Гудкова

1. К вопросу о будущем времени в современном сербохорватском литературном языке // Славянская филология. М., 1963. Вып. 4. С. 78–97.
2. Сербохорватский язык. Грамматический очерк, литературные тексты с комментарием и словарем (Языки мира. Серия пособий / Под ред. Р.А. Будагова и Н.С. Чемоданова. Вып. 7). М.: Изд-во Моск. ун-та, 1969. 168 с.
3. Карманный сербохорватско-русский словарь: 10 000 слов. 3-е изд., переработ. и доп. М.: Русский язык, 1985. 432 с.
4. Книжно-письменный язык у сербов в XVIII – начале XIX в. // Формирование наций в Центральной и Юго-Восточной Европе. Исторический и историко-культурный аспекты. М., 1981. С. 135–150.
5. Сербская лексикография XVIII века. М., 1993. 177 с.
6. Славистика. Сербистика: Сб. статей. М.: Изд-во Моск. ун-та, 1999. 208 с.
7. Исследование частных вопросов истории славянских языков: Сб. науч. трудов. М.: Изд-во Моск. ун-та, 2007. 124 с.
8. Грамматические очерки: Сб. научных трудов // Славистическое общество Сербии. Белград, 2013. 189 с.

Natalya Ananyeva, Galina Tyrtova

VLADIMIR GUDKOV

Lomonosov Moscow State University

1, Leninskie Gory, Moscow, 119991

This paper pays tribute to the late Serbokroatist, long-time head of the Department of Slavic Philology at the Faculty of Philology, Moscow University, Dr. Vladimir Gudkov and celebrates his life and academic career.

Key words: Vladimir Pavlovich Gudkov; Serbo-Croatian language; Slavic Philology; head of the Department.

About the authors: *Natalya Ananyeva* – Prof. Dr., Head of the Department of Slavic Philology, Faculty of Philology, Lomonosov Moscow State University (e-mail: ananeva.46@mail.ru); *Galina Tyrtova* – Associate Professor, Department of Slavic Philology, Faculty of Philology, Lomonosov Moscow State University (e-mail: tyrtova58@mail.ru).

References

1. К вопросу о будущем времени в современном сербохорватском литературном языке. In: Slavyanskaya filologiya. M., 1963. Vyp. 4, pp. 78–97.
2. Serbohorvatskij yazyk. Grammaticheskij ocherk, literaturnyye teksty s kommentariyami i slovarjom (Yazyki mira. Seriya posobij. Pod redakciej R.A. Budagova i N.S. Chemodanova. Vyp. 7). M.: Izdatelstvo Moskovskogo universiteta, 1969. 168 p.
3. Karmannyj serbskohorvatsko-russkij slovar: 10000 slov. Izd. 3-e, pererabot.i dop. M., Russkij yazyk. 1985. 432 p.

4. Knizhno-pismennyj yazyk u serbov v XVIII – nachale XIXv. In: Formirovanie nacij v Centralnoj i Yugovostochnoj Evrope. Istoricheskij i istoriko-kulturnyj aspekty. M., 1981, pp. 135–150.
5. Serbskaya leksikografiya XVIII veka. M., 1993. 177 p.
6. Slavistika. Serbistika. Sb. Statej. M., Izdatelstvo MGU, 1999. 208 p.
7. Issledovanie chastnyh voprosov istorii slavyanskih yazykov. Sb. nauchnyh trudov. M., Izdatelstvo MGU, 2007. 124 p.
8. Grammaticheskie ocherki. Sb. nauchnyh trudov. In: Slavisticheskoe obshestvo Serbii. Belgrad, 2013. 189 p.

ISSN 0201–7385

ISSN 0130–0075

ИНДЕКС 71009 (каталог «Роспечать»)

ИНДЕКС 39330 (каталог «Пресса России»)

ISSN 0201-7385. ISSN 0130-0075

ВЕСТН. МОСК. УН-ТА. СЕР. 9. ФИЛОЛОГИЯ. 2020. № 5. 1–240.